П. ЛЯЩЕНКО

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

ДОПУЩЕНА НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕКЦИЕЙ ГУС'а, В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ДЛЯ ВУЗ'ов.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД 1926

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Хлебные тарифы и жел.-дор. перевозки. Спб. 1910.

Последний секретный комитет по крестьянскому делу. По докум. Арх. Гос. Сов. Спб. 1911. 56 стр.

Хлебная торговля на внутренних рынках Европ. России. Спб. 1912. XI+656 стр.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч. I. Спб. 1913. 724 стр.

Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии. Спб. 1915. 293 стр.

Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика, ч II. Томск. 1917. 146 стр.

А. Смит. Сокращ. перевод со вступительной статьей. Пет. 1923, изд. «Прибой».

Очерки аграрной эволюции в России, т. I. Ленинград. 1925, 4-ое изд. «Прибой».

Экономика торговли. М. 1925 г. 316 стр.

Оставшиеся в продаже экземпляры имеются на складе издательства «Прибой».

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
700
26

Ленинградский Гублит № 7484. Печ. 8.000 экз.—21 л. Заказ № 252.

Государственная типография им. тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая ул., 14.

ОТ АВТОРА.

Настоящий курс «Истории политической экономии и социализма» составился из университетских лекций, читанных автором в 1913—22 г.г., записанных и изданных в первом издании студентами в 1918 году. Хотя настоящее третье издание подвергнуто некоторой переработке, тем не менее курс сохраняет свое прежнее основное назначение в качестве пособия к лекциям, притом добавочного к другому курсу теоретической политической экономии. Этим об'ясняется система, характер и об'ем изложения, которое начинается лишь с эпохи меркантилизма и включает лишь главных представителей западной экономической науки, оставляя в стороне авторов, менее важных для развития экономической доктрины, а также всех вообще представителей русской экономической мысли. В связи с той же целью и указания литературы ограничиваются лишь самыми основными и доступными пособиями, которыми слушатели могли бы пополнить недостаточность изложения.

Тем не менее можно предполагать, что, вследствие отсутствия у нас новейших руководств по истории политической экономии, предлагаемый курс мог бы явиться и начальным пособием для самообразования лиц, желающих систематически заняться изучением политической экономии.

Проф. *П. Лященко.*

ВВЕДЕНИЕ.

Среди предметов академического преподавания экономических наук обыкновенно выделяется и получает особое значение курс истории экономических учений. Поэтому, приступая к этому курсу, прежде всего необходимо выяснить, почему история экономических учений должна выделяться в особый курс, почему кроме теории политической экономии необходимо еще изучать и историю развития экономической мысли, историю экономических учений. Не следует, конечно, думать, что история политической экономии заключается в простом хронологическом отчете и обзоре авторов, писавших когда-либо по вопросам экономических наук. Если бы мы стали на такую точку зрения, то изучение истории экономических учений получило бы совершенно бесплодный характер. Мы получили бы нечто вроде сборника рецензий, которые не дали бы ничего для разрешения тех проблем, которыми занимается политическая экономия. История политической экономии и ее идей не может быть для нас самоцелью, а должна быть лишь средством познания теории экономии. Она является *историческим методом* разрешения основных проблем политической экономии, средством для выработки общего социально-экономического познания и миросозерцания.

Главной и конечной идеей политической экономии является социально-экономический вопрос и его разрешение. Поэтому ее история становится историей идей разрешения социально-экономического вопроса. Конечно, идеи в экономической науке не зарождаются самопроизвольно. Они представляются результатом того или иного экономического строя, и развитие их находится в тесной связи с экономической действительностью, с экономическим бытом, с теми экономическими отношениями, которые создаются в ту или иную эпоху в экономической жизни и в которых заключается сущность социального вопроса этой эпохи.

В чем же заключается сущность социального вопроса, как его ставит и разрешает политическая экономия? В конечном счете социальный вопрос заключается в *экономической борьбе классов.* В общем и целом, эта экономическая борьба классов проявляется во все эпохи, как борьба вообще экономически угнетенных общественных групп с их экономическими угнетателями. «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье—словом, угнетатель и угнетенный питали друг к другу вечную вражду и вели

непрерывную войну»... Но с дальнейшей диференциацией общества и закреплением его *классовой структуры*, эта борьба получает особенно законченный и определенный чисто-классовый характер. При различных формах и стадиях экономического быта и развития производительных сил общества, эта классовая борьба происходит в различных формах. На протяжении истории мы встречаем различные виды расчленения общества на классы и историческую смену их. Первоначально мы видим класс духовенства и класс светской земельной аристократии, потом промышленный класс, буржуазию, и, наконец, на арену социальной борьбы выступает класс рабочих. Каждый класс, выступая на арену общественной жизни и вступая в войну с господствующим классом, стремится к тому, чтобы его интересы были сначала признаны обществом и общественным миросозерцанием, а затем уже, чтобы его интересы стали господствующими. Поэтому-то эта борьба общественных классов и заканчивается обыкновенно «либо коренным переустройством всего общества, либо гибелью обоих борющихся классов» (Маркс), в зависимости от того, насколько экономические условия и развитие производительных сил созрели для осуществления новых требований.

Понятно поэтому, что и самое содержание классовой борьбы представляется для различных эпох неодинаковым, так как каждый класс вносит в социальную историю свои особые интересы и свои идеалы устройства общества и общественных отношений. Первоначально, накануне зарождения современного буржуазного общества, эта борьба выражалась в борьбе за земельную собственность, которую ведет светская земельная аристократия за монопольное право распоряжения и обладания землей, как основной материальной базой производства и эксплуатации трудящегося. Затем выступает промышленный класс, буржуазия, который стремится воплотить в общественную жизнь и миросозерцание признание своих интересов — свободу промышленной конкуренции, свободу экономической жизни от опеки государства и формальную свободу экономических взаимоотношений работодателя-капиталиста и трудящегося. Наконец, выступает класс рабочих, который выдвигает новые условия и новые идеи социальной борьбы, напр. идею отрицания частной собственности на средства производства, идею о праве трудящегося на полный продукт труда, идею отрицания самого классового общества вообще и т. д. В зависимости от тех интересов, которые выдвигает и стремится осуществить тот или иной класс, складывается известная общественная идеология, складываются проекты разрешения социального вопроса, назревают и вырабатываются известные социальные отношения согласно духу эпохи.

Понятно, что между идеологией всех вообще классов, сменявшихся до сих пор в истории классового общества, и идеологией пролетариата существует коренное различие. Все вообще классы, стремясь к собственному классовому господству, не только не отрицали, но, наоборот, укрепляли идею классового общества вообще. Наоборот,

«пролетариат воспользуется своим политическим господством для того, чтобы постепенно вырвать из рук буржуазии весь капитал, концентрировать все средства производства в руках государства, т.-е. организованного в господствующий класс пролетариата», т.-е. для того, чтобы изменить всю экономику общества. В результате, «если пролетариат в своей борьбе против буржуазии организуется в класс, достигнет классового господства и, в качестве господствующего класса, уничтожит старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожит также и условия существования антагонизма классов, уничтожит самые классы, а вместе с тем и свое собственное классовое государство» («Коммун. манифест»). Другими словами, социальный вопрос будет разрешен, вместе с чем закончена будет и история идеологий в разрешении социального вопроса, история экономических учений.

Таким образом, история социального вопроса является историей социальной классовой борьбы, а история экономических учений изучает, каким образом социальный вопрос идеологически разрешался в известной экономической среде в рамках классового общества, или выходя из них, с точки зрения известных классовых отношений, господствующих в той или иной эпохе, т.-е. каким образом складывалась и создавалась известная общественная идеология, и в каких материальных, экономических условиях существования общества она имела и находила источники своего возникновения.

В связи с этим и всю вообще «историю идеологий» в разрешении социального вопроса можно разделить на две группы течений—течений «буржуазной» экономической мысли, ставившей и разрешавшей социальный вопрос в пределах классового общества, и течений «социалистической» экономической мысли, для которой разрешение социального вопроса в рамках классового общества невозможно, и для такого разрешения требуется коренное преобразование общественного строя.

С какого же момента мы должны начать изучение истории идей политической экономии? Казалось-бы, что мы должны начать это изучение с того времени, когда возник вообще социальный вопрос, т.-е. с момента разложения первобытного общества и возникновения классового общества. Но в действительности политическая экономия только в последнее время приобрела широкий социологический характер и значение особой теоретической науки, подводящей научный фундамент материального, экономического об'яснения законов и хода общественного развития. Поэтому изучение истории политической экономии мы можем начать лишь с того времени, когда политическая экономия уже сформировалась в особую науку и задалась целью разрешения социального вопроса, как проблемы, в основе своей экономической.

Политическая экономия, как особая наука, выделилась с начала XVIII века, когда определились предмет и задача ее и выработался особый метод ее изучения. С этого же времени начинает особенно резко обнаруживаться и классовый состав общества и его экономическая база, особенно в связи с развитием капитализма. Традиционное деление систем политической экономии, которое выдвинул

А. Смит, заключается в том, что первой экономической системой в науке о народном хозяйстве является *система меркантилизма,* затем система *физиократов* и, наконец, *промышленная* система, начало которой положил А. Смит. Это деление в настоящее время не может считаться полным, так как дальнейшее развитие экономической жизни и науки выдвинуло новые системы экономических учений. Так, прежде всего, возникла «*национальная система* политической экономии», которая, в противовес универсальной промышленной системе, выдвинула особую национальную идею в экономической жизни каждого народа. Вместе с тем развитие экономической жизни и мысли выдвинуло новую экономическую научную систему — научного *социализма.* Каждая из этих систем различным образом разрешала социальный вопрос своего времени и всю, вообще, социальную проблему в целом.

Система меркантилизма кладет в разрешение социального вопроса ту идею, что это разрешение зависит от «народного богатства», которое, в свою очередь, зависит от денег и торговли. Такое разрешение социального вопроса с точки зрения достижения народного богатства путем накопления денег, развития торговли и путем денежной и торговой политики является основной чертой этой системы. Своим правилам и нормам меркантилизм придавал характер универсальности, так как, по его мнению, они одинаково приемлемы и необходимы для всех наций и равно способствуют разрешению социального благополучия во всех странах путем достижения богатства через накопление денег и организацию торговли. Вопросы производственного характера еще не интересуют меркантилизм, и в условиях производства он еще не ищет корней социальной проблемы и ее разрешения.

Столь же универсальной является система физиократов, которая кладет в основу разрешения социального вопроса благосостояние, получаемое через земледельческий труд и земледелие. Этим физиократизм, как научная система, основанная на производственной идее, резко отличается от меркантилизма, как системы торговой. Но корень этих производственных условий, определяющих социальную проблему, физиократизм ищет только в условиях земледельческого производства.

Наконец, третья система политической экономии, по классификации А. Смита, промышленная система является также универсальной и производственной системой. Но она считает источником благосостояния нации уже не только один земледельческий труд, а всякий труд вообще, почему выдвигает требования промышленной свободы, свободы труда, свободы конкурренции и предпринимательства.

Иное содержание кладется в основу системы национальной политической экономии. Эта система возникла под влиянием исторической школы в Германии и разрешает социальный вопрос применительно к тем или иным условиям: историческим, бытовым, национальным данной страны и эпохи. Эта система не является универсальной, и ее задачи практически отличаются от таковых в предыдущих системах, так как ее требования, предпосылки и выводы касаются только определенной страны и эпохи.

Все эти системы об'единяются в том отношении, что разрешение социально-экономического вопроса и об'яснение социальной проблемы они думают найти на почве существующих основных социальных отношений, без коренного изменения общественного строя, т.-е. прежде всего без уничтожения классового строения общества и без уничтожения экономической эксплоатации одного класса другим. Эти системы понимаются поэтому, как системы так. наз. «буржуазной» политической экономии. За последнее время, впрочем, среди этих систем выдвигается новая система, так. наз. «*абстрактной*» политической экономии. Исходя из некоторых универсальных, абстрактных идей (потребность, общее благо и т. п.), эта система пытается дать научные положения, представляющие, по ее мнению, абсолютные, чистые «экономические» идеи, применимые безотносительно во всякой среде и эпохе; научное признание их стоит вне и выше каких-либо практических проблем разрешения социального вопроса. Ниже мы увидим, насколько действительно экономическая мысль этой школы может достигнуть таких «абсолютных» истин. Но, во всяком случае, мы увидим также, что и эти «абсолютные» истины являются лишь теоретическим обоснованием разрешения социального вопроса в духе той же «буржуазной» экономии, как и в классической школе.

В противоположность этим системам и параллельно им, в развитии экономической мысли выдвигаются экономические системы *социализма*, как системы, основанные на универсальной же идее закономерности социального развития, но соединяющие ее с идеей полного преобразования общества в смысле уничтожения его классовой структуры и классовых противоречий, основанных на особых условиях производства и его частнохозяйственной организации. Являясь системой универсальной, система социализма является в то же время и системой исторической, синтезирующей в себе, таким образом, универсализм и производственный характер классической школы с историцизмом исторических школ, но сверх этого добавляя к этим идеям еще и особую, революционную идею преобразования всего общества. В основу своих воззрений на предлагаемое ею разрешение социального вопроса она кладет идею о неизбежности и закономерности такого развития общества, которое должно привести к коренному его преобразованию.

Правда, и в некоторых системах социализма мы встречаемся с учениями «утопическими», т.-е. такими, которые смотрят на разрешение социального вопроса не как на историческую проблему, а как на общую и абсолютную универсальность, могущую найти применение во всякую эпоху, в каждой стране, вне времени и пространства. Чисто же научные системы социализма синтетически об'единяют эти две наиболее плодотворные идеи всего предшествующего развития экономической мысли— универсальную идею производственной базы социально-экономической проблемы и историческую идею закономерности общественного развития.

Литература: Общие руководства и пособия. Чупров. История политической экономии. 3 изд. 1908.—Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма, посм. издание.—Булга-

ков. Очерки по истории экономических учений, в I—II 1913.—Святловский. Очерки по истории политической экономии. 1910.—Федорович. История политической экономии с древнейших времен до А. Смита. 1900.—Миклашевский. История политической экономии. 1909.—В. Штейн. Развитие экономической мысли, т. I. Физиократы и классики 1924. Переводные:—Ш. Жид. История экономических учений. 1915.—Онкен. История политической экономии до А. Смита. 1908.—Л. Штейн. Социальный вопрос с философской точки зрения, 1899.—К. Маркс. Теория прибавочной ценности, в. 1—3, изд. Прибой.

ЧАСТЬ I

БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Меркантилизм.

Рассмотрение систем политической экономии мы начнем с системы меркантилизма. Правда, меркантилизм, как экономическая система, еще не вполне возвысился до степени научной системы.

Он еще не задается разрешением общих вопросов экономического строя. Он еще не выясняет связи между экономическими явлениями, еще не обобщает экономические явления и не возводит рассмотрение их до степени науки. Поэтому, положения меркантилизма сводятся большей частью к рецептуре, к указаниям практического характера, что́ нужно сделать в области экономии, чтобы достигнуть благосостояния нации. Поэтому система меркантилизма еще не может быть признана вполне научной системой.

Но вместе с тем она представляется уже системой, в которой подготовлены основные элементы будущей экономической науки.

По времени эта система возникает в позднюю эпоху средневековья, когда уже разложились основные черты предшествующего экономического строя, характеризовавшиеся господством натурального хозяйства в деревне и мелкого ремесленного хозяйства в городе. Система меркантилизма базируется уже на новых общественных образованиях—на союзе формирующейся крупной городской буржуазии, городского бюргерства, с центральной властью, с владетельными князьями. Меркантилизм является идеологической реакцией против господства феодального строя и направлен на борьбу против экономического и политического преобладания господствующего класса—феодальных земельных собственников.

Образование крупных государственных политических единиц под политическим руководством владетельных князей, вместо прежней феодальной разрозненности, создавало и возможность об'единения разрозненных хозяйственных функций и мелких хозяйственных единиц в общем понятии государственного народного хозяйства. Стеснительные формы феодального быта и феодальной регламентации разлагались. В городах, вместо дробной и мелкой цеховой организации, регулировавшей отношения хозяйственного строя каждого отдельного города, стали возникать новые хозяйственные формы, идеи и потребности. Стала выдвигаться идея необходимости расширения рамок хозяйственной деятельности из пределов изолированного города и узких рамок мелкого ремесленного хозяйства до более широких размеров народного хозяй-

ства и свободы частной предприимчивости. Первоначально эта свобода понималась, однако, не как абсолютная свобода. Изменяется не столько сущность, сколько широта и об'ем регулирующей власти. Контроль над промышленной деятельностью попрежнему признается необходимым, но он переходит от прежних цехов к более широкой власти, к государству. Так как главные импульсы в признании необходимости расширения хозяйственной жизни были выдвинуты рынком и торговлей, то торговля и обращает на себя прежде всего внимание государства в его регламентирующей деятельности. Так возникает экономическая система, которая базируется на вмешательстве государства, ради государственных экономических интересов, в экономическую деятельность, в особенности в область торговли. Отсюда эта система получила название меркантильной, или системы меркантилизма.

Причины, почему торговля и ее вопросы явились центром внимания экономической науки и вместе с тем центром внимания государственной регулирующей деятельности—понятны. Торговля и широкий рынок, которые разрушили натуральный хозяйственный строй деревни и ремесленный строй городов, постепенно стали приобретать все большее значение в хозяйственной жизни вообще. Появляется и постепенно все большее социальное значение получает торговый капитал. Главное внимание экономической мысли и деятельности начинает привлекать к себе вопрос о достижении хозяйственного благополучия под влиянием торговых операций. Так как при рассмотрении вопроса о благосостоянии человека считалось, что оно зависит от денег, от количества драгоценных металлов, имеющихся у него, то отсюда выводили, что и благосостояние нации (которое рассматривали как сумму благосостояния отдельных лиц) сводится к тому, сколько данная нация имеет денег в своем распоряжении. Поэтому система меркантилизма приходит в качестве экономического рецепта к выводу, что вопрос с благосостоянии нации разрешается вопросом о деньгах и о наилучших способах их привлечения в нацию путем правильно проводимой торговли. Торговля является основным источником богатства и благосостояния нации, а деньги являются основной формой для выражения этого благосостояния—таково было идеологическое отражение экономического господства торгового капитала в эту эпоху.

Система меркантилизма получила наибольшее развитие в Англии, как передовой экономической и торговой стране. Политика Англии была основана на том, чтобы согласно идеям меркантилизма построить свою иностранную торговлю и денежные отношения так, чтобы иметь возможность обеспечить себе наибольший прилив в страну денежных богатств. Такое стремление удовлетворялось особой системой мероприятий, получивших в меркантилизме названия систем денежного и торгового баланса.

Система *денежного баланса* заключалась в том, что государство стремилось к возможно широкому приливу монеты в страну и к запрещению ее отлива из страны. Это достигалось рядом мероприятий практического характера. Сюда относится, во-первых, устройство *«складочных*

мест», где производилась и велась иностранная торговля. Первоначально это были просто защищенные места, которые устраивались самими торговцами для склада своих товаров и производства торговых операций. Впоследствии эти места превратились в официально признанные пункты, где должна происходить торговля, например, в виде ярмарок. В этих складочных местах и сосредоточивался контроль государства над торговлей. Уже в XIV веке в Англии и на континенте Европы образуется ряд таких складочных мест, как, напр., Антверпен, Брюгге, Кале и др. В этих местах сосредоточивалась вся иностранная торговля; здесь же велось и наблюдение над производством внешней торговли со стороны государства, в целях задержания отлива из страны денег и привлечения их, наоборот, из других стран. Здесь взимались разные пошлины за ввоз одних товаров в страну или за вывоз других товаров из страны, при чем пошлины взимались драгоценными металлами или иностранными деньгами. Эту иностранную монету предписывалось немедленно сдавать на монетный двор, где она перечеканивалась в английскую монету.

Кроме системы складочных мест, к тем же мероприятиям, клонящимся к накоплению в стране денег, относились, так наз., *«статуты истрачивания»*, по которым всякий иностранец, в'ехавший в страну, должен был при выезде истратить в ней все те деньги, которые он ввез в данную страну. Для наблюдения над исполнением этих статутов иностранцами и для наблюдения над их торговлей назначались особые лица. Каждый иностранец должен был избрать определенное лицо, хозяина, который должен был наблюдать, истратил ли иностранный купец все свои деньги и не вывез ли он монеты из страны. Эти же «хозяева» следили за всеми торговыми оборотами иностранцев и должны были два раза в год заносить результаты своих наблюдений в книги, которые представлялись в казначейство.

Другой прием меркантильной системы сводился к установлению системы *торгового баланса*, заключающейся в том, что правительство стремилось, по возможности, достичь благоприятного отношения между вывозом и ввозом, т.-е. стремилось к тому, чтобы вывоз превышал ввоз, так как благодаря этому также достигалась воможность обогащения страны драгоценными металлами. Система торгового баланса возникла тогда, когда предшествующая денежная система уже не могла удовлетворять поставленной ей цели. Действительно, когда торговля велась на наличные деньги, тогда можно было еще следить с помощью указанных мероприятий за вывозом и ввозом металлов. Но когда торговля стала употреблять другие средства обращения, в виде кредита и векселей, тогда система денежного баланса потеряла всякий смысл, ибо денежные средства исчезли из оборота и заменились векселями и другими бумагами. Пришлось прибегнуть к новой системе торгового баланса и построить целую систему практических мероприятий для достижения поставленной цели, превышения вывоза над ввозом. Были установлены таможенные мероприятия, которыми государство стремилось покровительствовать вывозу и ограничить ввоз продуктов в страну. Вся промышленность и хозяйство ограждались такими таможенными тарифами,

чтобы никакая другая страна не могла конкурировать с туземным производством. Сюда же относятся всевозможные премии за вывоз товаров, с помощью которых государство стремилось, наоборот, вывезти возможно большее количество продуктов из страны.

Общим принципом торгового баланса признавалось правило, что все то, что можно произвести в данной стране, должно в ней производиться, а не ввозиться из другой страны. Поэтому целый ряд предметов запрещался к ввозу. Особенно строго запрещался вывоз таких материалов, которые могли бы способствовать усилению промышленности в других странах, как, напр., вывоз машин. К достижению той же цели направлено было стремление привлечь в свою страну отдельных мастеров из других государств. В то же время, наоборот, запрещалась эмиграция опытных рабочих из страны, чтобы не дать возможности развиться промышленности в другой стране.

Вместе с тем, государство прибегало для достижения своей цели к целому ряду мероприятий внутреннего характера, с помощью которых оно стремилось ограничить потребление иностранных товаров. Так, преследовалась роскошь не столько сама по себе, сколько в отношении тех товаров, которые ввозились; напр., запрещалось употреблять ткани иностранного происхождения и дорогие. Предписывалось, напр., чтобы прислуга носила чулки не дороже 14 пенсов, а ремесленник не мог носить платья из материи дороже двух шиллингов за ярд; обед должен состоять не больше как из двух блюд и т. д. Конечно, такие мероприятия едва ли могли достигнуть своей цели и большей частью оставались лишь на бумаге, тем более, что самые нормы, которые ими устанавливались, были сравнительно высоки.

В тех же целях торгового баланса государство стремилось связать себя с колониями, которые должны находиться в непосредственном торговом единении с метрополией. Стремились, чтобы ввоз сырья из колоний в данное государство не служил целям других государств. Появляются такие акты, как «навигационный акт» Кромвеля (1651 г.), которым предписывалось, что английские колонии должны непременно сбывать свое сырье в Англию и все суда, перевозящие его, должны быть английскими, все купцы должны быть английскими подданными и т. п.

Ясно, что такая система, раз она применялась целым рядом государств, как Англия, Голландия, Франция и другие, вела к возникновению ожесточенной экономической борьбы между ними, а таможенная борьба часто кончалась военными столкновениями. Во избежание трений и столкновений на почве запрета ввоза или вывоза, государства начинают отказываться от системы исключительных запретов и прибегать к системе торговых договоров, которыми разрешались вопросы о покровительстве местной промышленности, запрете вывоза товаров и т. д.

Таким образом, система меркантилизма представляет из себя систему мероприятий практической экономической политики. Она еще не ставит вопроса о сущности и принципах хозяйственной жизни вообще, а рассматривает отдельные экономические явления и разрешает их лишь

17

с точки зрения тех или иных необходимых конкретных мероприятий. Внутренняя связь отдельных явлений еще мало обобщалась в умах представителей тогдашней экономической науки. Но, тем не менее, наблюдения некоторых отдельных явлений начинает наталкивать мыслителей того времени и на изучение внутренней связи между ними. Так была замечена связь между видимым народным благосостоянием и торговлей и т. д. В литературе намечается уже то или иное обобщение вопросов меркантильной системы и стремление научно обосновать практические ее мероприятия.

Первым научно-литературным произведением меркантилизма можно считать появившееся в 1581 году анонимное сочинение, носящее длинное название—«Краткое изложение некоторых жалоб наших соотечественников» и т. д. («A Compendions or Briefe Examination of certayne ordinary complaints of divers of our countrymen in these our dayes by W. S., Gentleman. 1581»). Авторские инициалы W. S. первоначально заставляли приписывать сочинение В. Шекспиру; впоследствии оно было приписано *Вильяму Стаффорду*, хотя и это авторство подвергается сомнению. Во всяком случае, это сочинение—замечательное для того времени. По форме оно носит характер диалога на экономические темы между представителями разных классов общества, именно: между рыцарем, купцом, землевладельцем и ученым (доктором богословия). Все эти лица жалуются на неблагоприятное экономическое положение, на падение благосостояния своего и нации. Рыцарь жалуется на падение ренты и доходов, земледелец—на невозможность вести, при изменившихся условиях, доходное хозяйства: купец—на неблагоприятные условия торговли и т. д. В результате беседы выясняется, что главной причиной всего этого является неправильная экономическая политика. Автор, влагая свои мысли в уста участников диалога, приходит к заключению, что единственным богатством нации являются деньги, и все меры экономической политики должны быть направлены на то, чтобы увеличить количество денег, имеющихся в распоряжении данной страны. Англия, наоборот, вывозит деньги; у ней нет правильной регламентации вывоза и ввоза денег. Средствами для достижения благоприятных результатов в этом направлении Стаффорд считает мероприятия, покровительствующие туземной торговле, благодаря чему можно уменьшить ввоз иностранных товаров и вывоз денег из страны. Но не всякая промышленность достойна покровительства и не всякая промышленность способствует благу нации. Всех промышленников можно разделить на три класса. Одни удаляют деньги из страны, как, например, торговцы колониальными товарами. Другая категория: мясники, булочники и т. д. все те, которые тратят полученные в стране деньги на свои товары безвозвратно. Наконец, третья категория—это фабриканты, которые вывозят сырье из-за границы, перерабатывают его и вывозят вновь за границу товар, чем привлекают деньги и сокровища из других стран. Эти промышленники должны заслуживать особого покровительства. Стаффорд является, таким образом, первым литературным представителем системы денежного баланса, пытавшимся научно выяснить и об'яснить экономические проблемы современности.

Другой представитель, *Томас Мен* (Thomas Mun 1571—1641), является последователем идей меркантилизма, уже значительно более совершенных и развитых.

Томас Мен считается основателем учения о торговом балансе. Это учение он развил в своих сочинениях: «Рассуждение о торговле Англии с Индией» (1609 г. и 1621 г.) и «О богатстве Англии через иностранную торговлю» (1664 г. посм. изд.). В первом сочинении он защищает Ост-Индскую компанию, которая имела исключительное право ведения колониальной торговли. Эта компания, ведущая колониальную торговлю, с точки зрения меркантилизма, наносила стране вред, ибо вывозились деньги из государства, что и вызывало нарекания на Ост-Индскую компанию со стороны последователей идей денежного баланса. Мен защищает компанию от таких нападок. Если мы проследим, говорит он, весь ход торговли компании, то обнаружится, что всякий вывоз в колонии денег, который производится благодаря этой компании, обогащает страну сырьем и другими произведениями колоний. Этот ввоз сырья способствует дальнейшему развитию промышленности в самой Англии и дальнейшему вывозу из нее обработанных продуктов. Таким образом, вывозя деньги из страны, эта компания способствует увеличению вывоза товаров и, следовательно, обратному приливу денег в страну. Для того времени уже и такие идеи представляли большую новизну. Во втором своем сочинении он еще более подробно развил эту теорию торгового баланса. Мен говорит, что торговый баланс заключается в том, чтобы по возможности способствовать увеличению количества продуктов, имеющихся в распоряжении данной страны. При иностранной торговле необходимо продавать свои товары на бо́льшую сумму, чем потреблять иностранные. Следовательно, в вывозе или ввозе в страну товаров имеет значение не самый факт вывоза денег, а та разница, которая получается между вывозом и ввозом, т.-е.—торговый баланс. Далее Мен останавливается на тех средствах, благодаря которым можно сделать положительным этот баланс. Необходимо уменьшить вывоз таких предметов, как пенька, лен и др., т.-е. вообще сырья, могущего получаться в Англии, а затем надо воздержаться от употребления иностранных товаров, которые можно произвести в Англии. При вывозе товаров нужно принимать во внимание и потребности соседних стран, чтобы продавать им необходимые товары возможно больше и дороже. Мен заключает, что интересы государства иногда идут вразрез с интересами торговцев. Государство заинтересовано в том, чтобы путем понижения цен создать выгодные условия вывоза и завоевать иностранные рынки, привлекая этим к себе деньги, хотя бы для отдельных торговцев такое понижение цен и не представляло выгоды. По вопросу о привлечении денег в страну он указывает, что не монета сама по себе имеет значение, а то оживление торговли, которое она приносит вместе с оживлением иностранной торговли. Поэтому «деньги создают торговлю, а торговля умножает деньги». И чем больше в обороте денег, тем лучше, лишь бы они увеличивали торговый баланс в пользу страны. Говоря все это, Мен отрицательно относится к мероприятиям английской политики, как напр. к запрещению иностранного ввоза некоторых товаров, указывая, что такое за-

прещение может вызвать противодействие со стороны иностранных государств и даже таможенную войну, а таможенная война неблагоприятно отражается на всем экономическом строе страны уменьшением ее оборотов в иностранной торговле.

Таким образом, Мен идет дальше предыдущих авторов; он стоит сравнительно на более широкой точке зрения—необходимости развития широкого торгового оборота. Хотя он все еще считает источником богатства деньги и драгоценные металлы, но тем не менее он указывает на иные средства обогащения страны—путем организованной экономической политики с осуществлением принципов, все же несколько более свободных, чем предлагались защитниками денежной системы. Отрицая огульный запрет ввоза некоторых товаров и огульное покровительство вывозу других товаров, он отбрасывает те узкие мероприятия, на которых основывалась прежняя система меркантилизма.

Меркантилизм в двух описанных главнейших его системах представляет из себя законченное проявление экономической идеологии торгового капитала. Экономические интересы его, получившие в то время руководящее значение, находили отражение и в экономической теории, в стремлении подвести им научную базу, придав ей «об'ективный» характер выгодности и заинтересованности в этом всего народного хозяйства. Экономические интересы торгового капитала отождествлялись с интересами и благосостоянием всей нации, и интересы целого подменивались интересами экономически преобладающей части общества. Но исторически это было верно постольку, поскольку торговый капитал являлся прогрессивной для того времени экономической силой, разрушающей натурально-хозяйственный и мелко-ремесленный строй, и поскольку еще не созрели условия для развития и деятельности промышленного производительного капитала.

Идеи меркантилизма достигли полного расцвета к концу XVI и началу XVII века, но продержались, в особенности в Англии, даже до XVIII века. С течением времени целый ряд перемен экономической жизни в передовых промышленных странах—и прежде всего требования промышленного развития вместо недавнего господства интересов торговли—вызвали реакцию против меркантилизма и появление идей, которые уже иначе разрешали вопрос о благосостоянии нации и предлагали иные к тому меры. Возникает новое течение, хотя и не разрывающее резко с меркантилизмом, но все же могущее считаться реакцией против меркантилизма.

Реакция против меркантилизма. Уже в средине XVII века и особенно в начале XVIII века при развивающемся обмене и при широких международных сношениях между отдельными нациями, стеснения в торговле и покровительственной политике, вводимые меркантилизмом, стали неблагоприятно сказываться на экономическом положении отдельных наций. Противоположность экономических интересов отдельных стран, поддерживаемая политикой меркантилизма, проявлялась все более остро. Англия, как передовая промышленная страна, стоявшая во главе тогдашнего экономического развития, стала особенно энергично и ак-

тивно вести свою колониальную политику, чтобы монопольно обеспечить себе привозом из колонии необходимое сырье, вызывая тем самым протест со стороны колоний, стремившихся, наоборот, к экономической самостоятельности. В результате такой активной и насильственной колониальной политики, Англия потеряла свои лучшие колонии—нынешние Соед. Штаты Сев. Америки, восставшие против экономического гнета своей метрополии.

Отражением этой новой экономики, которая подорвала веру в спасительность государственного вмешательства в экономическую жизнь, явилось то умственное движение, которое ярко сказалось в XVIII веке. В области философии это движение вылилось в признание так называемого естественного права, как протеста личности против всевозможных стеснений и регламентаций, накладываемых на нее государством. В экономическом отношении этот протест выразился в отрицании основных идей экономической политики меркантилизма. Начинают приходить к мысли, что источник богатства нации лежит не в деньгах и что для благосостояния нации необходимо не развитие торговли, а развитие производительной деятельности ради получения и возможно более широкого снабжения этой нации предметами потребления. Из области торговли, денежного или торгового баланса вопрос переносится в область производства, в котором начинают видеть источник благосостояния и богатства нации. Поэтому и всякого рода запретительные и регламентирующие меры меркантилизма, которые до сих пор считались необходимыми для правильной государственной политики, в интересах благосостояния нации, теперь, наоборот, стали считаться пагубными для развития производительной деятельности, как стесняющие личную инициативу и свободу личности.

В результате таких изменений в экономике, прежде всего в той же Англии, как передовой экономической стране, зарождается отрицательное отношение к меркантилизму и его стеснительной регламентации. Сначала оно выливается в форму переходных учений, так наз. учений *антимеркантилизма*. Хотя эти переходные учения вначале еще не вылились в законченную экономическую систему, но тем не менее они уже окончательно разорвали связь с теорией и политикой меркантилизма.

Наиболее авторитетным представителем антимеркантилизма и противником меркантилизма может считаться английский государственный деятель и экономист Дедлей-Норт (Dudley North) (1641—1691). Дедлей-Норт в своем сочинении «Рассуждение о торговле» («A Discourse of Trade»), написанном в 1690 г., резко выступает против всех основных учений меркантилизма, доказывая, что деньги не являются источником богатства, что источник богатства лежит не в торговле и не в деньгах, а в производительной деятельности нации, в ее трудолюбии, в обладании производительными благами. Никакой человек, говорит он, не делается богаче, владея имуществом в форме денег; наоборот, по этой причине он делается беднее. Богатство человека—в земле, в товарах, в его промышленной деятельности. Затем, рассматривая вопрос о торговле и о конкуренции отдельных наций в торговле, Дедлей-Норт также и здесь

осуждает политику меркантилизма, указывая, что борьба между отдельными нациями в сфере торговли с постоянным стремлением оградить себя таможенными заставами и пошлинами, приводит к неблагоприятным результатам как для той, так и для другой нации. Все народы представляют из себя одно целое, об'единенное условиями обмена и экономической деятельности; поэтому потеря одной нации представляется потерей и другой. Ни один народ не может разбогатеть от стеснений своей торговли с другими нациями, как это предполагает меркантилизм.

Другим лицом, также выступившим весьма ярко против меркантилизма, был Давид Юм (David Hume, 1711—1776), получивший известность не столько в области экономии, сколько в философии. Вместе с целым рядом философских своих сочинений, он написал и значительное число трактатов по экономическим вопросам. В собрании своих трактатов («Essays and Treatises of several Subjects»), написанных в 1753—54 годах, он резко выступает против основных взглядов меркантилизма на деньги как на источник богатства. Так, в очерке «О деньгах», развивая этот вопрос, он указывает, что деньги являются, как он выражается, не «колесами торговли, а лишь маслом для этих колес, благодаря которому движения этих колес становятся мягче и легче». Роль денег очень скромна; они не могут служить источником богатства, потому что богатство народа лежит в той сумме хозяйственных благ, которыми располагает народ. Представим, говорит Юм, что в один день почему-либо количество денег уменьшается у нации, скажем, в пять раз. Из этого не произойдет того, что нация станет беднее, а случится лишь то, что все товары, все продукты потребления будут обращаться, оцениваясь в других количествах денег, т.-е. все товары подешевеют в пять раз. Представим обратное, что в один день вдруг увеличится количество денег в пять раз. В этом случае народ нисколько не побогатеет, так как количество всех запасов и всех предметов потребления у нации останется то же, и только эти предметы вздорожают теперь в пять раз, согласно увеличившемуся количеству денег в пять раз. Поэтому, деньги, говорит он, всегда стремятся к равновесию с товарами: они—как вода в сообщающихся сосудах, всегда стремящаяся установиться в обоих сосудах на одном уровне. Следовательно, нельзя на деньги смотреть как на источник богатства, на какую-то самостоятельную экономическую силу. Деньги—не источник богатства страны; богатство создается только развитием промышленности, количеством промышленных благ, которыми располагает данная страна, количеством труда и количеством населения.

Рассматривая затем вопрос о торговле в другом своем очерке «О зависти в торговле», Юм отрицательно относится к разного рода мероприятиям меркантильной политики, в виде защиты одной нации от другой таможенными пошлинами, запретами, заставами. Он говорит, что ни одно государство, ни одна нация не может бояться конкуренции своих соседей, так как, наоборот, чем больше торговля с ними, чем больше общения между отдельными нациями, чем больше обмена между ними, тем больше богатств приносит эта торговля нации.

Таковы были идеи этих двух авторов, выступавших наиболее резко и определенно против идей маркантилизма в Англии еще в ту эпоху, когда эти идеи были довольно сильны и распространены. Их усилиями в значительной степени были развенчаны и опровергнуты идеи меркантилизма. Однако, ни Давид Юм, ни Дедлей-Норт, ни другие авторы из выступавших против меркантилизма, не создали определенной школы, новой стройной экономической системы, могущей заменить теорию меркантилизма. Эта новая система была вскоре после этих авторов создана величайшим английским экономистом и основателем всей современной политической экономии, А. Смитом.

Но еще раньше этого экономическая мысль нашла себе новое и оригинальное выражение у экономиста и мыслителя другой страны, Франции, также пережившей ошибки и увлечения меркантилизма и пытавшейся найти в физиократическом учении Кене новую экономическую теорию.

Прежде, однако, чем перейти к зарождению во Франции новой экономической школы физиократизма, необходимо упомянуть о тех проявлениях меркантилизма, которые перед этим имели место во Франции. Идеи меркантилизма во Франции не находили себе такого расцвета, какой они нашли в Англии, так как условия существования Франции были несколько иные. Франция являлась страной, стоявшей в экономическом отношении много позади Англии. Главной отраслью народного хозяйства являлось земледелие; преобладающим социальным классом— крупные землевладельцы; обрабатывающая промышленность была сравнительно мало развита и социальное значение промышленного, «третьего», сословия было невелико. Внешняя торговля, хотя и была довольно широка, но имела другое направление и другие потребности, чем внешняя торговля Англии, нося преимущественно характер земледельческого вывоза.

Тем не менее идеи меркантилизма нашли себе некоторое развитие и осуществление также и во Франции, в лице министра Людовика XIV, Кольбера, одного из главнейших представителей французского меркантилизма. По его имени меркантилизм во Франции получил название *кольбертизма*. Кольбер, одно время всесильный министр, имел возможность не только теоретически выставлять те или иные положения меркантилизма, но вместе с тем и проводить их государственными мероприятиями в жизнь.

Для поднятия расстроенных финансов и народного хозяйства Франции Кольбер считал нужным, прежде всего, развитие французской обрабатывающей промышленности. Целью Кольбера было создать во Франции такую промышленность, которая могла бы поднять Францию на уровень страны, могущей конкурировать с другими на иностранных рынках и даже завоевать их своими продуктами. Поэтому, главное свое внимание, как министр финансов и руководитель всей промышленной и торговой жизни страны, Кольбер обратил на ряд мероприятий для насаждения французской обрабатывающей промышленности, в некоторых случаях вопреки даже гораздо более важным потребностям Франции,

так как тогда промышленность во Франции не имела еще глубоких корней в народном хозяйстве и основой его являлось сельское хозяйство. Для насаждения и развития промышленности Кольбер обращает прежде всего внимание на необходимость развития промышленного образования, на устройство всевозможных художественных, ремесленных школ и т д. В то же время Кольбер старается привлечь во Францию опытных мастеров из других стран, как, напр., из Италии, где некоторые отрасли промышленности художественной, шелковой и др. получили наибольшее развитие.

Кольбер принимает меры к развитию внешней торговли Франции, проводя ряд мероприятий таможенной покровительственной политики, организуя консульскую службу, учреждая торговые компании и проч.

С необычайной энергией и с большими усилиями государственной казны он в течение целого ряда лет создает крупный торговый флот таких размеров, каких Франция до тех пор не имела. Он стремится насадить и проводить независимую колониальную политику, заводя непосредственные сношения Франции с колониями для снабжения сырьем французской промышленности.

В этих же целях он ограждает ее таможенными пошлинами, во избежание конкуренции других стран. Покровительство промышленности приводит Кольбера к полному пренебрежению интересами земледелия. Такое покровительство промышленности в ущерб земледелию вызывает нарекания со стороны населения, в массе своей земледельческого, особенно в связи с тем усилением финансового гнета, которое явилось результатом мероприятий, проводимых Кольбером. Особенно развивается при нем косвенное обложение, с целью повысить общее поступление податей, что, конечно, главной тяжестью ложится на необеспеченные классы.

Кольбертизм во Франции, как типичная система меркантилизма, представляет из себя интересы того торгово-промышленного класса, который во Франции получил название «третьего сословия». Покровительствуя этой нарождающейся буржуазии и представляя ее интересы, Кольбер в то же время вступал в политическую и экономическую борьбу с господствующим феодально-землевладельческим классом. Этим об'ясняется и его пренебрежение интересами земледелия, наносившее вред не только массе земледельческого населения, но и землевладельцам рантьерам. Поэтому кольбертизм можно рассматривать как первую во Франции попытку нарождающейся буржуазии выступить с практическими требованиями защиты своих экономических интересов и с идеологическим их обоснованием. Эта попытка не удалась, так как социальная сила землевладельческого класса оказалась более значительной, хотя это и привело скоро к падению монархии.

В результате всего этого, когда после разрыва Кольбера с королем Людовиком XIV этот министр пал, а с ним пала и политика меркантилизма, масса народа не только не выразила ему сочувствия, но выражала крайнюю радость. Таким образом, кольбертизм во Франции быстро

исчерпал сам себя и обнаружил быстрее, чем в Англии, свою несостоятельность в применении к условиям французской социально-экономической жизни.

Литература. Из общих сочинений о меркантилизме лучшее изложение системы см. Янжул. Английская свободная торговля, в. I, 1876. Критика меркантилизма у А. Смита. Исследования о природе и причинах богатства народов, книга IV. Есть несколько переводов Д. Юма, из них последний в «Библиотеке экономистов». Д. Юм. «Опыты», 1896.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Физиократизм.

Кольбертизм во Франции, как мы указали, имел значение неудачной попытки народившейся торгово-промышленной буржуазии, «третьего сословия», выставить практические требования в защиту своих экономических интересов и идеологически их обосновать. Королевская власть стала на сторону своего естественного союзника, землевладельческого класса, и, как показало будущее, ценой своего падения пыталась задержать осуществление интересов нового социального класса. Политическое руководство и экономическое преобладание временно попрежнему осталось в руках землевладельческих классов. Однако, на этом развитие экономической жизни и мысли не остановилось. Торговый капитал уже переставал быть экономической базой зарождающегося буржуазного общества и нового промышленного класса. И хотя все общество в целом еще сохраняло феодально-землевладельческую оболочку, «новое капиталистическое общество пробивало себе дорогу в рамках феодализма» (Маркс).

Вместе с тем это обстоятельство должно было отразиться и на идеологических формулировках экономических требований и интересов господствующих общественных классов. В основе этих требований лежало формальное признание преобладающего значения сельского хозяйства, вместо торговопромышленной деятельности по системе меркантилизма, а отсюда—вообще значение производственного момента, вместо торговли. Этим, однако, не ограничился идеологический сдвиг у представителей тогдашней французской экономической науки. Требование экономической свободы, как наиболее насущная и очередная проблема, поставленная развитием экономической жизни, также нашло себе отражение в философских и общественно-политических течениях Франции, а вместе с тем стало одним из догматов доктрины физиократизма. Поэтому, физиократизм, являясь реакцией против меркантилизма, как идеологии торгового капитала, был для своего времени прогрессивным течением экономической и общественной мысли, как первая попытка—правда неясная, непоследовательная и противоречивая—выдвинуть и формулировать новые требования зарождающегося производственного капитализма. Но так как самая экономическая структура общества и его производственные основы были еще не ясны, а отдельные формировавшиеся экономические категории—капитала, прибавочной стоимости, производительности труда и др.—с виду более просто и ясно

проявлялись в сельском хозяйстве, то все указанные прогрессивные философские и экономические течения мысли оригинально преломились через призму натуралистического мышления и вылились в признание исключительных особенностей сельского хозяйства.

Философские течения XVIII века во Франции, выразившиеся в развитии философско-общественного скептицизма, возросли здесь на почве тех неурядиц общественно-политического строя, которыми характеризовался конец монархической Франции. Реакция против крайнего абсолютизма, естественно, выражалась здесь в требованиях свободы личности, в признании этой человеческой личности высшей самоцелью, свободы ее экономической деятельности и существования. В то же время роскошь французского двора и знати вызывала во французском обществе, как внешнюю реакцию, наклонность к природе, преувеличение прелестей и радостей сельской жизни, стремление уйти от городской жизни, от ее искусственности и роскоши, в деревню, ближе к природе. Привилегии знати, на ряду с притеснениями народа, как реакция, привели к идеям равенства как в политической, так и экономической жизни. В общественно-философских учениях возникают идеи естественного права, в которых естественная природа человека противопоставлялась искусственности и условности современного общественного быта. Еще Руссо выразился, что «все прекрасно, что выходит из рук Творца; все искажается в руках человека». Такие воззрения явились основой нового миросозерцания, постепенно складывавшегося в умах лучших людей конца XVIII века и вылившегося в новые философские и социально-экономические течения.

Исходя из таких общих предпосылок, приходили к заключению, что—в противоположность проповеди меркантилизмом опеки и государственного вмешательства в частные хозяйственные интересы — гораздо более целесообразным и достойным для человека и для осуществления его прав предоставить личность ее собственным интересам, так как в осуществлении именно этих индивидуальных интересов лежит залог успеха и всего общественного, политического и экономического, устройства. Выдвигается идея о праве каждого гражданина, каждого человека извлекать все средства для возможного его личного благополучия, без всякого вмешательства в эту деятельность государственной или какой-нибудь общественной власти. В основу всей политики и экономической жизни кладется идея собственного интереса, которая признается основой всего того внутреннего порядка, на котором базируется современное общество. Вместе с тем задачей экономической науки и экономической практики ставится не вмешательство в частную жизнь, а, наоборот, создание государством таких условий, при которых свобода экономической деятельности и возможность защиты своих интересов находила бы наиболее благоприятные условия. Таковы были общие предпосылки, которые создали во Франции новую экономическую систему, вылившуюся в учение *физиократов*.

В противоположность меркантилизму, который представлялся системой, находившей себе последователей среди лиц самого разнообразного социального положения и характера, об'единившей целый

ряд отдельных экономистов и многочисленных государственных деятелей,—физиократизм представлялся такой экономической системой, которая была создана преимущественно научной деятельностью одного своего обосновательля, сосредоточившего вокруг себя небольшую школу, но спаянную духом своего учителя.

Таким создателем нового течения экономической мысли, обосновавшим его на общих философских предпосылках, был Франсуа *Кене* (F. Quesnay, 1694—1774 г.г.). В течение своей восьмидесятилетней жизни он создал и закончил обработкой стройную систему идей физиократизма. Кене был сыном землевладельца и по условиям, в которых протекали ранние годы его жизни, получил склонность к земледелию, к сельской жизни. Впоследствии это обстоятельство сказывалось в течение всей его жизни, во всех его трудах и в условиях его личной жизни. В 1751 г., уже на склоне лет своей жизни, Кене получил место лейб-хирурга двора Марии-Антуанетты, определенное материальное и общественное положение и известный досуг, который дал ему возможность заниматься любимым его предметом—экономическими изысканиями. Но, живя на положении лейб медика двора Людовика XIV, при всей окружающей его роскоши Версальского двора, он сохранил все свои простые привычки, любовь к сельской природе и сельским обычаям. Здесь же, при дворе, он составляет небольшой кружок из выдающихся людей того времени, как Мирабо, Тюрго, Дюпон и ряда других, которые, группируясь в кружке Кене, создают школу так называемых «экономистов». Эта школа экономистов при жизни Кене представляла прочную школу, об'единенную своим центром, своим престарелым учителем и мыслителем Кене, который являлся ее вдохновителем и творцом. Одно время, еще при жизни Кене, идеи этой школы экономистов получили такую моду, что даже при дворе Людовика XIV, среди высшего света, многие увлекались идеями физиократизма, а у светских дам книги Кене часто являлись настольными модными книгами. Тем не менее, конечно, не одной этой модой обусловливается развитие идей физиократизма, так как распространение этих идей шло гораздо дальше Версальского двора и дальше Фран-

Франсуа Кене.

ции. Физиократизм пользовался широким распространением во всех странах и получил себе последователей в лице многих представителей крупных европейских дворов, как-то: Иосифа Австрийского, Густава Шведского и Екатерины II.

Как меркантилизм был идеологией и экономикой торгового капитала, так физиократизм был переходной экономической системой, в которой господствовавший, но уже отживающий социально-экономический класс делал попытку идеологического обоснования своих интересов и примирения их с новыми правовыми и экономическими условиями жизни. Эта попытка внешней уступки напору новых требований и налагала тот отпечаток «либерализма», который носили воззрения не только искренних представителей физиократизма, но и таких венценосных его последователей, как Екатерина II. Такого рода либерализм не мешал, однако, соединять этот физиократизм не с «естественным правом» человеческой личности, а с крепостным правом. Вот почему самая доктрина физиократизма была недолговечной. Основатель ее, Кене, умер в 1774 г. на восьмидесятом году своей жизни. После его смерти физиократизм пользовался еще некоторыми правами до тех пор, пока во главе французской власти стояли его последователи, как Тюрго. Затем быстро физиократизм изжил себя и уступил место новым идеям, которые были выдвинуты новыми условиями промышленной жизни, особенно в Англии, и формулированы были А. Смитом.

Сочинения Кене не представляют из себя какого-нибудь законченного и обширного экономического трактата; это большею частью некрупные статьи в журналах, словарях, часто по обычаю того времени в форме диалогов, тезисов и т. п. Одним из первых его произведений была статья, помещенная в Энциклопедическом словаре Дидро в 1756 году, под заглавием «Evidence», т.-е. «Очевидность». В ней впервые Кене выступает со своими обще-философскими и метафизическими предпосылками. Второе сочинение — «О фермерах», помещенное в VI томе того же Энциклопедического словаря; затем следует статья «О зерновых хлебах», помещенная там же. Затем, небольшая статья, написанная анонимно в одном из журналов,—«Некоторые вопросы о населении, сельском хозяйстве и торговле». Далее следует одно из важнейших его сочинений: «Экономическая таблица» (Tableau économique) с об'яснениями, в которых наиболее систематически, в виде математических схем, он излагает свою основную экономическую систему. В 1768 году появляется довольно большая статья, написанная анонимно, «О естественном праве». Из наиболее крупных статей нужно указать также на статью «О коммерции или торговле», написанную в 1766 г.; затем на статью «О китайском деспотизме», где Кене формулирует свои политические убеждения и проч.

Переходя к сущности учения и *системы Кене,* необходимо указать, что система физиократизма представляет не только экономическую, но вместе с тем и философскую метафизическую систему. Философия Кене относится к системам идеалистическим и дуалистическим. Она основана на воззрении, признающем господство в мире двух начал:

с одной стороны разума, с другой — веры; начало души и начало материи. Эти два начала, или две субстанции, по мнению Кене, приводятся в движение вследствие заложенной в них божественной силы, которая одухотворяет эти субстанции и создает в них жизнь. Божественная сила, заложенная в этих двух субстанциях, обусловливает и наши чувства и наш разум, т.-е. всю вообще совокупность разумной деятельности человека. Этой одухотворяющей его силой божества человек отличается от животных. Кроме собственного материального существования, кроме земной жизни, человеку присуща также и загробная жизнь. Но восприятию наукой и разумом подлежит одна лишь материальная сторона существования человека, т.-е. его земная жизнь. Есть два рода истин. Одни истины даются нам верой, другие познаются разумом. Как те, так и другие истины, те и другие идеи — в жизни одинаково необходимы, потому что для познания мира человеку недостаточно одной какой-либо истины. Истины, которые познаются разумом, Кене называет *очевидностью*. Поэтому и наука, как определяет Кене, занимается только тем, что можно постичь разумом, т.-е «очевидностью». Очевидность есть такая степень истинности, которая ясна сама по себе, которая рассудком не может быть опровергнута. Очевидность, следовательно, представляет естественное знание, знание, противоположное вере, как таковой. Мы не можем понять рассудком, напр., представление о боге. Эти представления закрыты для разума. Рассудок и «очевидность» не могут вторгаться в эту область. Веру мы приобретаем через наши чувства, и учения этой веры не могут быть изложены посредством законов очевидности, посредством законов естественных. Поэтому область веры и область разума, так же как область духа и материи, по мнению Кене, представляются разделенными, независимыми одна от другой. Но вместе с тем истины очевидности, истины рассудка не противоречат истинам веры. Кене стремится об'единить этот дуализм, стремится сопоставить эти два различных начала, указывая, что между ними нет противоречия.

Таким образом, философско-метафизические воззрения Кене окрашены дуализмом веры и разума. Отсюда и вся система Кене проникается также фаталистическим оптимизмом, уверенностью, что все, что создается высшим разумом, все, что создается божеством, носит на себе зачатки единства и гармонии, не носит внутри себя никаких противоречий. Такие философские воззрения Кене приводят его и в общественной философии к признанию возможности гармонического состояния общества, т.-е. достижения общего благополучия. В чем же заключается и как достигается это естественное стремление к общественному порядку и нормальному гармоническому существованию общества?

К разрешению этой социологической проблемы Кене подходит также с точки зрения своей дуалистической философии. Человек, по мнению Кене, подпадает в своей жизни под действие двух порядков, двух идей. С одной стороны, влияние естественного порядка, естественного права, с другой — положительного порядка. Рассматривая в своей статье «*О естественном праве*» эти два начала, он указывает, что за-

коны естественного порядка являются законами, данными от бога; они существовали еще до образования человеческого общества, они внушены человеку богом. Эти законы представляются законами врожденными, раз навсегда данными, которые человечество не может изменять. Эти законы являются в то же время законами идеальными, законами, которые существуют не в условиях реальной жизни, а являются лишь идеальными ее предпосылками. Эти законы имеют характер *максим*, т.-е. безусловных предписаний, которые даются богом человеку. Вместе с тем они представляются такими законами, которые имеют в основе своей лишь те или иные моральные предписания. Поэтому соблюдение этих законов является необязательным в том смысле, что они не имеют никакой принудительной санкции, кроме санкции морали, божественного предписания; соблюдение их зависит, следовательно, от свободной воли людей. В применении законов естественного порядка к условиям реальной жизни мы получаем так называемый *положительный порядок*. Законы положительного порядка, в противоположность законам естественного порядка, являются законами писаными; они не внушены богом, а являются созданием рук человеческих. Вместе с тем они имеют не моральную санкцию, а санкцию наказания. Поэтому соблюдение таких законов является, в условиях положительного, писаного права, обязательным для человека. Вместе с тем, как создание рук человеческих, законы естественного порядка являются законами временными.

Таким образом, законы положительного порядка имеют своим источником естественный порядок, а своей целью ставят приближение к законам естественного порядка, чтобы сделать в условиях конкретной жизни возможно более полным осуществление идей естественного порядка. Если писаный закон положительного порядка не удовлетворяет этой цели, отстает и удаляется от основных идей естественного порядка, то в результате получается господство деспотизма или анархии. Такое отступление в действительной жизни часто бывает вследствие того, что люди или забывают об естественном порядке, или не знают этих законов, не могут их познать и к ним приблизиться.

Задача осуществления и изучения законов естественного порядка преследуется науками общественными, в частности, науками экономическими. Неправильно было бы думать, что человек в условиях общественной жизни, т.-е. подчиняясь законам положительного порядка, представляется более ограниченным в своих естественных правах, чем при условиях первобытного существования, когда не существует никакого общественного строя и когда человек подчиняется только законам естественного права. Наоборот, права человека в условиях общественного состояния даже более расширены, чем в его естественном состоянии, когда не было общества.

Обращаясь к вопросу о том, в чем заключаются основные элементы этого естественного порядка, Кене указывает, что основой естественного порядка является *право собственности*. Неправильно было бы предполагать, что в осуществлении этой идеи права собственности, как основной идеи естественного порядка, человек в условиях обще-

ственного строя более ограничен, чем в условиях естественного состояния. Кене полемизирует с другим автором, проповедником идеи естественного права, Гоббсом, который доказывал, что в естественном праве человек имел неограниченное право собственности, право всех на все. Кене возражает, что это право всех на все никогда не было абсолютным и полным правом. Естественное право не состоит в праве всех на все, а лишь на те вещи, пользования которыми человек может достигнуть. «Право всех на все, — говорит Кене, — походит на право каждой ласточки на всех летающих в воздухе мошек, которое сводится в действительности к тому количеству мошек, какое она может добыть трудом или поисками, предписываемыми потребностями». Поэтому право всех на все, абсолютное право собственности, в естественном состоянии было фиктивным так же, как фиктивным представляется оно и в условиях общественного состояния. Ясно, что для осуществления права собственности необходимо подвести под это право какой-то особый фундамент. Фундаментом, который определяет право собственности, является труд. Труд дает определенную санкцию праву собственности и определяет его об'ем. Отсюда человек и получает естественное право на существование трудом своих рук. Человек, трудясь в условиях естественного существования, получает право на жизнь, право на простое существование. Больше этого права на простое существование, путем труда своими собственными руками, человек и в естественном порядке не получает. Следовательно, и гражданское общество, т.-е. общество положительного порядка, не может дать человеку ничего большего, как только осуществление этого права собственности путем труда, т.-е. предоставление человеку путем труда добывать себе возможные средства для существования. Таким образом, оказывается, что в этом праве собственности и в праве на труд в то же время заложена и естественная обязанность каждого члена общества трудиться, естественное право его на самосохранение, на поддержание своего существования путем труда. Творец, говорит Кене, возложил на каждого человека эту обязанность самосохранения. На этой, присущей всем, обязанности и праве на труд держится весь мир, так как и все общество и отдельные его члены одинаково заинтересованы в возможности осуществления этого права на труд.

Отсюда Кене приходит к признанию единства интересов всех членов общества, к общественной гармонии, сводящейся в основе *к экономическому интересу,* который осуществляется каждым человеком и который вместе с тем является залогом общественного благополучия. Собственный интерес является единственным руководящим моментом для экономической деятельности отдельного человека, обладающего свободой воли. Этой свободой воли он и отличается от животных. Исходя из этой свободы воли, он может на основании разумных мотивов осуществлять свой экономический интерес. Обращаясь к рассмотрению этих мотивов, которые руководят человеком при осуществлении тех или иных его интересов, Кене указывает, что в нашей душе заложены, согласно его основному дуалистическому мировоззрению, два рода мотивов. Первый мотив — чувство, инстинктивные мотивы,

Второй мотив — разум. Отсюда Кене выводит и два состояния нашей души, а вместе с тем и два состояния нашей активной деятельности: с одной стороны, чувственное, с другой — разумное, деятельное состояние нашей души. Находясь в последнем, человек или наша душа может принять то или иное решение, наиболее соответствующее его интересу. Поэтому понятие интереса, которым руководится человек, не представляется каким-либо узким, ограниченным, а тем более неразумным интересом. Наоборот, это тот интерес, который человек принимает, находясь в разумном деятельном состоянии, это *«интерес, хорошо понятый, хорошо воспринятый»*. И такой интерес, разумно понятый, каждый человек может осуществлять свободно. В осуществлении разумно понятого интереса лежит вся цель экономической деятельности.

Отсюда мы видим, что Кене является защитником того индивидуалистического направления и признания свободы личности, которое в его время впервые начинает провозглашаться как общественно-философская догма и впоследствии получает в XIX веке пышный расцвет в области практического экономического приложения. Кене является вместе с тем защитником идеи частной собственности, защитником идеи известного неравенства, общественной диференцировки, так как наличность частной собственности в обществе у одних предполагает возможность или отсутствия ее, или других ее размеров у иных, т.-е. предполагает возможность известного экономического неравенства. Таким образом, Кене является проповедником тех начал, которые были положены впоследствии в основу миросозерцания великой французской буржуазной революции, т.-е. начала, с одной стороны, экономической свободы, с другой стороны — начала экономического неравенства.

Обращаясь к *экономическому учению* Кене, нужно указать, что идея необходимости экономической свободы для осуществления частнохозяйственной деятельности была высказана еще раньше Кене в знаменитой формуле Лежандра, представителя французской промышленности—«Laissez faire, laissez passer». Эта идея получила у Кене теоретическое обоснование в признании, что основным мотивом экономической жизни является частный интерес отдельных личностей и что задачей государственной политики является лишь невмешательство в личную хозяйственную деятельность. В этом личном интересе лежит, по мнению Кене, источник благосостояния как отдельных лиц, так вместе с тем источник благосостояния и всей нации, всего народа.

В чем же заключается это благосостояние и где лежит источник создания национального богатства, национального благополучия путем применения и осуществления этого хозяйственного интереса? Кене ищет этот источник в условиях производства — в этом его первый большой шаг вперед в экономической теории. Анализируя эти условия производства и экономической деятельности, Кене отмечает, что источник богатства, источник хозяйственного благополучия для нации лежит в земледелии. Земля, по его мнению, является таким орудием производства, которое дает *«чистый продукт»* (produit net), чистый до-

ход за труд, затраченный в производстве. Земледелие является лучшим состоянием, земледелие — лучшая отрасль промышленности. Торговля, обрабатывающая промышленность являются лишь добавлением к земледелию. Только в земледелии создается «чистый доход», тогда как промышленность и торговля не создают этого чистого дохода, не создают никакого богатства, никакой, сказали бы мы теперь, прибавочной ценности. Т.-е. в земледелии труд не только создает ценности и средства, требующиеся для поддержания его существования, но и некоторый избыточный продукт, который может итти на содержание других лиц. Этого нет в промышленности и в торговле, где такого избыточного продукта не создается.

Эта идея является основной и центральной идеей экономического учения физиократизма. «Чистый продукт» является «физическим результатом» действия сил природы, и человеку в создании его не принадлежит активной творческой роли. Человеческий труд сам по себе может лишь видоизменять создаваемое в природе вещество, но не прибавлять к нему что-нибудь новое. Таким образом, у физиократов получает преобладание натуралистическое понимание их «чистого продукта», а вместе с тем и натуралистическая концепция всей их доктрины. Однако, было бы неправильно считать их концепцию исключительно натуралистической. У физиократов как получение, так и распределение между отдельными лицами этого чистого продукта происходит в известных экономических условиях. Кене подробно рассматривает, напр., условия земледельческой культуры и создания чистого продукта в мелком и крупном хозяйстве, указывая преимущества в этом отношении крупного производства. Их «чистый продукт» в условиях денежного хозяйства фигурирует и распределяется как меновая ценность, но происхождение его лежит не в создании человеческим трудом этой меновой ценности, а в создании природой избыточного продукта. Поэтому, рассматривая продукт производства в промышленности, они считают, что продажная цена (меновая ценность) продуктов промышленности возвращает, как говорит Кене, лишь «продажную ценность первоначального материала и ценность средств существования рабочего», тогда как в земледелии получается «избыток» сверх этого—в «натуральном» его понимании. Так незаметно для себя физиократы смешивают экономическое и натуралистическое понимания, понятия меновой ценности и натуральной массы продукта.

Исходя из указанной общей предпосылки, Кене и строит всю свою общественно-экономическую систему. По его системе, все современное общество делится на три класса, согласно участию их в производительной деятельности. Класс *производительный* (classe productive); класс *собственников* (classe propriétaire) и класс *непроизводительный, бесплодный* (classe stérile). В первый класс, производительный, входят земледельцы, фермеры, крестьяне, т.-е. те люди, которые непосредственно заняты в земледелии и, следовательно, создают «чистый продукт». Второй класс, землевладельцев, не создает никакого богатства и живет чистым продуктом, который получается из земледелия и кото-

рый передается земледельцами собственникам в виде ренты. Класс бесплодный состоит из купцов, фабрикантов, ремесленников, так как, по мнению Кене, этот класс лишь обрабатывает то сырье, которое получает от земледелия. Этот класс также не создает чистого продукта, никаких богатств. Таким образом, ни 2-й, ни 3-й классы не создают «produit net» и живут за счет чистого продукта, создающегося в земледелии классом производительным. Кене обращает внимание и еще на один класс, четвертый класс — пролетариат. Необходимо сказать, что под третьим классом он понимал не рабочих, не пролетариат, а именно промышленников, купцов, т.-е. предпринимателей. Обращая внимание и на четвертый класс, рабочих, Кене считает, что этот класс вовсе не входит в состав лиц, занятых производительной деятельностью в этом обществе, так как участвует в хозяйственной жизни пассивно, т.-е. лишь своим потреблением, также ничего не создавая. Таково оригинальное идеологическое отражение взглядов феодально-буржуазного экономиста на роль рабочего в создании ценности.

Таково учение Кене о социальном составе общества. Это учение, как мы видим, представляет уже громадный шаг вперед сравнительно с экономическими воззрениями меркантилизма. Кене первый выдвинул воззрение на классовый состав общества, при чем, однако, разрешал этот вопрос о классовом составе общества весьма односторонне. Исходя из своей предвзятой натуралистической точки зрения на производство чистого продукта лишь в земледелии, Кене наделяет производительными функциями только земледельческий класс. Далее, исходя из своих воззрений об общественной гармонии, он полагает также, что все отдельные классы общества находятся в известной гармонии между собой. В самом обществе заложено известное равновесие отдельных интересов этих участвующих в производительной деятельности классов. Поэтому, гармония классовых интересов, а не классовая борьба и не противоречие классовых интересов является той основой, на которой зиждется общество. Второй важный момент, который выдвигает учение Кене, состоит в том, что центр социального вопроса он переносит из области торговли, как было у меркантилистов, в область производства. По его учению, в кругу создания этих новых ценностей в процессе производства и образуются общественные отношения классов между собой. В этом пункте учения Кене опять-таки нужно видеть большой успех и шаг вперед в развитии экономической мысли. Физиократы совершенно правильно весь центр экономической науки перенесли в рассмотрение условий производства, хотя и этот вопрос они решали так же односторонне, с точки зрения своей концепции. Они смотрели на производство как на создание ценностей, но источник создания ценностей переносили на землю, неясно различая экономическое понятие ценности от натуралистического понятия продукта. Заменяя таким образом экономическое понимание проблемы натуралистическим, они считали, что только земля и земледельцы создают новые продукты и новые ценности. Вот две основных ошибки, но вместе с тем и два основных достоинства физиократов, дающие им право на видное место в развитии идей политической экономии.

Анализ всех общественных отношений, создающихся в процессе производства, Кене производит в своей знаменитой *«Экономической таблице»*. Сам Кене на «Экономическую таблицу» смотрел как на наиболее важное свое произведение, считая, что в этом труде он представил не только всю систему общественных экономических отношений, но вместе с тем дал в нем «арифметические формулы», т.-е. дал ключ и точный математический метод к пониманию общественных отношений.

«Экономическая таблица» Кене дает схематический теоретический анализ тех общественных отношений, которые складываются в процессе создания чистого продукта и распределения их между отдельными производительными и непроизводительными классами. Источником этого чистого продукта и источником общественного движения капитала является земледелие. Тот доход, который создается в земледелии, передается классом земледельцев в руки других классов. Предположим, говорит он, что 600 ливров затрачены земледельцем на свое сельское хозяйство, на создание чистого продукта. Предположим, что 600 ливров воспроизведутся в земледелии и, кроме этого, дадут чистый доход в размере 600 ливров, которые, в качестве платы за аренду земли, перейдут к землевладельцу. Каким образом происходит дальнейшее движение этого чистого продукта?

Землевладельцы, получивши 600 ливров дохода, 300 ливров возвращают земледельцам, покупая у них продукты земледелия, а на 300 ливров покупают промышленные изделия у III-го класса промышленников. Земледельцы 300 ливров, полученные от землевладельцев, вновь затрачивают в земледелие, воспроизводят их в виде 300+300, т.-е. получают новый чистый доход в 300 ливров, каковые снова перейдут в виде ренты к землевладельцам, остальные же 300 ливров отчасти пойдут на собственные нужды, на покупку продуктов земледелия же, примерно в размере 150 ливров; другие 150 ливров поступят в руки промышленников за купленные у них земледельцами продукты промышленности.

Промышленники от землевладельцев получили часть ренты, т.-е. чистого дохода от земледелия, в сумме 300 ливров. Эти 300 ливров никаких новых ценностей в руках промышленников не создают и частью, примерно 150 ливр., затрачиваются у себя на покупку продуктов обрабатывающей промышленности, частью, другие 150 ливр., переходят к земледельцам за купленные у них продукты земледелия.

Опять продолжается дальнейшее обращение общественного капитала. 150 ливров, полученные земледельцами от промышленников, снова затрачиваются в процесс земледельческого производства, т.-е. воспроизводят новый чистый продукт в 150 ливр., которые, в виде чистого дохода, передаются классу землевладельцев. Остальные 150 ливр. частью тратятся земледельцами на свои продукты, именно 75 ливр.; на другие же 75 ливр. они покупают произведения обрабатывающей промышленности и т. д. Таким образом и происходит нормальное движение общественного капитала, создаются нормальные условия воспроизводства капитала, когда экономические отношения между

отдельными классами организованы правильно и находятся в равновесии. Эта же таблица дает возможность также изучить и все отступления от правильного воспроизводства общественных капиталов. Предположим, что землевладельцы, получив от земледельцев чистый доход, тратят его не в указанном распределении, а иначе: напр., землевладельцы на покупку предметов роскоши у промышленников затрачивают 500 ливров чистого дохода; тогда на покупку продуктов земледелия они могут затратить, т.-е. возвратить земледельцам, только 100 ливр. Отсюда следует, что капитал, затрачиваемый в земледелии во второй период производства, уменьшится на 200 ливр., т.-е. упадет до 100 ливр., и эти 100 ливр. воспроизведут новых чистых ценностей не на 300 ливр., а только на 100 ливров. Следовательно, сократится весь процесс производства, и нормальный ход экономической жизни нарушится.

Исходя из такого своего теоретического анализа производственных отношений, Кене строит и предпосылки практической экономии в виде всевозможного рода мероприятий экономической политики, направленных на поддержание равновесия и правильного воспроизводства общественного капитала. Эти мероприятия резко расходятся с идеями меркантильной политики. Так как Кене признает единственным источником создания новых ценностей землю, то в области финансовой политики он приходит к необходимости создания так называемого *единого налога,* т.-е. такого налога, который основывается лишь на обложении чистого дохода, получаемого землевладельцами, так как всякий другой налог, направленный на другие ценности, отнимает от народного дохода известную часть необходимых средств, нарушая вместе с тем правильность воспроизводства капитала. Вместе с тем все условия и способы повышения чистого дохода являются благоприятными мероприятиями экономической политики. Поэтому физиократы и Кене являются защитниками высоких хлебных цен, так как они повышают чистый доход. Поэтому же, например, свобода хлебного вывоза, которая повышает хлебные цены, находит защиту у физиократов. Они являются защитниками полной свободы торговли вообще, отрицая покровительственные мероприятия, отрицая вообще всякие искусственные меры в виде таможенных запретительных мероприятий, к которым прибегали меркантилисты.

Школа физиократов. Физиократизм, как законченная философско-метафизическая и экономическая система, представляет из себя поистине грандиозное научное построение, в котором затрагиваются и намечаются почти все основные теоретические проблемы, занимавшие впоследствии экономическую мысль. Кене принадлежит главная заслуга в этом теоретическом построении системы. Школа его была не слишком велика учениками и теоретиками-последователями, продвинувшими сколько-нибудь дальше экономическую теорию физиократизма.

Тем не менее, все же следует упомянуть о ближайших сотрудниках и последователях Кене, иногда ближе связывающих доктрину физиократизма с последующими учениями, чем сам ее создатель.

После смерти Кене во главе кружка «экономистов» становится маркиз Мирабо, ближайший сотрудник всех трудов Кене. Исходя из

общих с последним философских предпосылок, Мирабо, однако, идет несколько дальше Кене в смысле лозунгов экономической политики. Требования экономической свободы, невмешательства—laissez faire, laissez passer—у Мирабо ставятся гораздо более резко и выпукло, почему и сам Мирабо стоит ближе к будущим манчестерцам, чем более оригинальный Кене.

Более важное значение, и как теоретик и как практический политик, имел другой последователь Кене, министр Людовика XVI Тюрго (Turgot, 1727—1781). Как министр, Тюрго испытал судьбу, до некоторой степени аналогичную Кольберу. Одно время влиятельный министр, он выступает с практической программой либерально-физиократического характера, притом с дальнейшим расширением как политических, так и экономических свобод. Эти требования наиболее точно были формулированы Тюрго в его «Проекте муниципалитетов», где он выступает с программой конституционного устройства государства и преобразования финансов в духе, близком к физиократизму Кене. Этот проект и явился причиной падения Тюрго.

Тюрго еще дальше отступает от ортодоксальной догмы физиократизма Кене. И в политических и в экономических воззрениях он является представителем того радикализма, который в дальнейшем находит себе выражение в лозунгах французской революции, а в экономической теории—в чисто буржуазной идеологии манчестерства. Он является представителем конституционных идей, при чем представительство он предлагает обосновать сначала на имущественном цензе, хотя предвидит, что грядущее развитие капиталистической системы приведет к всеобщему представительству всех трудящихся. Как радикал, он освобождает свою систему от метафизической идеологии Кене. Собственность и у него является основой общественного порядка, но эта собственность—не божественного происхождения, а просто лишь результат соглашения людей. Собственность—также и основа хозяйственной деятельности общества, но эта деятельность представляется Тюрго уже не в формах феодального, полунатурального хозяйства, а свободно - предпринимательского капиталистического хозяйства. Отсюда Тюрго является защитником крупного капиталистического и противником мелкого цехового ремесленного хозяйства, защитником свободы промыслов, торговли, труда.

В области чисто теоретических построений Тюрго разделяет основную доктрину физиократизма об исключительно производительной силе земли, но формулирует эту идею с характерной особенностью. «Только *труд земледельца,* говорит Тюрго, производит более того, что составляет заработную плату труда. Поэтому он и является единственным источником всякого богатства». Итак, труд земледельца, а не земля,—источник богатства; отсюда один шаг, чтобы сказать, что создателем богатства является труд вообще. Труд, но только труд земледельца, единственно производителен, так как только он создает прибавочный продукт, сверх расходов на содержание рабочего. Тюрго ищет, таким образом, источника создания прибавочного продукта, прибавочной стоимости в условиях производства, а не обмена. Однако, в об'яснении

причины возникновения этой прибавочной стоимости он колеблется: то это простой «дар природы», то это просто «неоплаченный продукт», который получает землевладелец от земледельца. Подходя так близко к проблеме трудовой стоимости и прибавочной стоимости, Тюрго, однако, не законченно развивает свои мысли в этом направлении. Подойдя к проблеме абсолютной трудовой стоимости (valeur fondamentale), основной ценности, как он выражается, он в то же время отказывается от познания этой абсолютной ценности и переходит к рассмотрению суб'ективной ценности (valeur estimative, ценности значения), «ибо она есть не что иное, как выражение той степени значения, которую человек придает различным предметам своих желаний». Развивая понятие этой суб'ективной ценности, Тюрго указывает на ряд моментов (понятие потребностей, их шкалу, степень интенсивности, вытекающую отсюда разницу в суб'ективной оценке предметов). Тюрго высказывает ряд положений, близких к высказанным впоследствии австрийской школой. Другие вопросы, которые занимали Тюрго, были— о деньгах, о проценте, о торговле, налогах и проч.

Тюрго, как и Кене, не оставил крупных и законченных экономических трактатов. Наиболее интересно его небольшое сочинение «Размышления о создании и распределении богатств» («Réflexions sur la formation et la distribution des richesses», 1770). Далее следуют не вполне законченные статьи о ценности и деньгах, о ярмарках и рынках, изложение системы Гурне и проч.

Вскоре после падения и смерти Тюрго, окончательно пала во Франции и школа физиократов. В других странах физиократизм также нашел себе временное распространение (в Германии, Швейцарии, Италии, Швеции, России), не выдвинув, однако, сколько-нибудь крупных и оригинальных имен.

Таковы общие положения учения физиократизма, который, если сравнить их с основными положениями меркантилизма, представляет громадный шаг вперед в работе экономической мысли. Физиократизм делает шаг вперед тем, что признает общую закономерную связь между отдельными социально-экономическими явлениями и рассматривает не отдельные элементы экономической жизни, а всю общественную проблему в целом. Меркантилизм не знал еще этой общей закономерности социальных и экономических явлений. Далее, анализ условий производства становится со времени физиократов центром экономической науки, и в этом отношении особенно велика заслуга физиократизма по сравнению с меркантилизмом, все внимание обращавшим на явления обмена, на торговую политику. Физиократы дали сильный толчок дальнейшему изучению теоретических проблем политической экономии, в особенности—проблемы создания ценности, так как они впервые обратили внимание на условия создания ценности и искали источников создания ценности именно в условиях производства. Они уже ясно нащупывают идею прибавочной ценности и ее источника, хотя и решают односторонне все эти вопросы, еще не ясно разобравшись в самом понятии ценности и меновой ценности, в их отличии от материального понимания самого продукта. Большой заслугой физиократов

является также их воззрение на общество как классовую организацию, хотя они также и этот вопрос разрешали односторонне и неправильно; но важно то, что они впервые выдвинули этот вопрос. Вместе с тем они достаточно четко ставят и вопрос о видах доходов этих общественных классов—о ренте, прибыли на капитал и заработной плате. Наконец, большой заслугой физиократизма является провозглашение свобод в области экономической политики, почему, в противоположность стеснительным требованиям меркантилизма, как отживающей идеологии торгового капитала, физиократизм является вместе с тем системой экономического либерализма, т.-е. принадлежит к только-что начавшей зарождаться в рамках феодального общества системе промышленного капитализма.

Литература. Ф. К е н е. Выбранные места, с предисловием А. Н. Миклашевского, в Библиотеке экономистов, 1896.—Т ю р г о. Размышления о создании и распределении богатств. 1905.—Г и г г с. Физиократы. 1899.—А ф а н а с ь е в. Главные моменты министерской деятельности Тюрго. 1884.—М у р а в ь е в. Тюрго. 1858.—Из общих курсов учение физиократов наиболее подробно изложено у Онкена. См. также К. М а р к с. Теория прибавочной ценности, т. I, 1906.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Классическая школа.—А. Смит.

Мы видели, что идеи меркантилизма к средине XVIII в. были уже совершенно развенчаны рядом философов и экономистов, хотя и не создавших еще законченной экономической и общественной научной системы, но все же уже выставивших ряд требований и положений, совершенно разрывавших с доктриной меркантилизма. Физиократизм еще далее ушел в научном и идеологическом обосновании новых требований развития производительной деятельности экономического предпринимательства, экономической свободы. В своих позднейших проявлениях, как, напр., у Тюрго, физиократизм представляется уже почти вполне выраженной экономической системой капитализма.

Тем не менее физиократизм все же не мог стать законченной экономической системой капиталистического общества. При всех своих либеральных предпосылках как в области общественно-политических, так и в области экономических воззрений, система физиократизма все же несла еще много пережитков и отголосков старого феодального строя. Законченная экономическая система капиталистического общества, а вместе с тем и основание всей буржуазной политической экономии нашло себе место, конечно, не в экономически отсталой Франции, а в передовой промышленной стране, в Англии. Именно здесь нарождающееся капиталистическое общество нашло себе свой символ веры, нашло свое собственное изображение, научное самопознание и об'яснение. Политическая экономия, как наука, об'ясняющая механизм и основы существования капиталистического общества, была создана. И поскольку это общество было уверено в незыблемости, абсолютной истинности своего существования, постольку и положения его экономики получали значение незыблемых, абсолютных истин. Новая школа получила характер и значение *классической*.

Отцом и основателем этой классической школы, а вместе с тем и всей науки политической экономии, считается знаменитейший шотландский экономист Адам Смит. Но вместе с тем и плеяда всех других крупнейших представителей экономической науки и классической ее школы—Рикардо, Мальтус, Милль, и др.—принадлежат к представителям именно английской науки. Поэтому становится особенно ясным, что причины появления классической школы необходимо искать в тех экономических условиях, которые наиболее полное выражение нашли себе именно в Англии.

Англия того времени являлась страной, которая стояла впереди всех других по своему экономическому развитию и вступала в новую эпоху, эпоху капитализма. Остатки прежнего феодального строя и натурального земледельческого хозяйства быстро и окончательно сходили на-нет. Но и узкие рамки сословного городского строя, городского цехового хозяйства также постепенно распадались под напором новых экономических условий. Англия вступала на широкий путь нарождающегося капитализма и быстрыми шагами шла к совершенно невиданным формам промышленной жизни. Пророком этого нарождающегося капитализма и является классическая школа, и прежде всего в лице своего основателя А. Смита.

В чем же заключались перемены хозяйственной жизни Англии, вызвавшие это новое учение, совершенно отличное от господствовавших до него систем меркантилизма, с одной стороны, и физиократизма —с другой?

Англия до конца XVIII в. быстро шла по пути укрепления своего всемирно-торгового могущества. Являясь в этом отношении передовой страной и стоя много впереди своих соперников, Англия переживала в это время эпоху расцвета и экономического первенства торгового капитала. Идеологическим отражением и научным выразителем интересов этого торгового капитала и являлся меркантилизм. Но вслед за торговым капиталом к концу XVIII века в условиях промышленной жизни Англии начинают складываться и выявляться новые явления, ведущие к образованию новых форм промышленного капитала.

Эти элементы новых промышленных форм к концу XVIII в. начинают окончательно закреплять свои позиции на месте старых, постепенно разрушавшихся форм ремесленного хозяйства. Уже торговый капитал в значительной степени расшатал фундамент и подточил основы мелкого ремесленного производства. В XVIII в. в английском ремесле начинает замечаться стремление к расширению своего производства и своих оборотов за пределы узко-ограниченной сферы прежней своей деятельности.

Вместо прежних 2—3 подмастерьев и учеников, ремесленники стремятся расширять свое производство и держать по 10—12 человек. Техника ремесла тоже изменяется. В более обширной мастерской можно ввести уже разделение труда между рабочими, и весь процесс производства, так же как и самый продукт, теряют характер того исключительного «создания мастера», как было в ремесле.

Размеры производства и масса вырабатываемых продуктов увеличиваются, и обрабатывающая промышленность, давая крупные избытки, начинает все более проявлять стремление к крупным рынкам сбыта, к экспорту своих продуктов за границу.

Все это изменяет и цели, ради которых велось хозяйство. Если раньше ремесленное хозяйство имело целью обеспечить ремесленнику лишь соответствующее условиям быта существование, то теперь начинает возникать дух наживы, стремление к получению прибыли.

Одновременно с этим постепенно происходят и крупные социальные изменения, как необходимые предпосылки для возникновения крупной

промышленности: начинает образовываться новый класс свободных наемных рабочих, класс пролетариата. В XV—XVI в.в. ремесленный строй еще не знал наемных рабочих, свободных от орудий производства пролетариев, так как социальные основы ремесла покоились на известном социальном равенстве участников производства. Мастер-ремесленник являлся лишь руководителем и творцом производства, но его подмастерья и ученики не являлись теми наемными рабочими, который он эксплуатировал в целях получения прибыли на свой капитал. Это были лишь другие возрастные группы, так как переход из подмастерья в мастера-ремесленника был формально свободен, а экономически, по условиям тогдашней техники, доступен. Цеховая организация первоначально не ставила никаких преград для увеличения количества мастеров, и всякий ученик, а затем подмастерье, после известного числа лет выучки и стажа, мог стать мастером. Поэтому первоначально, с расширением городской жизни и увеличением промышленной деятельности, число ремесленников начинает быстро увеличиваться. Ремесло, как известная общественная формация, в это время еще вполне соответствовало размаху и степени развития производительных сил, оно еще отвечало интересам большинства населения и стояло во главе прогрессивного развития экономической жизни.

Но уже в XV в., с развитием промышленной жизни, среди мастеров начинает замечаться все более обостряющаяся конкуренция, которая особенно усиливается с тех пор, как ремеслу представилась возможность работать на более широкий рынок. Вместе с тем цеховое ремесло, т.-е. экономически руководящий класс, из-за боязни конкуренции начинает ставить некоторые ограничения в свободе расширения производства и в переходе из подмастерьев и учеников в мастера. Таким образом, ремесло из форм прогрессивного развития производительных сил становится препятствием их росту, в интересах лишь некоторых групп населения. Оно перестает отождествлять в себе интересы большинства населения, и в нем начинает все более сильно наблюдаться противоположность экономических и социальных интересов отдельных групп. Среди подмастерьев, как класса, интересы которого теперь уже не совпадают с интересами групп, стоящих во главе производства, мастеров, возникает стремление к защите своих интересов путем создания различных организаций: организуются так наз. «братства подмастерьев», как прообраз будущих рабочих союзов. Первоначально эти братства находили себе даже некоторую защиту у мастеров, но впоследствии они начинают становиться все в более резкую оппозицию к цеховой организации мастеров своими требованиями определенных прав, повышения заработной платы и т. п., для достижения чего они прибегают даже к таким средствам борьбы, как стачки

Таким образом, в прежней единой цеховой организации начинает возникать все более резко проявляющаяся противоположность интересов, интересов работодателей и рабочих. Условия старого экономического уклада требовали старых форм ограничения производства и его регламентирования; новая жизнь создавала совершенно иные общественные отношения. В Англии еще в 1562 г. был издан закон об уче-

ничестве, регламентировавший число учеников, которое мог держать каждый мастер, минимум заработной платы, который он должен был платить рабочим и т. п. Закон этот существовал несколько веков, пока постепенно окончательно не отмер, став в совершенное противоречие с новыми условиями экономической жизни.

Эти новые требования экономической жизни все более ясно обнаруживались с распадением цехового ремесла и с созданием на его месте новых форм обрабатывающей промышленности в виде мануфактур, пользовавшихся уже трудом гораздо большего числа рабочих, чем ремесло, и притом рабочих вольнонаемных, профессиональных, рабочих, лишенных средств производства. Отношения, складывавшиеся между работодателем и рабочими в мануфактуре, совершенно не соответствовали тем правилам регламентации этих отношений, которые предписывались законом об ученичестве. Поэтому новый класс «мануфактуристов», т.-е. крупных (по тому времени) капиталистов, начинает вести продолжительную и упорную борьбу против закона об ученичестве. Еще в 1756 году, т.-е. через 200 лет после издания закона, английский парламент, выражавший по своему социальному составу интересы не капиталистов, а землевладельцев, вновь подтверждает закон об ученичестве. Но новая сила—нарождающийся промышленный капитал—уже дает себя чувствовать: английский парламент забрасывается целым рядом петиций и протестов против этого стеснения «свободы промышленности». Новая прогрессивная социальная сила побеждает старые отживающие интересы—парламент отменяет этот закон, санкционируя новые пути «свободы» для возникающей крупной фабрично-заводской промышленности.

Технические условия производства также способствовали намечавшемуся колоссальному перевороту в экономическом строе. Средина и особенно последняя четверть XVIII века представляется временем технических изобретений громадной важности. Вначале мануфактура побеждала ремесло только размерами и концентрацией своего производства, позволявшими ввести разделение труда. Самая техника производства оставалась той же, что и в ремесле, т.-е. преимущественно носила ручной характер. Изобретения второй половины XVIII в. превращают этот ручной процесс труда все более и более в машинный, как в отношении движущей силы, так и самого орудия работы. В 1769 году англичанином Уаттом изобретается паровая машина. В 1763 году англичанин Кэй изобретает так наз. «челнок-самолет» в ткацком производстве. В 1765 г. Гаргривс и в 1785 г. Аркрайт изобретают и усовершенствуют прядильную машину. В том же 1785 г. вводится новый механический ткацкий станок, работающий сотней челноков под руководством одного рабочего, вместо прежней работы каждым рабочим лишь одним челноком. В металлургической промышленности произведен был целый ряд изменений и открытий по обработке руд и выплавке металлов. В химической промышленности открыты новые составы, облегчающие производство и т. п. Наконец, пар начинает применяться не только в области производства, но и передвижения, и уже в 1809 году Фультон пробует свой первый пароход.

К этой эпохе промышленной революции, эпохе первых шагов победоносного шествия капитализма и относится жизнь и научная деятельность А. Смита, как основателя классической школы. Он жил, собственно, на границе старой отживающей эпохи и зарождения новых прогрессивных форм, когда требования новой жизни заявляли себя уже достаточно ясно и властно, но тем не менее далеко не всеми сознавались. С другой стороны, прогрессивные и положительные влияния нарождающегося капитализма настолько перевешивали отрицательные стороны старого строя, а свои отрицательные стороны сам капитализм еще не настолько ясно проявил, что А. Смиту выпало на долю быть не только провозвестником и истолкователем этих новых форм, но и их защитником против старых отживающих тенденций.

Другим представителям классической школы, как Рикардо, Мальтус, Милль, жившим уже несколько более поздно, дело облегчалось тем, что основные положения классической экономии стали уже общепризнанными. Но вместе с тем и в самом капиталистическом строе стали видны не только его прогрессивные черты, но и внутренние глубокие и тяжелые противоречия. Тот оптимизм, который был присущ А. Смиту и был так понятен у него, сменяется глубоким пессимизмом у других представителей классической школы—Рикардо и Мальтуса. Попрежнему, как и А. Смит, веря в незыблемость и абсолютную истину капиталистического общества, эти авторы все же не смотрят на него как на гармоническое, равно об'единяющее интересы всех его членов. Внутреннее развитие капитализма приводит, таким образом, лучших представителей его экономической науки к осознанию кроющихся в нем неразрешимых социальных противоречий. И хотя эти поистине гениальные буржуазные мыслители-экономисты все еще стоят на почве абсолютной истинности и неизменности капиталистического строя, тем не менее брошенные ими семена пессимизма и сомнения порождают впоследствии богатые всходы уже совсем в других, новых и прогрессивных, экономических течениях. И наоборот, те из позднейших представителей классической школы, которые проходят мимо этого пессимизма и сомнения, усвоив лишь оптимизм А. Смита, доводят этот оптимизм до крайности, вульгаризируя его и подготовляя развенчивание и падение классической школы.

Таким образом, весь цикл развития экономической мысли в этой школе можно разделить на следующие периоды: А. Смит, как основатель,—эпоха молодости и оптимизма в школе; Д. Рикардо—Мальтус — Милль — эпоха намечания общественных противоречий, пессимизма в школе, еще без критики ее основ; Ж. Б. Сэй, Бастиа—эпоха популяризации, крайнего оптимизма и вульгаризации; наконец—Сисмонди—критическое отношение, звено, соединяющее с новыми течениями.

АДАМ СМИТ (1723—1790 г.).

Адам Смит почти всеми представителями науки бесспорно считается основателем политической экономии, ее главнейшим творцом, заложившим фундамент всего здания экономической науки. Среди «буржуаз-

ных» представителей политической экономии никто не пользовался таким исключительным, таким продолжительным влиянием в экономической науке, как А. Смит. Все предшествовавшие ему экономисты, даже такие, как физиократы, являются только искателями научных путей и подходов к проблемам политической экономии. Все последующие писатели буржуазной политической экономии, даже такие тонкие и гениальные, как Рикардо, являются лишь развивателями идей А. Смита, дополняющими и уточняющими поставленные им проблемы. А. Смиту принадлежит научная заслуга — впервые точно и научно формулировать и свести в законченную научную систему основы политической экономии, т.-е. основы экономии капиталистического общества.

А. Смит.

Конечно, не случайностью и не какою-либо исключительною гениальностью об'ясняется такое «открытие» А. Смитом научных основ экономии капиталистического общества. По всему своему характеру научного мышления А. Смит не представляется человеком какой-либо исключительной силы предвидения и проникновения в новые формы социального бытия. Наоборот, он был лишь скромным наблюдателем экономической жизни своей эпохи, но наблюдателем, понявшим всю сущность, всю сложность и всю закономерность новой социальной жизни. Изучая, анализируя, иногда просто бесхитростно описывая новые явления современной жизни, А. Смит незаметно подходил к синтезу этих явлений, к созданию теории капиталистической экономии. И как сам капитализм тогда еще подкупал своей простотой и несложностью, так и теория А. Смита выливалась большею частью в простые, несложные, а поэтому и всем понятные, легко усвояемые формулы и аксиомы. И вместе с тем за этой простотой скрывалось глубокое научно-теоретическое понимание и обобщение самой сущности наблюдавшихся им явлений, почему эти его наблюдения и обобщения и могли стать фундаментом для будущей постройки здания всей науки политической экономии, первой научной школой в развитии этой науки.

Вот почему его труд «Исследование о природе и причинах богатства народов», изданный в 1776 году, и явился откровением для одних, настольной книгой для других, надолго сделавшись неисчерпаемым источ-

ником для дальнейшего изучения и разработки экономической теории и практики.

Как же подходил к разрешению этой новой проблемы общественной науки А. Смит? Нужно помнить, что политическая экономия, как наука, в эпоху А. Смита еще не вполне обособилась и не выделилась в самостоятельную науку из общего цикла обшественно-философских наук. И если А. Смит, как современник эпохи нарождающегося капитализма, взял от него материал для создания науки о народном хозяйстве, то, как представитель тогдашней науки общественной философии, он сумел научно обосновать и выделить особое новое содержание, предмет, метод и границы этой новой науки. Этим вполне закреплялось и общественное и чисто научное значение А. Смита.

Сын нотариуса г. Эдинбурга, А. Смит (A. Smith, 1723—1790 г.) получив тщательное воспитание и хорошее подготовительное образование в родном своем городе, поступает в 1736 г. в Глазговский, а с 1740 г. в Оксфордский университет, где проходит университетский курс философии. По окончании университета, он в 1748—51 г.г. читает в качестве преподавателя в Эдинбургском университете лекции по риторике, эстетике и истории литературы, а с 1751 года занимает кафедру логики в Глазговском университете, читая в течение 1751—64 г.г. лекции по нравственной философии и получив в 1762 г. от Глазговского университета ученую степень доктора прав.

Как видно из этих кратких биографических данных, А. Смит еще не был тем, что мы называем теперь экономистом. Результатом его лекционных работ за это время была книга «Теория нравственных чувств», курс лекций в Глазговском университете. А. Смит в это время, повидимому, еще мало останавливается на том круге вопросов, которые по тогдашней терминологии входили в область «политики» и которые впоследствии были об'единены им в теоретическую науку о народном хозяйстве.

Впервые обращению А. Смита к этим вопросам, повидимому, способствовало предпринятое им в 1764 году, в качестве воспитателя герцога Бэклея, путешествие во Францию. Здесь, проведя в Париже 9 месяцев, он знакомится с виднейшими представителями французской литературы и науки и в частности с кружком «экономистов», как они себя называли,—Кёне, Тюрго, Мирабо и др. Эти представители французского физиократизма, как первой научной экономической школы, оказали, повидимому, сильное влияние на дальнейшую работу мысли А. Смита. Возвратившись в 1766 году в Англию, он уже не возвращается к преподаванию нравственной философии, а, поселившись в родном своем городе Киркальди почти безвыездно, в течение 7 лет работает над основным своим трудом экономического содержания. В 1775 г. он приступает к печатанию и в 1776 году издает многотомное свое сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов». Этот первый экономический труд А. Смита был его и последним трудом, так как, хотя он прожил после его издания 16 лет (умер 17 июля 1790 г. в Эдинбурге) и в эти годы работал над двумя большими научными сочинениями по истории литературы и общему учению о праве, однако не издал их.

Таким образом, литературная слава А. Смита покоится на двух его трудах: «Теории нравственных чувств» и «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Но если первое сочинение имело известное значение для современной науки, то для нас оно представляет интерес лишь с той точки зрения, что в нем отражались и вырабатывались те взгляды и методы А. Смита-экономиста, которые впоследствии нашли себе законченное выражение в «Богатстве народов».

В содержание науки нравственной философии в эпоху А. Смита входили, как главные составные части: естественное богословие, этика, естественное право и политика. А. Смит останавливается первоначально на второй части, этике. Задачей этики в формулировке А. Смита является — дать ответ на два вопроса: во-первых, «что такое добродетель, или какого рода поведение обусловливает собою превосходный характер, достойный всякой похвалы»; во-вторых, «каким образом душа отдает предпочтение тому или другому поведению и одно называется достойным, а другое — порочным». Подробно рассматривая этот вопрос и критикуя направления и воззрения тогдашней философии, А. Смит приходит к заключению, что наше суждение о поведении третьего лица и признание его «соответственным» бывает тогда, когда мы считаем, что мы сами при аналогичных условиях поступали бы так же. «Так как непосредственное наблюдение не в силах познакомить нас с тем, что чувствуют другие люди, то мы и не можем составить себе понятия об их ощущениях иначе, как представив себя в их положении». Это чувство А. Смит называет симпатиею и считает его основой «соответственного» поведения, т.-е. добродетели. Движимый этой «симпатией», т.-е. в сущности собственными переживаниями, человек становится в отношении других «добродетельным». Но это не все — ведь и в этих третьих лицах наше «добродетельное» поведение должно вызвать в силу тех же условий известную реакцию — чувство «благодарности», так же, как противоположное поведение — чувство «мщения». И то и другое отношение вытекает из непосредственного нашего чувства, лежащего в основе нашей природы. Таким образом, наше «нравственное чувство», наша «добродетель» не есть какое-то особое чувство, заложенное в нас природой, а лишь естественное, природное свойство нашего организма, вытекающее из способности ставить себя в положение другого лица. Природа поступает здесь необычайно мудро и бережливо, достигая планомерности, целесообразности и порядка в условиях существования человеческого общества. В самой человеческой природе заложены таким образом основные предпосылки для правильного функционирования «прекрасно устроенного механизма» общественных отношений.

Таковы нравственно-философские обоснования А. Смитом существования общества, развитые им в его «Теории нравственных чувств». Такая «этика» должна была привести его к двум другим дальнейшим вопросам. Во-первых, этим определяется «естественное право» всякого человека в обществе, т.-е. совокупность норм, которые в силу самой природы определяют его положение в обществе. Во-вторых, этим определяется «политика», т.-е. совокупность правил, определяющих

поведение человека в обществе в силу соображений целесообразности. В дальнейшей научной разработке этих вопросов А. Смит уклонился от первоначального своего плана — разработать сначала «естественное право» и все более стал интересоваться областью «политики», т.-е. вопросами о целесообразном направлении и регулировании деятельности человека для достижения богатства и благосостояния. Однако, в многообразии затрагиваемых «политикой» вопросов, А. Смит начинает все более интересоваться лишь одной частью вопросов — вопросами чисто хозяйственного порядка. И при этом, начав их исследовать с точки зрения «политики», т.-е. целесообразности, он незаметно для себя все более подходит к изысканию об'ективных моментов, определяющих хозяйственную деятельность, т.-е. от «экономической политики» приходит к созданию теории политической экономии.

Так из этого философа-экономиста выработался экономист чистой воды. Поэтому-то для понимания всей системы и всего мировоззрения А. Смита нельзя рассматривать его «Богатство народов» без его «Теории нравственных чувств». Развивая в этом последнем сочинении свою теорию полу-эгоистической «симпатии», А. Смит через свои взгляды на «естественное право» и «политику» — приходит к законченному выводу — о хозяйственном «эгоизме», как естественной и законной движущей силе экономической жизни.

Основная идея строительства нового общества была найдена: хозяйственный эгоизм и свобода его осуществления — они не противоречат нравственности, они «этичны», они соответствуют естественному, неот'емлемому праву каждого; они целесообразны, так как наилучшим образом ведут к благосостоянию каждого, и дело «политики» — лишь не мешать их осуществлению.

Символ веры капиталистического общества был сформулирован, душа и идея его найдены. Оставалось только разработать эту идею, наполнить конкретным материалом и положить ее в постройку законченного здания. А Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» и является гениальным архитектором, сооружающим блестящее здание теории экономии капиталистического общества.

По своему содержанию сочинение А. Смита делится на 5 книг.

Первая книга посвящена исследованию происхождения богатства, факторов его образования и форм распределения его между лицами, участвующими в производстве (заработной платы, прибыли на капитал, ренты).

Вторая книга рассматривает материальные условия создания богатств (главным образом, вопрос о капитале, его размерах, формах и значении для производства).

Третья книга носит описательно-исторический характер, рассматривая общий ход развития хозяйства у различных народов.

Четвертая книга рассматривает историю систем политической экономии, останавливаясь, главным образом, на изложении и критике меркантилизма и физиократизма.

Пятая книга посвящена вопросу о «доходах государя или государства», т.-е. вопросу о финансах.

Как видно из этого содержания, основной теоретической частью сочинений А. Смита является книга первая и отчасти вторая, в которых заключаются все основные теоретические концепции А. Смита.

Исходным пунктом экономической теории А. Смита является его взгляд на экономический мир и на хозяйственную жизнь общества как на своего рода общественную мастерскую, где трудом всего общества и с помощью разделения труда между его отдельными членами создается и выковывается экономическое благосостояние нации. *Труд—основной фактор создания богатства.*

Простая и ясная, как кажется теперь, идея. И тем не менее, выдвигая труд как фактор создания богатства, А. Смит вносил новую идею в экономическую науку. Кене и физиократы учили, что богатство создается только в земледелии и что земля, дающая «чистый продукт», является естественным создателем богатства. В противоположность этим воззрениям А. Смит выдвигает, как основной пункт своего учения, с которого он начинает свое изложение, что «годовой труд народа есть первоначальный запас, доставляющий ему для его годового потребления все предметы, необходимые для существования и удобства жизни, и все эти предметы или бывают непосредственным продуктом этого труда или покупаются на этот продукт у других народов».

Таким образом, труд является источником богатства народов, создает их благосостояние. А. Смит не оспаривает влияния ни естественных сил природы и земли, ни значения капитала, но все же, чтобы провести грань между своей системой и физиократами, он определенно указывает, что создателем богатства является только труд, без которого естественные силы сами по себе не могут создать богатства.

Тем не менее, А. Смит здесь все же отдает дань физиократическому влиянию. Земледельческий труд он считает более производительным, чем труд в промышленности.

И так как всякий качественно различный труд является создателем лишь качественно различных форм богатства, то отсюда вытекает вывод: благосостояние общества создается трудом всех его членов, разделением труда между ними, сотрудничеством. В этой особенности современного устройства общества лежит источник его экономического преуспеяния. «Самое большое влияние на улучшение производительной силы труда оказывает *разделение труда*»—так начинает А. Смит свое исследование.

Рассматривая конкретные формы, в которых в современном ему хозяйстве выливалось разделение труда, А. Смит дает свое знаменитое описание булавочной мануфактуры, где все производство поставлено на разделении труда и где достигается поэтому высокая степень производительности труда—примерно в 4000 раз больше, чем без разделения. Далее Смит рассматривает причины, способствующие разделению труда, указывая, что таковыми являются: 1) ловкость, развивающаяся у каждого рабочего; 2) сбережение времени, которое обыкновенно тратится на переход от одной работы к другой без разделения труда;

3) изобретение машин, облегчающих труд. И А. Смит в конце главы живо изображает те благоприятные последствия для общего благосостояния всех членов нации, которые вытекают из общего и широкого применения разделения труда.

Но откуда же происходит разделение труда? Является ли оно изобретением какого-либо гениального благодетеля человеческого рода? Конечно, нет! Хозяйство, основанное на разделении труда, есть лишь следствие «присущего человеческой природе свойства—склонности к торгу, к обмену».

Самая же эта склонность—есть не что иное, как эгоизм, стремление каждого получить в обмене то, что ему более нужно, что для него более выгодно. Это-то эгоистическое стремление к улучшению своего благосостояния и вызвало стремление к обмену, а через него—и к необходимости разделения труда.

Отсюда же ясно, что самое разделение труда имеет и свои границы: эти границы обусловливаются недостаточной возможностью обмена, т.-е. рынков, так как если рынок очень мал, то никто не сможет с выгодой заняться какой-либо работой, по невозможности обменять излишек произведений своего труда, превышающий собственное потребление, на излишек произведений труда других людей.

Итак, разделение труда и обмен, развитие техники и рынков—вот те пути, которые ведут к благосостоянию нации. В современном обществе, покоящемся на разделении труда и обмене, «только самая незначительная часть потребностей человека может быть удовлетворена произведениями его собственного труда», наибольшая часть этих потребностей удовлетворяется произведениями чужого труда, путем мены. Но ведь нужно организовать этот обмен так, чтобы он шел беспрепятственно, т.-е. чтобы каждый продавец мог легко сбыть свой продукт и каждый покупатель—купить. Отсюда возникает необходимость каждому человеку «во всякое время иметь наготове, кроме произведения собственного ремесла, еще известное количество такого товара, на который, по его соображению, лишь немногие отказались бы променять произведения своего ремесла».

Так, из всей массы предметов мены, т.-е. товаров, выдвигается один специфический товар в качестве денег. Постепенно ими становятся исключительно благородные металлы, на которые и начинает производиться обмен всех других товаров.

Здесь А. Смит с гениальной простотой подходит к проблеме, ставшей впоследствии основной во всей теории экономической науки. В чем же сущность новых явлений и соотношений, возникающих с того момента, как предметы начинают производиться не для собственного потребления, а как товары, с тех пор, как в акте обмена встречаются, таким образом, два товаропроизводителя? С этого момента возникает в высшей степени важное явление: предмет получает не только имевшуюся у него потребительную ценность, но и меновую ценность, т.-е. «возможность покупки на него других товаров». И А. Смит подробно останавливается на этой основной проблеме — *меновой ценности*.

До сих пор А. Смит выступал перед нами, главным образом и прежде всего, как наблюдатель конкретных явлений, обобщающий их, возводя их до значения общих теоретических положений. Обилие конкретного материала и обобщающая сила ума делали до сих пор А. Смита безукоризненным. В вопросе о меновой ценности А. Смит начинает оперировать уже с чисто абстрактными понятиями и впадает в противоречия сам с собою.

Действительно, мы уже знаем основное положение А. Смита, что труд—создатель хозяйственных благ, создатель богатства. Отсюда естественный вывод, что труд—и создатель ценности предмета, основа и мерило того значения, которое мы придаем предмету. «Труд есть действительное мерило меновой ценности всякого товара», и «то, что каждый предмет стоит в действительности тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, которые он должен употребить на его приобретение» (гл. V). Эта идея А. Смита о труде, как создателе ценности, стала с тех пор основой трудовой теории ценности, воспринятой последующей политической экономией, вплоть до социализма, особенно последовательно усвоившего его и наиболее ярко развивавшего. Но А. Смит в дальнейшем развитии этого своего основного положения, сам того не замечая, впадает в противоречия с самим собою.

Определяя, что естественная цена вещи есть труд и усилия, необходимые для ее получения, А. Смит здесь же рядом дает совершенно иное развитие этой мысли. Ведь в настоящее время, при разделении труда, человек только очень немногие свои потребности удовлетворяет своим трудом, все остальные он удовлетворяет продуктами чужого труда путем обмена на них своих произведений. Отсюда А. Смит приходит к совершенно иному пониманию ценности для человека, который владеет каким-либо предметом, но не потребляет его сам, а обменивает его на чужое произведение: ценность этого предмета равняется ценности того количества овеществленного труда, которое он покупает в чужом произведении.

Таким образом, А. Смит дает рядом две трактовки ценности: 1) ценность вещи—это мои труд и усилия, которые затрачены мною на приобретение этой вещи; 2) ценность вещи—это труд и усилия других, которые я приобретаю за эту вещь. На первый взгляд кажется, что здесь нет противоречия: если труд является создателем ценности, то затрачиваю ли я свой труд на вещь, или затрачивает кто-либо другой, а я лишь меняю на эту вещь свою, с равным количеством труда,—дело не меняется. Происходит обмен трудовых эквивалентов; качественно различные предметы, как овеществленный труд, обмениваются в равных трудовых измерениях.

Дело нисколько не меняется от того, что самый обмен происходит не непосредственно в виде обмена одного предмета на другой, а с помощью посредствующего товара—денег. Действительно, ведь в развитом обществе «мясник не ведет своего быка или барана к хлебнику или продавцу пива, а ведет их на рынок и там меняет их на деньги, на которые потом покупает хлеб и пиво». И хотя оказывается, что «меновая ценность всякого товара гораздо чаще определяется количеством денег,

а не количеством труда», тем не менее, деньги все же остаются лишь «нарицательной» ценой товара, тогда как труд, как никогда не изменяющийся в своей собственной стоимости, представляет «единственно действительное и последнее мерило, которым во все времена и во всех местах определяется ценность всех товаров».

Такова абстрактная и абсолютная предпосылка. Но А. Смит никогда не забывал за теорией действительность, никогда не извращал перспективы действительности ради голой теории. Обмениваются ли в действительности товары по их трудовым ценностям? Да, говорит А. Смит, «при первобытном, некультурном состоянии общества, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность», единственным основанием обмена было равное количество труда, и «всякое произведение, стоившее обыкновенно двухдневного или двухчасового труда, ценилось вдвое дороже того, на что требовался обыкновенно один день или один час труда» (гл. VI).

Но в «развитом обществе», в обществе с накоплением капиталов и с частной собственностью (т.-е., скажем мы теперь, в капиталистическом обществе) положение меняется. И А. Смит с гениальной смелостью вскрывает эту особенность капиталистического общества: «Хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую ценность для того, кто работает, однако они имеют то большую, то меньшую ценность для нанимателя. Последний покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров... в одном случае она (цена труда) кажется ему дорогою, в другом—дешевою» (гл. V).

Итак, явился новый фактор—явился «наниматель», покупатель труда, явился капитал. И когда в обществе имеется «скопление капиталов», когда эти капиталы начинают употребляться, «чтобы давать работу трудолюбивым людям», когда появляется «наниматель», сам труд становится... товаром. Его действительная цена—«состоит из количества предметов, необходимых для существования и удобства жизни, которыми платят за него, а нарицательная—из количества денег» (гл. V).

Столь простая мысль, которую, однако, мог положить в основу теоретической экономии только А. Смит, т.-е. только ученый той эпохи, когда действительно «труд» стал товаром!

Но если труд, как всякий товар, обменивается по ценностным эквивалентам, то какую же выгоду получает наниматель, если он получает от рабочего такое же количество ценности в продукте его труда, какое он отдает в виде ценности предметов существования рабочего, т.-е. заработной платы? И здесь А. Смит из прозорливого наблюдателя неожиданно превращается в современника нарождающегося капитализма, живо понимающего и оправдывающего его мотивы. Конечно, говорит он, «предприниматель не нашел бы никакой выгоды нанимать рабочих, если бы не рассчитывал получить от продажи сработанного ими произведения что-нибудь сверх того, что нужно для восстановления употребленного им в дело капитала». Если он это делает, то только для того, «чтобы потом получить барыш на продаже их произведений,

или на том, что люди эти своим трудом прибавили к первоначальной стоимости материалов» (гл. VI).

Итак, предприниматель получает свой естественный доход от продажи сработанного другими продукта. Отсюда можно сделать вывод, что капиталист уплачивает рабочему всю ценность продукта его труда и, лишь продавая его выше его трудовой ценности, получает в обмене прибыль. Но это противоречит другим мыслям А. Смита,—что предметы обмениваются по трудовым ценностям—и он не может выйти из этого затруднения.

Тем не менее, его основным и ясным положением все же остается, что только труд является создателем ценности.

В связи с этим у А. Смита возникает еще одна проблема. Всякий ли труд, всякие ли усилия и работа создают ценность? Нет,—говорит А. Смит—есть очень много занятий, даже весьма почтенных, и которые ценностей не создают. Но какой же труд производителен? И А. Смит здесь также остается непоследовательным и двойственным, колеблясь между желанием определить производительность труда вообще и пониманием производительности труда лишь в условиях капиталистического производства. Производительным у него является то лишь тот труд, который создает прибавочную ценность капиталисту, т.-е. труд рабочего, получающего заработную плату меньшую, чем вся созданная им в процессе труда ценность; то тот труд, который вообще создает какую-либо ценность, воспроизводя в ней хотя бы лишь ценность средств своего существования. Среди этих двух взглядов—с одной стороны, вытекающего из его собственных воззрений, с другой—навеянного физиократами—и колеблется А. Смит.

Но, так или иначе, труд является создателем ценности, и «рабочие своим трудом прибавляют к ценности первоначального материала» новую ценность. Эта ценность делится на две части: одна составляет заработную плату рабочего, другая—прибыль капиталиста.

Нельзя не поражаться, как гениально и вплотную А. Смит подходит к разрешению той проблемы, которая с тех пор стала загадкой экономической науки: кажется, что он уже вскрыл загадку капиталистического общества, происхождение «прибавочной ценности», как продукта создания труда, происхождение прибыли, как части этой, созданной трудом, прибавочной ценности...

И тем не менее, подойдя так близко к открытию тайны капиталистического общества, А. Смит тотчас же отходит от нее и оставляет ее неразрешенной для всей последующей политической экономии, вплоть до К. Маркса.

Но последуем за самим А. Смитом. Откуда же берется прибыль капиталиста? Из приведенных цитат видно, что прибыль есть не что иное, как часть неоплаченного капиталистом труда; труд рабочего прибавляет ценность, капиталист продает продукт по полной ценности, но дает рабочему только часть, в виде заработной платы, присваивая остальную часть себе. То же самое делают и землевладельцы, ибо «с тех пор, как земля в какой-либо стране сделалась предметом частной собственности, владельцы ее охотно стали пожинать там, где они не

сеяли, и требовать себе ренты. Он (земледелец) должен платить за позволение собирать эти произведения, и ему приходится уступать землевладельцу часть того, что он собрал или произвел своим трудом». Труд, таким образом, отдает неоплаченную часть землевладельцу, который также реализирует ее. Но, ведь, выше А. Смит говорил, что труд, как всякий товар, должен обмениваться по полной своей ценности. Почему же здесь происходит иное?

А. Смит не в силах разрешить этот вопрос. Не замечая разницы между трудом, как создателем ценности, и его товарной формой—рабочей силой, которая продается за заработную плату (то различение, сделав которое, Маркс разрешил и всю проблему), А. Смит приходит к заключению, что при обмене между капиталом и трудом, т.-е. между овеществленным и живым трудом, установленный им закон отменяется, и эти товары перестают обмениваться по трудовым эквивалентам. Отсюда он заключает, что в условиях капиталистического общества, т.-е. при приложении капитала и при частной собственности на землю, труд и рабочее время перестают быть мерилом меновой ценности товаров. Ценность товара не определяется только трудом, а определяется заработной платой, прибылью и рентой и, следовательно, определяется не пропорционально труду, а пропорционально всему затраченному капиталу. Цена товара теперь уже состоит из трех самостоятельных частей—заработной платы, прибыли на капитал и ренты.

Совершенно правильно определив таким образом вначале прибыль и ренту, как простые вычеты из продукта рабочего и из ценности, прибавленной трудом к сырому материалу, А. Смит в последующих своих рассуждениях не смог выяснить причины, почему и как труд, как товар, обменивается не по общему закону, им установленному. И он сам же вновь отменяет этот закон. Этим он подорвал все значение правильно намеченной им трудовой теории ценности, основателем которой он все же может считаться.

Тем не менее, это обстоятельство не мешает А. Смиту в дальнейшем совершенно правильно и тонко развивать свои мысли. Прибавочная ценность у А. Смита является общей формой и источником ее частных проявлений—прибыли на капитал и ренты. Но и здесь он часто не дает ясного отчета в различии этих отдельных моментов и не делает из них надлежащих выводов. С одной стороны, так как прибавочная ценность создается только из неоплаченного труда, то она не зависит от той части капитала, которая вложена в виде сырья или средств производства. Наоборот, только из части капитала, затраченной на заработную плату, происходит прибавочная ценность, ибо только эта часть капитала не только сама воспроизводится, но и создает излишек ценности. Но А. Смит, смешивая и отождествляя прибавочную ценность с прибылью, приходит к заключению, что прибавочная ценность расчитывается по отношению ко всей сумме авансированного капитала, что приводит его к неясностям и противоречиям. Вместо об'яснения прибыли как части неоплаченной прибавочной ценности, А. Смит выводит ее как доход капиталиста, вытекающий из обладания капиталом и пропорциональный этому последнему.

В результате такого незаметного поворота в своих мыслях, А. Смит и приходит к такому выводу, который, казалось бы, опровергает все сказанное им же по вопросу об источниках создания ценности. «Заработная плата, прибыль и рента—вот три первоначальных источника всякого дохода, равно как и всякой меновой ценности» (гл. VI).

Вместо труда, как единственного создателя ценности, выдвигается учение о трех «факторах производства»—труде, капитале и земле и трех видах вознаграждения за них—заработной плате, прибыли и ренте. В дальнейшем А. Смит и останавливается на подробном рассмотрении каждого из этих «факторов».

Естественным вознаграждением за труд рабочего, его *заработной платой,* в условиях существования первобытного общества без частной собственности на землю и на орудия труда, является по А. Смиту полный продукт его труда. Но с тех пор, как совершилось обращение земли в частную собственность, землевладелец стал требовать из всего собранного продукта вычета в свою пользу в виде ренты. Точно также фермер-капиталист стал требовать второго вычета из продукта труда, как прибыль на затраченный им капитал в производстве (гл. VIII).

Таким образом, единый трудовой продукт в силу частной собственности подвергается вычетам в пользу собственников и делится на 3 части. На каких же условиях происходит этот дележ для отдельных частей? Высота заработной платы зависит от свободы договора между предпринимателем и рабочим. И предприниматели всегда берут верх над рабочими в силу своего более выгодного положения. Тем не менее есть предел, ниже которого заработная плата не может опуститься. Этот предел определяется суммой средств существования рабочего и его семьи. Около этого уровня и колеблется фактическая заработная плата в зависимости от целого ряда условий—приятности или неприятности труда, легкости и дешевизны обучения, экономических условий в виде непрерывности работы и т. п. (гл. X, разд. I). При этом, по мнению А. Смита, высокая заработная плата является положительным моментом для народного хозяйства. «Слуги, рабочие, ремесленники всякого рода составляют значительное большинство всякого большого государственного целого. А потому, то, что улучшает положение большей части, ни в коем случае не может быть рассматриваемо как явление, неблагоприятное для целого—напротив, никакое общество не может быть признано процветающим и счастливым, если большая часть его членов бедна и несчастна» (гл. VIII).

Дальнейшим элементом хозяйства является *капитал.* А. Смит определяет капитал как совокупность запасов, которые употребляются владельцем его не на личное потребление, а для получения дохода (книга II, гл. I). Другими словами А. Смит становится в понимании капитала на частно-хозяйственную точку зрения. И в зависимости от способа доставления дохода владельцу капитала, А. Смит делит последние на основной капитал, который приносит доход своему владельцу медленно и постепенно, все время оставаясь в руках владельца (машины, постройки и пр.) и оборотный капитал, который приносит доход вла-

дельцу лишь переходя из рук в руки, сразу употребляясь в производстве (деньги, запасы).

Размеры дохода с капитала, как уже сказано выше, представляются противоположными размерам заработной платы, так как они представляют из себя вычет из единого продукта труда. Установление их—также дело соглашения и конкуренции. Но для этого необходима, конечно, общая предпосылка—возможность экономической свободы в приложении и перемещении капитала. При этом, даже при формальной свободе, для наиболее выгодного соотношения между капиталом и трудом, прибылью и заработной платой, необходимы следующие условия: 1) чтобы приложение труда и капитала было хорошо всем известно и с давних пор распространено в какой-либо местности и не находилось в каком-либо монопольном, исключительном положении,—либо по отношению к капиталисту, либо по отношению к рабочему; 2) чтобы оно находилось в своем обычном, так сказать естественном, состоянии, а не в состоянии, например, регресса, когда соотношение заработной платы и прибыли изменяется; 3) когда данное занятие является единственным или главным занятием определенных лиц.

При таких условиях получается нормальное соотношение между заработной платой и прибылью. Но фактически, в странах Западной Европы не существует таких условий свободы приложения труда и капитала. И А. Смит, переходя, из области теории в область политики, подвергает резкой критике все те результаты, которые проистекают от политики вмешательства государства в эту область свободной борьбы экономических интересов (гл. X, разд. II).

Наконец, третьим элементом производства, входящим в состав ценности и определяющим высоту рыночной цены товара, является *рента*. А. Смит определяет ее как самую высокую цену, которую получает землевладелец за предоставление пользования землей арендатору. Рента, по мнению А. Смита, входит составною частью в цену продукта совершенно иначе, чем прибыль и заработная плата. Тогда как последние составляют причину высокой или низкой цены продукта, рента является следствием высоких цен товара. Поэтому только земли, предназначенные для хлебопашества, дают ренту, земли же, на которых получаются другие продукты, иногда дают, иногда не дают ренты, в зависимости от возможности большего или меньшего повышения на них цен (гл. XI, раз. I—II).

Этим в сущности и заканчивается содержание первой книги «Исследования» А. Смита, которую можно назвать «анатомией» капиталистического общества. Какова же его физиология, т.-е. как же живет и функционирует это общество, какие движущие силы приводят в действие эти элементы хозяйственной жизни, какие соотношения возникают в этих процессах между ними?

А. Смит не отводит в своем труде специальных глав, посвященных рассмотрению общих идей экономической жизни и ее движущих сил, как это делают физиократы. Тем не менее из рассмотрения отдельных мест его сочинения и из сопоставления отдельных его определений ясно видно, что все его воззрения проникнуты одной общей идеей об этой

движущей силе народного хозяйства. Такой главной движущей силой, определяющей всю хозяйственную жизнь, является по А. Смиту *«экономический интерес»*, *«экономический эгоизм»*.

Все рассмотренные нами феномены хозяйственной жизни, в виде хотя бы разделения труда, с которого А. Смит начинает свое исследование—в виде-ли денег, ренты, прибыли на капитал—все они имеют в конце концов в основе своей определенную движущую силу — стремление человека к личному интересу. Что же такое представляет из себя этот «личный интерес»? А. Смит определяет его как «естественное стремление каждого человека к улучшению своего положения». Человек, проникнутый этим личным интересом, экономическим эгоизмом, располагающий всю свою хозяйственную деятельность в зависимости от этого экономического эгоизма и есть тот homo oeconomicus, экономический человек, который, по мнению А. Смита, является нормальным, идеальным типом человека. Этот человек, заботящийся о своих интересах, является в то же время и наиболее полезным членом общества. Пусть каждый строит свою жизнь, руководствуясь стремлением к улучшению своего личного благополучия—в результате получится благосостояние всего общества. Ведь общество есть не что иное, как известная арифметическая сумма отдельных волевых импульсов, направленных к достижению благосостояния. Но если все люди заражены этим импульсом, то тем самым и все общество достигает своей высшей цели—высшего благосостояния и богатства.

Таковы те движущие силы, которые лежат в основе хозяйственной жизни общества. И в этом отношении взгляды А. Смита являются отражением и развитием, с одной стороны, тех материальных условий эпохи, с другой—тех философских доктрин и учений, современником которых был А. Смит. Интересно сравнить поэтому эти взгляды А. Смита с взглядами его современников—Кене и физиократов. И тот и другой исходят из основных принципов системы «естественной свободы». И Кене также считал, что сумма отдельных интересов членов общества составляет в совокупности общественный интерес и что если предоставить свободу развития личного интереса, то вместе с тем будет достигнуто и общественное благополучие. Тем не менее весь ход мыслей и доказательств у того и другого совершенно различны. Для Кене и физиократов—в основе общества лежит естественный порядок, естественное право. Этот естественный порядок и создает тот идеальный режим, к которому должно стремиться человечество; наоборот, не зная его, люди отдаляются от этого общественного идеала. Избретательный ум гения должен открыть этот идеальный порядок и дать человечеству образцы идеального человеческого устройства. Просвещенный абсолютизм, как идеальная власть, познающая идеальное устройство, должен вести общество по пути к этому общественному идеалу. У А. Смита не то: он исходит не из идеального режима и не из естественного права. Как эмпирик, он берет в основу своей общественной философии—общественный факт. Самым общим и постоянным фактом является стремление каждого человека к собственному благополучию. Следовательно, в целях общественного благополучия требуется только

осознать этот факт и поставить каждого человека в такие условия, когда он мог бы осуществлять это свое стремление. Государственная власть должна только освободить этот интерес и это стремление от мешающих его осуществлению препятствий. Государство должно предоставить человеку полную свободу осуществления его хозяйственного эгоизма и не вмешиваться в пути и способы его осуществления.

Ведь действительно, наблюдая все феномены экономической жизни, даже самые благотворные, мы видим, что они являются не результатом воздействия какой-либо внешней силы, распоряжения правительственной власти, а являются лишь результатом стихийного стремления к осуществлению своего интереса. Напр., возьмем разделение труда, эту, как мы видели, важнейшую причину экономического успеха современного общества. Откуда оно явилось? По предписанию или сознательному установлению какой-либо власти? Ничуть не бывало—только потому, что это разделение труда выгодно для участников хозяйственной жизни. «Разделение труда, доставляющее так много выгод, не есть результат какой-либо человеческой мудрости, сумевшей вперед предусмотреть и осознать общее благосостояние, порождаемое им. Оно есть необходимое, хотя и медленно и постепенно развивающееся свойство человеческой природы, вовсе не имеющей в виду столь важных и благодетельных последствий, а именно склонности к торгу, к обмену одного предмета на другой» (кн. I, гл. II).

Другой момент, которому, как мы видели, А. Смит отводит также крупное значение—это капитал. И в отношении к нему очевидно, что капитал появляется в хозяйственной жизни не по повелению или под воздействием государственной власти, а является результатом стремления человека к собственному благополучию. Наилучшим способом для улучшения способа производства и поднятия производительности является приложение усовершенствованных орудий и вообще вложение в производство накопленных запасов, т.-е. образование капитала.

Такую же причину имеет появление денег. Разве их кто-нибудь выдумал или сознательно установил? Нет, они возникли самопроизвольно, стихийно, как результат неизбежной экономической потребности. С возникновением разделения труда и обмена люди увидели, насколько неудобен непосредственный обмен, и поэтому «всякий предусмотрительный человек... естественно старался устроиться так, чтобы во всякое время иметь наготове, кроме произведений собственного ремесла, еще известное количество того или другого, на который, по его соображениям, лишь немногие отказались бы променять произведения собственного ремесла» (кн. I, гл. IV). Так возникли деньги.

Таково же происхождение всех других экономических феноменов, самопроизвольно и стихийно устанавливающихся в экономической жизни.

Отсюда ясно, что все вообще элементы хозяйственной жизни и экономические отношения отдельных людей, в ней участвующих,—труд и капитал, рабочие и капиталисты, землевладельцы—все это непреложные, тесно связанные друг с другом естественные элементы хозяйственной жизни и, как таковые, они являются одинаково равноценными

факторами ее, имеют одинаковое право на признание и существование, имеют одинаковое право на вознаграждение, т.-е. на долю в общественном доходе.

Таким образом, А. Смит и приходит к своему *оптимистическому взгляду на общественное устройство,* как на находящуюся в равновесии совокупность интересов отдельных лиц и отдельных групп. По своему положению в хозяйственной жизни все лица, в ней участвующие, принадлежат или к трудящимся, или к обладателям средств производства и капитала, или к собственникам земли. Общество поэтому состоит из трех классов—рабочих, капиталистов, землевладельцев. Это деление, являющееся естественным результатом экономической жизни, нисколько не нарушает гармонии интересов, ибо все классы одинаково стремятся к собственному благополучию, осуществляя тем самым благополучие общее.

Этот оптимизм А. Смита во взглядах его на общественное устройство приводит его и к дальнейшим выводам в области практической экономической политики. Естественным выводом из указанных воззрений является требование полной *экономической свободы* и невмешательства. «Если совсем устранить все системы поощрения или стеснения промышленности, то остается только одна простая и легкая система экономической свободы. Всякий человек, пока он не нарушает законов справедливости, пользуется полной свободой следовать тому пути, который ему указывает его собственный интерес, и употреблять свой труд и капитал, как ему заблагорассудится, нисколько не стесняясь тем, как действует какой-нибудь другой класс людей».

Если таковы воззрения А. Смита на пользу и необходимость полной свободы хозяйственной жизни, то, конечно, он не мог отнестись положительно и к господствовавшей до него системе экономической политики—меркантилизму, как системе крайнего вмешательства. Он не щадит своими критическими замечаниями все основные положения этой системы, доказывая, что ее мероприятия и попытки направлять хозяйственную жизнь в то или иное русло должны привести лишь к отрицательным результатам. Наоборот, путем стихийного сложения и нахождения своих путей экономическое развитие общества пойдет наиболее успешно и правильно.

Как же пойдет хозяйственная жизнь, устроенная по принципу полной хозяйственной свободы? А. Смит различает в этом отношении три главных пути, по которым направляется человеческая деятельность и энергия и по которым текут накопленные капиталы. Прежде всего земледелие, затем индустрия и, наконец, торговля; там, где по условиям данного момента приложение капитала и труда будет наиболее выгодным и производительным, туда они и станут притекать, хотя бы правительство и вздумало принимать меры поощрения к направлению их в какую-либо другую отрасль.

На первом месте в этом отношении стоит земледелие. Поэтому оно является преобладающим и преимущественным направлением хозяйственной деятельности, наиболее выгодным для затраты капитала. Земледельческий труд представляется наиболее производитель-

ным, тогда как труд индустриальный—менее производительный, ибо в земледелии бесплатно действует природа. Еще менее производителен труд в торговле оптовой, еще менее в транзитной. Это—как мы сказали—дань А. Смита учению физиократов.

Поэтому и в действительной жизни, при условии невмешательства, капитал и труд, предоставленные самим себе, будут направляться в отрасли хозяйства, наиболее доходные. Он, напр., не будет направляться на торговлю, если она представляется менее выгодной, чем индустрия и земледелие. Всякие меры стеснения пошлинами и таможенными заставами, всякие меры покровительства являются совершенно излишними, потому что сами капиталы будут направляться туда, где это наиболее выгодно. Роль государства поэтому сводится исключительно к невмешательству в хозяйственную жизнь, ограничиваясь минимальными задачами охранять частную предприимчивость.

Исходя из таких соображений, А. Смит и строит свою практическую *экономическую политику:* он требует отмены учреждений и законов, стесняющих передвижение земельной собственности, отмены майоратов, субституций, заповедных имений, утверждая, что каждое поколение имеет право на принадлежащую ему землю. Вместе с тем А. Смит является защитником эмансипационных идей, протестует против рабства, крепостного права, которые представлялись стеснительными для развития промышленности. А. Смит последовательно проводит идею свободы промышленной деятельности, требуя уничтожения монополий, всякого рода привилегий, как сословных, так и классовых. На сословных привилегиях базировалась система меркантилизма, которая в некоторых своих проявлениях дожила еще до А. Смита. Привилегии и монопольные компании, которые в то время процветали, являются, по мнению А. Смита, выгодными лишь для немногих участников, для всех же остальных членов общества они невыгодны, тормозя свободу предпринимательской деятельности и уничтожая возможность конкуренции. А. Смит высказывается против всякого рода пошлин, покровительственных тарифов, так как они извращают направление естественной хозяйственной деятельности и дают труду непроизводительное направление. Он сравнивает деятельность государства с деятельностью частного человека. Как для всякого благоразумного отца семейства невыгодно производить в семье своим трудом такие предметы, которые дешевле можно купить из других рук, так и для правительства не представляется надобности непосредственно иметь у себя в стране производство тех или иных продуктов, если их можно приобрести в другой стране, где для производства их существуют более благоприятные условия. Безумно было бы производить какие-нибудь вина в Шотландии, когда более дешево можно получить эти вина из Франции, где на-лицо все естественные условия для развития этой отрасли производства. В области торговли, таким образом, А. Смит является апостолом свободы.

Таковы главнейшие теоретические и практические предпосылки и выводы А. Смита в его «Исследовании». Сказанным, конечно, далеко не исчерпывается все богатство содержания этого сочинения. Но уже из изложенного понятны причины того колоссального влияния, которое

оказало это сочинение и на теоретическую разработку вопросов политической экономии и на практическую политику в экономической жизни.

Конечно, чтобы понять роль и значение А. Смита, необходимо отвлечься от современной экономической действительности и от современной экономической науки. Теперь нам трудно уловить всю новизну и оригинальность его идей и все значение их в экономической науке и жизни. Но с конца XVIII в. и в течение значительной части XIX в. вся экономическая жизнь и наука находились всецело под влиянием идей и настроений А. Смита. Его концепция экономической теории и практики была необычайно проста, ясна, понятна современникам, особенно подходила духу и стремлениям эпохи. Экономический эгоизм, стремление к собственному благополучию, как основа процветания общества; экономическая свобода; невмешательство государства; важность личной инициативы для достижения наибольшего размаха хозяйственной деятельности — все это было так близко и понятно для нового типа предпринимателя, которого выдвинуло начало XIX века, начало капитализма. Эта концепция была не только понятна и ясна, но и увлекательна для современников, быстро проникавшихся этой теорией А. Смита, как научной основой для их жизненных стремлений.

Поэтому-то эта концепция об экономическом эгоизме, об экономической свободе была воспринята как неоспоримое, абсолютное положение, как принцип, который всегда должен существовать и лежать в основе всякой хозяйственной деятельности. Такое упрощение и такое абсолютное истолкование было, конечно, слабой стороной учения А. Смита, которая у него самого не проявлялась сильно, благодаря его проникновенному пониманию жизни. Но у его последователей эта идея часто находила развитие до крайностей, почему даже и правильные положения вульгаризировались, извращались, доводились до таких выводов, которых сам А. Смит не хотел делать.

Но, пожалуй, еще большее влияние, чем это научное влияние, и сильными, и слабыми сторонами своими, имело учение А. Смита в другом отношении. А. Смит был особенно силен тем, что он необычайно правильно понял свою эпоху, экономические силы и потребности, в ней заложенные, а вместе с тем мог необычайно правильно предсказать прогноз развития экономической действительности. История экономической жизни XIX века шла именно в том направлении, которое, как единственно прогрессивное, только и было возможно для этой быстро развивающейся эпохи и которое так научно обосновал А. Смит. Хозяйственная жизнь освобождалась от всех стеснений эпохи феодализма и меркантилизма. Отмирали формально - сословные ограничения. Падало запутанное и сложное здание государственной опеки и регулирования. Завоевывала и находила признание личная хозяйственная свобода и предприимчивость. С ростом частного предпринимательства начался и быстрый рост богатства. На виду у всех шел быстрый расцвет обрабатывающей промышленности, как результат приложения капитала, роста техники, разделения труда. Сами собой напрашивались заключения о связи этих двух явлений. Блестящий, только что отстроенный фасад капитализма

закрывал уже и тогда, конечно, имевшиеся его язвы. Да победителям над отживающим феодально-ремесленным строем и не хотелось и некогда было об этом думать. Все было к лучшему в этом лучшем из миров, а если жизнь и требовала жертв, то это было лишь «естественно» и неизбежно. Так тонкий анализ и изучение анатомии капиталистического общества, впервые произведенные А. Смитом, самим капиталистическим обществом и наукой были усвоены, как идеологическое обоснование и оправдание собственного существования.

Подведем теперь итоги значения учения А. Смита для дальнейшей политической экономии, как в его положительных, так и отрицательных моментах.

А. Смит впервые ясно, законченно и научно очертил границы и содержание науки политической экономии. В противоположность меркантилистам и вместе с физиократами он основным ее содержанием сделал изучение производственных условий. Эти производственные условия он понимал не так узко и извращенно, как физиократы, а более широко, распространяя их на всякого рода производительное применение человеческого труда для создания материальных ценностей.

Изучение этих условий ведется А. Смитом на широкой почве конкретного эмпирического материала, но тем не менее он не остается только эмпириком. Он обобщает, систематизирует наблюдаемые им факты, возводит их в теорию, рассматривает в их типичной сущности. Он дал, таким образом, не только содержание и об'ект экономической науки, но и создал ее теорию. Эта теория у А. Смита создается путем применения научных обобщений и дедукций. Его метод — уже определенно дедуктивный: в этом и достоинство, и известный недостаток А. Смита.

Достоинство—потому, что этот метод позволяет А. Смиту возвыситься над голым эмпиризмом, как это было у его предшественников—меркантилистов и у его позднейших противников—историков. Недостаток — потому, что этот дедуктивный метод приводит А. Смита к обобщениям, иногда слишком далеким от действительности, к истолкованиям действительности, слишком подогнанным к теории. Вместе с тем, эти обобщения часто приобретают у него характер абсолютных, непреложных истин, вечных установлений, неизменных естественных движущих сил и явлений.

Вся его концепция приобретает характер *натурализма,* т.-е. признания неизменных, постоянно действующих в обществе законов, одинаковых для всех времен и народов. Его теория становится лишенной всякой историчности, т.-е. не признающей относительности и переходящего характера общественных явлений. Все его исторические экскурсы ограничиваются краткими замечаниями о «первобытном», «неразвитом» обществе, как противоположности современному ему «развитому», т.-е. капиталистическому. Первое представляет какое-то исключение, отклонение от нормального второго. Явления и отношения капиталистического общества возводятся в теорию и обобщаются, как законы существования всякого общества.

Истолкование самих этих явлений вместе с тем приобретает характер оптимизма. Они не только изучаются, как действующие силы, но и оцениваются, как лучшие. Правда, А. Смит не вульгаризировал так этот оптимизм, как это делают его эпигоны. Он лучшим считает общественное устройство на основах выдвигаемой им свободы только при «нормальных» условиях; в конкретной действительности он часто отмечает обратные, отрицательные явления. Тем не менее все его воззрения, как воззрения провозвестника молодой прогрессивной эпохи, окрашены оптимизмом.

При таком оптимизме, свобода становится естественным лозунгом А. Смита и его школы. И в этом отношении сам А. Смит также не был таким до жестокости последовательным, как были его ученики и развиватели и какой оказалась сама экономическая жизнь после-смитовской эпохи.

А. Смит является идеологом своей эпохи, идеологом нарождающегося капитализма.

Но не только истолкователем и идеологом известной эпохи был А. Смит. Его учение имело высокую об'ективную ценность. Об'ективно верное изображение капиталистического общества позволило последующей науке вплотную подойти к углубленному и более точному изучению феноменов экономической жизни. И в этом отношении А. Смит если не сам окончательно разрешил многие вопросы, то поставил хорошие вехи на пути к их разрешению. Его учение о труде и разделении труда, о производстве, о капитале стало классическим. Его учение об общественных классах впервые правильно формулировало производственные подразделения общества. Его трудовая теория ценности, несмотря на ее противоречия, дала основу дальнейшему правильному развитию. Его метод, хотя и вызвавший резкую реакцию, в конце концов, однако, все же положил основу действительно научным методам исследования экономических явлений.

Литература. Переводов А. Смита на русский язык было несколько. Лучший старый перевод Бибикова. А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. Спб. 1866. 3 т.—Его же. Теория нравственных чувств. Спб. 1868. Сокращенный перевод «Богатства народов» в «Библиотеке экономистов», под ред. М. Н. Миклашевского, то же сокращенный перевод со вступит. статьей проф. П. И. Лященко, изд. «Прибой», 1923 г.—Об А. Смите, кроме общих руководств: Жуковский. Смитовское направление и позитивизм в эконом. науке, «Соврем.» 1864.—Нейман. Исследование правил полит. экономии по системе А. Смита. 1817. — Беджгот. А. Смит, как личность, 1876.—Основной критический анализ теорий А. Смита у К. Маркса, «Теория прибавочной ценности», в. I.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Классическая школа.—Р. Мальтус и Д. Рикардо.

Как было указано, А. Смит является только провозвестником нарождающегося капитализма. Его жизнь и научная деятельность относятся к эпохе, когда старый ремесленный строй быстро отживал, но и новый капиталистический строй не приобрел еще господства и не выявил еще окончательно своих форм. Поэтому-то его учение и окрашено таким оптимизмом, так как положительное прогрессивное значение новых форм промышленности было для всех до очевидности ясным, а отрицательные общественно-экономические стороны его, наоборот, еще не выступали так резко. Для А. Смита проблема «богатства народа» являлась действительно проблемой развития капиталистической промышленности.

Однако, уже к концу XVIII в., т.-е. к концу жизни А. Смита и после написания им «Богатства народов», в промышленной жизни Англии быстро происходит тот переворот, который получил название «промышленной революции». Остатки мелкого ручного производства окончательно исчезли. Промышленностью всецело овладевало крупное машинное производство. Для организации его требовались большие капиталы. Изменения в технике вносили и резкие измнения в социальные отношения, так как капиталист становился организатором и руководителем производства, а прежний мелкий самостоятельный производитель переходил в разряд пролетариев, лишенных средств производства. Все это создавало отрыв населения от земли, рост чисто промышленного населения городов, пред'являвших при новых условиях жизни усиленный спрос на хлеб и другие земледельческие продукты. Цены на хлеб повышались, повышалась вместе с тем и рента землевладельцев.

Таким образом, промышленная и техническая революция привела к сильной дифференцировке общественных классов и обострению противоположности их экономических интересов. Если во времена А. Смита быстро идущий экономический под'ем действительно благоприятно отзывался на благосостоянии не только народившегося класса капиталистов - предпринимателей, но и рабочих, то теперь положение резко изменилось. Вместо разрешения задачи всеобщего благосостояния оказалось, что капитализм, принеся обогащение одним, приносил невиданные до тех пор ужасы бедности для других. Крупное капиталистическое производство оторвало массу населения от домашних промыслов, вырвало его из деревни, превратило в городского промышленного рабочего.

А промышленный и технический прогресс того же капитализма каждым введением новой усовершенствованной машины выбрасывал на рынок безработных, новых пролетариев. Капитализм создает до тех пор невиданное в Англии явление — избыточное население, не находящее себе источников существования.

К кадрам городского безработного пролетариата присоединяются также тысячи прежних самостоятельных мелких земледельческих производителей, теперь также лишенных главного своего средства производства — земли. Развитие промышленной жизни, вызвавшее повышение цен на хлеб, побуждало земельных собственников к округлению своих имений за счет отобрания земель от мелких собственников, от общин, от мелких фермеров. К началу XIX в. этот известный процесс «очистки» имений, сопровождавшийся изгнанием с земли громадных масс населения, был закончен, и Англия превратилась в страну исключительно крупного землевладения, с полным исчезновением мелкого крестьянства.

При таких условиях, конечно, нельзя уже было говорить об единстве экономических интересов различных общественных классов. Самостоятельные интересы капиталистов-предпринимателей и землевладельцев-рантьеров с одной стороны и рабочих—с другой, стали совершенно очевидными. Богатство одних несло бедность другим. Но не вполне совпадали интересы капиталистов и землевладельцев: последние всегда стремились снять все возрастающую часть прибыли первых в виде ренты. Совершенно резко обособились и различные источники доходов отдельных классов. Развитие промышленности, свобода предпринимательства и частной инициативы приносит громадное увеличение доходов одних классов, но не богатство всего общества, так как одновременно с этим начинает развиваться в небывалых размерах нищета оторванных от земли и от производства рабочих классов.

Перед новой наукой, только что созданной А. Смитом, наукой, певшей гимны прогрессу и богатству капиталистического общества, возникает новая проблема: не проблема о причинах и источнике богатства, а о причинах бедности народа, не учение о гармонии и о единстве экономических интересов, а об их противоположности.

Так возникают новые направления классической школы у двух крупнейших учеников и последователей А. Смита—у Р. Мальтуса и у Д. Рикардо. Являясь правоверными учениками А. Смита, веруя так же, как он в незыблемость и высшую истинность капиталистического порядка—в свободу конкуренции, в частно-хозяйственную инициативу, в частную собственность—эти ученики А. Смита уже не могли остаться такими оптимистами, как был их учитель. Впрочем, этот их пессимизм касался только признания факта экономического неравенства, противоположности интересов, бедности одних при богатстве других. Но они ни в коем случае не хотели из этого факта делать каких-либо выводов, опровергающих всю их систему в целом. Она попрежнему являлась для них наилучшей и наисправедливейшей. А если в ней и обнаруживались такие явления, как бедность, то вина в этом лишь самих членов общества, впавших в бедность, а не общественного строя.

Так сила событий и экономическое развитие общества резко и определенно поставили коренную общественную проблему на разрешение экономической науки. И разрешение это было таким, каким только оно и могло быть для этой эпохи и для этих представителей экономической мысли. Совершенно четко описав и признав все противоречия современного капиталистического общества, они признали их закономерным и неизбежным явлением всякого вообще общественного строя и не попытались поставить вопроса о путях и способах преобразования общества для уничтожения этих противоречий.

РОБЕРТ МАЛЬТУС (1766—1834).

Первые 20-25 лет вслед за появлением книги А. Смита прошли в английской экономической науке почти бесследно. После появления его классического труда, другого соответствующего по силе не было; не находилось других концепций, которые могли бы дать что-нибудь новое после тех построений, которые выдвинул А. Смит. Таким образом развитие экономической мысли в первые 20—25 лет после А. Смита шло на переработку, освещение, на некоторую пропаганду и истолкование идей А. Смита.

И только впервые через 20 лет появляется книга, вышедшая в 1798 г. сначала анонимно, книга, которая задалась целью трактовать не о богатстве и причинах богатства, а о бедности и причинах бедности народа: «Опыт о законе народонаселения». Не прошло и нескольких лет, как в 1803 г. понадобилось второе издание этой книги, при чем при этом втором издании автор открыл уже свое имя.—Это был английский священник из прихода Альбюри, Томас Роберт Мальтус (T. Malthus, 1766—1834).

Сочинение, которое он выпустил, представляет из себя небольшую брошюру, написанную очень сухо, специально, с массою цифр, но тем не менее впечатление от нее даже в широкой публике было ошеломляющее. Эта небольшая брошюра получила такой колоссальный успех и такое распространение, что до некоторой степени затмила своим шумом впечатление, произведенное в экономической науке и жизни книгою А. Смита. Вокруг этой маленькой брошюры возгорелась самая ожесточенная полемика, привлекшая к себе целый ряд авторов, ученых, публицистов, полицеистов, политиков и других, которые так или иначе определяли, так или иначе критиковали или всецело принимали эти идеи, высказанные Р. Мальтусом.

Почему же книга Р. Матульса получила такой колоссальный успех? Причина этого успеха заключалась в том, что эта книга выдвинула впервые совершенно новые идеи вместо тех идей оптимизма, которые до сих пор господствовали в экономической науке со времени А. Смита. Вместо упоения богатством, Р. Мальтусом было брошено грозное предостережение о бедности масс, грозное предостережение, что вместе с внешним расцветом промышленности, массы беднеют, и причина бедности заключается в непреодолимых естественных законах экономиче-

ской жизни. Эта новая мысль, высказанная при господстве идеи оптимизма А. Смита, и произвела ошеломляющее впечатление.

Причиной, вызвавшей появление книги Р. Мальтуса, было, как он говорит в предисловии, впечатление, произведенное на него памфлетом одного из анархических представителей французского социального оптимизма, *Годвина,* выпустившего незадолго перед этим свое сочинение:—«Опыт о скудости и расточительности» и «О политической несправедливости». Годвин был последователь рационализма и в этой своей книге рисовал общественное устройство идеальными чертами свободы, равенства и благосостояния, которые, по его мнению, не достигаются только по несовершенству политического и общественного строя. В критике этого общественного строя Годвин и дает свою знаменитую формулировку, с тех пор ставшую лозунгом анархизма (Годвин считается одним из основателей его): «всякое правительство, даже лучшее, есть зло». Это зло, присущее человеческому обществу, лишает его возможности расцвета, благосостояния и свободы. Бедность является причиной несправедливости общественного строя, неумения людей разумно устроить общество. Годвин верит в неизбежность прогресса науки, успеха промышленности. Он верит и в прогресс разума, как высшего стимула и высшей функции человеческой деятельности. Этот разум, по его мнению, в сознательно устроенном обществе будет сдерживать и те личные инстинкты, личные интересы, которые в современном обществе препятствуют осуществлению всеобщего блага. Разум будет задерживать борьбу за этот личный интерес, борьбу за наживу, за прибыль, которая в рационально устроенном обществе должна быть уничтожена. Вместе с тем, по его мнению, опасность недостатка средств существования отпадает в рационально устроенном человеком обществе, где господствует разум, потому что вместе с личными инстинктами разум будет сдерживать также и животные инстинкты, присущие человеческому организму, т.-е. инстинкты к размножению. В результате. по мнению Годвина, род человеческий может и совсем прекратиться, но даже если этого не будет, если размножение человечества будет

Р. Мальтус.

продолжаться, тем не менее, несоответствия между количеством средств существования и размножением населения никогда не получится и разве только «чрез мириады веков» пред человечеством может стать проблема о несоответствии средств существования с количеством населения.

Таковы идеи Годвина, выведенные им из рационалистических абстрактных предпосылок, приводящих его к утопическому оптимизму в экономической жизни. Этим оптимизмом Годвин доводил до крайнего предела оптимистические предпосылки классической школы. Он-то и заставил Р. Мальтуса сначала анонимно, потом открыто выступить против такого оптимизма.

Р. Мальтус, в противоположность Годвину, смотрит крайне пессимистически на перспективы развития общества. Он указывает, что опасность не так далека, как представляется Годвину. Наоборот, она очень близка, она уже есть. Заключается она в том законе человеческого организма, что человеку присуща способность к размножению, как животному, с известной скоростью, тогда как средства существования человеческого общества растут более медленно. В результате такого положения Р. Мальтус и выводит свой «закон народонаселения».

Основные выводы этого закона народонаселения Р. Мальтус сводит к трем основным положениям: «1) Количество народонаселения неизбежно ограничивается средствами существования. 2) Народонаселение неизбежно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только это не будет остановлено явными и могущественными препятствиями. 3) Эти особые препятствия точно так же, как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают население к уровню средств существования, могут быть сведены к следующим трем видам: к нравственному обузданию, пороку и несчастию». Поэтому-то благотворительность и всякие мероприятия, проводимые правительством для уничтожения бедности, как противоречащие естественным законам народонаселения, не достигают никакой цели и не имеют никакого смысла.

Каким же образом растет, по мнению Мальтуса, население, и каким образом растут средства к существованию? По мнению Мальтуса, средства существования растут в арифметической прогрессии, население же стремится расти в геометрической прогрессии. Закон роста населения в геометрической прогрессии является результатом биологического закона, т.-е. человеческая пара в известное количество времени может производить известное количество детей, эти последние дадут новое поколение и т. д. «Мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий 25-летний период в геометрической прогрессии». Другими словами, рост населения выразится таким рядом:

1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256. . . . . .

Рост же средств существования представится таким рядом:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, ...

Ясно, что даже при неточном совпадении роста населения и количества средств существования с приведенными рядами получается потрясающая картина. Если взять период удвоения населения в 25 лет и принять количество средств существования в первый период за единицу, то на 5-м периоде соотношение населения и средств существования представится как 5:16, по истечении двух столетий, как 9:256, через три столетия, как 13:4096. Расхождение между средствами существования и количеством населения по схеме получается громадное.

Почему же, однако, на практике, в действительности, нет такого расхождения между средствами существования и количеством населения? Если представим, что такое расхождение определилось как отношение 13:4096, то большинство населения должно было бы умереть от голода. Мальтус говорит, что в действительной жизни действует целый ряд препятствий, которые сводят количество населения к известному уровню соответствия его с имеющимися средствами существования.

Эти препятствия, которые влияют на понижение количества населения и на доведение его до уровня имеющихся средств существования, бывают двоякого рода: позитивные (репрессивные) и предупредительные. Репрессивными препятствиями являются такие, например, явления, как в прежнее время людоедство, убийство детей, убийство стариков—явления, которые на известной стадии хозяйственной жизни получают широкое распространение как средство борьбы человека с человеком за свое существование. Сюда же относятся и явления современной жизни в виде всевозможных войн, общественных бедствий, эпидемий, увеличивающих смертность. Естественное уменьшение числа зачатий и рождений является также позитивным препятствием. Человеческое общество само бессознательно стремится приспособиться в борьбе за существование к известному уровню средств существования.

Кроме этих репрессивных или позитивных препятствий должны иметь место еще превентивные (предупредительные) препятствия. Сам человек и все общество в целом сознательно могут стремиться к уменьшению количества населения для достижения соответствия между населением и количеством средств существования. Главным из этих превентивных средств Мальтус считает нравственное воздержание с целью уменьшения рождений.

Что такое нравственное воздержание? — «Воздержание от брака в связи с целомудрием, воздержание от ранних браков и внебрачный детей—вот что я называю нравственным воздержанием, — говорит Мальтус.—Если силой вещей цель не достигается, если появляются дети, для которых родители вследствие своей бедности не в состоянии дать соответствующих средств существования, — этот человек является лишним».

«Человек, появившийся на свет, уже занятый другими людьми, — говорит Мальтус, — если он не получил от родителей средств для существования, на которые он в праве рассчитывать, и если общество не нуждается в его труде, не имеет никакого права требовать для

себя какого-нибудь пропитания, ибо он совершенно лишний на этом свете. На великом пиршестве природы для него нет прибора. Природа приказывает ему удалиться, и если он не может прибегнуть к состраданию кого-нибудь из пирующих, она сама принимает меры к тому, чтобы ее приказание было приведено в исполнение».

Слова эти вызвали особенно сильные нарекания на Мальтуса и упреки в жестокости его воззрений. Ведь его жестокий приговор обрушивался только на бедных, которые не могут обеспечить свое потомство, не могут дать ему места на жизненном пиру. К ним, к этому бедному населению, и обращается Мальтус с призывом к воздержанию, целомудрию, уменьшению количества детей, тогда как богатые свободны от необходимости такого воздержания, ибо для них и их детей место на пиру найдется.

Это и явилось причиной столь многих резких отзывов о Мальтусе вообще, как о писателе и моралисте. Годвин говорил, что Мальтус является «мрачным гением, губящим все надежды человека». Из других авторов, тоже резко критикующих Мальтуса, упомянем Джемса Гонара, который говорит, что Мальтус является «самой пагубной личностью своего века»; самого Наполеона нельзя было считать таким жестоким врагом человечества, как Мальтуса; Мальтус защищает рабство, детоубийство, бесстыдство; признает мир настолько дурно устроенным, что наилучшие поступки должны производить дурные действия, он лишает мир поэзии и провозглашает «суета сует и всяческая суета».

Нужно однако сказать, что Мальтус не проповедывал тех идей, которые получили широкое развитие в воззрениях его последователей и которые не могут считаться его учением. Так, напр., один из его современников, выступавший под псевдонимом Маркуса, издал вслед за брошюрой Мальтуса свою книгу, в которой советовал умерщвлять детей. Мальтус не имеет также ничего общего с тем практическим осуществлением его идей, которым занялась «лига нео-мальтузианцев», рекомендующая целый ряд мер практического характера для уменьшения количества деторождений. Сам Мальтус, наоборот, указывал, защищаясь от нареканий в жестокости к бедным классам: «практическая цель, которую я имел в виду при написании своего сочинения, какие бы ошибки ни были мною сделаны, состояла в улучшении положения и в увеличении счастья низших классов общества».

Как бы то ни было, какой бы целью ни задавался в области морали Мальтус, какую бы мысль он ни преследовал, необходимо сказать, что в его учении была допущена крупная ошибка. Свой закон о народонаселении Мальтус основывал на биологических предпосылках, из которых он и выводил необходимость роста населения в геометрической прогрессии. Это была первая ошибка Мальтуса. Еще менее верны те его предпосылки экономического характера, которыми он доказывает, что средства существования растут медленнее, чем население, именно в арифметической прогрессии. Суть закона народонаселения вовсе не в биологии; закон народонаселения, как известная экономическая проблема, является результатом не биологических, а социальных законов. Поэтому источников или причин его необходимо искать не в тех или

иных биологических условиях роста населения, а в социальных условиях, в которых происходит этот рост народонаселения и его средств существования.

Обращаясь к фактической проверке его выводов, находим, что предпосылки Мальтуса о более быстром росте населения по сравнению с ростом средств к жизни фактически также неверны. В таких государствах, как С.-Амер.-Соединенные Штаты особенно резко обнаруживается несоответствие действительности с предполагаемым законом Мальтуса. Соединенные Штаты отличаются наивысшим по быстроте ростом населения: за 50-летие оно увеличилось с 23-х миллионов до 98-ми миллионов—увеличение даже более быстрое, чем предполагалось Мальтусом. Но если обратиться к увеличению за тот же период времени количества средств, составляющих народное богатство С. Штатов, то оказывается, что размеры национального имущества определились так: в 1850 году приходилось 308 долларов, в 1900 году уже по 1700 долларов на каждого человека. Даже при росте населения более быстром, чем предполагал Мальтус, благосостояние населения представляется увеличивающимся, а не падающим.

Но не в этом была основная ошибка Мальтуса. Основная ошибка его состоит в том, что он не обращал внимания или просмотрел то противоречие его учения с действительностью, которое указывалось особенно социалистическими его критиками. Он не обратил внимания на факт наличной бедности при избытке богатства, на факт тех социальных противоречий, которые имели место между бедными и богатыми. Мальтус этим вопросом или не занимался, или не смог его понять и об'яснить. Поэтому-то с призывом к уменьшению населения он и обратился именно к бедным, тогда как в действительности оказывается, что стремление к уменьшению населения, уменьшение деторождения замечается как раз не среди бедных людей, а среди богатых. Как показывает статистика крупных городов всех стран, процент рождения среди состоятельных семей менее, чем в семьях менее состоятельных.

Вместе с тем Мальтус, обращаясь с своим призывом к бедным, морально освобождал богатых от всяких забот относительно бедных, от всякого внимания к экономическим и социальным проблемам, потому что эти социальные причины представлялись ему, как истому классику, неизбежным законом, зависящим от биологических условий размножения населения. Если бы Мальтус обратил внимание на факт бедности при наличии богатства, конечно, он не пришел бы к тем выводам, которые он получил.

Поэтому необходимо сказать, что постановка вопроса Мальтусом сыграла отрицательную роль в развитии социального движения и социальной мысли XIX века. Действительно, социальное влияние учения Мальтуса было отрицательным и чисто реакционным. Оно являлось противодействием для всяких социальных реформ, для всяких социальных стремлений улучшить хозяйственное положение бедных. Всяким социальным реформам Мальтус противопоставлял эти естественные законы, говоря, что никакие социальные реформы не могут привести к какому-нибудь улучшению положения бедного класса, потому что

в основе этой бедности лежит биологический закон, требования которого неумолимы. Так стала разрешать социальный вопрос классическая школа, как только обнаружилось, что в капиталистическом обществе не все благополучно.

Нужно сказать, что известность Мальтуса, как экономиста не исчерпывается этой ошибочно выдвинутой им проблемой, законом о народонаселении. Мальтус известен еще и рядом других своих трактатов, среди которых нужно упомянуть «*Учение о ренте*». В этом учении о ренте Мальтус является более строгим, более об'ективным экономистом, создавшим некоторые предпосылки для учения о ренте, которые впоследствии были разработаны другими экономистами, напр., Рикардо. По определению Мальтуса, рента является той частью дохода от земли, которая остается собственнику земли за оправданием всех расходов, включая сюда вознаграждение труда и прибыль на капитал. Рента является, как говорит Мальтус, «естественным результатом сообщенного богом земле качества, которое дает земле силу прокормить больше людей, чем нужно их для обработки».

Таким образом, в понятие о ренте Мальтус включает два элемента. С одной стороны, ту естественную силу, которая вложена в землю, т.е. физический закон чистой производительности земли. С другой стороны, рента имеет своим источником не только вечный закон земельной производительности, но также известный экономический закон, который заключается в способности земли прокормить большее количество людей, чем нужно для ее обработки. В этой части Мальтус связывает свой закон о ренте с законом о народонаселении; только земля является той единственной силой, которая может прокормить большее количество людей, чем нужно для ее обработки. Следовательно, земледельческий труд имеет определенное свойство создавать спрос на свои продукты и бесконечно увеличивать ценность продуктов, потому что население страны сразу пред'являет повышенный спрос на продукты земли. Так как население растет быстрее средств существования, то, раз пред'является повышенный спрос на продукты земли, ценность продуктов земледельческого производства стремится к постоянному увеличению. В результате, таким образом, земля и дает своему обладателю этот избыток постоянно возрастающей ценности, избыток того дохода, который получается после покрытия всех расходов по производству продуктов, т.-е. ренту.

Вследствие этого свойства земли и получается разница в производительности ее, например, при приложении к земледелию капитала, вложенного в землю различного качества. Земля, которая обладает большим природным плодородием, дает большее количество продуктов, большее количество богатств для своих владельцев, в сравнении с менее производительной землей, которая иногда может дать лишь столько продуктов, сколько требуется для продовольствия рабочих на ней занятых, т.-е. не дать ренты. Отсюда, рента понимается Мальтусом, как рента дифференциальная.

Это учение о ренте является второй заслугой Мальтуса в истории экономических доктрин, заслугой не столь шумной, но гораздо более

важной. Как увидим далее, из последователей А. Смита впервые разрешил этот вопрос Рикардо, близко в этом вопросе примыкающий к тем мыслям, которые впервые высказал Мальтус.

Литература. Русских переводов «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса несколько — Чернышевского, 1860 г., Бибикова, 1868 г., сокращенный в «Библ. экономистов» под ред. Щепкина, «Трактаты Мальтуса и Рикардо о ренте» перев. Миклашевского, Юрьев, 1908. О теории Мальтуса писали: Чернышевский, в примеч. к переводу Д. Милля «Основания полит. экономии», Южаков, в «Социологических очерках», Водовозов, «Экономические этюды», 1897.—«Новые идеи в экономике» под ред. Туган-Барановского, вып. II. «Теория народонаселения и мальтузианство». С. П. Б. 1914 г.—Замечания о Мальтусе см. также—Маркс, —Теория прибав. стоимости», в. II и том III (изд. «Прибой»).

ДАВИД РИКАРДО (1772—1823).

Вторым крупнейшим представителем классической экономии, совершенно ясно поставившим перед собой проблему о противоречиях капиталистического строя, является Давид Рикардо.

Рикардо, как ученый и мыслитель, является, пожалуй, крупнейшим и поистине гениальным представителем экономической мысли. По силе своего абстрактного мышления и железной логике он может быть поставлен в уровень с таким гениальным мыслителем, отличавшимся теми же свойствами ума, как К. Маркс. Во всяком случае в этом отношении он стоит гораздо выше А. Смита, у которого широта абстракции уступала место широте практических знаний, проникновенности опыта, глубине наблюдений над конкретной действительностью. В этом отношении Рикардо, пожалуй, уступает А. Смиту, хотя ему нельзя отказать и в глубоком знании практической экономической жизни. Рикардо не был профессиональным ученым экономистом, как А. Смит; он был по профессии банкиром, т.-е. практическим экономическим деятелем, и обладал колоссальным запасом знаний в области практической экономии, может быть даже более, чем теоретик-профессор А. Смит. Но у Рикардо это знание практической экономии не кладется в основу трактовки им тех или иных проблем политической экономии. Частные факты экономической жизни и наблюдения над нею являлись для Рикардо, повидимому, лишь материалом для абстракции, для теоретических обобщений и построений. Но если Рикардо так удачно сочетал глубокое знание экономической действительности и практики с громаднейшей логикой и силой абстракции, у него при всей его гениальности нехватало одного элемента: историцизма. С гениальным проникновением подходя к пониманию и научному обобщению экономики современного ему общества, Рикардо, однако, не мог возвыситься до исторического его понимания, т.-е. до взгляда на всю социально-экономическую проблему, как на проблему историческую. В этом Рикардо остается верным сыном классической школы.

Родился Давид Рикардо (D. Ricardo) в 1772 году. По происхождению он был голландским евреем. Отец его еще в детстве Давида переселился

в Англию и здесь удачно занимался биржевыми операциями и нажил весьма крупное состояние. Поэтому и сына Давида он предназначал к той же практической деятельности. Уже 14 лет Рикардо принимал участие в различных практических торговых и биржевых операциях вместе со своим отцом. Поэтому он с молодых лет приобрел известный практический и экономический навык и широкие знания, особенно в вопросах денежного обращения, биржевых операций, и т. п. Вместе с такой практической работой Рикардо, однако, всегда отличался склонностью к научным изысканиям, склонностью к абстрактным наукам.

Д. Рикардо.

Да, пожалуй, и самый характер этих биржевых и денежных операций, всегда основанных на чистых математических расчетах и соображениях, способствовал развитию склонности к абстрактному мышлению. Поэтому, достигнув биржевыми операциями и торговопромышленной деятельностью крупного состояния, он весь свой досуг посвящал научным исследованиям политической экономии. В 1809 году Рикардо, принимая участие в парламантских работах, выпустил первую свою экономическую работу «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов». В 1815 г. он выступил с сочинением: «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала». Главное его сочинение: «Принципы политической экономии» (Principles of Political Economy) вышло в 1817 году. В этом последнем своем сочинении Рикардо выступает уже как крупнейший теоретик со всей силой абстракции и мощи своих теоретических построений и действительно создает целый ряд совершенно новых положений, которые с тех пор становятся классическими теориями политической экономии. К сожалению, ранняя смерть помешала Рикардо закончить свои научные изыскания, так как в молодых сравнительно летах, в 1823 г., т.-е. 51 года от роду, Рикардо умер, оставив небольшое по об'ему, но чрезвычайное по ценности литературное научное наследство.

Таким образом, главнейшее научное значение Рикардо определяется «Принципами». Это сочинение является бесконечно богатым источником для познания экономической теории, для изучения и разрешения ее отдельных проблем и для овладения тем научным абстрактным методом,

который в руках Рикардо явился таким могучим орудием экономического познания.

Остановимся прежде всего на методе Рикардо. Большое значение в науке политической экономии Рикардо получил прежде всего благодаря своему абстрактному методу. Пожалуй, в этом Рикардо достиг высших пределов совершенства, во всяком случае для современной ему науки. Не только среди предшественников Рикардо, но и среди экономистов позднейших направлений мы редко можем встретить теоретиков, равных Рикардо по силе абстракции. Рикардо широко применяет этот абстрактный метод. Если вы откроете его сочинение, то не увидите там богатства фактического материала, как у А. Смита. Наоборот, все его изложение заключается в применении чисто абстрактного метода. Изложение испещрено всевозможными абстрактными построениями, которые, по обыкновению, Рикардо всегда начинает так: «предположим, что...», «допустим, что...» Выдвигая такие абстрактные предпосылки, Рикардо создает целый ряд дальнейших абстрактных же выводов, очень важных, как в области теории, так и в области тех или иных практических заключений.

Этот абстрактный метод вызвал против себя сильные нападки, как ближайших современников Рикардо, принадлежавших к реалистической школе, так особенно со стороны представителей позднейшей исторической школы, которые указывали на оторванность от жизни теорий Рикардо и его чистых абстракций, совершенно неприменимых в реальной политической экономии и в исторической, конкретной действительности. Несмотря на эти нападки и стремление развенчать научное значение метода Рикардо, нужно сказать, что влияние Рикардо сильнейшим образом сказалось на дальнейшем развитии экономической мысли и на целом ряде других школ, которые так или иначе, даже незаметно для самих себя, принимали теории Рикардо. Достаточно сказать, что такие противоположные школы, как школы экономического либерализма, с одной стороны, и школа научного социализма — с другой, находятся под самым живейшим влиянием построений Рикардо. Либерализм черпал у Рикардо те доказательства либерально-экономической политики, которые у Рикардо находили еще более сильное подтверждение, чем у А. Смита. Социализм также многое в своем учении усвоил от Рикардо. Так, например, учение социализма о ценности, о ренте, о заработной плате в значительной мере представляет дальнейшее развитие основных предпосылок Рикардо. Например, в такой основной проблеме, как проблема трудовой ценности, научный социализм имеет своим прямым предшественником и источником учение Рикардо, так как Рикардо положил уже достаточно прочное основание для окончательного создания Марксом учения о трудовой ценности.

Значение Рикардо в истории экономической доктрины не исчерпывается, однако, абстрактным его методом, не исчерпывается теми его теоретическими построениями, которыми он создал свое значение в науке и истории экономической мысли. Главнейшей заслугой Рикардо является то, что он был первым экономистом из классической школы, который обратил внимание на *вопросы распределения*. Тогда как науч-

ное значение А. Смита заключается в том, что он свое исследование обратил на рассмотрение условий производства, Рикардо, наоборот, главной целью политической экономии ставит исследование вопросов распределения.

Свой главный труд, «Принципы политической экономии», Рикардо начинает с указания, что главным предметом политической экономии являются вопросы распределения. «Продукты почвы и все, что берется с поверхности ее соединенным применением к делу труда, машин и капиталов—говорит Рикардо в предисловии—разделяется между тремя классами, общества: землевладельцем, владельцем денег или капитала, необходимого на обработку ее и рабочими, трудом которых она возделывается. Но пропорции, в которых целый продукт почвы должен быть разделен между каждым из этих классов под именем ренты, прибыли на капитал и заработной платы, значительно различаются между собою на различных степенях общественного развития, что зависит, главным образом, от данного плодородия почвы, от накопления капитала и населения и от ловкости, способностей и орудий, употребляемых в земледелии. Определить законы, регулирующие это распределение и составляет главнейшую задачу политической экономии» («Принципы», предисловие, стр. 1).

Вот, следовательно, как начинает Рикардо свое учение. Если вспомнить те слова, которыми А. Смит начинал свое исследование «О природе и богатстве народов», то можно видеть всю разницу в постановке вопроса Рикардо и А. Смита. Последний начинает свое сочинение с того указания, что «годовой продукт, который производит нация», является главным основанием ее благосостояния и богатства. Другими словами, А. Смит прежде всего выдвигал вопросы производства и видел задачу исследования политической экономии в рассмотрении вопросов производства. Рикардо, наоборот, прежде всего выдвинул вопросы распределения и задачу политической экономии видел в изучении этих вопросов распределения. И здесь же он сразу подчеркивает и «неравномерность распределения общественного дохода между отдельными классами», так как отдельные классы пользуются «различными частями» этих общественных продуктов, т.-е. сразу вводит нас в проблему «противоречий» капиталистического строя. Вот почему Д. Рикардо, занявшись не вопросами производства, а вопросами распределения, приходит к пессимистическим выводам.

Исследуя, например, вопрос о ренте, он приходит к тому заключению, что рента является таким элементом общественного дохода, который стремится поглотить все большую его долю. И это поглощение общественного дохода, являясь нетрудовой долей землевладельцев, идет за счет других элементов — заработной платы и прибыли на капитал. Таким образом, между отдельными классами общества, представляющими эти элементы: землевладельцами—с одной стороны, и капиталистами и рабочими — с другой, имеется неизбежный антагонизм. Кроме того, самое существо ренты Рикардо молчаливо основывает на так называемом законе убывающего плодородия почвы, т.-е. на таком явлении, которое неизбежно в силу естественных условий земледельческого хо-

зяйства. Человечество должно затрачивать все больший и больший труд на добывание продуктов земледелия и в силу этого переходит все к худшим участкам земли. Вместе с ростом населения увеличивается необходимость все больший труд употреблять на добывание продуктов земледелия; поэтому неизбежно увеличивается рента, все большую долю отнимающая от прибыли и от заработной платы.

В вопросе о заработной плате Рикардо поэтому приходит к такому же пессимистическому выводу, что заработная плата, как известная доля в общественном доходе, стремится к постоянному уменьшению и не может подниматься выше известного minimum'а средств существования рабочего.

Таковы были пессимистические выводы Рикардо, которыми проникнуто все его учение и которые в значительной мере подорвали оптимизм воззрений классической школы А. Смита. Тем не менее, по теоретическим предпосылкам своего учения, Рикардо является верным сочленом классической школы и ближайшим последователем А. Смита. В области экономической политики, в области воззрений на весь общественно-экономический строй, Рикардо, попрежнему стоит на той же самой почве, на которой стоял А. Смит—на необходимости признания экономической свободы, на необходимости признания, как высшего стимула общественно-экономической жизни, личного интереса, личного эгоизма, как главной действующей его силы; на признании незыблемости и абсолютной неизбежности капиталистического строя. Общественный «пессимизм» Рикардо уживается у него, как у истого классика, с мнением об абсолютной неизбежности тех общественных противоречий, которые лежат в основе этого «пессимизма».

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению отдельных составных элементов и частей стройной экономической системы Рикардо, как она вылилась в его «Принципах политической экономии».

Свой теоретический анализ проблем политической экономии Рикардо начинает с анализа понятия ценности. Он прежде всего останавливается на той формулировке понятия ценности, которая была дана А. Смитом и которая, как мы видели, не нашла у него законченного и последовательного выражения. Рикардо, останавливаясь на определении ценности А. Смитом, говорит: «Полезность не есть мерило меновой ценности, хотя последняя без нее немыслима. Если предмет вовсе не имеет потребительной ценности, иными словами—если мы не можем извлечь из него ни удовольствия, ни пользы, в таком случае у него не будет и меновой ценности».

Итак, полезность есть лишь база, необходимая предпосылка меновой ценности. Чем же определяется эта последняя и где ее источник? Рикардо не дает здесь единого истолкования и об'яснения меновой ценности. По его мнению, все предметы и хозяйственные блага можно разделить на две группы: редкие и свободно воспроизводимые. Источник ценности для тех и других предметов неодинаков. Ценность предметов зависит или от количества труда, необходимого для его добывания,—для свободно воспроизводимых предметов, или от редкости—для предметов невоспроизводимых. Вот два основных источника, которые определяют

ценность предмета. Что касается редкости предмета, то этот элемент определяет ценность предметов, которые или вовсе невоспроизводимы, как, например, древние статуи, какие-нибудь редкие картины, которые для своего воспроизведения требуют известного мастерства исключительного характера и потому неповторяемы. Ценность таких невоспроизводимых предметов «абсолютной редкости», конечно, не может определяться трудом, затраченным на производство этих вещей. Ценность этих древних статуй и картин с течением времени возвышается, тогда как труд, затраченный в прошлом, не может изменяться и количественно не нарастает, а между тем ценность изменяется. Также редкостью определяется ценность и тех предметов, которые хотя не обладают абсолютной невоспроизводимостью, но которые лишь относительно редки, т.-е. для воспроизведения которых недостаточно одного труда, как простого фактора ценности. За этим исключением ценность всех остальных «свободно воспроизводимых» предметов определяется трудом,—для них труд, затраченный на производство, является единственным определителем ценности. Рикардо является здесь создателем абсолютной трудовой теории ценности.

Таким образом, своей теорией трудовой ценности Рикардо вносит весьма существенные поправки и улучшение в учение А. Смита. Во-первых, он устраняет противоречие в определении ценности у А. Смита, по которому ценность определяется то трудом, затраченным на производство данной вещи, то трудом, который можно приобрести за эти вещи.

Вторая поправка, которую вводит Рикардо в определение А. Смита, касается соотношения отдельных элементов ценности, т.-е. соотношения между трудом, капиталом и землей, как отдельными факторами, определяющими по А. Смиту ценность предметов. По мнению А. Смита, ценность предметов определяется простым трудом только в первобытном обществе, когда для воспроизводства предметов не требуется никаких орудий и средств производства, кроме труда. В обществе же, основанном на разделении труда, где, кроме труда, применяется капитал, ценность, по мнению А. Смита, определяется не только трудом, непосредственно потраченным на производство предметов, но издержками производства, т.-е. заработной платой, прибылью на капитал и рентой. По мнению Рикардо, эти соображения А. Смита неправильны, и капитал, как орудие производства, в современных условиях не оказывает влияния на ценность предметов. Ценность предметов и в настоящих условиях определяется только трудом.

Как же Рикардо доказывает это положение, что и при современных условиях капиталистического производства, т.-е. при применении капиталов в процессе производства, ценность определяется только трудом? Во-первых, капитал, по самому существу своему, является тем же продуктом труда, только накопленным раньше и назначаемым для дальнейшего воспроизводства. Если разложить понятие средств производства на их составные части, то найдем, что все они в конце концов сводятся к труду, как единственному определителю ценности. Так, если даже взять развитое капиталистическое общество, то, как говорит Рикардо,

«меновая ценность произведенных вещей соответствует труду, истраченному на их производство, и не только на производство непосредственно, но и на все орудия и машины, требуемые свойством тех видов труда, к которым он прилагается... Определяя, например, меновую ценность бумажных чулок, мы увидим, что она зависит от совокупности труда, потребного для их производства, и доставки на рынок. Во-первых, сюда войдет труд, потраченный на обработку земли, на которой был взрощен хлопок, во-вторых, труд на перевозку хлопка..., в-третьих, труд прядильщика и ткача, в-четвертых, часть труда инженера, слесаря и плотника, строивших здания и машины..., в-пятых, труд мелочного торговца»... Сумма всех этих трудовых затрат и определяет меновую ценность предмета. Поэтому, если вследствие какого-либо усовершенствования, например, улучшения машин, потребовалось-бы меньше труда для выполнения какой-либо работы, меновая ценность предмета понизилась бы, т.-е. «в обмен за них стали-бы давать меньше других вещей, в производстве которых не было сделано подобного сбережения труда» «Принципы», глава I, отдел 3). Заработная плата, как известный элемент издержек производства, несмотря на ее колебания, не может влиять на ценность предметов, потому что ценность определяется не заработной платой, как элементом издержек производства, а трудом, как затраченной на производство человеческой энергией. Если предположить, что заработная плата уменьшается или увеличивается вследствие каких-нибудь причин, удешевляющих стоимость содержания рабочих, то изменение коснется целого ряда предметов, и соотношение ценности предметов останется тем же. Поэтому, независимо от того, какая будет заработная плата, предметы будут оцениваться и обмениваться все же в той же пропорции, сообразно труду, затраченному на производство того или другого предмета. Тем не менее все же это правило получает известное ограничение.

Дело в том, что не все капиталы, вкладываемые в производство в виде машин, орудий и проч., одинаково прочны, одинаково скоро изнашиваются и в одинаковой пропорции с трудом вкладываются в производство. В одних случаях все затраты на производство делятся в одинаковых пропорциях между постоянным капиталом (машины) и оборотным (заработная плата), в других — эти соотношения иные, в-третьих—почти все затраты состоят из заработной платы. И хотя общая сумма затраченного капитала может быть одинакова, тем не менее относительная ценность различных предметов может изменяться под влиянием изменения указанного соотношения и падения или повышения доли заработной платы и соответственно — прибыли на капитал. Но эта модификация общего закона не изменяет его силы, и для абстрактного теоретического выяснения понятия ценности остается в силе общий случай. Поэтому орудия производства могут принадлежать рабочему классу или другому лицу, но это обстоятельство нисколько не изменяет способа определения ценности. Обильны или редки капиталы, но, во всяком случае, лица, посвятившие свои капиталы производству, возьмут известную долю продуктов, а остаток послужит заработной платой тем, кто затрачивает свой труд. Заработная плата

может повышаться, но количество труда, которое требуется на производство, от этого нисколько не изменяется. И так как такое возвышение заработной платы будет одинаково иметь место у всех производителей, то такое возвышение заработной платы не может оказать никакого влияния на определение ценности товаров. «Если один кусок сукна стоил два куска полотна, то как бы ни повышалась заработная плата, кусок сукна попрежнему будет продолжать обмениваться на два куска полотна».

Таким образом проблема ценности у Рикардо ставится, как проблема нахождения тех отношений, в которых меняются товары один на другой. Эту ценность Рикардо и называет «относительной» или «сравнительной» ценностью, неоднократно указывая, что в своем исследовании этого вопроса он только и обращает внимание на эту «относительную» ценность. Относительная ценность Рикардо, следовательно, есть не что иное, как определяемая рабочим временем меновая ценность.

Исчерпывается ли этим понятием «относительной ценности» все вообще понятие ценности у Рикардо? По задачам своего исследования и по поставленной проблеме—изучить законы распределения—Рикардо главное свое внимание останавливает на относительной ценности: раз можно считать доказанным, что в основе отношения меновых ценностей лежит труд, то ясно, что и проблема распределения сведется к изучению тех пропорций, в которых созданная трудом ценность распределится между отдельными участниками производства.

Отсюда остается сделать один шаг и задать вопрос: чем же определяется самая ценность предмета, в чем ее «субстанция»? Ведь, если бесчисленное множество телесно различных товаров, для производства которых употреблен телесно различный труд, обмениваются пропорционально труду, то, следовательно, можно и следует абстрагироваться от этих телесно различных форм труда до понятия труда вообще, среднего труда, труда, как затраты человеческой энергии вообще. Тогда окажется, что этот «абстрактный» труд и будет той общей для всех товаров субстанцией, которая лежит в основе не только меновых отношений товаров, но и является сущностью и мерилом самой ценности.

Рикардо близко подходит к этому вопросу, хотя все же не решается сделать последний шаг, чтобы признать труд основой «абсолютной» ценности. В главе XX своих «Принципов», о ценности и богатстве, он особенно близко подходит к разрешению этого вопроса. Различая здесь понятия богатства, как совокупности предметов «приятных и полезных», и ценности, как количества труда, необходимого на производство этих предметов, Рикардо определенно указывает, что «ценность всякого предмета увеличивается или уменьшается (т.-е. безотносительно к меновой ценности других товаров. *П. Л.)* в соответствии с легкостью или затруднительностью производства или, другими словами, соответственно количеству труда, употребленного на производство». И далее, «не изменяется ценность только тех товаров, на производство которых во все времена требуется одинаковая затрата времени и труда». Наконец, возражая Дестю-де-Трасси, что франками (деньгами) можно измерить ценность вещи, Рикардо говорит: «я полагаю, что можно найти такое ме-

рило. Так как предметы обоего рода представляют результат труда, то именно труд и есть общая мера, посредством которой может приводиться в известность, как их действительная (real), так и относительная ценность».

Все приведенные цитаты показывают, что Рикардо был близок и к понятию «абсолютной» трудовой ценности, т.-е. к понятию о труде, как субстанции и мериле ценности предметов. Однако, спутанность и неопределенность терминологии Рикардо, употребление им многочисленных и весьма неточных терминов «абсолютная», «реальная», «относительная», «действительная», «позитивная», «номинальная» ценность не дают возможности точно установить истинное и строгое понимание проблемы ценности. Поэтому-то критики Рикардо, особенно Бейли, Дитцель и др., потратили много усилий для доказательства противоречий Рикардо в этом вопросе. Да и сам Рикардо не считал свою теорию ценности сколько-нибудь законченной и, наоборот, указывая на ее несовершенства, высказывал пожелание ее дальнейшей разработки.

Для самого Рикардо понятие «относительной» меновой ценности, как методологическое допущение, было особенно важным, так как намечало дальнейший метод и путь для разрешения наиболее интересовавших его проблем распределения. Но, во всяком случае, за Рикардо остается громадная заслуга—подход вплотную к созданию теории абсолютной трудовой ценности. Сам не разрешив этой проблемы, Рикардо наметил, однако, настолько верные пути к ее разрешению, что создание теории трудовой ценности Маркса явилось лишь блестящим завершением трудовой ценности Рикардо.

Итак, допустив, что ценность продуктов пропорциональна затраченному на их производство труду, Рикардо приступает к выяснению основной своей проблемы—распределения. Еще в предисловии к своим «Принципам» он указывает, как на факт современного экономического строя, что весь продукт делится в виде доходов трех классов общества—заработной платы, прибыли на капитал и ренты. Но так как распределению подлежит вся созданная ценность, как продукт труда, то, ясно, все распределение между отдельными классами, участвующими в производстве, ограничивается этой созданной трудом ценностью.

Таким образом, Рикардо подходит к важнейшему моменту—к проблеме ценности и ее социологического применения. Являются ли все указанные виды общественного дохода модификацией единой, созданной трудом ценности или, наоборот, источник их лежит также в таких материальных факторах производства, как капитал и земля? Являются ли поэтому заработная плата, прибыль и рента только отражением общественных отношений лиц, занятых в производстве и делящих между собой продукт труда, или, наоборот, мы должны их рассматривать, как отдельные, разрозненные вещные элементы богатства, имеющие самостоятельные вещные источники своего происхождения: прибыль—из капитала, рента—из земли?

Разрешение этих вопросов в первом случае должно было бы привести Рикардо к созданию теории «прибавочной ценности», как того рычета из общей массы ценности, откуда получаются прибыль и рента,

как части этой прибавочной ценности. В то же время это привело бы к окончательному отказу от «фетишизации» хозяйственного процесса и экономических отношений, отказа от признания самостоятельными «факторами производства» капитала и др. материальных средств производства.

Рикардо действительно весьма близко подходит к разрешению и этого вопроса. Придавая понятию ценности значение не только «относительное», но часто, как указано выше, и «абсолютное», Рикардо весьма ясно видит, что источником всех видов дохода является ценность, созданная трудом. Однако, он все же не об'единяет всех этих трех видов дохода по их источнику, не об'единяет в то же время прибыль и ренту, как доходы, имеющие источником «прибавочный труд» и противопоставляемые, поэтому, заработной плате, как вознаграждению за необходимый труд. Наоборот, отходя от указанной своей точки зрения, он придает на-ряду с трудом самостоятельное значение также и другому фактору—капиталу. Отсюда прибыль становится самостоятельным источником дохода, на-ряду с заработной платой; отсюда вопрос о прибыли «фетишизируется», т.-е. переносится из области общественных отношений в область рассмотрения материальных факторов производства.

Противоречие и незаконченность, заключенные в постановке проблемы ценности Рикардо, сказываются в дальнейшем и на разрешении им проблемы распределения. Но Рикардо подходит к разрешению этого вопроса несколько иначе. Он считает, что проблема распределения не вытекает из проблемы ценности [1], и исходным пунктом для своего учения берет факт самостоятельных видов дохода. При этом уже в первой же главе «Принципов», рассматривая вопрос о ценности, он указывает, что наличность капитала и дохода с него, прибыли, не противоречит установлению понятия относительной ценности в зависимости от количества труда, затраченного в производстве. Но по отношению к третьему виду дохода—ренте—возникает вопрос о самой сущности и происхождении этого вида дохода.

Таким образом Рикардо в своем изложении проблемы распределения приходит, с одной стороны, к необходимости выяснить сущность особого вида дохода—ренты, независимо от количества труда, необходимого для производства, с другой—к основной задаче проблемы—определению размеров долей этих трех видов дохода. И хотя сам Рикардо начинает свое изложение с ренты, однако более правильно и более ясно было бы начать изложение с заработной платы, как вида дохода, наиболее близко связанного с проблемой ценности.

В проблеме *заработной платы* Рикардо останавливается на двух вопросах: на условиях, определяющих высоту заработной платы и на условиях, определяющих ее, как долю общественного дохода.

---

[1] «Великий вопрос о ренте, о заработной плате и прибыли должен быть пояснен теми пропорциями, в которых весь продукт делится между землевладельцем, капиталистом и рабочим и которые не стоят в необходимой связи с учением о ценности». Письма Рикардо к Мак-Кулоху от 13 июля 1820 г., т. II, стр. 171.

Что такое заработная плата? Заработная плата есть цена труда, а труд в условиях капиталистического общества совершенно правильно определяется Рикардо, как товар. «Труд,—говорит он,—также как и все предметы, которые покупаются или продаются и количество которых может быть увеличено или уменьшено, имеет цену естественную и рыночную. Естественная цена труда—та, которая необходима, чтобы доставить рабочим средства к существованию и продолжению своего рода, без возрастания и сокращения его». «Средства, которыми располагают рабочие для содержания себя и своего семейства, необходимого для сохранения числа рабочих, зависят не от количества денег, получаемых ими, в виде заработной платы, но от количества средств пропитания и других необходимых предметов, к которым они привыкли и которые могут купить на заработанные ими деньги. Следовательно, естественная цена труда зависит от цены пищи и других предметов необходимости и удобства, потребных для содержания рабочего с его семьей. С возвышением цены этих предметов возвышается и естественная цена труда и, наоборот, она понижается вместе с понижением цены этих предметов». («Принципы», гл. V).

Помимо естественной цены труда, Рикардо различает рыночную его цену. «Рыночная цена труда есть та, что действительно платится рабочему под влиянием отношения спроса и предложения. Труд дорог, когда его мало, и дешев, когда он предлагается в изобилии. Как бы ни было велико уклонение рыночной цены труда от естественной цены его, но, подобно цене продуктов, она имеет стремление сообразоваться с этой последней». Рыночная цена труда и есть та заработная плата, которую получает рабочий.

Итак, заработная плата колеблется около естественной цены труда, а эта последняя определяется средствами существования рабочих. Конечно, эта естественная цена труда различна для различных стран и эпох, в зависимости от условий быта и потребностей рабочего. Выраженная в деньгах, она может повышаться или понижаться в зависимости от цены предметов потребления рабочих, но в реальной форме она обычно не превышает этого уровня необходимых средств существования. Вместе с тем, понятно, что и рыночная цена труда, т.-е. заработная плата, не может превысить свою естественную цену, т.-е. сумму средств существования.

Почему это происходит? Да потому, что если бы предположить, что рыночная цена труда, заработная плата, выраженная в определенных средствах существования, повысилась бы выше этого уровня, то, в результате, условия существования рабочих улучшатся, увеличится способность их к размножению, увеличится население и получится таким образом избыточное предложение рабочих рук, которое, вследствие конкуренции, может понизить в дальнейшем их рабочую плату, спустить ее до необходимого уровня средств существования. Этот закон, формулированный впоследствии, как «железный закон заработной платы» Лассалем, впервые формулирован, как мы видим, у Рикардо.

В каком же отношении стоит так определяемая заработная плата, как доход рабочего, к доходам других общественных классов, т.-е., как

велика доля дохода рабочих в общей сумме общественного дохода? Понятно, что если отдельные доходы имеют источником один продукт, одну ценность, созданную в производстве, то чем больше доля одного дохода в трудовом продукте, тем менее доля другого. Отсюда Рикардо приходит к выводу, что доля рабочих, определяющая средства их существования, постоянно находится в известном антагонизме, в противоречии с долей другого класса, принимающего участие в распределении общественного дохода, с прибылью капиталистов. Общественный доход от производства делится между рабочим и капиталистом. Доля рабочих в этом общественном доходе постоянно находится в обратно-пропорциональном отношении с долей капиталистов в том же общем доходе, с их прибылью. Поэтому, чем больше доля одних, тем меньше доля других. Ясно, поэтому, что интересы капиталистов, как определенного класса, известным образом пользующегося долей в общем доходе, противоположны интересам рабочих, как класса, тоже принимающего участие в распределении общественного дохода.

Что же из себя представляет и чем определяется этот второй вид общественного дохода, *прибыль капиталиста?* В результате процесса производства «вся меновая ценность распадается только на две части: одна образует прибыль на капитал, другая—вознаграждение за труд» («Принципы», гл. VI). Поэтому «прибыль будет высока или низка, смотря по тому, высока или низка будет заработная плата». Но заработная плата, как мы знаем, определяется естественной ценой труда, средствами существования рабочих, т.-е. фактором более или менее одинаковым в каждой данной стране и в данную эпоху для всех отраслей производства. Поэтому и прибыль капиталистов устанавливается на известном уровне, являющемся, таким образом, *средним уровнем прибыли.* Необходимость установления этого среднего уровня прибыли вытекает из конкуренции и перемещения капиталов, ибо если к какой-либо отрасли приливает избыточное количество капитала, повышается спрос на труд, повышается заработная плата, понижается прибыль, и капиталы начинают отвлекаться от этой отрасли, пока не восстановится нормальное положение.

Но какова же историческая тенденция нормы прибыли: повышается ли она или понижается? Так как размер прибыли зависит от размеров заработной платы, а эта последняя от средств существования рабочих,—в первую очередь хлеба и других земледельческих продуктов,—то с возрастающей трудностью добывания этих последних повышается и заработная плата, а вместе с тем падает прибыль. Отсюда вытекает историческая тенденция *понижения нормы прибыли.*

Но где же причина такой тенденции, т.-е., чем об'ясняется постоянное вздорожание продуктов потребления и какое влияние, в свою очередь, производит это обстоятельство на процесс распределения общественного дохода?

Здесь Рикардо приходит к основному и замечательнейшему пункту всей своей системы, к учению о *ренте.*

Самое понятие ренты Рикардо определяет так: «Рента есть та часть продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за право поль-

зования первоначальными и неистощимыми свойствами почвы» («Принципы», гл. II). Вот классическое определение ренты. Рикардо указывает на необходимость отличать эту ренту от арендной платы. Арендная плата платится не за неистощимые силы почвы, а за другие условия пользования землей, например, за вложенный в землю капитал, в виде осушения, орошения, за возведенные на ней производительные постройки, здания. Арендная плата, следовательно, есть не что иное, как вознаграждение за капитал, т.-е. прибыль.

Что же из себя представляет и каким образом определяется отличный от этой арендной платы вид дохода — земельная рента и каким образом землевладельцы имеют возможность получать ее? Исследуя вопрос о происхождении ренты, Рикардо подробно рассматривает причины, источник и закон возникновения ренты.

Представим себе, что для прокормления данного общества необходимо известное количество продуктов земледелия. Ясно вместе с тем, что это количество продуктов земледелия может получаться с определенного количества земли и притом определенного качества обрабатываемых земельных участков. Если мы предположим, что при увеличении количества населения потребуется увеличение средств существования, то появится необходимость перейти к новым участкам земли, которые могут быть не настолько плодородны, как земли первых. В каждой стране закон расселения на земледельческих участках и вовлечения их под культуру, по мнению Рикардо, состоит в том, что люди, заселяя какую-нибудь страну, занимают сначала более плодородные участки; затем, по мере роста населения и необходимости увеличивать количество земледельческих продуктов, они должны переходить к обработке участков, менее плодородных и т. п.

Каким же образом, при постоянно выясняющейся необходимости переходить к менее плодородным участкам земли, слагаются условия производства земледельческих продуктов? Рикардо об'ясняет это на следующем примере, (который приводим в несколько измененном виде).

Представим три категории земельных участков №№ 1, 2 и 3. Представим, что на участке № 1 производство дает определенное количество, например 10 пудов зернового хлеба, которые обходятся в 10 руб. покрывающие все издержки производства, т.-е. заработную плату и прибыль на капитал. В том случае, если количество хлеба с первого участка достаточно для прокормления населения, то ясно, что первый участок не будет давать никакой ренты, так как земледельческое производство не дает никаких новых избытков, и цена хлеба будет лишь покрывать все издержки производства. При таких условиях цена хлеба установится в 1 рубль за пуд. Предположим, однако, что этих 10 пудов хлеба становится недостаточным для удовлетворения потребности растущего населения. В таком случае является необходимость переходить к обработке новых участков земли, к обработке земель худшего плодородия, т.-е. к участку № 2. Издержки производства для получения этих новых 10 пудов на участке № 2 должны покрываться ценой этих 10 пудов хлеба, так как, если бы эта цена не покрывала издержек производства именно на этих новых и менее плодородных участках земли, то их бы

и не стали обрабатывать. Цена новых 10 пудов, вследствие худшего плодородия № 2, будет не 10 рублей, а, например, 15 рублей. Так как цена всегда устанавливается рынком на определенном уровне для всего товара, то общая цена хлеба на рынке установится в 1 рубль 50 к. за пуд. Поэтому и хлеб с участка № 1 будет продан по 1 рублю 50 коп. за пуд, хотя бы стоил по 1 рублю за пуд. Всего с участка № 1 получится лишних 5 рублей. Вот эта то разница между ценностью хлеба на участке № 2 и № 1—5 рублей,—и будет составлять ту ренту, которую получит не земледелец, не производитель хлеба, не фермер и не капиталист в виде сверхприбыли, а землевладелец. Предположим дальше, что этих 20-ти пудов хлеба, получаемых с участков № 1 и № 2, также недостаточно для удовлетворения потребности возрастающего населения и что для этого требуется 30 пудов. Является необходимость перехода к обработке участка № 3. Издержки производства на этом худшем участке № 3 должны покрыться более высокой ценой, которая должна установиться на рынке, предположим, в 2 рубля за пуд. Эта цена будет ценой для всего хлеба, т.-е. также и для хлеба, полученного с участков № 2 и № 1. Теперь уже оба участка № 1 и № 2 дают разницу, так как 10 пуд. хлеба будут проданы по 20 рублей, при издержках производства на первом участке в 10 рублей, на втором в 15 рублей, т.-е. первый участок дает избыток прибыли в 10 руб., второй в 5 рублей, которые в качестве ренты получат землевладельцы, обладающие участками № 1 и № 2. С участка № 3 будут покрыты только издержки производства (заработная плата и средняя прибыль), и ренты не получится.

То же самое получается и в том случае, когда при увеличении потребностей населения в продуктах земледелия, вместо перехода к обработке участков худшего сорта, будем затрачивать на прежних участках новый капитал и большее количество труда на воспроизводство земледельческих продуктов. Предположим, что после участка № 1, мы не переходим к участку № 2, худшего сорта, а затрачиваем новое количество капитала на том же участке № 1, первого сорта. Исходя из принимаемого Рикардо так наз. «закона об убывающем плодородии почвы», он приходит к выводу, что всякое новое вложение капитала даст меньшее, т.-е. относительно понижающееся, количество земледельческих продуктов. Поэтому, если на одном и том же участке земли в первый раз на единицу капитала и труда, вложенных в производство в размере 10 рублей, мы получим продуктов 10 пуд., т.-е. каждый пуд обойдется 1 рубль, то при вложении второй доли капитала и труда, при увеличении интенсивности производства, стоимость новых 10 пуд. хлеба будет обходиться не в 10 рублей, а в 15 рублей, т.-е. пуд будет стоить 1 руб. 50 коп., что явится ценой и для первой партии хлеба. Таким образом, получается, что вторая доля вложения капитала является причиной получения избыточной прибыли, приносимой первой долей капитала в виде ренты.

Наконец, такое же значение имеет для возникновения ренты и третий случай, на котором, впрочем, Рикардо почти не останавливается. Именно, представим, что при том же факте увеличения населения и увеличения потребности в земледельческих продуктах не переходят

к землям худшего качества или к вложению новых капиталов, а переходят также к плодородным землям первого сорта, но лежащим в более отдаленном расстоянии от рынка. При таких условиях издержки на производство и доставку на рынок будут более высокими, чем в первом случае, и в результате более выгодно расположенные участки дадут ренту.

Таким образом, тот вид ренты, который изучает Рикардо, представляет из себя так наз. *диференциальную (разностную) ренту,* т.-е. такую, которая создается вследствие разницы между свойствами отдельных земельных участков. По мнению Рикардо, рента может быть только в этом виде диференциальной ренты, так как худшие участки земли, покрывающие лишь издержки производства, не могут давать ренты, т.-е. *абсолютной* ренты быть не может.

Каково же по Рикардо соотношение между ценностью и рентой? Нет ли в таком факте существования ренты противоречия с тем законом, который установил сам Рикардо, т.-е. что относительная ценность товаров определяется количеством затраченного на их производство труда (живого и накопленного)?

Рикардо, приступая к изложению своей теории ренты, действительно и задается таким вопросом, доказывая далее, что наличие ренты не нарушает общего закона ценности. Действительно, ценность хлеба определяется затратами труда и капитала на худших участках, и поэтому рента, как таковая, не является моментом, определяющим издержки производства и цену хлеба. Поэтому же, по мнению Рикардо, рента является не причиной, а следствием повышения цен на хлеб, так как сама рента возникает вследствие того, что цены на хлеб, производимый в худших условиях, должны определять общую цену, которая устанавливается на все хлебные продукты. Поэтому рента, по мнению Рикардо, не входит в определение издержек производства хлеба. В этом отношении Рикардо резко расходится с Смитом, который включает в число элементов, определяющих ценность предметов, также и ренту. По мнению Рикардо, наоборот, рента не входит в определение цены товара, и сама является лишь следствием повышения цен на хлеб. «Таким образом»,—говорит Рикардо,—«причина, почему возвышается меновая ценность сырых продуктов, заключается в необходимости приложить к земле, позднее других поступившей в обработку, излишнее количество труда, а никак не в ренте, платимой землевладельцу. Меновая ценность хлеба определяется количеством труда, употребленного на его производство на худших почвах, и при помощи тех частей капитала, которые не платят никакой ренты. Хлеб дорожает не потому, что платится рента, а, наоборот, рента платится потому, что хлеб становится дороже; совершенно правильно было замечено, что хлеб не подешевел бы даже в том случае, если бы землевладельцы отказались совсем от ренты. Следствием такой меры было бы только то, что некоторые фермеры стали бы жить господами; но при всем этом нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимого для производства сырых продуктов на участках менее плодородных» («Принципы», гл. II).

Таковы, по Рикардо, отдельные виды доходов общественных классов—заработной платы, прибыли на капитал и ренты. Из сказанного видно, что источник первых двух видов дохода—заработной платы и прибыли—лежит, по мнению Рикардо, в одном: в полезном производительном участии в процессе производства обладателя живого труда—рабочего, или обладателя накопленного труда, капитала—капиталиста. Поэтому, хотя в разделе общественного продукта оба эти лица являются антагонистами, так как делят между собою одну и ту же ценность, однако роль их обоих неизбежно связана с самой сущностью производства. Притом, с развитием общества и экономическим прогрессом, капиталист благодаря накоплению капиталов получает относительно все меньшую долю и, следовательно, не является тормозом для этого общественного и экономического прогресса. Рабочий при этом прогрессе также мало выигрывает, так как хотя его денежная заработная плата растет, но реально он получает попрежнему лишь ограниченный минимум средств, необходимых для его существования. Таким образом весь избыток и все нарастание общественного богатства попадают в руки землевладельческих классов, получающих все возрастающую ренту. Тенденцию в распределении общественного дохода можно, следовательно, выразить тремя линиями: понижающейся линией прибыли, остающейся на одном уровне линией заработной платы и повышающейся линией ренты.

Рикардо, конечно, не делает из такого сопоставления каких-нибудь выводов, неблагоприятных для землевладельцев или вообще для частной собственности на землю. Он, как истый идеолог капитализма, мог, конечно, указать на особую природу ренты, как «незаработанного» дохода, в противоположность «заработанной» капиталистом прибыли. Он мог даже с гениальной для его времени смелостью вскрыть «антагонистический» характер отношения между заработной платой и прибылью. Но он все же оставался идеологом капитализма и классиком. Он не знал никакого другого общественного строя, кроме капитализма, и не представлял возможности исторического развития и превращения его в какое-либо другое общественное устройство. Условия распределения общественного продукта представлялись для него неизбежным и постоянным законом. Действительно, раз условия ренты лежат в естественном законе понижающейся производительности почвы и роста населения, раз доля рабочих и капиталистов получается из одной суммы общественного дохода, то, конечно, никакими средствами нельзя изменить этот закон распределения, сколько бы мрачные выводы он ни сулил для рабочих и для общества вообще. Поэтому-то Рикардо отрицательно относился к различным мероприятиям, пытающимся нарушить и исправить этот закон распределения. Благотворительность, законы о бедных и другие способы увеличения заработной платы, равно как и борьба самих рабочих за ее повышение—всеми этими способами можно лишь временно изменить заработную плату, но не изменить самый закон распределения.

Таковы основные моменты экономических теорий Рикардо. Помимо их, перу Рикардо принадлежит ряд трактатов по специальным вопросам,

особенно по вопросам денежного обращения, в которых Рикардо считался крупным специалистом. Сюда относится его первая печатная работа: «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов», «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала», «О покровительстве земледелию», «План учреждения национального Банка» и др. В этих своих трактатах он выступает как последовательный защитник свободы международной торговли и фритредерства, при чем в вопросе о торговом балансе ему принадлежит крупная заслуга научного об'яснения механизма обращения товаров и денег в международном обмене между отдельными странами. В области денежного обращения ему принадлежит также заслуга, если не создания, то наиболее точного научного обоснования так наз. «количественной» теории денег.

Значение Рикардо в истории экономической мысли в высшей степени крупное. Он является безусловно крупнейшим экономистом всей «буржуазной» политической экономии, превосходящим во многих отношениях даже ее основателя, А. Смита.

Д. Рикардо принадлежит прежде всего заслуга введения в политическую экономию его абстрактного метода, благодаря чему она возвысилась до степени настоящей науки, отказавшись от того описательного характера, который еще отчасти оставался у А. Смита. Далее, Рикардо занялся вопросами распределения и, хотя остался последовательным классиком, тем не менее смело вскрыл антагонизм капиталистического общества, впервые придав проблемам политической экономии широкий социологический характер. Из отдельных проблем экономической теории Рикардо принадлежит впервые наиболее точная формулировка положений теории трудовой ценности, заработной платы, прибыли на капитал, ренты, т.-е. почти всех тех проблем, которые впоследствии, на всем протяжении истории экономической мысли, являлись наиболее важными и наиболее острыми проблемами науки. Правда, сам Рикардо не делал из всех этих своих теорий тех экономических и социологических выводов, которые, казалось, так легко и близко следовало бы сделать. В этом отношении он оставался, конечно, всегда последовательным и до конца классиком. Но эти выводы были сделаны представителями других школ, в особенности научным социализмом. Отсюда ясно то колоссальное значение Рикардо в истории экономической мысли. Его теории и мысли были ценны особенно тем, что создали плодотворную почву и посеяли богатые семена для дальнейшей творческой работы экономической мысли в области изучения и понимания основ капиталистического общества.

Литература. Русские переводы Рикардо: Зибер, 1882 г., сокращенный в «Библ. экономистов» 1895 г.—Рязанов. 1912 г. — Зибер, Давид Рикардо и К. Маркс. 3 изд., 1898 г.—Янсон. Значение теории ренты Рикардо 1864 г.—Жуковский. История политической литературы XIX ст. Спб. 1871 г. К Маркс. «Теория прибавочной ценности», том II.—К. Диль. Комментарий к основным началам Рикардо. Спб. 1912.—Чернышев. «Рикардо и Маркс». Изд. «Прибой». Ленинград. 1925 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Последователи классической школы в разных странах.

А. Смит, Р. Мальтус и Д. Рикардо являются тремя столпами классической школы. В их трудах были окончательно сформулированы и отчеканены основные идеи классицизма, ставшего на много десятилетий господствующей школой политической экономии. Несмотря на многие расхождения их по отдельным вопросам и проблемам, все же их воззрения скованы единством строгой и последовательной школы.

Основной и общей догмой их являлось признание закономерности и незыблемости экономического строя, основанного на свободе частнопредпринимательской деятельности, на свободе конкуренции, на невмешательстве государства. Эта догма давала им веру в существующий экономический строй, как наилучший, в котором общественное благосостояние зависело от инициативы и самодеятельности каждого члена, что создавало таким образом единство экономического интереса. Если даже в некоторых случаях антагонизм общественных интересов отдельных групп ясно вскрывался, все же они приходили к заключению, что этот антагонизм неизбежен и не может быть устранен, поскольку действуют такие естественные и биологические законы, как закон истощения плодородия почвы или закон размножения человеческого рода. Поэтому, независимо от того, были ли окрашены воззрения одних авторов, как А. Смита, оптимизмом, описывали ли другие авторы, как Мальтус и Рикардо, положение общества более мрачными красками,—все они сходились на одном: на вере в индивидуальную личность и в ее деятельность, как основу всей общественной жизни, экономического прогресса и всеобщего благосостояния, одинаково верную для всех стран и для всех времен.

Эта была идеология молодого общественного класса, только что победоносно выступавшего на арену общественного строительства. Играя в тот момент безусловно прогрессивную историческую роль, этот класс, молодая буржуазия, стал близоруко рассматривать свои классовые интересы как интересы всего общества в целом. Это обстоятельство конечно, особенно прельщало и делало популярными идеи классиков. Поэтому-то они и быстро подчинили себе экономическую мысль всех культурных стран, и притом тем быстрее и полнее, чем более экономически развита была данная страна.

Но если во времена А. Смита, т.-е. в конце XVIII в., условия экономической жизни Англии еще давали некоторые основания для такого

оптимизма, так как прогрессивная роль новых экономических форм была совершенно ясна, а обратная сторона еще была скрыта, то через несколько десятилетий, примерно к первой четверти XIX в., положение в значительной степени изменилось. Язвы нового капиталистического общества в виде массовой бедности, разорения самостоятельных производителей, нищеты рабочих, при видимом в то время техническом прогрессе, росте накопления и роскоши должны были привлечь внимание экономической мысли. Но среди представителей классической школы после Рикардо, поставившего, но не разрешившего некоторые из этих вопросов, не нашлось и не могло найтись ума, разрешившего эти «противоречия» капитализма.

Вот почему, после работ основоположников классической школы— А. Смита, Р. Мальтуса и Д. Рикардо, дальнейшая работа мысли классической школы начинает итти по двум главным руслам. С одной стороны, полное веры и увлечения распространение доктрины классической школы, почти без всякой критики творения «великих учителей», популяризация их, с незначительными лишь добавлениями в разработке отдельных положений. Эти последователи и распространители идей великих классиков находились во всех странах, но нигде не выдвинули сколько-нибудь крупных умов. Все более и более замирая на доктрине классицизма, не замечая, как жизнь обгоняет ее, они все более и более мельчали в своих идеях и от распространения и популяризации переходили в вульгаризацию классической школы. Таким образом классицизм через своего популяризатора Сэя пришел к своему вульгаризатору — Бастиа, найдя в нем свой окончательный упадок и гибель.

Другое направление также стояло на строгой почве классицизма, в особенности вначале. Но затем указанные противоречия экономической жизни заставили представителей этого направления с некоторым критицизмом подходить к тем или другим положениям классической школы. Осторожно начав пересмотр этих положений, в особенности в области экономической политики — свободы личности и предпринимательства, неприкосновенности частной собственности, технического прогресса крупного капиталистического хозяйства — эти авторы постепенно довольно значительно отходят от классической школы. И это направление не выдвинуло таких первоклассных умов, которые смогли бы перестроить всю систему экономической науки, но все же эта ветвь последователей и отчасти критиков классической школы представлена более крупными именами. Таким образом и эта ветвь классической школы не дала живого ростка, который мог бы возродить умиравшее дерево классицизма. Но значение его было в том, что своей критикой оно подготовило и облегчило переход к новым системам экономической мысли. Таким путем классицизм через Милля и Сисмонди подготовил переход к исторической школе в политической экономии.

Как было сказано, классическая школа нашла себе многочисленных последователей во всех странах культурного, т.-е. капиталистического, мира. Но в зависимости от условий страны и эпохи эти

идеи воспринимались представителями научно-экономической мысли в различных странах с некоторыми поправками и различиями. В дальнейшем мы и остановимся на наиболее выдающихся последователях, развивателях и критиках классической школы в разных странах.

ЖАН БАПТИСТ СЭЙ (1768—1832).

Во Франции одним из наиболее популярных авторов, принадлежащим к классической школе и сделавшим там себе крупное имя как развиватель и популяризатор идей А. Смита, нужно считать Жана Баптиста Сэя.

Жан Баптист Сэй.

Жан Баптист Сэй известен, главным образом, двумя крупными сочинениями в области экономической науки: «Трактат по политической экономии» (1803 г.) и «Полный курс практической политической экономии» (1828 г.).

Сэй, будучи еще молодым человеком, 23-х лет, впервые познакомился с творчеством А. Смита. По его признанию, сочинение А. Смита произвело на него такое впечатление, что он признал сразу, что до А. Смита не существовало политической экономии. Сэй сразу же делается горячим поклонником А. Смита и его идей экономической свободы. Не меньшее влияние произвели на Сэя и его собственные впечатления и наблюдения над английской жизнью во время путешествия по Англии. Сэй мог здесь особенно ясно видеть те благотворные последствия, которых достигла Англия путем применения принципа свободы частного предпринимательства. Среда частных предпринимателей и дельцов, которых встретил Сэй в Англии, и навела его на мысль, что предпринимательство, частная инициатива, является одним из главнейших побудительных стимулов для развития и прогресса экономической жизни. Поэтому Сэй приходит к заключению, что роль предпринимателей в экономической жизни является в высшей степени важной, так как она способствует возрастанию богатства, накоплению капиталов, оживлению промышленной жизни, несет с собой целый ряд благоприятных экономических последствий. В английской промышленности, с ее быстрым прогрессом технических улучшений, особенно ярко

выступает значение частной инициативы, тех homo oeconomicus, идею которых впервые проповедывал А. Смит.

Эта общая предпосылка о роли частной инициативы предпринимателя в процессе производства приводит Ж. Сэя и к известным теоретическим выводам. Так, касаясь вопроса о ценности и исходя из указанной, признанной им роли личной деятельности предпринимателей, Сэй считает, что ценность отдельных предметов заключает в себе не только вознаграждение за труд, который положен на производство продуктов, но заключает в себе и всю совокупность тех производственных услуг со стороны организаторов производства, капиталистов и землевладельцев, которые необходимы для создания тех или иных предметов. Вынесенные на рынок, эти производительные услуги рабочих, капиталистов и землевладельцев обмениваются в форме заработной платы, прибыли и ренты. На эти производительные услуги существует спрос предпринимателей, которые комбинируют известным образом вынесенные на рынок производительные услуги капиталиста, рабочего и землевладельца. Предприниматели, говорит Сэй, являются лишь посредниками, ищущими производительных услуг для изготовления продукта, по мере спроса на него. Таким образом устанавливается спрос на рынке на эти производительные услуги. Этот спрос и предложение производительных услуг и являются элементами создания ценности, так как без них самый продукт не может быть создан. Следовательно, ценность определяется совокупностью известных производительных услуг: рабочего—в виде его затраченного непосредственного труда; услуг землевладельцев—в виде продуктов земли, и услуг капиталистов-промышленников — в виде вложения капитала. Высота и размеры каждого из этих элементов в отдельности определяются спросом на них со стороны предпринимателей и предложением со стороны лиц, обладающих соответствующими материальными ценностями.

Рассматривая затем другие вопросы, которые были выдвинуты А. Смитом, Сэй также и в них вносит некоторые дальнейшие видоизменения. Так, он один из первых указал на противоречие, которое имеется у А. Смита в его мнении о большей производительности труда в области земледелия, чем в промышленности. В этом воззрении А. Смита сказывалось известное влияние на него физиократизма. Сэй указывает на это противоречие А. Смита и считает, что труд одинаково производителен как в земледелии, так и в области промышленности, потому что в промышленном труде природа также оказывает свое воздействие путем таких же природных сил, как пар, химические процессы и т. п. Ж. Сэй таким образом совершенно разрывает с физиократизмом и является окончательным сторонником и идеологом индустриализма, не углубляя впрочем эту идею.

Затем Сэй подвергает пересмотру вопросы о *задачах и целях политической экономии*. В этом отношении, он признает, что политическая экономия должна являться, главным образом, чистой абстрактной наукой, не задаваться вопросами практическими и вопросами экономической политики. По его мнению, политическая экономия должна быть исключительно наукой об «экономических законах», то-есть

о законах, определяющих богатство. Всякое увлечение политической экономии в область практических вопросов он считает отклонением от прямых и основных ее задач. Конечно, приписывая политической экономии такие задачи установления «законов», Сэй понимает эти законы именно в духе своего изложения, т.-е. значения предпринимательства, производительных услуг, своего понимания ценности, заработной платы, прибыли. Именно все эти понятия Сэй считает «экономическими законами», совершенно ясно обнаруживая свою классовую идеологию, но стремясь выдать ее за абсолютные и бесспорные научные истины и тем закладывая те основы вульгаризации политической экономии, которые впоследствии были развиты Бастиа.

Помимо этих принципиальных поправок, которые вводит Сэй в учение классиков, он наибольшую известность приобрел своей *теорией рынков и кризисов.*

Рассматривая вопрос о рынках и обмене благ, Сэй указывает, что современный обмен покоится на разделении труда. Это общественное разделение труда влечет за собой то обстоятельство, что производители постоянно должны искать потребителя, должны выносить свои товары на рынок. Ценность тех продуктов, которые они выносят на рынок, определяет в то же время и ценность покупаемых ими продуктов. Если предположить, что продукты, которые выносятся на рынок, не имели бы никакой цены, то при таких условиях, конечно, потребление этих продуктов на рынке было бы безгранично. Поэтому, цена продуктов и сдерживает известным образом их потребление. Чем больше цена, тем сильнее сдерживается потребление, тем меньше спрос на этот товар.

Для того, чтобы на рынке происходил обмен, необходимо, чтобы известные товары обменивались на другие товары. Обыкновенно считают, что средством для обмена являются деньги. На самом же деле, если посмотреть на процесс обмена, как он происходит в конкретных условиях, то окажется, что это не так. Чтобы каждый товар, каждая ценность, выносимая на рынок, могли бы обмениваться на другую ценность, необходимо, чтобы эта ценность была противопоставлена какой-нибудь другой ценности. Поэтому, чтобы получить какие-нибудь товары на рынке какому-либо потребителю, этот последний должен вместе с тем и произвести известные продукты. «Продукт обменивается на продукт», говорит Ж. Сэй, т.-е. процесс обмена не является процессом обмена эквивалентов денежных, а обменом одних продуктов на другие продукты.

Из того основного положения, что продукт обменивается на продукт, Сэй делает ряд других выводов. Прежде всего он приходит к заключению, что всеобщего перепроизводства не может быть. Всеобщее перепроизводство товаров — прямая нелепость, так как товары представляются совокупностью предметов потребления в процессе обмена одних предметов потребления на другие. Если на рынке есть избыток какого-нибудь одного товара, это не значит, что имеется его перепроизводство вообще; наоборот, это показывает, что какого-нибудь другого товара, который бы должен быть обменен на этот товар, произведено недостаточно.

Как видно из положенного, так называемая «теория рынка» Сэя покоится на предположении не только простого товарного обращения, но даже непосредственного товарообмена. Она исходит из явлений хозяйства мелких товаропроизводителей, обменивающих непосредственно продукты своего производства на продукты других таких же мелких производителей. Ясно, что она совершенно непригодна для об'яснения явлений денежного хозяйства вообще и капиталистического производства в особенности. В условиях денежного хозяйства, сами деньги превратились в товар, а процесс обращения превратился из процесса обмена продуктами в процесс обращения ценностей, мерилом которых являются деньги. При таких условиях хотя мелкий производитель и может купить какой-либо продукт, лишь предварительно реализовав (продав) свой продукт, но этим вовсе не предрешается, что способность купить одного товаропроизводителя, т.-е. меновая ценность его продукта, будет соответствовать меновой ценности другого продукта.

Еще более ясно, что эта теория совершенно неприменима для об'яснения явлений капиталистического хозяйства. Капиталист не только не производит нужных для его личного потребления предметов, но производит вообще больше, чем нужно для личного потребления. Капиталист накопляет капитал, превращает его в средства производства и пускает их вновь в процесс производства, все более расширяя его. При таком расширенном воспроизводстве и накоплении капитала размеры общественого потребления и спроса могут далеко не соответствовать общественному производству и предложению. И не потому, что рабочие произвели мало «товаров» и не могут их обменять на произведенные другими рабочими «товары», а потому, что они получают только часть созданной ими ценности, а другая часть—в виде прибавочной ценности—идет на накопление капитала и на производство других товаров.

Для Сэя его тезис, что «товары обмениваются на товары», был необходим, чтобы теоретически подтвердить гармонию интересов капиталистического общества. Для такого подтверждения он и трактует капитализм, как простое товарное хозяйство и как общество мелких товаропроизводителей, занятых непосредственным товарообменом. Сущность противоречий этого капиталистического хозяйства для Сэя остается скрытой, и в этом отношении он—лишь эпигон великих классиков, которые хотя и не разрешили этот вопрос, но гораздо ближе к нему подходили.

Таким образом, идеи и теории Сэя не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью даже в тех случаях, когда он считает свои мысли существенно новым добавлением к теориям А. Смита. Тем не менее Сэй, как экономист, пользовался значительной популярностью, особенно на континенте. Причина этого лежала именно в том, что Сэй является популяризатором А. Смита.

Сочинения последнего были не всем доступны ни по языку, ни по обширности и серьезности изложения, тогда как живое и облегченное французское толкование Сэя было гораздо более понятно и доступно. Правда, в этой популяризации часто пропадает глубина, оригинальность и сила изложения А. Смита, но и в этом отношении Сэй не доходит еще

до той степени вульгаризации политической экономии классиков, какая получилась у Бастиа. В популярности Сэя во Франции отразилось также и то, что этот проповедник индустриализма своим учением уже более отвечал требованиям экономической жизни того времени, чем совершенно забытая французская доктрина физиократизма.

К. ТЮНЕН (1783—1850).

В Германии, по условиям хозяйственной жизни, экономическая наука не воспринимала идеи универсализма и космополитизма классической школы. Вместо этого здесь, как увидим впоследствии, вырабатывалось направление «исторической школы».

Тем не менее, классическая школа нашла и в Германии некоторых последователей, из числа которых наиболее видным и оригинальным нужно считать К. Тюнена (K. von Thünen).

Тюнен не был профессиональным ученым-экономистом, а крупным мекленбургским землевладельцем. Большую часть своей жизни он провел в своем мекленбургском поместьи и, как любитель, стал заниматься вопросами экономической науки, преимущественно на основе наблюдений и анализе сельско-хозяйственной жизни. Вот почему Тюнен является основателем сельско-хозяйственной экономии, т.-е. специального отдела политической экономии, исследующего, главным образом, вопросы экономии сельского хозяйства. Но Тюнен не ограничивался изучением прикладных вопросов сельско-хозяйственной экономии, а внес несколько новых идей и в общую историю экономических доктрин. В связи с этим, он известен, как творец оригинального метода исследования политической экономии, которым он пользовался в своем основном сочинении «Изолированное государство» («Der isolierte Staat»).

Изолированное государство является абстрактным, несуществующим государством, т.-е. в сущности только гипотезой, в условиях которой Тюнен рассматривает все экономические явления в их чистом виде.

Представим себе,—говорит Тюнен,—государство или город, который находится в центре равнины, имеющей округленную территорию и повсюду одинаково плодородную почву. В этой равнине мы не имеем ни железных дорог, ни судоходной реки, не имеем никаких других усовершенствованных и искусственных путей сообщения. Расстояния от центра сбыта по всем границам площади одинаковы. Следовательно, город является единственным местом сбыта всех товаров, производимых вокруг данного города. Тюнен задается вопросом, каким образом будет организовано производство, какие выработаются системы земледелия; далее, каким образом будет происходить движение и распределение созданного продукта и, наконец, каким образом, под влиянием фактора распределния и в зависимости от расстояния, определится рента, прибыль, заработная плата и другие феномены экономической жизни. При помощи такого метода Тюнен очень удачно изолирует отдельные явления экономической жизни и рассматривает их в таком состоянии, что на них не влияют другие привходящие явления.

Каким образом распределятся по территории такого изолированного государства различные отрасли сельского хозяйства? Они, конечно, распределятся в зависимости от расстояния от города, так как это расстояние будет определять и цены продуктов, а вместе с тем и доходность тех или иных участков. На ближайших к городу участках расположатся наиболее интенсивные системы — огородничество и производство продуктов, не переносящих далеких перевозок и требующих наиболее интенсивных форм земледелия. Далее уже будут располагаться по окружности земледельческие ситемы, менее интенсивные: плодосменная, четырехпольная, трехпольная, залежная и т. д. На известном расстоянии от рынка никакая земледельческая культура не будет возможна, так как издержки по транспорту к этому городу-рынку будут поглощать всю прибыль и всю ренту на далеких участках.

В условиях существования такого «изолированного государства» Тюнен рассматривает образование различных видов доходов. Так, он проверяет в своем изолированном государстве вопрос об образовании диференциальной ренты Рикардо, при чем подтверждает, в общем, правильность этих построений, приходя к тем же выводам и определяя диференциальную ренту, как разницу между плодородностью участков и расстоянием участков до места сбыта.

В дальнейшем он тем же путем рассматривает вопрос о *заработной плате*. Определяя, каким образом в изолированном государстве устанавливается заработная плата, он приходит прежде всего к выводу, что формулировка А. Смита, определяюшая заработную плату отношением между спросом и предложением труда, не вырешает вопроса о законе заработной платы. Этим А. Смит, по мнению Тюнена, только признает факт установления заработной платы в действительной жизни. Но для науки нужно не это констатирование факта, а разрешение вопроса, в чем заключается закон «естественной заработной платы».

Он указывает, что для приложения труда в земледелии необходимо кроме того и известное приложение капитала. Каждая капитальная затрата вызывает повышение в получении продукта. Та часть продуктов, которая получается вследствие вложения капитала, прежде всего и, главным образом идет в счет вознаграждения капитала. Это и есть его прибыль.

Представим себе, что при дальнейшем развитии интенсификации земледельческой культуры прилагается новый капитал. Так как всякий новый капитал дает относительно первого несколько меньшую прибыль, то новые капиталы являются источником относительного понижения прибыли, вследствие чего получается тенденция прибыли к понижению. Уровень прибыли определяется поэтому не средней прибылью на капитал, полученный от сложения известных долей капиталов, вложенных в разное время в производство, а уровень прибыли определяется именно доходностью последней части капитала. И это потому, что последняя часть капитала определяет не только доход этого нового капитала, но вследствие конкуренции между капиталами, распространяется и на доход со всех прежних капиталов. Никакой другой капитал не может получить большей прибыли, чем последняя часть. Уровень прибыли

последней части капитала и определяет прибыль на капитал в «естественном» ее состоянии в «уединенном государстве».

Какое положение при таких условиях занимает заработная плата? Заработная плата, как известное количество средств существования, получаемых работником, должна, конечно, повышаться с увеличением приложения капиталов, потому что каждый новый капитал, приложенный к земледелию или к другой отрасли промышленности, хотя и понижает относительную долю прибыли, но вместе с тем повышает все абсолютное количество производимых продуктов, а вместе с тем и долю заработной платы. Однако, стремление к привлечению и вложению новых капиталов, а вместе с тем и повышению заработной платы, имеет свою границу.

Так как всякое новое вложение капитала, понижая прибыль, которую получает производитель, вместе с тем увеличивает заработную плату, то на известном уровне повышение заработной платы уже не будет покрывать понижения, получаемого в прибыли на капитал. В таком случае уничтожится побудительный мотив для нового вложения капитала; капитал не будет дальше вкладываться в промышленность, не будет итти дальше интенсификация земледелия. Есть известная граница, дальше которой перестает расти заработная плата и понижается прибыль на капитал. Эта граница, на которой останавливается заработная плата, находится в зависимости от количества вложенного капитала. Тюнен называет это законом естественной заработной платы.

Чем определяется эта заработная плата? Она определяется, с одной стороны, теми средствами производства, которые в виде капитала вкладываются в производство, с другой—теми средствами содержания рабочих, которые они получают в виде заработной платы от общества.

Всякое увеличение производства, накопление средств производства и увеличение размеров общего богатства — является выгодным и для рабочих, так как от этого повышается производительность труда рабочих, а вместе с тем повышается их заработная плата. Итак, первый элемент ее — это продукт, получаемый от вложения капитала. Обозначим эту величину—p.

Другую составную часть естественной заработной платы составляют средства существования рабочих, которые они получают в виде заработной платы. Эту часть, средства продовольствия рабочих, определим буквой a. Естественная заработная плата представится тогда $\sqrt{a.\ p.}$, т.-е. естественная заработная плата является средней пропорциональной между непосредственным продуктом труда, в виде средств существования рабочих, и продуктом, полученным от вложения капитала. Не трудно видеть, что естественная заработная плата повышается не только тогда, когда увеличится размер выработки от непосредственного труда, т.-е. a, но и тогда, когда увеличится выработка, зависящая от увеличения вложения капитала, т.-е. p. Если, напр., $a=4$, $p=4$, то $E=\sqrt{4\times 4}=4$; но если, вследствие увеличения вложения капитала, p повысится до 9, то $E=\sqrt{4\times 9}=6$, т.-е. заработная плата повысится. И обратно, если $p=1$, то $E=\sqrt{4\times 1}=2$. Эту формулу заработной платы Тюнен

считает настолько ценным научным выводом для понимания естественной заработной платы, что по завещанию своему приказал выгравировать ее на его могильном памятнике.

Тюнен, рассматривая проблему заработной платы, хотел доказать, что увеличение производительности труда и средств производства, т.-е. капитала вложенного в производство, не только увеличивает богатство и доходы в руках капиталистов, но является выгодным и для самих рабочих, так как повышает влияние одного из элементов, увеличивающих их заработную плату. Чем же об'ясняется такое стремление Тюнена найти такое «примиряющее» об'яснение соотношения прибыли и заработной платы?

Тюнен, как крупный землевладелец, был встревожен той борьбой между трудом и капиталом, которая в его время стала обнаруживаться в промышленной жизни вследствие понижения заработной платы и вследствие антагонизма между рабочими и капиталистами. Рабочие видели в капиталистах своих врагов, считая, что интересы рабочих противоположны интересам капиталистов и что прибыль растет за счет заработной платы. Тюнен стремится доказать противоположное положение и по своему об'яснить и смягчить противоречия между капиталом и трудом.

ГЕНРИХ КЭРИ (1783—1879).

Вместе с перечисленными авторами необходимо остановиться еще на одном авторе-экономисте, в основных идеях также принадлежащем к классической школе, именно на американском экономисте Кэри.

Генрих Чарльз Кэри (Carey, 1793—1879) исходил в своих основных предпосылках из индивидуалистических идей классической школы, считая, что частное предпринимательство и свобода частной хозяйственной деятельности является главнейшим мотивом для экономического прогресса и для достижения богатства. Принимая эти основные предпосылки, Кэри проверял положения классической школы на данных американской жизни, несколько отличных от тех данных западно-европейской жизни, на которых базировались А. Смит и другие классики. Как гражданин молодой, быстро развивающейся богатой страны, Кэри вместе с тем стремился освободить экономическую науку от пессимистических веяний, которые были внесены в нее творениями Мальтуса и Рикардо. Поэтому Кэри отрицательно относится к пессимистическим воззрениям Мальтуса на закон народонаселения. Он отрицает, на основании фактов американской жизни, знаменитые прогрессии Мальтуса о росте населения и средств существования и считает также, что, благодаря мудрости творца вселенной биологический закон размножения человека сводится не к увеличению плодовитости, а к уменьшению ее в силу усложнения человеческой нервной системы. Поэтому закон Мальтуса о народонаселении не имеет всеобщего значения; наоборот, в тех странах, где поставлено хорошо управление и где имеется нормальный экономический строй, там благосостояние населения увеличивается гораздо быстрее, чем растет население.

Так же отрицательно относится он и к Рикардо с его определением ренты, исходящим из непреложного закона о падающем плодородии почвы и необходимости переходить к обработке земель все понижающегося плодородия. На основании фактов американской жизни, Кэри отрицает и этот закон Рикардо, указывая на его и принципиальную и историческую ошибочность и создавая свою более «оптимистическую» теорию ренты.

Главнейшие из его сочинений «Основы политич. экономии» (Principles of polit. economy 3 тт. 1837—40), «Прошлое, настоящее и будущее» (The Past, the Present and the Future, 1848), «Принципы социальных наук» (Principles of social science, 1858 г.) и многие другие. Сочинения Кэри вполне окрашены тем оптимизмом, который так был свойственен гражданину молодой развивающейся страны, с быстро накапливающимся богатством. По мнению Кэри, есть естественные экономические законы, которые независимо от воли человека ведут экономическую жизнь к благосостоянию всех классов общества, как капиталистов, так и собственников земель, и особенно рабочих. В отношении последних Кэри высказывал особенно оптимистические взгляды, утверждая, что положение рабочих таково, что заработная плата растет даже гораздо быстрее, чем благосостояние других классов общества.

Рассматривая, далее, вопрос о богатстве и о ценности, как основном источнике этого богатства, Кэри указывает, что богатство имеет два основных источника: во-первых, внешнюю природу, во-вторых—труд. Природа, по мнению Кэри, действует в направлении создания богатства безвозмездно, тогда как труд является источником ценности, которая определяется затратой труда, необходимого для создания продукта. Поэтому, как он говорит, чем менее можно присвоить материальных благ природы, тем меньше богатство, но тем больше ценность этих благ, т.-е. чем меньше участвует природа в своем безвозмездном предоставлении нам хозяйственных благ, тем больше мы должны затрачивать своего труда на создание этих благ и тем больше будет ценность этих предметов. Богатство и ценность представляются явлениями взаимно противоположными. Богатство, как определяет Кэри, есть мера нашей силы над природой, нашего воздействия на природу, нашей возможности больше получать от природы, подчиняя ее своей власти. Ценность есть сопротивление природы, которое она нам оказывает и которое нам необходимо победить своим трудом. Поэтому, с ростом наших знаний, с ростом нашего умения покорять силы природы, увеличивается богатство. Вместе с этим увеличением количества благ, которые получаются от природы, уменьшается то количество труда, которое необходимо затрачивать на преодоление сопротивления, оказываемого природой в процессе производства.

Переходя, далее, к отдельным элементам богатства, участвующим в создании ценности, Кэри особенное внимание останавливает на роли значения земли в процессе производства. Он указывает, что земля является орудием производства, созданным трудом. В противоположность мнению Рикардо и других классиков, полагавших, что земля не

является орудием производства, а благом природы, Кэри считает, что земля является также продуктом, созданным трудом, потому что для своей пригодности к возделыванию она требует приведения ее в культурное состояние, т.-е. громадного вложенного в нее труда для подчинения ее производительным целям человека.

Поэтому-то земля имеет ценность, и ценность ее зависит от количества труда, вложенного в эту землю. Это количество труда, определяющего ценность земли, не равняется всему труду, вложенному за прежнее время для приведения земли в культурное состояние, а измеряется тем количеством, какое понадобилось бы в настоящее время для приведения ее из дикого в культурное состояние. Поэтому в ценности земли текущие издержки производства являются ничтожными в сравнении с теми издержками производства, которые были затрачены в эту землю для приведения ее в культурное состояние.

По мнению Кэри, только жители старых культурных земель Европы не знают того количества труда, которое необходимо для обработки земли, для приведения ее в культурное состояние. В такой же стране, как Америка, ясно проявляется тот факт, что для того, чтобы земля превратилась в известную ценность, необходимо колоссальное количество труда для приведения ее в культурное состояние. В этих затратах труда лежит и причина ее ценности, а вместе с тем и источник права собственности на землю.

Поэтому Кэри определяет ренту не как такую часть дохода, которую присваивают землевладельцы, имеющие в своем распоряжении землю и ее неистощимые свойства, а как своего рода процент на капитал, который был затрачен на приведение земли в культурное состояние. Поэтому рента относительно падает, хотя абсолютно и повышается, т.-е. рента, как часть общественного дохода, всегда имеет склонность к понижению в связи с повышением других элементов производства, но абсолютно рента повышается, потому что всегда увеличивается количество труда и капитала, влагаемого в землю для земледельческого производства.

Таким образом, отрицая те пессимистические указания Рикардо на социальные противоречия в капиталистическом обществе, которые приводят Рикардо к его теориям заработной платы и ренты, Кэри, наоборот, является защитником идеи гармонии и предшественником в этом отношении другого крайнего «гармониста», Ф. Бастиа.

С другой стороны, в вопросах экономической политики Кэри является защитником протекционизма, примыкая в этом отношении к другому европейскому протекционисту Ф. Листу. При этом в развитии идей протекционизма Кэри идет даже дальше Листа, признавая за таможенной охраной не только временное «воспитательное» значение, но значение постоянной и принципиально-полезной меры. В этих идеях Кэри сказались также те требования экономической жизни С. Штатов, которые столь резко отличались от экономических требований и научных идей классической школы Англии.

ФРЕДЕРИК БАСТИА (1801—1850).

Мы видели, что класическая школа, основанная А. Смитом и затем главнейшими представителями этой школы, Мальтусом и Рикардо, в дальнейшем своем развитии получила значительное уклонение от основных идей, заложенных основателями ее как в научных проблемах теории экономической науки, так и в некоторых вопросах практической политической экономии.

Ф. Бастиа.

Так, из числа первых же основателей классической школы отделилась ветвь пессимистов в лице Рикардо и Мальтуса, которые решали экономические вопросы уже не так оптимистично, не так провиденциально, как А. Смит, исходивший, хотя и с оговорками, из гармонии общественных и частных интересов.

С другой стороны, с развитием экономической мысли и изменением экономических условий жизни, в классической школе появляется ряд других экономистов, которые доводят идеи А. Смита до крайнего развития, доводят до крайней степени его оптимизм, его мнение о гармонии общественных и частных интересов.

Одним из представителей классической школы и выразителем крайнего оптимизма, доведшим его до вульгаризации и утрировки, был французский экономист Фредерик Бастиа (F. Bastia, 1801—1850 гг.).

Если А. Смиту не было оснований заботиться о противоречиях капиталистического строя, которые он видел только вначале и которые еще не так били в глаза, как впоследствии, то для Бастиа, который жил уже много лет спустя, необходимо было бы, конечно, более внимательно присматриваться к этим противоречиям и нельзя было так легко и оптимистически разрешать их.

Но социальные противоречия капитализма не только не смущали Бастиа, но, наоборот, явления капиталистического строя давали ему повод высказывать самые оптимистические выводы и самый радужный взгляд на состояние современного общества и на ту гармонию интересов, которую он считал заложенной в этом обществе.

Бастиа является автором, до-нельзя упростившим индивидуалистические концепции А. Смита, вульгаризировавшим все его воззрения. Именно этими упрощениями он действительно и довел политическую экономию до состояния «вульгарной науки». Бастиа жил и работал во второй четверти XIX в., т.-е. тогда, когда капитализм и изобретения в крупной капиталистической промышленности сделали большие успехи. Он уже ясно мог наблюдать целый ряд неблагоприятных условий современного ему капиталистического строя, наличность бедности, пауперизацию масс при росте в то же время богатства, т.-е. все те противоречия между классом рабочих и классом работодателей, антагонизм интересов которых выступал уже совершенно ясно.

Впервые Бастиа выступил на литературном поприще в 1845 году; в 1850 г. он уже умер; его литературная деятельность продолжалась, таким образом, очень недолгое время. Тем не менее, в этот короткий промежуток времени, выступая как самый энергичный памфлетист, энергичный полемист, он проявил себя крайним защитником идей классической школы, защитником индивидуалистической точки зрения, ее оптимизма, ее мнения о гармонии между общественным и частным интересом. В ряде своих многочисленных памфлетов и полемических статей он ярко выступает как против критиков классической школы, так и против нового учения социализма.

Наиболее характерными и значительными его сочинениями являются: «Кобден и Лига» (1845), «Экономические софизмы» (1847), «Экономические гармонии» (Harmonies économiques, 1850), наиболее распространенное и значительное сочинение Бастиа, в виде популярного курса политической экономии.

В противоположность историческому направлению, с одной стороны, и социализму—с другой, Бастиа доказывает, что современный строй является лучшим строем, который должен всегда существовать, так как в нем заложена гармония, так как в этом строе все отдельные лица и все общество получают наивысшее развитие своих интересов. Эта «гармония» интересов отдельных лиц и всего общества является главным мотивом трудов Бастиа, который он отчасти воспринял от А. Смита. Но эта гармония интересов является у Бастиа вовсе не той естественной закономерностью человеческого общества, как у А. Смита. Для Бастиа эта гармония интересов есть нечто провиденциальное—это божеские законы, которые заложены в самом обществе высшей силой. Поэтому вложенные в современном обществе божеские законы стремятся победить зло, т.-е. всякое противоречие, неустройство и т. п. и дают неизбежно победу добру, т.-е. гармонии.

Отчего же происходит иногда все же видимый беспорядок? На этот вопрос Бастиа отвечает в одном из своих памфлетов: «То, что видно, и то, чего не видно». В этом памфлете он в форме рассказа доказывает, что беспорядок, нарушающий гармонию современного общества, есть только видимое явление. Если всмотреться и понять явления в современном строе, то в действительности мы найдем не противоречие частных и общественных интересов, а только гармонию интересов.

Так, например, Бастиа задается в своем памфлете вопросом: не эксплуатирует ли человек другого человека, когда отдает капитал в рост? Оказывается, что наоборот: в действительности никакой эксплуатации и никакого противоречия интересов между лицом, отдающим свой капитал (инструмент, орудия производства и т. п.), и лицом, пользующимся им, нет. Владелец капитала, орудий производства, сам лишается этих вещей и потому должен получать известное вознаграждение. Столяр, сделавший рубанок и предполагающий повысить им производительность своего труда, уступает его своему соседу и требует за этот рубанок известное вознаграждение. И вот, путем аналогий Бастиа доказывает, что сосед столяра, который получает рубанок и сначала возмущается за требование с него вознаграждения, не прав и, в конце-концов, сам он признает, что действительно ему оказывается услуга и что за эту услугу он должен заплатить эквивалентной другой услугой—уплатой вознаграждения.

Итак, противоречия современного общественного строя являются, по мнению Бастиа, лишь видимостью. В действительности, антагонизма нет и между отдельными классами господствует гармония.

Конечно, Бастиа не останавливается на таком общем положении, что гармония является основой существования современного общества. Целый ряд вопросов, поднятых самой классической школой, особенно тревожил таких оптимистов, как Бастиа. Особенно тревожили их такие пессимисты, как Мальтус и Рикардо, своими теориями распределения, теориями ценности, не поддававшимися оптимистическому разрешению. Поэтому Бастиа останавливается и на этих вопросах, доказывая, что созданные этими авторами теории ценности, ренты и прибыли неправильны, и эти вопросы должны решаться совершенно не так, как предполагали Мальтус и Рикардо.

В вопросе о ценности Бастиа должен был, конечно, сознать справедливость положения Рикардо, что труд является основанием ценности. Но тогда ясно, что на-лицо известная социальная несправедливость, если труд в современных условиях не получает полного вознаграждения и если имеются элементы нетрудового дохода в виде прибыли на капитал и ренты, которые не совмещаются с принципиальным требованием полного вознаграждения трудовой затраты.

Поэтому стремления Бастиа направляются к тому, чтобы доказать, что ценность создается не только трудом и что труд не является единственным определителем ценности. Наоборот, ценность является следствием совершенно других отношений. Эти отношения, в которых Бастиа ищет разрешения вопроса о ценности, формулируются им в так наз. «теории услуг». Ценность определяется не трудом, который требуется для производства данной вещи, а трудом сбереженным, трудом, который мы сберегаем, получая данную вещь от другого лица. Лицо, передавшее нам какую-нибудь вещь, делает нам услугу, так как мы вследствие этого сберегаем свой труд. Поэтому ценность товара определяется размером услуги, которую доставляет нам продавец данной вещи.

Таким образом, ценность есть отношение двух обмениваемых услуг. Всякая собственность, всякое имущество есть не что иное, как извест-

ная сумма ценностей, т.-е. сумма услуг, оказываемых владельцем другому лицу, и все, что уделяется из этой собственности другому лицу, является равноценностью полученных услуг. Если капиталист отделит свой капитал кому-нибудь на поддержку его предприятия, он за него должен получить эквивалент, должен получить проценты.

Так Бастиа разрешает и неразрешимый, с точки зрения Рикардо, вопрос о ценности редких предметов, ценность которых не может определяться трудом (например, ценность какого-нибудь жемчуга). Почему жемчуг ценится больше, чем стакан воды, который кто-нибудь подносит другому? Потому, что тот, кто передает нам жемчуг, оказывает бо́льшую услугу, чем та, которую оказывает дающий стакан воды. Поэтому неравны и эквиваленты, поэтому различны и ценности предметов.

Второй вопрос, который также тревожил Бастиа в связи с пессимистическими выводами Рикардо, давшими возможность «опасных» выводов социалистов,—это теория ренты. В этом отношении Бастиа также стремится доказать, что рента представляется также платой за услуги, которые оказывают владельцы земли. Конечно, природа действует бесплатно, но, по мнению Бастиа, собственники оказывают нам услуги тем, что являются посредниками между обществом и природой. Поэтому, если собственник получает вознаграждение за предоставление возможности пользоваться бесплатными силами природы, то здесь нет вознаграждения за монопольное право собственности на землю, а есть вознаграждение за услуги, которые оказывает землевладелец. Эта услуга подобна той, когда мы платим за стакан воды, поднятой из колодца. Это не значит, что мы платим за воду, которая ничего не стоит, мы платим за услугу, которую делает нам лицо, поднявшее эту воду из колодца. Поэтому Бастиа приходит к заключению, что в ренте нет никакого монопольного права, никакого захвата земли и нетрудового вознаграждения землевладельца, а есть лишь «плата за услуги».

Далее Бастиа останавливается на том вопросе, который в решении Рикардо также создавал почву для пессимистических выводов: правильно ли думать, что рента отнимает все возвышающуюся долю общественного продукта? Т.-е., в формулировке Бастиа, правда ли, что общество всегда принуждено платить все больше за «услуги», оказываемые природой через посредство землевладельцев? Бастиа и здесь приходит к успокоительному выводу. Нет, говорит он: общество все меньше и меньше оплачивает услуги природы и все больше получает от нее даром. Действительно, говорит Бастиа, в ценности всякого продукта можно заметить две части. С одной стороны, часть бесплатная, та, которая предоставляется для пользования человеку силами природы, —то, что называется *полезностью*. При этом полезность представляется таким свойством предмета, которое остается неизменным. Полезность хлеба остается всегда одинаковой, и в настоящее время она та же, как и во время потопа. Но другая часть ценности уже требует для своего осуществления труда. Этот труд, который необходим для усвоения нами бесплатных полезностей, определяет то, что называется *ценностью*. При этом, по мнению Бастиа, соотношения между бесплатной частью,

полезностью, которая предоставляется природой, и ценностью, для которой требуется труд, с течением времени изменяются. Первая часть остается неизменною (полезность хлеба одинакова во все времена), тогда как часть, для которой требуется затрата известного труда, постоянно стремится к понижению вследствие технических усовершенствований.

Отсюда Бастиа делает вывод, что в общественном распределении продуктов производства та часть, которая представляется бесплатно природой, возрастает по сравнению с той частью, для которой требуется труд. Отсюда, как говорит Бастиа, и получается «чудовищный, незамеченный еще наукой факт» — накопление бесплатной части богатства.

Поскольку богатство является известной суммой бесплатно предоставляемых природой благ, постольку имущество, собственность и общественная доля народа возрастает. Та же часть, на которую затрачивается труд и которая представляет ценность, постоянно падает. Таким образом, все бо́льшая часть хозяйственных благ в обществе получается бесплатно. Следовательно, говорит Бастиа, «общество уже коммунистично», т.-е. общество идет к тому, чтобы сделать пользование всем имуществом бесплатным на общих началах, оно все ближе достигает этой цели. «Коммунисты,—восклицает Бастиа—вы мечтаете об общественности—так вы ее имеете. Социальный строй делает все полезности общими, при условии, чтобы обмен ценностей был свободен».

Наконец, третий факт, который также обращал внимание Бастиа, и его тревожил,—это вопрос о прибыли на капитал и о соотношении ее с заработной платой. В этом отношении Бастиа стремится опровергнуть мнение Рикардо, что прибыль стоит в обратном соотношении с заработной платой. Бастиа, наоборот, приходит к заключению, что между прибылью на капитал и заработной платой нет обратной пропорциональности и существует, наоборот, гармония. Что такое прибыль на капитал? Это есть вознаграждение за услугу, которую оказывает капиталист. Что касается соотношения размеров прибыли и заработной платы, то Бастиа приходит к заключению, что история прибыли и заработной платы убеждает нас в том, что, наоборот, заработная плата не только не понижается по мере роста прибыли на капитал, как предполагал Рикардо, а, наоборот, доля труда повышается и притом в гораздо большей степени, чем доля капитала. Свой вывод Бастиа иллюстрирует таким числовым примером.

Возьмем несколько периодов, в которые продукт производства возрастает. В первый период пусть весь продукт общественного производства определяется в 1.000 рублей. Во второй период—в 2.000 р., в третий—3.000 рублей и в четвертый—4.000 рублей. Как распределится в них доля между трудом и капиталом? Будет ли между ними определяемое Рикардо противоречие? Нет, этого не будет. Наоборот, доля труда растет одновременно с долей капитала и даже более быстро, чем капитал.

Так, по его мнению, в *первый период* продукт в 1.000 руб. распределится одинаково между прибылью на капитал и трудом. Капиталист и рабочие получат по 500 рублей. Во второй период капиталист полу-

чает 800 рублей, рабочий—1.200 рублей. В третий период капиталист получает—1.050 рублей, рабочий—1.950 рублей и т. д. И приведя столь убедительный пример, Бастиа восклицает: «таков великий, удивительный и утешительный закон капитала: доля капитала растет медленнее, чем доля рабочего!» Таким образом рабочий является не парием, который получает все меньшую долю в общественном доходе, а, наоборот, он захватывает все большую долю общественного продукта.

Итак, в основе общественной жизни лежит гармония, солидарность. Отсюда Бастиа и определяет общество как «совокупность перекрещивающихся солидарностей». Нужно сказать, что эта солидарность у Бастиа является не той солидарностью, при которой все общество заинтересовано в известной равномерности распределения общественного дохода так, чтобы все элементы, участвующие в создании продукта, получали соответственную долю, дающую возможность при данных экономических условиях дальнейшего развития производительных сил.

Наоборот, у Бастиа солидарность является личной индивидуальной ответственностью каждого за успех своей экономической деятельности. Поэтому, если какой-нибудь рабочий не получает в достаточной мере вознаграждения, если он принужден итти на уступки в заработной плате и доходит до бедности, это не является нарушением идей солидарности, господствующей в обществе, так как бедственное положение рабочего лишь следствие его личного неуспеха в борьбе экономических интересов.

Понятно, что Бастиа является противником всех мер, которыми государство могло бы так или иначе исправить это неумение отдельных лиц в борьбе за свои экономические интересы. Например, он высказывается против идей государственного призрения бедных, пенсий, страхования рабочих, против бесплатного обучения и т. п.

Сравнительно более положительную роль имел Бастиа в выдвинутой в его время проблеме торговой политики. Англия в 1844 г. отказалась от своих хлебных пошлин и полностью осуществила свободу торговли как одну из основных догм классической школы. Бастиа, ознакомившись с деятельностью английской Лиги борьбы против хлебных законов, пишет свою книгу «Кобден и Лига» и делается горячим защитником идеи свободной торговли, мечтая осуществить для Франции то, что для Англии сделал Кобден. Но и в этом сказалась поверхностность Бастиа: он не мог понять разницы французских и английских условий, почему неудивительно, что и его проповедь фритредерства во Франции не имела успеха.

Бастиа является типичным представителем не только доведенного до крайности оптимизма классической школы, но и писателем, вульгаризировавшим все ее научные основы, доведя их до абсурда. Поэтому идеи Бастиа интересны не по их абсолютной научной ценности, а как характеристика того упадка, до которого дошла экономическая мысль у этих представителей классической школы. Лучшие представители этой последней, А. Смит и Рикардо, были далеки от выводов Бастиа. Во всяком случае, с Бастиа была покончена вера в классическую школу. Вульгарные выводы Бастиа доказали, что положения классической школы

требуют серьезного пересмотра и критической поверки согласно новым условиям экономической жизни, новым социальным проблемам, новым, наконец, философским течениям. Назревало критическое отношение к классицизму, сначала осторожное, как оно выразилось у Д. С. Милля, а затем настолько отошедшее от него, что представителя его —Сисмонди—почти совсем нельзя отнести к классикам.

Литература: Русский перевод (сокращ.). «Трактат политической экономии» Ж. Б. Сэя в «Библиотеке экономистов», в. VII. В этом же выпуске избранные сочинения Ф. Бастиа, Кобден и Лига, Экономические софизмы. Что видно и чего не видать, и др. Другое издание Бастиа, Эконом. софизмы. СПБ. 1862 г. Тюнен, «Уединенное государство», сокращ. перевод Волкова 1857. См. также Миллер, Теория рынка Сэя—Рикардо, в «Вопросах обществоведения», т. III, 1910.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Критика и оппозиция классической школе.

Наибольшего расцвета, апогея и популярности классическая школа в ортодоксальных ее проявлениях достигла в течение первого полустолетия после выхода «Богатства народов» А. Смита. К этому времени относятся не только труды основателей, Рикардо, Мальтуса, но и лучшие популяризации догм классической школы, благодаря чему она сделала широкие завоевания экономической мысли во всех странах. Это было время, когда положения классической школы казались абсолютными истинами, не могущими вызывать никаких сомнений, когда разработка экономической науки казалась совершенно законченной, когда считалось необходимым преподавать политическую экономию в начальных школах—так, как преподавалась физика. С этими законами физики отождествлялись и законы политической экономии, столь удачным утверждением и открытием которых и занималась классическая школа. Эти законы, управляющие обществом, представляются такими же неизбежными законами естественного порядка, как и все законы природы. Человек может только изучать их и приспособляться к ним, но не негодовать на них, называя их жестокими, как он не может называть жестоким электричество, когда удар молнии убивает его. Как перманентные, универсальные и элементарные, эти законы делают всех людей равными в смысле возможности и необходимости приспособления к ним ради достижения собственных личных интересов.

Казалось, что естественная, в силе самих вещей лежащая, гармония общественных интересов доказана. Но в какие же фактические результаты выливалась эта естественная закономерность общественного устройства? Такая общественная экономия не могла дать рабочему ничего больше, как «естественную» заработную плату, обеспечивающую лишь минимальные средства существования. Она жестоко ставила пред рабочим непреодолимый закон роста населения. Она неумолимым естественным законом падения производительности земли об'ясняла все увеличивающуюся дань, которую общество должно платить в виде ренты одному классу счастливых монополистов. И при всем том она обещала бесконечный рост богатства, накопления, увеличения общей массы производства продуктов.

При таких условиях естественно должен был возникнуть вопрос: а может быть, не права та наука, которая возводит в естественный

закон эти общественные противоречия? Может быть, в обществе, как в творении рук человеческих, господствуют не одни эти «естественные» законы, но и человеческая сознательная воля, которая может и изменить эти «законы»? И понятно, что такие вопросы должны были явиться прежде всего у тех, кто явился страдающим и проигрывающим в этом общественном устройстве—у рабочего класса. К средине XIX ст., вместе с полным закреплением капитализма в хозяйственной жизни и с апогеем развития классической школы, как идеологическим выражением капитализма, начинают все более бурно и мощно проявляться и рабочее движение в защиту рабочих интересов и новые социалистические течения в экономической теории, как идеологическое и научное обоснование этих интересов рабочего класса. И так как сама политическая экономия хорошо доказала непримиримость и неизбежность антагонизма рабочего и капиталиста-собственника, то естественно, что это направление совершенно порывает связь со всеми основными догмами и воззрениями буржуазной экономии на общественное устройство.

Но от мощно развивающегося капитализма страдали не одни рабочие. Капитализм вносил противоречие и в свою собственную среду. В своем быстром техническом прогрессе, с концентрацией производства, капитализм разорял и поглощал массу мелких самостоятельных производителей, массу индивидуальных хозяйств. Здесь учение о благе свободной конкуренции и предпринимательства обращало свое оружие уже против тех лиц, которые разделяли это учение и вовсе не склонны были свое «индивидуалистическое» хозяйство заменять каким-либо обобществленным социалистическим хозяйством. Политическая экономия классической школы стала превращаться в евангелие развивающегося и крупного капитализма, крупной буржуазии и собственников, не удовлетворяя интересам мелкой буржуазии, мелкого производителя, также терпящего от «естественных законов» капиталистического общества.

Возникает поэтому стремление к пересмотру абсолютных положений классической школы, их критике и примирению в них тех пунктов, которые особенно резко и болезненно отзываются на некоторых общественных группах, но, конечно, без изменения в то же время самых экономических основ существования общества и в первую очередь—частной собственности. Задача—в значительной степени неразрешимая и безнадежная. Но тем не менее в политической экономии она ставится. Не разрывая еще с классической школой и в недрах ее, экономическая мысль начинает работать над поисками тех поправок и исправлений, которые необходимо ввести в законченное и монолитное здание экономической теории и экономической политики, чтобы смягчить «жестокие» экономические законы капиталистического развития для самого же капиталистического общества.

Из числа таких авторов, стоявших более или менее полно на признании основ классической школы или даже еще вполне принадлежавших к ней, но уже ищущих новых путей разрешения общественных противоречий, остановимся на почти чистом классике Д. С. Милле и на почти вполне порвавшем с классицизмом—С. Сисмонди.

ДЖОН-СТЮАРТ МИЛЛЬ (1806—1873).

После трех английских основателей классической школы наиболее крупным ученым, принадлежавшим к той же школе в Англии, но уже задумавшим приступить к ее перестройке, был Джон Стюарт Милль (D. S. Mill, 1806—73).

Милль пользовался в средине XIX ст. наибольшим влиянием в науке политической экономии и наибольшей популярностью не только в Англии, но и в других странах, в том числе и в России. Его «Основания политической экономии» пользовались широким распространением во всех странах, и целые поколения изучали по ним политическую экономию (в России это сочинение было впервые переведено на русский язык и помещено в приложении к журналу «Современник» с знаменитыми примечаниями Чернышевского в 1860 г.).

Д. С. Милль.

Милль не представляется таким первоклассным ученым или оригинальным мыслителем, как Рикардо или А. Смит. Он является, главным образом лишь комментатором и развивателем и отчасти критиком классической школы, согласно новым проблемам, выдвигаемым эпохой. Сам Милль смотрел на свою задачу, главным образом, именно с последней точки зрения. Он считал, что настало время свести в законченную систему все, что было до сих пор дано классиками, Смитом, Рикардо и другими, проверить их иногда несколько противоречивые выводы и об'единить их не только с новыми данными экономической жизни средины XIX века, конечно ушедшими значительно вперед после А. Смита, но и с новыми общефилософскими, политическими и общественными течениями. Другими словами, Милль предполагал играть в XIX веке такую же роль об'единителя всей экономической мысли с общефилософскими течениями, как это в свое время сделали Кене или А. Смит. Но для этого у него, может быть, не хватало оригинальности ученого и всеоб'емлющей широты ума, размаха мысли и, наконец, той глубокой эрудиции, которой отличался А. Смит. Поэтому Милль является скорее истолкователем, комментатором и популяризатором идей А. Смита и Рикардо,

истолкователем блестящим, но не внесшим особенно много нового в творения классиков. Тем не менее, ему принадлежит весьма крупная роль в развитии экономической мысли как вследствие ясной систематичности изложения вопросов, часто несколько запутанных у А. Смита и Рикардо, так и вследствие все же несколько нового направления, которое он дает политической экономии.

Одним из первых произведений Милля являются его «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии», появившиеся в 1844 году. В этих очерках Милль рассматривает пять проблем. В первом очерке он рассматривает закон распределения прибыли в международной торговле. Здесь Милль, в противоположность воззрениям Рикардо, приходит к заключению, что цены товаров в международной торговле определяются не издержками производства, а действием взаимного спроса устанавливаются на такой высоте, что количество ввоза одной страны уравновешивается по ценности вывозом другой, так что результаты международного обмена, оценки вывозимых товаров, являются равными ценам ввозимых товаров. Это явление Милль возводит до значения «закона об уравнении международного спроса», на основании чего, разбирая выгоды от международной торговли для каждой страны, приходит к заключению о необходимости начала взаимности в международных отношениях.

Во втором очерке он рассматривает вопрос о влиянии потребления на производство, при чем здесь, касаясь вопроса о кризисах, высказывает мысль, что общего перепроизводства всех товаров не может быть, хотя временное перепроизводство для отдельных товаров возможно.

В третьем эскизе Милль касается вопроса, который также возбудил некоторые споры в классической школе—именно о значении слов «производительный» и «непроизводительный» труд. Милль выясняет значение этих слов и приходит к заключению, что термины «производительный» и «непроизводительный» должны толковаться не в смысле исключительно материальной деятельности, как у А. Смита, а в смысле создания известной обстановки для производства благ. Следовательно, труд всех лиц, которые, хотя и не принимают непосредственного участия в материальной деятельности, но способствуют улучшению условий этого производства, можно считать производительным.

В четвертом эскизе Милль высказывается по вопросам о прибыли и проценте на капитал, развивая положение Рикардо и не уходя далеко от его выводов.

В пятом опыте он рассматривает вопрос о методологии политической экономии, при чем этот вопрос впоследствии подробно развивает в своем более солидном сочинении «Система логики».

Все эти вопросы, затронутые в «Опытах», Милль в законченной и более полной системе разработал в основном своем сочинении: «Основания политической экономии с некоторыми их применениями к общественной философии», вышедшем в 1848 году. В этом труде, как он указывает в предисловии, Милль пытается свести в определенную систему все то, что было сделано А. Смитом и др. классиками вместе с новыми философскими и общественными течениями XIX века. Вот

почему «Основания политической экономии» долгое время являлись одним из распространенных и лучших учебников политической экономии.

Не излагая всей системы Милля, поскольку она является более или менее чистым классицизмом, необходимо коснуться лишь тех нескольких вопросов, в которые Милль вносит нечто новое. Так, прежде всего, еще в своих «Опытах», говоря о методе, он приходит к заключению, что политическая экономия должна считаться чистой абстрактной наукой, которая не должна касаться каких-нибудь практических вопросов экономической политики. Вместе с тем, по мнению Милля, и наше отношение к теоретической науке должно определяться этой ее сущностью. Подобно тому, как при устройстве какого-нибудь моста мы не можем применять исключительно чистые формулы теоретической механики, но должны принимать во внимание целый ряд других обстоятельств, точно также при рассмотрении «законов» политической экономии, мы не можем применять их на практике. Поэтому, по мнению Милля, неправильны указания, что иногда теоретические положения классиков и А. Смита не соответствуют жизни: отклонения реальной жизни от теории не опровергают самой теории.

Впрочем, Милль впоследствии в значительной мере отступил от своих более ранних воззрений на метод и задачи политической экономии, хотя и не примкнул к противоположному направлению, начавшему усиленно развиваться в то время в лице представителей исторической школы. Но все же, если не в отношении метода, то в отношении задач и содержания политической экономии, Милль, увлекшись философским ее обоснованием, впервые значительно расширил ее границы, придав ей характер «социальной философии» и наполнивши свое изложение не чисто теоретическими экономическими вопросами, а проблемами социологическими. В этом—действительно большая заслуга Милля.

Понятно, что при таком подходе к задачам экономической науки наибольший по существу интерес представляют воззрения Милля на проблему распределения. И здесь часто сказывается незаконченность воззрений Милля. С одной стороны, он решается подвергнуть обсуждению такое «святое святых» буржуазной политической экономии, как свобода личности, как частная собственность, и в то же время он местами рабски следует догме великих классиков.

Наиболее подробно Милль освещает вопрос о ренте. Он теоретически вполне принимает основные положения по этому вопросу Рикардо. Тем не менее он указывает, что способы установления ренты по теории Рикардо возможны и имеются на-лицо только при полной экономической свободе и господстве нормальных производственных экономических отношений, тогда как в действительности не всегда бывает, что отношения между землевладельцами и фермерами, между лицами, сдающими земельные участки и снимающими их, определяются свободной экономической конкуренцией. Иногда бывают такие обстоятельства, что земледелец стоит пред необходимостью, заставляющей его снимать данную землю; тогда он готов сверх уплаты ренты отказывать себе в некоторой доле вознаграждения за труд в пользу землевладельца, только бы получить нужный участок земли в аренду.

Поэтому в некоторых странах наблюдаются такие виды «принудительной» аренды, когда рента повышается выше того нормального уровня, какой следовал бы по теории Рикардо. Такой страной, например, является Ирландия, в которой Милль имел возможность наблюдать целый ряд отступлений от определения ренты Рикардо, когда рента повышалась выше нормального уровня.

Отсюда ясно, что установление ренты не является непреложным законом и что государственная власть может в некоторых случаях влиять на высоту ренты, так как в этом определении высоты ренты заинтересованы массы населения. Таким образом Милль приходит к выводу о желательности в некоторых случаях вмешательства государства в осуществление основных прав частной собственности, чем он резко и отступает от чистых принципов классической школы (кн. II, гл. XV).

Точно также довольно подробно Милль останавливается на других вопросах распределения общественного дохода, как, например, в вопросе о заработной плате. В этом отношении Милль также несколько колеблется в своих определениях. Не создавая какой-нибудь определенной теории, он ближе всего примыкает к теории фонда заработной платы, рассматривая заработную плату как частное, получающееся от деления капиталов, назначенных на наем рабочих, на самое число рабочих.

С другой стороны, Милль примыкает и к воззрениям Рикардо на заработную плату, считая, что заработная плата устанавливается известным minimum'ом средств существования рабочего и его семьи. При этом здесь он, однако, указывает, что неправильно было бы считать, что этот minimum средств существования определяется лишь физическими потребностями существования рабочего; сюда же нужно отнести и другие культурные условия известного социального уклада и быта и т. д. Таким образом, и здесь он делает вывод, что на установление уровня заработной платы может известным образом оказывать влияние и государственная власть путем того или иного воздействия на повышение культурного уровня существования рабочих.

Дальше Милль рассматривает вопрос о проценте на капитал и целый ряд других теоретических вопросов, не внося здесь чего-либо нового.

В вопросах экономической политики Милль, согласно требованиям времени, уходит уже значительно дальше от ортодоксальных принципов классической школы. Он указывает, что вмешательство государства часто является необходимостью как для достижения общественных выгод, так и для достижения блага отдельных лиц. Такое вмешательство государства в частно-хозяйственную деятельность прямо необходимо тогда, когда в какой-нибудь хозяйственной деятельности участвует ряд лиц, интересы которых не совпадают и экономическая независимость которых не одинакова, как, напр., рабочего и капиталиста.

Возможность вмешательства государственной власти в частно-хозяйственную деятельность и даже возможность заменить эту частно-хозяйственную деятельность государственным хозяйством Милль

признает в таких случаях, когда эта деятельность касается какой-нибудь важной отрасли хозяйства и жизни общества: например, в таких предприятиях, которые не представляют доходности в настоящее время, и потому не могут привлечь к себе частной предприимчивости капиталов, между тем как представляют большой общественный интерес. В таких случаях государство должно взять на себя почин замены частнохозяйственной деятельности государственною властью, в виде государственного предприятия.

Точно также в вопросе о ренте Милль приходит к заключению о необходимости вмешательства государства ради улучшения общего экономического положения, в виде мероприятий по ограничению права завещания или конфискации «незаработанного трудом избытка» земельной ренты.

Таким образом, в области социально-политических своих воззрений Милль уже далеко уходит от классиков. Сам Милль так рассказывает в своей «Автобиографии» об этой эволюции своих взглядов. «В более молодые годы, говорит он, я вряд ли смотрел много иначе, чем старая (т.-е. классическая) школа, на вопрос о возможности основных улучшений в общественной организации. Частная собственность, в современном понимании этого термина, и право наследования казались мне последним словом законодательства». Он считал естественным, что «лишь некоторые рождены быть богатыми, а большинство населения рождены для бедности». Но затем он начинает все более склоняться к противоположной мысли и приходит, наконец, к заключению, что вся вообще современная капиталистическая система и общественная организация имеют временный, исторический характер и что придет время, когда «разделение продукта труда, вместо того, чтобы зависеть, как в настоящее время, от случайности рождения, будет производиться в полном согласии со вновь выработанными основаниями справедливости». «Социальная проблема будущего» поэтому состоит, по его мнению, в том, «как соединить величайшую свободу личности с общей собственностью на продукты земли и с равным участием в благах соединенного труда».

Из этих его фраз часто многие комментаторы выводят даже близость воззрений Милля к социализму. Конечно, социалистом Милль не был ни в какой степени. Даже, высказывая благие пожелания о новом общественном устройстве, Милль считает, что эти пожелания относятся к очень отдаленному будущему, а в настоящее время в основе экономического строя не может быть другого принципа, кроме частного интереса.

Поэтому идеология Милля есть идеология индивидуализма, идеология буржуазии, но той части буржуазии, которая уже разочарована благами крупного промышленного капитализма, видит его отрицательные стороны. Вот почему Милль преувеличенно превозносит преимущества мелкой крестьянской собственности, кооперации, т.-е. систем во всяком случае индивидуалистического, хотя-бы и мелкобуржуазного характера.

Таким образом, ни в какой мере не примыкая к истинно-социалистическим воззрениям, Милль имел, однако, большое значение именно тем,

что он своей критикой классицизма, своими эклектическими воззрениями подготовил почву для восприятия и усвоения новых идей, которые в то время носились в воздухе и особенно с 40-х годов стали завоевывать многочисленных последователей.

Литература. Русских переводов Милля несколько; знаменитый своими «Примечаниями» перевод Чернышевского, «Основания политической экономии» 1860; другой перевод Остроградского, Киев, 1899; наконец, сокращенный перевод в «Библ. экономистов». О Милле Рождественский. Значение Д. С. Милля СПБ. 1867. Маркс. Теория прибавочной ценности, т. III, изд. «Прибой». 1924.

СИМОН де СИСМОНДИ (1773—1842).

Еще более законченным выразителем идеологии мелкобуржуазных классов капиталистического общества, разочарованных в благах капиталистического прогресса, но, конечно, всецело стоящих на почве признания частной собственности и всего частно-хозяйственного строя, является швейцарский ученый Симон де Сисмонди (Simon de Sismondi 1773—1842).

Сисмонди в первом своем произведении «Коммерческое богатство» («La richesse commerciale», 1803) еще является поклонником и последователем А. Смита. Он вполне стоит на почве признания свободы конкуренции, признания личного интереса, как главного мотива и главной действующей силы современной экономической жизни, стоит за невмешательство государства в хозяйственную жизнь.

Но уже вскоре после этого целый ряд явлений, которые он мог наблюдать в современной жизни, наталкивает его на развенчивание идей классической школы и на признание совершенно новых принципов как в области методологии и теоретических предпосылок классической школы, так и в области практической политической экономии. В 1819 г. Сисмонди, наблюдая хозяйственную жизнь Англии во время своей поездки, убеждается в том, что принципы свободы хозяйственной жизни в Англии привели вовсе не к тем благоприятным результатам, как можно было думать. Он увидел, что вместе с происшедшим в Англии процессом обезземеления населения, вместе с ростом крупной промышленности, увеличивается также и рост пауперизации, страшного обеднения рабочих, которое тогда, в ранний период капитализма, чувствовалось особенно болезненно.

Сисмонди возвратился из Англии уже не поклонником классической школы, а, наоборот, искателем новых путей в экономической науке. В том же году он пишет новое свое основное произведение «Новые принципы политической экономии» («Nouveaux Principes d'Economie politique» 1819).

Как показывает само название этой книги, Сисмонди задается здесь целью отыскать *новые* пути для экономической науки и для разрешения социальных вопросов. Так, прежде всего Сисмонди обращает внимание на метод классической школы и приходит к отрицательным выводам. Еще по отношению к А. Смиту Сисмонди дает попрежнему высокую

оценку, указывая, что его метод исследования экономических явлений заключается не только в чистой абстракции, но у него имеется и широкое знание экономической действительности, почему каждый факт экономической жизни он рассматривает не изолированно, а в определенной социальной и исторической среде.

Наоборот, совершенно отрицательно относится Сисмонди к тому чисто-абстрактному методу, который был развит другим представителем классической школы—Рикардо. Сисмонди смотрит на политическую экономию не как на абстрактную, а как на *«нравственную науку»*. В ней рассматриваются не одни экономические явления в их абстрактной форме, а разрешается вся совокупность социальных явлений, в ней «все связывается», т.-е. в ней об'единяются явления не только экономического характера, но и социального, морального, исторического, бытового и т. п. Таким образом, по Сисмонди задачей политической экономии является не изучение экономических феноменов в их абстрактной форме, не изучение «изолированных принципов», а изучение всей экономической жизни и всего социально - бытового уклада, во всей их совокупности.

С. де Сисмонди.

Другой вопрос, который Сисмонди также решает иначе, чем классики — это вопрос о предмете политической экономии. Сисмонди указывает, что классики свели задачи и предмет политической экономии к «Хремастике» — к науке об обогащении, т.-е. придали ей характер науки, которая исследует только категории ценности и экономические факторы богатства, а не исследует человека в его социально - экономическом положении. С точки зрения Сисмонди, политическая экономия должна быть не наукой о богатстве и обогащении, должна заниматься не только внешними проявлениями этого богатства, но должна заниматься именно человеком, его общественно-экономическими отношениями, выявляющимися прежде всего в проблеме распределения. Сама по себе проблема богатства не важна, если не решен вопрос о том, как распределяется это богатство.

Исходя из таких предпосылок, Сисмонди естественно считает, что основной вопрос, который, по его мнению, должен быть поставлен пред

«новой» экономической наукой—вопрос о том, откуда же происходит, при увеличении богатства, бедность: почему при наличности богатства у одних потребности других людей остаются неудовлетворенными. Поставивши такую проблему, Сисмонди направляет свою мысль, главным образом, на критику современного капиталистического строя, который вызывает эту неравномерность распределения общественных продуктов, и рассматривает его с точки зрения этого внутреннего, лежащего в нем противоречия—наличности бедности при богатстве.

Он указывает, что особенно ненормальным и болезненным проявлением современного капиталистического строя является громадный рост производства при недостаточном развитии потребления и вытекающее отсюда несоответствие производства с потребностями. На этот факт обращали внимание и классики, но они считали, что чрезмерное усиление производства не представляет никакой опасности в силу того, что заложенные в экономической жизни естественные механические законы хозяйства постоянно приводят это производство к соответствию с потреблением. Классики считали, что самый механизм хозяйственной жизни заставляет капиталистов уменьшать производство в тех случаях, когда они произвели слишком много и когда получается несоответствие между потреблением и производством. Происходит это с помощью рыночного механизма и изменения цен. Поэтому всякое понижение цен, с точки зрения классиков, является вполне достаточным предостережением, которое заставит капиталистов уменьшить свое производство до восстановления его равновесия с потреблением.

По мнению Сисмонди, этого в действительности нет, и такого механического установления равновесия между производством и потреблением не происходит. Трудно предположить, что в современном хозяйственном строе, капитал, который вложен на оборудование производства, может быстро и свободно переливаться из одной отрасли в другую, вследствие образовавшегося перепроизводства и неправильного применения капитала. В действительности капитал не всегда может легко и свободно переливаться из одной отрасли промышленности в другую. Например, капиталист-фабрикант не может оставить свою мануфактуру, на устройство и оборудование которой он уложил более половины или четверти своего состояния. Основные капиталы не могут переноситься из одного предприятия в другое.

Не легко переносить из одной отрасли промышленности в другую и труд. Не легко рабочему переменять свою специальность и условия производства, к которым он привык. Рабочий не может сразу оставить свою профессию, с которой он сжился, к которой подготовлен годами ученичества, часто долгими и губительными. Он приобрел в своей профессии быстроту и ловкость при исполнении данного труда, но не может воспользоваться ими в другой отрасли производства. Поэтому, чтобы не покидать своей профессии, он соглашается на понижение заработной платы, на более продолжительный рабочий день, отказывается от времени, которое он тратил на удовольствия, развлечения и на отдых. Таким образом, вовсе нельзя предполагать, что несоответствие между про-

изводством и потреблением так быстро, легко и безболезненно разрешается механизмом обмена, как это думали классики.

Между тем, целью общества и всей хозяйственной его деятельности, конечно, является правильность и равномерность распределения. Ведь только для этой цели возможно более полного удовлетворения потребностей и существует производительная хозяйственная деятельность. Каким же образом и почему в современном хозяйственном строе образуется это постоянное нарушение соответствия между производством и потреблением, образуется эта постоянная недостаточность потребления у одних и избыток богатств на другом полюсе общества?

Рассматривая эту болезнь современного хозяйственного строя, Сисмонди прежде всего подчеркивает, что богатство и возможность увеличения своего благосостояния определяется доходом каждого. Индивидуальное потребление каждого человека не может быть больше, чем доход этого человека, так как всякий человек, сколько он зарабатывает, столько и может затратить на удовлетворение своих личных потребностей. По мнению Сисмонди, то же должно иметь место и во всем вообще общественном производстве. Ибо, если общество истрачивает какие-нибудь другие части общественного воспроизводства, то оно будет затрачивать свой основной капитал и вся правильность призводства нарушается.

Таким образом Сисмонди приходит к одному из важнейших пунктов своей системы — к учению об *общественном доходе*. «С тех пор, как каждый стал работать для всех, продукты всего производства должны быть потреблены всеми, и каждый при производстве должен иметь в виду конечный спрос общества... Спрос этот... ограничен, так как, чтобы быть в состоянии продолжать свои расходы, каждый должен заключить их в известные пределы; а сумма этих частных расходов, есть не что иное, как сумма расходов всего общества». И далее: «Человек, живущий в обществе, должен соразмерять свое потребление со своими доходами, а общество... должно следовать тому не правилу. Оно не может, оно не должно под опасением разориться, ежегодно потреблять больше своего дохода. Если бы оно затронуло свои капиталы, оно этим одновременно разрушило бы и свои средства производства и свои средства для будущего потребления». Сисмонди, следовательно, отождествляет здесь сумму частных доходов со всем общественным доходом. Однако, он и сам сознает недостаточность такой постановки, указывая, что этим затрагивается «самый отвлеченный и самый трудный вопрос политической экономии», именно вопрос о разнице между капиталом и доходом: «что составляет доход для одного—становится капиталом для другого». Другими словами, общество производит не только предметы производства (напр., машины), которые для производителей их являются «доходом», но в руках их покупателей являются не предметами потребления, а капиталом. Очевидно, отсюда следует заключить, что сумма индивидуальных доходов не составляет еще всего национального дохода и не равна непосредственному потреблению. Эта мысль должна бы привести Сисмонди к рассмотрению вопроса о воспроизводстве и обращении отдельных частей общественного капитала, назначенного на производство

средств производства и на производство предметов потребления. Но Сисмонди не останавливается на этой мысли и в дальнейшем трактует учение об общественном доходе по А. Смиту, разделяя весь общественный доход на ренту, прибыль и заработную плату. Эти три вида дохода происходят «от земли, от накопленного капитала и от труда». При этом, хотя труд является источником богатства, это «богатство почти никогда не остается в руках того, кто собственным трудом принужден добывать себе средства существования». Вследствие частной собственности на землю и на капитал, из всего общественного богатства выделяется рента землевладельцу и прибыль на капитал. Рабочему остается заработная плата, которую он потребляет целиком, не воспроизводя этот свой доход в производстве. Из других двух частей общественного дохода часть превращается в основной капитал—«постройки, машины и инстументы, делающие труд более легким и производительным»; вторая часть превращается в оборотный капитал—семена, сырье; эта часть «предназначается для того, чтобы быстро потребляться и воспроизводиться в созданном продукте, чтобы беспрестанно менять форму»; сюда же Сисмонди относит и заработную плату, которую в другом месте он выделяет как особый вид дохода. Наконец, третья часть—это тот излишек, на который стоимость продукта превышает затраты на его производство». Этот излишек Сисмонди называет «доходом с капитала», который предназначается «для потребления без воспроизводства», т.-е. потребляется капиталистами. Совокупность предметов, которые предназначаются «каждым отдельным лицом на удовлетворение своих потребностей... и которые утрачивают способность быть воспроизведенными», Сисмонди называет «потребительным фондом». Этот «потребительный фонд», как потребляемый доход, противопоставляется в то же время «капиталу», как той части «богатства», которая не потребляется непосредственно, а воспроизводится.

Таков в общем ход мыслей и рассуждений Сисмонди о доходе. Нужно при этом сказать, что все эти рассуждения его полны противоречий, неясностей и недосказанности. Положив понятие дохода в основу своих рассуждений, он не только не дает определения понятия дохода, но совершенно непоследовательно и противоречиво истолковывает и понятия основного капитала, оборотного или переменного капитала, прибыли, потребления и др. Поставив перед собою проблему капитала и дохода, т.-е. задачу выяснить, как воспроизводятся не только предметы потребления (доходы), но и капитал, Сисмонди забывает о последнем и приходит в конечном выводе к заключению, что годовое производство равняется национальному доходу, т.-е. что производство должно ограничиваться потреблением.

Эти свои «теоретические» рассуждения Сисмонди распространяет и на условия капиталистического производства. «Ошибаются те,—говорит Сисмонди,—которые подстрекают к безграничному производству». Последнее ограничивается доходом; избыток производства вызывает перепроизводство. Расширение производства может итти только медленно, по мере роста потребления, напр., по мере естественного роста населения. В противном случае, произведенный избыток сверх потребле-

ния (доходов) отдельных лиц общества не может быть реализован. Отсюда Сисмонди приходит к выводу о невозможности накопления, т.-е. к отрицательному отношению к той основной тенденции, которая проявляется в развитии капиталистического общества. Сисмонди не может представить возможности расширенного воспроизводства, т.-е. возможности реализации производимой капитализмом прибавочной стоимости, путем производительного ее потребления, т.-е. путем дальнейшего накопления. Наоборот Сисмонди считает, что такое расширенное воспроизводство должно приводить современное общество к кризису. Ведь, по мнению Сисмонди, доход каждого человека и всего общества в целом определяет вместе с тем и размеры всего общественного производства и потребления. Современное же общество, наоборот, построено так, что оно стремится постоянно к уменьшению доходов наибольшей массы своих членов. Современное капиталистическое производство постоянно стремится к уменьшению издержек производства путем увеличения основной части капитала за счет переменной его части. Этим уменьшаются издержки производства, главным образом в виде сокращения расходов на заработную плату, т.-е. доходов наибольшей массы населения. Следовательно, тенденция современного капиталистического общества, стремящегося к уменьшению издержек производства, приводит к постоянному уменьшению доли рабочих в общественном доходе и к постоянному росту накопления капитала за счет сокращения доходов.

Почему же происходит такое уменьшение и какие получаются отсюда следствия дле капитализма и можно ли их избежать при других социальных условиях производства и распределения?

Причина постоянного уменьшения доли рабочих лежит, по мнению Сисмонди, в том, что современный капитализм с его постоянным стремлением к насаждению все более и более крупных производств, поглощает мелкие хозяйства, разрушает мелкое производство. Современные машины, современное крупное капиталистическое производство разрушают мелкое производство как ремесленников, так и крестьян, т.-е. те производства, в которых производитель получает наиболее высокий доход. Следовательно, в крупном производстве, в машинном труде, лежит главный источник бедствий масс и причина разрушения мелких производств. Поэтому Сисмонди является самым ярым противником крупного капиталистического производства. В этом отношении он не щадит самых резких выражений и делает самые резкие нападки на крупное капиталистическое производство и развитие машин, в которых лежит причина пауперизма масс.

Может ли при таких условиях сам капитализм нормально жить и развиваться? Нет,—говорит Сисмонди,—в условиях капиталистического производства заложено внутреннее противоречие. Капитализм стремится к постоянному увеличению своего производства, производит все бо́льшую и бо́льшую массу богатств, между тем как доля рабочих, т.-е. громадного большинства населения, постоянно уменьшается. Таким образом, главный потребитель этих продуктов массового капиталистического производства не имеет возможности покупать возрастающую

долю произведений капиталистической промышленности. Внутренний рынок сокращается вследствие сокращения покупательной силы населения и разрушения мелкого производства. Развивающийся капитализм не может реализовать на внутреннем рынке свое повышающееся производство, реализовать прибавочную стоимость. Как мы видели, причиной такого заключения Сисмонди является его понимание «дохода», ограничивающееся лишь средствами непосредственного потребления и исключающее из реализации основного капитала и средств производства. Капитализм, по мнению Сисмонди не создает сам себе рынка и впадает в невозможность реализации производимой им стоимости на собственном, внутреннем рынке.

В таком же положении находится и *внешний рынок,* так как в каждой капиталистической нации явление это повторяется и каждая нация в недрах своего хозяйства имеет аналогичные явления. Поэтому стремление реализовать увеличение своего производства на внешнем рынке также ни к чему не приводит. Сокращение покупательной способности масс населения наблюдается во всех капиталистических странах вследствие везде одинакового стремления капитализма к сокращению издержек производства и к вытеснению основным капиталом переменного, т.-е. к сокращению доли рабочих в виде заработной платы.

Таким образом Сисмонди приходит к об'яснению и к своей *теории кризисов* в капиталистическом обществе. Результатом несоответствия между производством и потреблением являются те критические состояния, которые постоянно переживает развивающийся капитализм. В результате развития капитализма, общественный доход растет медленнее общественного производства: заработная плата не только не возрастает, а падает; доходы мелких самостоятельных производителей, разоряемых капитализмом, падают; доходы крупных капиталистов падают вследствие затруднений в реализации товаров и понижения нормы прибыли. Общественный спрос, как сумма спроса этих групп, падает, а производство растет. На рынке обнаруживается производство, притом не частичное, для отдельных продуктов, а всеобщее, для всех товаров, независимо от изменений в распределении производства. Внешний рынок, как сказано, не может явиться выходом из положения, и перепроизводство становится общим законом развития капитализма.

Отсюда видно, что и теория кризисов Сисмонди так же неверна, как и его учение о доходе, так как исходит из основной неверной предпосылки, что общественное производство определяется суммой доходов, т.-е. размерами личного потребления, и что накопление капитала невозможно, так как накопляющийся капитал превращается только в заработную плату рабочего. Таким образом Сисмонди не только не пошел дальше А. Смита и Рикардо в вопросе о понимании процесса капиталистического производства и накопления, но даже пошел назад сравнительно с ними, особенно с Рикардо, для которого возможность расширенного воспроизводства не представляла сомнений. Только Маркс, как увидим далее, вскрыв ошибку Сисмонди в понимании общественного дохода, капитала, прибыли, накопления, дал и правильную теорию про-

блемы расширенного воспроизводства, а вместе с тем и совершенно отличное от Сисмонди об'яснение причины кризисов.

Так выявляется эта основная болезнь капиталистического строя — противоречие между стремлением капитализма к увеличению производства, к богатству и общей невозможностью потребить это богатство, вследствие недостаточности доходов отдельных членов общества, с вытекающими отсюда кризисами.

Другой болезнью современного капиталистического строя является несоответствие между общей массой общественного дохода и общим количеством населения. Население увеличивается быстрее, чем увеличивается масса общественного дохода. В этом отношении Сисмонди до некоторой степени примыкает к пессимистическому закону о народонаселении Мальтуса—то же несоответствие роста народонаселения с доходностью в современном капиталистическом обществе, та же неизбежность общественного пауперизма. Поэтому Сисмонди видит в развитии пауперизма один из главных бичей современного капиталистического общества, которые являются естественным последствием противоречий капитализма, т.-е. разрушения мелких производств.

Понятно, что Сисмонди является вместе с тем защитником идеи мелкой земельной собственности и необходимости вообще сохранения мелкого производства. Он особенно подчеркивает значение той разницы, которая имеется в мелком и крупном производстве. При мелком производстве производитель заинтересован в создании наибольшей массы валового продукта, так как мелкий производитель работает главным образом для удовлетворения собственной потребности. При капиталистическом же производстве — наоборот: капиталист заинтересован не в получении наибольшей массы валового продукта, а лишь в чистом доходе, т.-е. в получении разницы между стоимостью производства и продажной ценой. Поэтому для капиталистов представляется иногда более выгодным сокращение валового дохода, т.-е. общей массы получаемых им продуктов, лишь бы получить наибольший чистый доход. Наоборот, интересы хозяйства мелкого, также как и всего общества, состоят в получении большего валового количества продуктов, так как масса валовых продуктов определяет возможность удовлетворения потребностей общества. Возьмем, говорит Сисмонди, хорошо оборудованный участок, который приносит 1.000 экю валового продукта фермеру и в том числе дает для землевладельца 100 экю ренты. Крупный собственник рассчитал, что он приобретает 110 экю ренты, если превратит культурный участок в пастбище; он выгоняет фермера с участка, превращает участок в пастбище и действительно получает ренты 110 экю. От повышения дохода землевладельца на 10 экю вся нация потеряла 890 экю, потому что остались без употребления все капиталы и был утрачен весь тот труд, который был вложен в этот участок.

Ясно, что интересы крупных собственников противоположны интересам общественным. Заботы крупного собственника состоят в стремлении получать чистый доход; интересы мелкого собственника заключаются в получении возможно большего валового продукта. Интересы

общества совпадают с интересами мелкого собственника, мелкого производителя, а не крупного.

Таким образом, Сисмонди является защитником идей мелкой собственности, мелкого производства, и противником крупного производства, так как видит в нем нарушение общественного интереса и общественного благосостояния. Противоречие между бедностью и богатством является лишь естественным следствием, сопровождающим постоянное стремление капитализма к относительному сокращению количества продуктов, производимых для непосредственного потребления масс населения, за счет увеличения постоянного капитала.

Тем не менее Сисмонди, приходя к такому выводу, не считает, подобно Рикардо и Мальтусу, что такое положение является естественным и неизбежным законом вообще общественного строя. Сисмонди, в противоположность классикам, является историком не только по своей профессии, но и по своему миросозерцанию. В рассмотрении экономических явлений он уже стоит на точке зрения историцизма, т.-е. смотрит на капиталистический строй не так, как классицизм, видевший в нем нечто постоянное, незыблемое, определяемое естественными законами. Для Сисмонди современный капиталистический строй является лишь известной исторической стадией общественного развития, пережитком, вовсе не обязательным и наилучшим. Поэтому, при других условиях общественной организации производства, возможно избежать противоречий современного капиталистического строя и несоотетствия между бедностью и богатством.

Но Сисмонди отличается и от другого течения экономической мысли, которое также усвоило взгляд на современный экономический строй, как явление преходящее, — от социализма. Сисмонди обращает свой взор не на будущее развитие современного капиталистического строя, не на силы развития, в нем заложенные; он не считает, как социалисты, что капитализм имеет тенденцию к обобществлению процесса производства, к образованию общественного производства. Сисмонди смотрит назад, в минувшие эпохи мелкого производства, и научные симпатии его не на стороне дальнейшего развития капиталистического строя и разрешения его противоречий в обобществлении производства. Его интересы лежат в том старом патриархальном строе, который пережит, но в котором он стремится найти гармонию общественых интересов, основывающуюся на распространении мелкой собственности, мелкого самостоятельного производства.

Сисмонди идеализирует патриархальный строй мелкого земледельческого крестьянского хозяйства. Оно, по его мнению, доставляет наибольшее счастье отдельным лицам и всему обществу. Поэтому Сисмонди в своей экономической политике и в своих реформаторских проектах требует защиты мелкой собственности как в области земледелия, в виде мелкой крестьянской земельной собственности, так и в области промышленности, в виде мелкой собственности ремесленника на орудия и средства производства.

Экономическая политика государства, по мнению Сисмонди, должна быть направлена на вмешательство в слишком быстро развиваю-

щийся капитализм, в слишком быстро развивающиеся технические усовершенствования, приводящие к сокращению занятого в производстве живого труда, к понижению заработков масс, к перепроизводству. Поэтому Сисмонди является сторонником раздробления крупного землевладения на мелкое, сторонником развития мелкого крестьянского землевладения, наделения промышленных рабочих землей—для того, чтобы отвлечь их от промышленного труда, от фабрики, дать оседлость и возможность вести мелкое крестьянское хозяйство.

В своих реформаторских проектах по охране промышленного труда Сисмонди, однако, не идет особенно далеко. Он высказывается за вмешательство государства для регулирования особенно резких неблагоприятных проявлений современного капитализма, признает необходимость законодательной охраны труда рабочих, охраны детского труда, труда женщин. Также высказывается за необходимость урегулирования продолжительности рабочего дня, рабочей платы и необходимость охраны труда от особенно вредных сторон развития капитализма.

Таковы основные идеи экономической теории и экономической политики Сисмонди. Как видно из сказанного, начавши с идей классической школы, он пришел к идеям, совершенно противоположным, отрицающим как теоретические, так и практические выводы классиков, и в особенности их идею о невмешательстве в свободу частного экономического интереса.

Вот почему вначале влияние Сисмонди было сравнительно невелико. Он казался очень «несвоевременным» автором, так как в то время еще господствовала классическая школа, и идеи Сисмонди, тем более доводимые часто до крайних границ, и его нападки на крупное машинное производство не могли получить широкого признания. Поэтому вначале Сисмонди остался почти незамеченным и непризнанным в экономической науке. Только спустя много лет идеи Сисмонди были восприняты, обновлены и приспособлены к новым течениям экономической мысли, нашедшим наиболее развитое выражение в так наз. «социально-этическом» направлении, предшественником которого может считаться Сисмонди. У нас он явился духовным отцом экономических воззрений народничества.

Литература: Сисмонди. Новые начала политической экономии, сокращ. перевод в «Библ. экономистов» в. VIII, 1897.—Ильин (Ленин). Сисмонди и наши отечественные сисмондисты, ст 1899 года в сборнике «Эконом. этюды и статьи». Эфрусси. Социально-экономические воззрения Сисмонди, «Русс. Богатство»., 1896, VII—VIII.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Историческая школа.

Как было сказано, классики клали в основу своих теорий и экономических построений ряд общих, абстрактных положений и предпосылок— экономический интерес, эгоизм, экономическую свободу, конкуренцию и проч. Законы, которые устанавливали классики в экономической жизни, являлись абсолютными, естественными и универсальными законами, существующими при всех экономических условиях во всех странах. Вместе с такими воззрениями на закономерность экономической жизни классики применяли и соответствующий метод в рассмотрении экономических явлений. Этот метод, выдвинутый отчасти А. Смитом и впоследствии особенно развитый Рикардо, был абстрактным методом. Все разрешение экономических проблем, с точки зрения классиков, представлялось аналогичным разрешению алгебрических задач, когда разрешение одной задачи делается ключем для понимания всех аналогичных случаев, т.-е. для понимания экономических явлений во всех странах.

Экономическая теория классической школы, зародившись в Англии, получила в западно-европейской науке широкий расцвет почти до половины XIX века. Широкое распространение классической доктрины обусловливалось отчасти сходством экономических условий в разных странах. Однако, с половины и даже с первой четверти XIX века в некоторых странах, находящихся в иных условиях, чем тогдашняя Англия, начинают возникать противоположные течения, которые отвергают основные предпосылки классической школы и начинают смотреть как на самый характер экономической жизни, так и на задачи и метод политической экономии и на все вообще проблемы ее совершенно с иной точки зрения. Вместо абсолютных законов политической экономии, которые были выдвинуты классиками, новое направление приходит к признанию лишь *относительности* ее законов. Законы экономического развития, по их мнению, не являются естественными законами, как законы природы, а являются продуктом исторического общественного развития; не законами вечными, а преходящими, различными для каждой отдельной страны, меняющимися с течением истории. Метод, который вместе с тем выдвигает новое направление политической экономии, не является методом чисто абстрактным, *а методом историческим,* в котором все экономические проблемы и экономические явления рассматриваются с точки зрения их исторического развития, в определенной исторической среде, во всей совокупности существующих явлений. Вместе

с тем, и в качестве основного мотива экономической жизни новое направление ставит не личный интерес, а интересы и задачи целого, задачи высшего единства, интересы которого могут иногда и не совпадать с интересами отдельных личностей, входящих в состав этого целого.

Это направление, которое в середине XIX ст. стало все более выдвигаться на смену классической школе, получило название *исторической школы*. Родиной исторической школы является Германия, что об'ясняется особенностью экономического положения Германии того времени сравнительно с Англией. Англия была страной с наиболее сильно развитой промышленностью, сравнительно с континентальными странами, в которых промышленность была не развита; Англия являлась мировой фабрикой, стремящейся к господству в торговле и промышленности над другими странами, не боящейся их промышленной конкуренции и защищавшей поэтому свободу торговли. Идеология классической школы являлась той теоретической основой, которая обусловливалась требованиями жизненной необходимости для английской торговли и промышленности, требующей свободы сбыта своих продуктов за границу и заинтересованной поэтому в отсутствии у других стран каких-либо покровительственных и защитительных пошлин.

Совершенно иное положение было в Германии. Германия была страной преимущественно земледельческой, в которой промышленность была слабо развита, а земледелие, наоборот, являлось основным источником существования нации и главным предметом экспорта, в виде хлеба, вывозимого в Англию. При этом в Германии, как известно, национального и государственного единства в то время не было; страна была раздроблена в политическом отношении на отдельные государства. Поэтому-то английская промышленность и торговля забивала торговлю германскую. Ввозя в Германию продукты своей обрабатывающей промышленности и не давая возможности развития туземной, Англия в то же время защищалась от германского хлеба своими хлебными законами, которые запрещали доступ германского хлеба в Англию.

В результате такого положения германская экономическая жизнь сильно страдала как в смысле невозможности развития земледелия, вследствие закрытия английского рынка, так и в смысле невозможности самостоятельного развития промышленности, побиваемой английской промышленностью. Подобное положение стало вызывать ряд протестов среди германских промышленников и торговцев, которые стали выдвигать идею необходимости защиты германского производства таможенными ограничениями ввоза иностранных товаров и, наоборот, свободы сбыта германского сырья в иностранные государства.

В 1818 году в Пруссии проводится впервые таможенный тариф, который по своему характеру является тарифом покровительственным, защищавшим местную промышленность от вытеснения ее английской промышленностью. В том же году образуется «Генеральная Ассоциация германских промышленников», как общенациональное об'единение германских капиталистов, в целях защиты Германии от промышленной конкуренции Англии.

Во главе этой Генеральной Ассоциации германских промышленников стоял человек необыкновенной энергии, ученый экономист, профессор Тюбингенского университета, Фридрих Лист. Лист начинает вести усиленную пропаганду идей экономического об'единения Германии. В 1833 году, благодаря деятельности Листа, находит себе осуществление германский таможенный союз (Zoll-Verein), целью которого было об'единение отдельных германских государств как в политическом, так и в экономическом отношении. Вначале это об'единение задавалось сравнительно скромными целями, в смысле достижения лишь более благоприятных условий для развития германской промышленности и торговли. Но затем, так же как и Генеральная Ассоциация германских промышленников, руководители таможенного союза начинают вести агитацию за проведение усиленно-покровительственных тарифов.

Ф. Лист (1789 — 1846) и начало «национальной системы» в политической экономии. В это время Ф. Лист, до сих пор лишь практически работавший в деле таможенного и экономического об'единения Германии, выступает с своей знаменитой книгой «Национальная система политической экономии» («Das nationale System der politischen Oekonomie», 1841), в которой пытается дать уже теоретическое обоснование новому течению экономической мысли, которое выявилось в Германии соответственно новым условиям и потребностям германской хозяйственной жизни.

Книга Листа «Национальная система политической экономии» имела громадный успех и сослужила громадную службу как в смысле дальнейшего национального и экономического об'единения Германии, так и в смысле первого обоснования идей исторической «национальной» школы в политической экономии, в противоположность космополитизму классической школы.

Лист не вполне еще разрывает с теоретическими предпосылками классической школы. Не вдаваясь в теоретический пересмотр всех проблем политической экономии, он выдвигает новые точки зрения и идеи в отношении метода, задач и содержания политической экономии, именно: 1) идею историцизма, как метод политической экономии; 2) идею производительной силы, вместо идеи меновой ценности, как главное содержание политической экономии и 3) идею национальную, как основную проблему в построении и понимании задач экономической политики.

Лист указывает, что А. Смит выдвигал свою космополитическую гипотезу о применимости экономических законов без различия ко всем странам потому, что он полагал, что все нации об'единены своими экономическими интересами. Лист полагает, что если для некоторых наций такое об'единение и представляется возможным и выгодным, то для других наций оно невыгодно и невозможно, потому что и экономические силы и стремления отдельных стран не одинаковы и интересы их различны. Окончательное об'единение отдельных наций на экономической почве возможно будет только лишь тогда, когда все нации в полном об'еме разовьют свои *производительные* экономические *силы*. Поэтому, говорит Лист, не для всякой нации и не во всякое время могут

применяться одни и те же общие для всех предпосылки и меры экономической политики. То, что полезно в некоторых случаях для одной нации, для другой является преждевременным, ибо эта нация не доросла еще в своем экономическом развитии до соответствующего уровня производительных сил.

Что такое производительные силы и почему они особенно важны для экономического прогресса нации? Лист указывает, что богатство нации в понимании классической школы есть только факт наличия известных материальных благ. Но для нации важно не только иметь совокупность материальных наличных благ для удовлетворения текущих потребностей, но еще более важно сохранить «способность создавать и приумножать богатство», ибо эта способность важнее самого богатства. Поэтому иногда может случиться, что необходимо пожертвовать наличным богатством в целях развития и увеличения его в будущем. «Нация должна жертвовать и мириться с недостатком в материальном богатстве, чтобы приобрести интеллектуальные и социальные силы для его развития; она должна пожертвовать настоящими выгодами, чтобы обеспечить себе будущее».

Наивысшей формой развития производительных сил, по Листу, является мануфактура, т.-е. развитие обрабатывающей промышленности. В ней именно все материальные и социальные силы нации — использование естественных сил страны, разделение труда, увеличение спроса, рынка, повышение заработной платы и благосостояния населения, повышение прибыли, ренты и проч. — находят наивысшее развитие сравнительно с предшествующими экономическими формами.

В связи с этим Лист создает свою систему исторического экономического развития, предполагая, что все нации в своем экономическом развитии проходят через определенные стадии, именно: ступень дикого охотничьего и пастушечьего хозяйства; затем земледельческого хозяйства; мануфактурно-земледельческого и, наконец, мануфактурно-земледельчески-торгового. Только при этой последней стадии все производительные силы нации уже развиты полностью. Поэтому, наоборот, если в известное время та или другая нация не достигла еще высшей стадии экономического развития, она должна обеспечить возможность своего дальнейшего развития и защищать себя всеми мерами, чтобы конкуренция с другими странами не помешала ей в этом. Лист считает, что нация, не достигшая расцвета своих экономических сил, имеет право защищаться и создавать покровительственные тарифы против конкуренции других промышленных стран. В таком именно положении была Германия, и потому стремление Листа было лишь стремлением теоретически обосновать назревшие экономические нужды Германии.

Этим об'ясняется, между прочим, тот факт, что, являясь защитником протекционистских идей, Лист ограничивает свой протекционизм только областью обрабатывающей промышленности и считает недопустимым установление каких-либо пошлин для земледельческих продуктов, ибо это только задерживает переход нации к следующей мануфактурной стадии. Не трудно видеть, что Германия, будучи заинтересована в инду-

стриальном протекционизме, была столь же заинтересована в свободе торговли сельско-хозяйственными продуктами и была противником хлебных защитительных ввозных пошлин, существующих в то время в Англии.

Другая характерная черта протекционизма Листа—это «воспитательный» его характер, т.-е. он применим лишь к той нации, которая еще не закончила своего «экономического воспитания», и до тех пор, пока эта нация еще не достигла высшей стадии хозяйственного развития. Не трудно и в этом доводе, конечно, заметить, что острие его направлено против той же Англии.

Лист сыграл большую роль, как в деле практической экономической политики Германии, так и пробуждения в ней самостоятельной экономической мысли. Хотя он не является, собственно говоря, основателем исторической школы, тем не менее его идея национально-исторического развития, явилась важным провозвестником для дальнейшего развития исторической школы.

Историческая школа в Германии. Почти одновременно с Листом, с идеей о необходимости защиты национального развития выступает в той же Германии целый ряд других авторов, которые более подробно развивают теоретические общие обоснования новой исторической школы. В 1843 году один из немецких экономистов того времени, геттингенский профессор *Вильгельм Рошер* (W. Roscher, 1817—1894 г.), выступает с своей книгой «Краткий курс политической экономии по историческому методу». Затем те же идеи проводятся им в появившейся в 1854 году книге «Принципы политической экономии». В этом своем труде он впервые дает более законченное теоретическое об'яснение основных проблем и задач исторической школы в политической экономии.

Рошер по своим теоретическим воззрениям примыкает еще в значительной мере к классической школе. В этом отношении он еще не разрывает связи с А. Смитом, Рикардо и другими. Наоборот, считая их до некоторой степени своими учителями, Рошер полагает, что его идеи являются лишь дальнейшим развитием и улучшением идей классической школы и что его историческая точка зрения и исторический метод являются лишь необходимым историческим добавлением к абстрактным задачам политической экономии у классиков. Поэтому он принимает все основные принципы классицизма и лишь дополняет эти общепризнанные теории классической школы историей экономических событий, историей экономического развития, на чем классики не останавливались. В этом отношении Рошер является действительно основателем исторической школы. Тем не менее в его идеях еще живет отголосок классицизма, и, занимаясь экономической историей, он не вполне расстается и с абстрактными предпосылками классической школы.

Вообще говоря, Рошер внес очень мало нового в развитие экономической науки. После первых его работ с некоторым теоретическим обоснованием, его последующие работы в течение продолжительной сколько-нибудь значительных теоретических склонностей и способностей. Поэтому они не получили сколько-нибудь значительного влияния

его жизни и профессуры (четырехтомная «Система народного хозяйства» 1854—86 г.г., «История политической экономии Германии», 1874 г., «Очерки народного хозяйства с исторической точки зрения», 1861 г.) свидетельствуют о большой эрудиции и о громадной трудоспособности немецкого профессора, но в то же время и об отсутствии и распространения вне пределов Германии.

Вместе с Рошером почти к таким же идеям приходит его современник *Бруно Гильдебранд* (Bruno Gildebrand, 1812—1878 г.), который может считаться вторым из основателей исторической школы Германии. Но у Гильдебранда мы находим уже гораздо более определенное желание отказаться от метода классической школы и от задач классицизма в политической экономии. По мысли Гильдебранда, развиваемой им в его основном сочинении «Политическая экономия настоящего и будущего», (1848 г.) политическая экономия не должна быть наукой абстрактной, наукой об естественных экономических законах, как думали классики и чего не избегает еще и Рошер. По мнению Гильдебранда, политическая экономия должна быть наукой о закономерности экономического развития. Экономические законы, с точки зрения Гильдебранда, являются не законами естественными, раз навсегда данными, а лишь законами развития. Таким образом, Гильдебранд еще не отказывается от признания существования законов, но эти законы он рассматривает с эволюционной точки зрения; они являются для него законами историческими. И по своей методологии и в способах своего изложения экономических проблем Гильдебранд отходит от классицизма уже значительно далее Рошера.

После Рошера и Гильдебранда, дальнейшее развитие историческая школа получила в трудах третьего автора, профессора политической экономии того же времени в Германии, *Карла Книса* (K. Knies, 1821—1898 г.г.). Книс из всех старых историков является, пожалуй, наиболее значительным. Его ниболее важное сочинение—«Политическая экономия с точки зрения исторического метода» (1853 г.). Книс здесь доказывает, что как хозяйственный строй каждой эпохи, так и теоретическое обоснование его в науке политической экономии являются продуктом исторического развития. Как самая хозяйственная жизнь, так и экономическая теория ее об'ясняющая, завися от социальных и исторических условий данной страны и эпохи, являются продуктом исторического развития. Поэтому ни факты какой-либо экономической эпохи, ни экономические теории, господствующие в ней, не представляют из себя универсальных форм, применимых к другим эпохам. И самая теория не представляет что-либо абсолютное, законченное; она—лишь продукт каждой данной эпохи, одна из стадий обнаруживания нами истины.

Поэтому Книс уже совершенно разрывает с тезисом классицизма о наличии естественных экономических законов так же, как и с мнением Гильдебранда о возможности установления законов экономического развития. С точки зрения Книса, политическая экономия вовсе не может задаваться целью изучения экономических законов, в том числе и законов экономического развития. По мнению Книса, политическая экономия может говорить не о законах, а лишь об аналогиях, может

говорить лишь о тех или иных фактах, так или иначе сходных для различных моментов и стран. Она может лишь констатировать эти факты, но не может возводить эти факты не только до «естественных» непреложных экономических законов, как это делали классики, но даже до законов экономического развития. Книс совершенно не признает ни идей Гильдебранда, ни Рошера, тем более идей классицизма. Политическая экономия его превращается в простое рассмотрение фактической истории в различные экономические эпохи, т.-е. исключительно сводится к историческому описанию без каких бы то ни было теоретических обобщений, так как никаких обобщений мы не имеем права строить, пока не изучена полностью вся фактическая история.

Таковы были идеи так называемой старой исторической школы, которые появились в первой половине прошлого столетия. Эти идеи старой исторической школы, особенно идеи Книса, как наиболее крайнего ее представителя, при господстве тогда еще идей классической школы не получили большого распространения и значения вне Германии. Но влияние их на германскую, в особенности официальную—университетскую, науку было громадно, хотя в смысле теоретического развития науки политической экономии, совершенно отрицательное и бесплодное. Не только по сравнению с великими классиками, историческая школа представляет шаг назад, но даже по сравнению с такими эпигонами, как Сэй и Милль, Рошер, напр., в теоретическом отношении представляет отрицательную величину.

Новая историческая школа. Как видно из изложенного, старая историческая школа в Германии, господствовавшая здесь в средине XIX ст., не имела активного и плодотворного влияния ни на развитие экономической мысли, ни на реальную экономическую жизнь. Провозгласив правильный по существу «исторический» принцип, старые представители этой школы до того доктринерски его проводили, что сделали совершенно бесплодными и бесцветными свои многотомные труды. Сказав словами Рошера, что изучение каждой древней эпохи для политической экономии представляет более достойный и плодотворный об'ект, чем изучение хозяйства современной эпохи, историческая школа естественно оторвалась от быстро текущей и злободневной экономической жизни современности и замкнулась в фолианты древности и средних веков.

Между тем средина XIX ст. была и для Англии и для всего континента эпохой выявления острых социально-экономических конфликтов и движений. Торжество принципов свободной конкуренции и свободы экономических отношений, способствуя блестящим успехам капитализма, приводило в то же время и к крайним обострениям социальных конфликтов. Ухудшение положения рабочих и обнищание народных масс в Англии и других промышленных странах достигло к 40-м годам своего апогея. Отсюда возникают революционные движения среди рабочих масс, выливающиеся в Англии в революционное движение чартизма, а во Франции—в революционную подготовку 1848 года.

Таким образом, к средине XIX ст. в хозяйственно-политической жизни Европы намечаются два резкие течения. С одной стороны—про-

должающиеся политические, экономические и технические успехи торжествующего капитализма и его принципов экономической политики. С другой стороны—все значительнее дает себя чувствовать новое движение—осознание рабочим классом своих интересов и выдвигание своих требований. Капитализм, конечно, торжествовал, задавивши эти требования или временным улучшением положения рабочего, или силою оружия, или безысходностью нищеты и безнадежностью. Но тем не менее приходилось уже отказываться от исключительных путей экономической свободы частных интересов и государственного невмешательства, все более допуская возможность ограничения государством частных хозяйственных взаимоотношений.

В Англии эпоха с 1814 года — отмены законов об ученичестве, ограничивавших свободу рабочего найма, до 1846 года—отмены хлебных законов—представлялась эпохой последовательного проведения в жизнь начал классической школы и свободы торговли. Но уже и в это время ужасы фабрично-заводской системы, в особенности в области эксплуатации женского и детского труда, стали обращать на себя внимание. В результате, вопреки ортодоксальным положениям официальной политической экономии, отрицавшей возможность какого бы то ни было улучшения в этой области законодательными мерами, вокруг вопроса о свободе рабочего договора, т.-е. свободы эксплуатации рабочего, возникает широкое общественное движение, требующее государственного вмешательства. Сначала это движение носило почти чисто благотворительный характер, но затем к голосу официальных благотворителей стали присоединять свой голос и рабочие массы, требовавшие улучшения своего положения.

Так возникло движение в пользу фабричного законодательства. Представители промышленности, конечно, были заинтересованы в том, чтобы не давать здесь даже минимальных уступок в пользу рабочих. Но их интересы в данном вопросе столкнулись в английском парламенте с интересами землевладельцев, которые не были заинтересованы в эксплуатации фабричных рабочих, но отчасти были заинтересованы в некотором повышении благосостояния рабочих масс, как потребителей земледельческих продуктов. Кроме того в руках землевладельцев фабричные законы являлись оружием для борьбы с промышленниками, настаивавшими на отмене хлебных ввозных пошлин.

В результате такого соотношения общественных сил, в Англии уже с первых же десятилетий XIX ст. начинается развитие и осуществление фабричного законодательства, идущее, конечно, совершенно в разрез с догмой невмешательства классической школы. Начавшись в 1802—19 г.г. с законов, ограничивающих детский и женский труд, это движение в 1847 году добивается проведения особенно важного билля о 10-часовом рабочем дне. Такое вмешательство государственной власти в свободу экономических отношений—уже по отношению не к отдельным неполноправным и неправомочным группам, как дети и женщины, а вмешательство в рабочий договор вообще,—представлялось нарушением элементарных основ учения классической школы. Экономисты вычисляли, что с введением 10-часового рабочего дня вся промышленность

Англии погибнет, так как по подсчетам Нассау-Сеньора вся прибыль капиталиста вырабатывается только в течение одиннадцатого часа, и капиталисты при 10-часовом дне должны будут закрыть все свои фабрики.

И тем не менее проведение 10-часового рабочего дня не только не погубило английскую промышленность, но, наоборот, развитие фабричного законодательства и сокращение рабочего дня сопровождалось быстрым под'емом и расцветом обрабатывающей промышленности Англии. Постепенно фабричное законодательство текстильной промышленности, где оно впервые было применено, распространяется и на другие отрасли промышленности с тем же для нее успехом. Изменяется мнение и представителей науки, и тот же Сеньор теперь становится защитником фабричного законодательства.

Таким образом, в Англии ортодоксальное учение о невмешательстве было уже к середине XIX ст. побеждено противоположным принципом. Одновременно с этим шел пересмотр и другой догмы классической школы—бесплодности, организованной борьбы рабочих за улучшение своего положения и за повышение заработной платы. Экономическая теория классицизма создала и здесь, как мы видели, научное обоснование такого мнения в виде так наз. учения о фонде заработной платы, по которому никакие рабочие организации и союзы не могут повысить заработную плату, так как они не могут увеличить народно-хозяйственный фонд этой заработной платы. И здесь, однако, оказалось, что рабочие союзы, начавшие (после отмены запрещения в 1824 г.) со второй четверти XIX ст. развиваться в Англии, сумели существенно улучшить положение рабочих как в отношении продолжительности и условий работы, так и в отношении оплаты труда.

Англия к средине XIX ст., таким образом, решительно вступает на путь социального законодательства. В других странах такая необходимость должна была обнаружиться несколько более поздно, в связи с меньшими успехами крупного фабричного производства. В первую очередь она обнаружилась в той стране континента, которая быстро шла вдогонку Англии по пути промышленного прогресса, именно в Германии. Но если в Англии борьба за фабричное законодательство происходила на почве еще не изжитой догмы классицизма, то в Германии почва для этого была уже более подготовлена «национальным» направлением политической экономии, исторической школой. Кроме того, и влияние другого континентального оппозиционера классической школы, Сисмонди, на континенте чувствовалось несколько более значительно. Наконец, моментом, оказавшим весьма существенное в Германии влияние на признание принципа вмешательства государства в хозяйственную жизнь, явилось широкое рабочее движение, сразу принявшее формы политической организации социал-демократической рабочей партии.

Под влиянием указанных причин германская историческая школа, сформулировавшая свои основные положения в 40—50 годах XIX ст., постепенно перерождается в «новое» направление исторической школы, известное под названием «социально-политического» направления.

В противоположность другим школам и направлениям в политической экономии, это направление об'единяется не столько сходством теоретических положений и доктрин, сколько общими принципами социальной и экономической политики. Важнейшим лозунгом этого направления является требование социальных реформ и широкого вмешательства государства в экономическую жизнь нации, как в целях развития производительных сил вообще, так и в целях защиты «слабейших» в экономическом отношении элементов общества. Этим «слабейшим» элементом в условиях капиталистического общества являются рабочие, почему социал-политическое направление и требует развития социального законодательства в интересах охраны труда и трудящихся. Тем не менее, ограничивая принципы свободной конкуренции и свободы договора в отношении работодателя и рабочего, это направление не отрицает основ капиталистического хозяйства—частной собственности и частно-хозяйственной организации производства. Правда, теоретически представители этого направления признают исторический характер капитализма, как системы, явившейся результатом продолжительного исторического развития, и, в свою очередь, долженствующей развиться в новые формы социального существования. Но все это — дело отдаленного будущего, для настоящего же единственно возможным является проведение тех или иных социальных реформ, более или менее радикальных, в зависимости от склонностей и вкусов отдельных авторов.

В отношении теоретических проблем представители новой исторической социально-политической школы не идут дальше старых историков. Они в сущности так же мало занимаются разработкой теоретических проблем политической экономии, как и их предшественники—Рошер и Книс. Даже более того, представители новой школы вовсе не ставят тех теоретических проблем, которые возбуждали такие споры между Рошером, Гильдебрандом и Книсом, имеются ли «естественные» экономические законы, можно ли говорить о закономерности экономического развития, или можно говорить только «об исторических аналогиях» в нем. Хотя некоторые из этих представителей склонны разделять мнение классической школы, что существуют известные законы социальной жизни и что исследование их составляет задачу политической экономии, тем не менее в своих исследованиях они уделяют мало внимания теоретическому, абстрактному анализу и исследованию этих законов. Наоборот, многие из этих авторов пессимистически относятся к признанию возможности установления таких законов. «Мы,—говорит, например, Шмоллер,—признаем, что не знаем исторических законов, и поэтому можем говорить лишь об исторических закономерностях, т.-е. о законах статистических». В другом месте тот же Шмоллер еще более пессимистически замечает, что «мы даже эмпирически не можем ответить на вопрос, является ли экономическая жизнь человечества единством, представляет ли она единообразное развитие».

Другими словами, Шмоллер оставляет открытым вопрос, возможно ли при настоящем состоянии науки задаваться вопросом об открытии каких-либо «законов» и не сводится ли вся историко-экономическая наука к установлению законов *статистических,* т.-е. законов эмпириче-

ских. Поэтому в отношении метода представители нового направления также склоняются к признанию преимущественно описательно-исторического метода. Задача экономической науки состоит в рассмотрении экономической жизни с точки зрения исторического ее развития и в накоплении исторических фактов, которые могли бы впоследствии дать ключ к разрешению и пониманию законов экономического развития. Поэтому представители этого направления заняты не абстрактным изучением экономической теории, а изучением фактической экономической истории. Поэтому-то это направление является ценным и богатым в области экономической истории, особенно в трудах Шенберга, Брентано, Шмоллера, Бюхера, Зомбарта и целого ряда других. Эта руководящая экономическая школа современной Германии принесла высокий расцвет германской историко-экономической науки, так как эти авторы много потрудились над собиранием громадной массы исторических фактов и самого детального изучения экономической истории Германии и вообще Европы.

Тем не менее экономическая теория при описанном взгляде исторической школы на задачи политической экономии оставалась в загоне. Историки отказываются от каких-либо обобщений и выводов, прежде чем не будут изучены детально все конкретные исторические факты. Только некоторые авторы вместе с конкретным историческим изучением и историческим описанием явлений задаются и теоретическим обобщением фактов. Это, например, относится к таким авторам, как Бюхер и особенно Зомбарт, для которого исторический материал является важным только как материал для теоретического «конструирования» хозяйственного развития, т.-е. для создания «теории хозяйственного развития». Но во всяком случае для большинства авторов и для всей вообще школы главной заслугой остается систематическое описание экономической истории, особенно истории средних веков, предшествующей зарождению капитализма. Брентано, Бюхер и др. оставили важный след после себя именно в истории экономической науки.

Таковы представления социально-политической школы об основной теоретической проблеме о законах общественно-экономического развития. Другая социально-экономическая проблема—о строении общества. Здесь представители новой школы также не разделяют воззрения А. Смита о механическом составе общества. По их мнению, общество является не простой механической совокупностью отдельных индивидуумов, а представляет из себя нечто целое, находящееся в известном постоянном взаимодействии с окружающей его средой, почему законы, управляющие обществом, не аналогичны с теми законами, которые можно наблюдать в проявлениях жизни отдельных индивидуумов, а представляют из себя особые, более сложные законы.

Отсюда вытекают и расхождения их с классиками, проявляющиеся в анализе мотивов экономической деятельности человека. Человеческая деятельность об'ясняется не исключительным стремлением к личному интересу, эгоизмом, но и рядом других мотивов высшего порядка, альтруизмом, стремлением к общему благу и т. п. Поэтому, господство личного интереса не может быть положено как главный мотив для

об'яснения всей хозяйственной деятельности. Хозяйство является лишь одной из сторон, притом стороной незначительной в жизни людей и общества. Поэтому, для того, чтобы изучить социальную жизнь общества во всей ее совокупности, необходимо принимать во внимание целый ряд других, а не только экономических интересов и факторов: государственных, этических и т. п.

Такими теоретическими предпосылками об'ясняется и подход социально-политического направления к их положительной программе в области экономической политики. Эта программа сводилась к требованию вмешательства государства в экономическую жизнь. Так как в экономической социальной жизни преобладает не только эгоизм, но и интересы целого и высшего, так как на экономическую жизнь влияют не только интересы отдельных лиц, но и высшие задачи государства, то государство, в целях достижения этих интересов, должно и может вмешиваться в жизнь отдельных людей. В противоположность принципу невмешательства государства, как основной предпосылки классиков, они признают необходимость планомерной экономической политики. В связи с этим, новое направление исторической школы и получило название «социально-этического направления» или направления «социальных реформ». Первый термин показывает, что оно рассматривает область экономической жизни не изолированно, в узком смысле, а расширяет ее до признания в экономической жизни и политике известных этических предпосылок; второй,—что в области экономической политики это направление выдвигает требования различного рода социальных реформ ради охранения интересов высшего порядка.

Новое историческое «социально-этическое» направление получило универсальную формулировку и выявилось, как закрепленное в науке, в 70-х годах, когда впервые на с'езде в Эйзенахе в 1872 году ряд известных немецких ученых, профессоров немецких университетов, во главе со Шмоллером, Шангорстом, образовали научно-политическое общество под названием «Общество социальной политики» («Verein für Sozialpolitik»). Это общество, об'единивши главнейших представителей экономической науки Германии, является до настоящего времени крупнейшим научно-экономическим обществом, которое, по общепринятому мнению, по своим экономическим целям и задачам стоит на средине между либерализмом классической школы и *социализмом*. Оно не признает, с одной стороны, крайних проявлений либерализма и свободы хозяйственной деятельности, невмешательства государства, но и отрицательно относится к принципиальным положениям и выводам социализма. Поэтому социально-политическое направление и получило от своих противников ироническую кличку «Katheder Sozialismus» — «социализм на кафедре», т.-е. учение, близко соприкасающееся в области практической политики с социализмом, отрицающее, однако, требования последнего о преобразовании всего существующего строя и всего частно-правового хозяйства и отрицания частной собственности.

Конечно, такое представление о «близости к социализму» социально-политического направления должно пониматься очень условно. Достаточно сказать, что некоторые из этих катедр-социалистов являлись ни

чем иным, как послушным орудием и помощниками Бисмарка в его «социальной политике» (как Вагнер); другие, на-ряду с мерами социальной политики на пользу рабочих, рекомендовали также установление уголовных кар за стачки, организацию предпринимательских союзов для не найма забастовщиков (Шенберг), и все они являлись поклонниками прусско-юнкерской государственности. Отсюда видно, что катедр-социалисты ни в какой мере не являются социалистами, а являются представителями той буржуазно-государственной идеологии, которая почувствовала и признала грядущую социальную силу нового класса и стремится удержать свое классовое господство путем определенных экономических уступок и социально-политических мероприятий.

Впрочем, в отношении этих практических мероприятий социальной политики среди представителей школы можно различать несколько отдельных группировок. Наиболее скромную и правую позицию занимает главный основатель «Союза», образующий вместе с Шенбергом и др. так наз. «этическую» группу, выдвигающую значение «этического принципа», «этоса» в хозяйственной жизни. Шмоллер развил эти принципы на с'езде в Эйзенахе, а затем в своей книге «О некоторых основных вопросах права и народного хозяйства» (1875 г.). В основе народного хозяйства, по мнению Шмоллера, лежат не только экономические, но и этические начала, совокупность которых и составляет то, что мы называем культурой. Неправильно думать, что экономический строй определяется только техникой; такие институты, как собственность, наследование, разделение труда, семья, организация обмена — все это явления, которые обусловлены «этосом», т.-е. обычаем, правом, нравами. Поэтому классическая школа была не права, когда ограничивала об'ем изучения экономики только хозяйственными явлениями в узком смысле слова, т.-е. техникой. Эти явления следует рассматривать в «этической» среде совокупных влияний истории, права, морали и т. п. Государство, как представительство этих высших интересов, и должно быть проводником этих высших начал «хозяйственного этоса» в жизнь путем мероприятий социальной политики. Оно должно ввести этот этический момент в условия распределения общественного продукта путем забот об улучшении положения рабочего класса, улучшения воспитания и образования, проведением фабричного законодательства и т. п.

Таким образом уже у Шмоллера государство получает крупнейшую роль в деле проведения активной экономической политики. Еще более эта мысль находит дальнейшее развитие у А. Вагнера. Вагнер не развивает значение этого «этического» момента, а в большей мере останавливается на анализе правовых норм и их значения для экономического строя. В своем «Введении в политическую экономию» Вагнер, рассматривая соотношение экономики и права, отвергает старое учение о «естественных правах» личности и в том числе права собственности. Он указывает, что все юридические права личности не предрешаются какими-либо прирожденными свойствами, а определяются юридической организацией общества, которая, в свою очередь, является продуктом исторического развития. Вагнер, рассматривая развитие юридических институтов и норм, определяющих положение личности, право собствен-

ности и проч., приходит к заключению об исторической условности этих правовых институтов. Собственность, например, есть совершенно условный институт, установленный государством, имеющий место лишь при определенной общественной структуре, и, следовательно, могущий быть тем же государством преобразован и отменен. Безусловного и абсолютного права частной собственности нет и никогда не бывает. Собственность выполняет определенные социальные функции и только поэтому поддерживается государством. С этой точки зрения Вагнер отрицательно относится к земельной городской собственности, считая желательным ее устранение; но уничтожение частной собственности на средства производства Вагнер считает несвоевременным.

Отсюда видно, что Вагнер все же делает значительный шаг вперед в деле потрясения таких «основ» буржуазного общества, как «неприкосновенность» частной собственности. Это обстоятельство было, между прочим, поводом расхождения Вагнера с умеренным шмоллеровским «Союзом».

Другим вопросом, имеющим большое значение в воззрениях Вагнера, а также примыкающих к нему Шефле и др., является проблема организации хозяйства. Рассматривая возможные типы хозяйственных организаций, Вагнер указывает на три их формы: частно-хозяйственную, общественно-хозяйственную и благотворительную (каритативную). Первая форма основывается на личном интересе и частичном предпринимательстве; это — форма, преобладающая в современном капиталистическом хозяйстве, это — наиболее простая и легко осуществимая форма, гарантирующая известные успехи в области производства, техники и проч. Но уже и в настоящее время эта форма не единственная. Вместе с ней все большее развитие находят формы государственных предприятий, в тех случаях, когда частное хозяйство и частная предприимчивость не может всецело обслуживать общественные нужды и потребности (железные дороги, почта, телеграф, школы и т. п.). В основе этой формы уже не может лежать частный интерес, так как такого рода предприятия не задаются целью доходности. Наконец, благотворительная форма организации хозяйства имеет целью смягчать недостатки предшествующих двух, когда отдельные члены общества не могут принять участия в частно-хозяйственной деятельности, но когда и государство не может их обслуживать своею помощью.

Вопрос о том, какая комбинация этих форм является наилучшей, вопрос факта для каждой данной эпохи. Никакого общего решения быть не может, т.-е. нельзя сказать, что вообще и всегда лучшей является форма частного хозяйства или, наоборот, форма государственного хозяйства.

Вагнер является представителем той ветви, которая впоследствии получила название государственного социализма, т.-е. практического осуществления некоторых частных пунктов программы социализма, но проводимых в условиях буржуазного государства. Этим об'ясняется тот факт, что Вагнер был ближайшим сотрудником Бисмарка в социальном законодательстве последнего.

Как теоретик, Вагнер стоит выше других представителей социально-политического направления. Его многочисленные и обширные труды, как в виде специальных монографий, по вопросам хозяйственного развития, денежного обращения, финансам и пр., так особенно его знаменитые «Руководства» (Grundlegung d. Politischen Oekonomie, Finanzwissenschaft), сделали его крупнейшей величиной германской академической науки.

Близко к Вагнеру стоит Шефле, известный кроме того, как сторонник так наз. «Органического метода» в социологии, который он особенно развивает в своем обширном труде «Bau und Leben des sozialen Körpers» (1875—78 г.г.), излагая здесь анатомию, физиологию и психологию общественного организма. Большую популярность Шефле получил своей брошюрой «Квинт-эссенция социализма».

К той же группе принадлежит Брентано, выдвигающий, однако, не столько роль и значение государства, сколько самодеятельность рабочих и их организаций. Брентано вообще больше заражен английским либерализмом, чем прусской государственностью. Его наиболее значительные труды о рабочих союзах Англии (Arbeitergilden der Gegenwart, 1871), о заработной плате (Ueber das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung, 1876), о страховании рабочих и проч.

Несколько отдельно стоят также принадлежащие все же к исторической школе Карл Бюхер, известный своим учением о стадиях хозяйственного развития, Вернер Зомбарт—своим капитальным сочинением о происхождении современного капитализма (Der Moderne Kapitalismus, 2-е изд., 1922 г.), а также многочисленными трудами по социальному движению, рабочему вопросу и др.

Таким образом «новая историческая школа» или «социально-политическое направление», как видно из изложенного, имеет громадное число представителей среди германской экономической науки и имеет за собой большой научный актив. Этот актив значительно меньше представлен экономической теорией, гораздо больше — экономической историей и социальной политикой. В этом последнем, пожалуй, главнейшая заслуга этого направления. Оно весьма энергично обратило внимание современного общества на необходимость принятия мер против болезней и противоречий экономического строя, и хотя не могло указать радикальных путей исцеления, но тем не менее все же сыграло известную положительную роль, несколько улучшив положение рабочих своим социальным законодательством и главное—облегчив условия организации их, как класса.

Социально-политическое направление имело своим предшественником Сисмонди. Однако, нельзя считать, что идеология социал-политиков — та же мелкобуржуазная идеология Сисмонди. Наоборот, их идеология — не смотрящая назад идеология крестьянства, мелкого ремесленничества, а идеология крупного буржуазно-промышленного государства, чувствующего уже раскаты приближающейся социальной грозы и в борьбе за свое существование бросающего на чашку весов истории и свои экономические уступки, и социальные законы, и доводы этики

и «справедливости». Этим определяется и место этого направления в истории экономической мысли и политико - экономическом строительстве.

Литература. Рошер. Наука о народном хозяйстве, М. 1870 г. 2 тома.—Гильдебранд. Политическая экономия настоящего и будущего. Спб. 1860.—Лист. Национальная система полит. экономии. Спб. 1891.—Шенберг. Новая политическая экономия. 1894.—Симоненко. Политическая экономия в ее главнейших направлениях. 1900.—Шмоллер. Наука о народном хозяйстве. М. 1897.—Святловский. Л. Брентано, его жизнь, воззрения и школа. М. 1896.—Зомбарт. Современный капитализм. М. 1905.—Бюхер. Возникновение народного хозяйства. Спб. 1907.—Шефле. Квинт-эссенция социализма. Изд. «Просвещения». 1905.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Возрождение абстрактной экономии. — Психологическая и математическая школы.

Историческая школа в Германии, выдвинувшая чрезвычайно важный принцип, — исторический метод изучения экономических явлений — не смогла, однако, дать сколько-нибудь ценных теоретических выводов вообще для науки политической экономии. В дальнейшем своем развитии она переродилась в социально-политическое направление, занявшееся также не столько разработкой теоретических проблем, сколько проблемами социальной политики.

Однако, развитие теоретической экономической мысли не могло, конечно, остановиться на пересказе и даже некотором дальнейшем развитии идей классической школы. Крайнее увеличение историцизмом не могло не вызвать реакции. Появляется стремление вновь от чисто эмпирического исторического материала перейти к абстрактным теоретическим изысканиям в духе Смита и даже Рикардо. В результате, почти одновременно с возникновением исторической школы, как направлением крайнего исторического эмпиризма, в экономической науке возникает противоположное направление, характеризующееся крайним развитием абстрактной теории. И вот в то время, как историки начинают заполнять страницы своих историко-экономических журналов подробнейшими и детальнейшими изысканиями из истории средних веков, их промышленного строя, их торговли и проч. — страницы других журналов начинают заполняться абстрактными рассуждениями и теориями ценности, обмена, распределения, алгебраическими формулами, вычислениями кривых спроса и предложения и проч.

Но замечательно то, что если «старая» историческая школа была в то же время основательницей «национальной экономии», рассматривавшей экономические проблемы через призму национального хозяйства страны, где эти проблемы развиваются, и фактически осталась направлением, главным образом, немецкой экономической науки,—новое теоретическое направление сразу стало завоевывать и приобретать универсальный, космополитический характер. И хотя, по своему происхождению и обоснованию, впервые, главным образом австрийскими учеными, это направление получило название «австрийской школы», тем не менее оно по своему распространению очень скоро переросло границы своей родины и стало быстро производить завоевания среди германской, английской, итальянской, русской и даже американской экономической науки. В Америке, например, число активных последователей этого

«австрийского» направления настолько велико и труды их имеют настолько значительный вес в разработке новых доктрин, что в настоящее время это направление можно с такой же правильностью назвать «американским», как и «австрийским».

Это обстоятельство представляется нам чрезвычайно знаменательным, если мы вспомним подобную же судьбу классической школы. Это «английское» направление очень быстро получило универсальное распространение, а его положения—характер универсальных истин. Сходство капиталистического развития в различных странах вызывало и сходство идеологических обоснований экономической действительности. Капитализм в своих начальных формах получал значение универсального этапа развития, поскольку все страны отказывались от узких рамок мелкого ремесленного хозяйства и вступали на путь промышленного развития. Но впоследствии оказалось, что во многих странах, в силу национальных, исторических и других особенностей, универсальные догмы классической теории не выражают потребностей экономической действительности. Универсальная догма классической школы заменяется догмой «национальной» экономии, выражающей уже не космополитические стороны капиталистической идеологии, а интересы и идеологию национального капитала. Но вместе с расширением интернациональных связей, общения и интересов капиталов различных национальностей, вместе с закреплением капиталом своего универсального значения—и самая идеология его вновь приобретает характер универсальной догмы, одинаково разделяемой представителями «буржуазной» науки и старой капиталистической Европы, и молодой капиталистической Америки. И даже более того: эта импонирующая своей универсальностью идеология начинает производить завоевания в умах «социалистических» научных направлений.

Таким образом, этот новый этап в развитии политической экономии, в виде возрождения абстрактной и универсальной «психологической» экономии, вполне соответствует новой фазе самого капитализма, с перерождением в нем всегда несколько национального и, так сказать, «материального» промышленного капитала в новые формы универсального, международного, почти невидимого (почти психологического!) банково-финансового капитала.

Впервые оппозиция немецкому историцизму возникла в 70-х годах в среде австрийских ученых экономистов, в лице профессора венского университета *Карла Менгера*. Из работ Менгера наиболее замечательными являются «Основания политической экономии»» (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1871) и «Исследования о методе социальных наук и политической экономии в особенности» (Untersuchungen über die Metode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere, 1883). Последняя работа посвящена пересмотру вопроса о методе политической экономии, как он нашел себе выражение в исторической школе, при чем Менгер, отрицательно относясь к этому методу, возвращается к необходимости абстрактного метода в теоретической политической экономии.

Мир экономических явлений,—говорит Менгер,—может быть разделен на мир явлений индивидуальных и явлений типичных. Индивидульные

явления изучаются отдельными специальными экономическими дисциплинами, как-то: статистикой, экономической историей и т. п. Изучение общих или типичных явлений требует особых условий и методов изучения и составляет предмет теоретической политической экономии. Эта последняя наука должна изучать типы экономических явлений, должна изучать типичные формы этих явлений и в отдельных экономических явлениях искать общие черты и свойства их, общие закономерности. Но и эти общие черты и типы экономических явлений бывают различны. Одни представляют строгие типы, которые остаются неизменными и не допускают исключений; другие, наоборот, допускают исключения и видоизменяются в условиях конкретной жизни. Первые правильности обыкновенно называют естественными законами, вторые— эмпирическими. Одной из задач политической экономии является «исследование типов и типичных соотношений явлений, как эти последние представляются нам в их полной эмпирической действительности, следовательно в цельности и во всей сложности их существа» Это будет метод эмпирико-реалистический. Другой путь—отвлечение от реальных условий и установление общих законов экономической деятельности вообще. Сущность этого чисто-теоретического метода состоит в том, что «мы приводим человеческие явления к их первейшим и простейшим конструктивным факторам, прилагаем к этим последним соответствующую их природе мерку и стремимся раскрыть законы, по которым образуются из этих простейших элементов более сложные человеческие явления». Такой именно метод применяется и в естественных науках, хотя и там в действительности «чистых» явлений мы нигде не наблюдаем, а только принимаем их в абстракции. Политическая теоретическая экономия представляется такой же чистой теоретической наукой, изучающей простейшие явления хозяйственной жизни. Такими простейшими явлениями представляются: потребность, полезность, эгоизм, т.-е. стремление к максимальному удовлетворению своих потребностей и т. п. Понятно, что все эти понятия — условная абстракция, не только не охватывающая всей сложности явления, но и в действительности не существующая. Тем не менее этот метод единственно правильный, и для теоретической науки политической экономии, как и для естественных наук, — единственно плодотворен и научен.

Книга Менгера вызвала оживленную полемику и резкие ответы со стороны представителей исторической школы, особенно Шмоллера. Тем не менее, с одной стороны — полная научная бесплодность исторической школы, с другой — убедительность доводов Менгера доставили его взглядам быструю и полную победу. Лозунгом нового направления стал призыв к теоретической экономии, как она нашла себе выражение в трудах классиков, особенно Рикардо. Однако, призывая к усвоению абстрактного метода классиков в теории политической экономии, новая школа далека от повторения догмы классицизма. Более тонко разработав самый метод (чем в сущности классики не занимались), новая школа с помощью его предприняла пересмотр всех основных положений и догм классической политической экономии. Теория ценности, потребности, полезности, спроса и предложения, цены, капитала, заработной платы,

прибыли, ренты, — все эти понятия подвергнуты были пересмотру согласно основным исходным принципам. Действительно, вся теоретическая экономия перестраивалась заново.

Каков же тот основной атом, поняв который и исходя из него, можно построить все сложное здание науки о народном хозяйстве? У классиков это был хозяйственный эгоизм, которым они наделяли «экономического человека». Принцип, который выдвигает новая школа, по существу близок к этому же. Он заключается в том, что человек стремится к максимуму удовлетворения своих потребностей, к максимуму удовольствия при относительном минимуме затрат на это. Отсюда ясно, что этот принцип в сущности очень мало чем отличается от «эгоизма» классиков, от «личного интереса». И методологическое значение этого принципа такое же, как и у классиков: сводя к этим стимулам человеческую деятельность, ни классики, ни новая школа не отрицают наличности других стимулов, но, применяя именно один этот стимул за основу дальнейших построений, новая школа делает совершенно правильное методологическое допущение, методологическую абстракцию. Так как в противоположность классическому «личному интересу» новое направление выдвигает основным принципом — стремление к максимуму удовольствия, то оно получает название «гедонистического» направления.

Но независимо от самого содержания этого принципа, гедонисты делают из него гораздо более широкое употребление, чем классики. Для последних их «эгоистический» принцип был лишь общей абстрактной предпосылкой, не влиявшей на характер дальнейших теоретических построений, которые часто производились даже больше на основании эмпирического изучения действительности (как у А. Смита), чем на чисто логических абстракциях (Рикардо). Гедонисты кладут свой принцип действительно краеугольным камнем всего своего здания теоретической экономии.

Если основным принципом человеческой хозяйственной деятельности является «гедонистический» принцип—получения от употребления предметов внешнего мира максимум удовольствия, то естественно задачей теоретического исследования становится ответить на вопрос: с одной стороны, каковы будут отношения людей к тем или другим предметам внешнего мира, служащим для удовлетворения наших потребностей; с другой — к другим людям, к которым приходится обращаться в процессе обмена различными предметами в условиях удовлетворения своих потребностей.

Отсюда перед школой намечаются два пути дальнейшего абстрактного анализа экономических явлений. Исследование первого вопроса приводит к анализу суб'ективного психологического отношения человека в вещам, служащим для удовлетворения потребностей. Исследование второго вопроса сводит всю проблему к анализу явлений обмена вещей и нахождению количественных соотношений обмена различными вещами, что так легко находит выражение в различных математических соотношениях и формулах.

В школе намечаются, таким образом, два несколько обособленных направления: с одной стороны, так называемая психологическая школа,

исходящая в своем экономическом исследовании из анализа психологических переживаний человека и суб'ективного отношения его к тем или иным хозяйственным благам; с другой — математическое направление, стремящееся найти точное математическое выражение и соотношение отдельных хозяйственных благ в процессе обмена ими.

Во всяком случае, как видно из сказанного, и то, и другое направления одинаково заражены «фетишизмом», так как задачей изучения политической экономии, как абстрактной общественной науки, ставят не изучение отношений людей, а отношений или вещей между собою или людей к вещам. В этом, конечно, и лежит вся суть неправильностей и методологическая ошибка новой школы.

Последователи того или другого направления чрезвычайно многочисленны во всех странах, и можно сказать, что громадное большинство представителей кафедральной экономической науки принадлежит к тому или другому направлению. Сюда принадлежат более старые немецкие (германские и австрийские) экономисты, начиная с Госсена (Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkers, 1854), Менгера (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1871), далее Визер (Der Natürliche Werth, 1889, и Ueber der Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes, 1884), Бем Баверк (Grundzüge der Theorie des wirtschaflichen Güterwerthes, 1886), и Kapital und Kapitalzins, 1889), Цукеркандель (Zuckerkandl, Zur Theorie des Preises, 1889) и мн. др.; французские (впрочем, немногие), как Вальрас (Walras, Elements d'économie politique pure, 1874), английские, как Джевонс (Jevonr, Theory of Political Economy, 1871), Маршал (Marchall Principles of Economics, 3 изд. 1878), итальянские — Парето (Pareto Economie mathématique, 1911), американские — Кларк (Clark, Philosophy of Value, 1881 и The distribution of Wealth, 3 изд. 1908), Фишер (Jrv. Ficher, The Nature of Capital and Income, 1906), шведские—Кассель (Cassel, Grundriss einer elementaren Preislehre, Zeitschr. f. d. des Staatswiss., 1899), и его же, Theoretische Sozialökonomie, 1918 и мн. др. Экономическая литература, разбирающая те или иные проблемы политической экономии, становится бесконечной. При всем сходстве авторов этого направления, как уже было указано, их можно разбить на две группы: с одной стороны, на психологическую школу, преимущественно так наз. «австрийскую» и, с другой стороны, на математическую школу.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Центральной идеей психологической школы является учение о ценности, трактуемой, как суб'ективная ценность, и определяемой по, так наз., «предельной полезности» предмета. Здесь, конечно, нет возможности излагать полностью это учение и следует коснуться лишь тех сторон его, которые указывают место этой теории в истории доктрин.

Ценность согласно этой теории, определяется суб'ективным отношением человека к данному предмету, исходя из основного принципа — стремления к максимуму удовлетворения потребностей. Человек, при имеющемся в наличии количестве благ и при прочих равных условиях, будет стремиться удовлетворить с помощью их наиболее настоятельную

потребность. При уменьшении количества предметов он будет удовлетворять менее насущные потребности и следовательно в каждом данном случае будет оценивать предмет по той последней, минимальной потребности, которую данный предмет удовлетворяет. Эта минимальная потребность и определяет таким образом «предельную полезность», а вместе с тем и ценность предмета. На этих основаниях Менгер, Бем Баверк и др. и строят свои известные схемы и шкалы изменения предельной полезности предметов.

Таким образом психологическая школа возвращается к понятию так наз. потребительной ценности и полезности классиков. Но тогда как классики придавали этим понятиям об'ективное, натуралистическое и в то же время родовое значение (полезность воды, как об'ективное свойство, вытекающее из химических свойств вообще воды), психологическая школа реставрирует это понятие полезности в смысле суб'ективного и видового свойства предмета (полезность воды не вообще, а данного ее количества при условиях суб'ективного к нему отношения лица). Таким образом, в противоположность об'ективистическим теориям, эта школа выдвигает суб'ективное понимание ценности.

Такое об'яснение ценности, исходящее из суб'ективной оценки в зависимости от наличия известного количества благ, позволяет психологической школе весьма остроумно об'яснить то неразрешимое противоречие и недоговоренность, которые получались у классиков. Почему действительно, мы ценим алмаз выше воды, хотя полезность последней значительно выше первого? Ни теория общей (абстрактной) полезности, ни теория трудовой ценности, по мнению психологов, не давали возможности правильного разрешения вопроса именно потому, что в основу понятия ценности клалось понятие полезности вообще, тогда как полезность нужно рассматривать не вообще, а с точки зрения конкретно имеющегося количества предметов данного рода. При таком об'яснении становится понятным, почему ценность воды вообще ниже ценности алмаза, но, конечно если бы вместо бесконечного количества воды мы имели бы ее чрезвычайно мало (стакан воды в пустыне), то и ценность ее стала бы для нас бесконечно большой, много выше редкого алмаза.

Итак, мы ценим предметы в зависимости от того, каким запасом этих предметов мы обладаем и, следовательно, какую степень потребности мы можем удовлетворить этим предметом. Чем больше количество предметов, которыми мы располагаем, тем ниже оказывается настоятельность потребности, которую мы удовлетворяем с помощью этого предмета. Если мы утрачиваем какой-либо предмет, мы откажемся от удовлетворения наименее важной потребности. Отсюда возникает психологический, суб'ективный процесс оценки предметов, кладущийся в основу экономического понятия ценности. Ценность определяется предельной полезностью предмета, т.-е. наименее важной потребностью из тех, которые мы удовлетворяем с помощью определенного запаса предметов этого рода.

Так понятие предельной полезности удачно разрешает неразрешимые до сих пор контроверзы вопроса ценности. Но то же понятие дает

новый подход и к другим проблемам, например, к проблеме цены. Как на рынке устанавливается единая цена? Она устанавливается, как равнодействующая суб'ективных оценок ряда покупателей, из которых каждый подходит к каждому покупаемому им предмету с точки зрения оценки его по предельной полезности и необходимости отказа от него или замены другим, если его цена повышается. Другими словами, цена на рынке для всех однородных, т.-е. заменяемых, предметов установится, как единая цена, определяемая по предельной, минимальной полезности каждого из этих предметов. Если у разносчика воды продается стакан воды, то цена его установится для всякого лица, в том числе и для того, с кем мог бы случиться солнечный удар, если бы он не выпил воды, не выше той минимальной оценки, которую можно придать такому, легко заменяемому и незначительному по своей предельной полезности, предмету, каким является стакан воды при свободном доступе к ней.

Тот же самый принцип может быть положен и в основу производительной деятельности и в основу потребления каждым человеком, а следовательно, и всем обществом. Каждый человек и свою производственную деятельность и свое потребление распределяет так, чтобы предельные полезности последних вырабатываемых, приобретаемых или потребляемых предметов, были равны. Действительно, если у человека имеется три часа рабочего времени или три рубля денег, на которые он может купить три предмета, удовлетворяющие потребности одинаковой интенсивности (книгу, бутылку вина, фунт табаку), то он их равномерно распределяет на производство или покупку всех трех этих предметов, удовлетворяющих потребности одинаковой интенсивности. Если бы оказалось, что потребности, удовлетворяемые этими предметами, неодинаковы, то человек откажется от удовлетворения одной из них за счет увеличения другой, более важной. Если я, выкуривая раньше 5 папирос по 2 коп. каждая, прихожу к заключению, что пятая папироса для меня менее важна, чем прочтение газеты, я отказываюсь от пятой папиросы и приобретаю одну газету.

Этот же универсальный принцип оказывается вполне применимым и к разрешению проблем распределения. Например, заработная плата есть ценность, которую получает рабочий в обмен за услуги, предоставляемые им в производстве капиталисту. Какую же ценность может предоставить капиталист рабочему? Ясно, что ценность, определяемую производительностью рабочего и равную ей. Но производительность каждого рабочего изменяется от соотношения такого фактора, как средства производства с числом рабочих. Если при данном капитале увеличивается количество рабочих, производительность каждого из них падает. Последняя единица труда, последний рабочий, будут наименее производительны. Производительность этого рабочего, *предельная производительность* и определит ту заработную плату, которую может дать предприниматель в виде эквивалента рабочему за произведенную им ценность. И так, как каждый рабочий может быть признан «последним», то все рабочие, в виде заработной платы, получают эквивалент производительности, т.-е. полный продукт труда «предельного» рабочего, подобно

тому, как ценность всех стаканов воды, продающихся на улице, определяется предельной полезностью этого стакана воды.

Точно также легко об'ясняется происхождение и закон установления прибыли на капитал. Закон нашей психологии—ценить блага будущие ниже благ настоящих; поэтому благо настоящее по ценности равно увеличенному благу в будущем. Следовательно, если капиталист затрачивает в настоящем свой капитал в производство, отказываясь от немедленного потребления капитала, то в будущем он должен получить большую ценность, откуда и вытекает неизбежность процента. Самая высота уровня процента также определяется по принципу предельной полезности: его регулирует «последний» капитал, т.-е. капитал, положенный в наименее производительные предприятия, в силу замены, при условиях свободного рынка капиталов, одного капитала другим.

Таким образом, представители психологической школы, исходя из простейших психологических подходов и определений, разрешают сложнейшие проблемы производства и распределения. Менгер, Визер, Бем Баверк, Кларк и др. пытаются создать на этой психологической основе новую политическую экономию.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА.

Представители этой ветви гедонистов исходят из тех же общих представлений о потребности, полезности, ценности, но подходят к разрешению несколько иным методом. Основное их стремление сводится к тому, чтобы придать экономическому исследованию не обыкновенный характер логических словесных доказательств, а характер точного языка цифр или алгебраических, математических выражений. Только такой математический метод может придать экономии характер точной науки, так как лишь с его помощью можно не только точно формулировать экономические явления и понятия, но и точно измерить соотношение их. Можно ли применить такой математический метод к экономии и имеются ли в ней элементы, измеряемые в их количественных соотношениях? Безусловно, да. Целая громадная область экономики есть не что иное, как оперирование с математическими, количественными понятиями—это область обмена. Во всяком обмене мы имеем сопоставление двух количеств, т.-е. математическое отношение, независимо от его качественного содержания. Это отношение выражается в цене. Вот почему математики, применяя свой точный математический метод, во главу угла ставят исследование цены, подобно тому, как психологи начинают свое исследование с ценности.

Но так же, как психологи из своего анализа ценности выводят широкие обобщения для разрешения всех экономических проблем, так и математики свой анализ обмена и цены делают краеугольным камнем, на котором строят широкие обобщающие выводы. Все явления экономической жизни можно свести к явлениям обмена. Действительно, все явления производства, распределения, потребления есть не что иное, как обмен различных элементов, например, сырых материалов и предметов продовольствия, капитала и труда, отдельных потребительных ценно-

стей — друг на друга и т. п. Даже такие экономические понятия, как налог, могут быть сведены к обмену, ибо уплатить налог — значит, по мнению математиков, получить за отдаваемую часть своего имущества или дохода охрану со стороны государства. Таким образом, все явления могут быть сведены к количественному выражению обмениваемых благ, а следовательно, и к математическим формулам.

Но задача математического анализа экономических явлений не ограничивается лишь нахождением количественных соотношений. Необходимо найти между ними причинозависимость, т.-е. найти, в каком направлении и в каком виде изменяется одно явление, как математическая функция другого.

И эта проблема лучше всего разрешается на математическом анализе обмена и цены. Еще классики указывали, что цена устанавливается спросом и предложением. Такая формулировка, однако, ничего не дает для точного количественного анализа. Математики стремятся уловить функциональную зависимость между этими явлениями. Если на абсциссе (горизонтальной линии) отложить равные линии, изображающие цены: 1, 2, 3, 4 и т. д., а на ординате (вертикальной линии) — количества какого-либо товара, требующегося на рынке при наличии известной цены, то окажется, что чем выше цена, тем менее будет спрос на товар, т.-е. мы получим понижающуюся вогнутую кривую спроса. Наоборот — предложения товара будут повышаться по мере повышения цен, и кривая предложения будет изображена повышающейся выпуклой кривой. Обе эти кривые непременно пересекутся: это будет момент равновесия между спросом и предложением и момент происходящего обмена. Если мы из точки пересечения опустим перпендикулярную линию, то эта линия на абсциссе нам точно укажет цену, на основании которой будет произведен этот обмен.

Таким образом установлена функциональная зависимость между явлениями и найдено их количественное соотношение.

Подобного рода анализ приводит к установлению настоящих математических «законов» установления цен. Таков прежде всего первый закон Джевонса, «закон безразличия», по которому цена, устанавливающаяся на рынке на однородные и заменяемые предметы, должна быть единой. Второй закон,—что эта единая цена должна приводить к совпадению предлагаемого и спрашиваемого количества товара. И, наконец, третий закон — что эта единая цена дает возможность наибольшего числа заключения сделок между покупателями и продавцами.

На первый взгляд кажется, что такие математические абстрактные формулы даже в их простейшем выражении (не говоря уже о высшей математике) слишком осложняют вопрос, не внося ничего нового в освещение сущности экономической проблемы.

На самом деле, говорят математики, это не так. Весь обмен, по мнению математиков, сопутствует всем явлениям хозяйственной жизни, и, устанавливая функциональные зависимости явлений обмена и цены, мы можем, следовательно, обнять также и всю вообще совокупность всех хозяйственных явлений. И вот Вальрас действительно делает попытку сложными формулами высшего математического анализа установить

единство функциональной зависимости всей совокупности хозяйственных явлений—производства, обмена, распределения.

Производитель (предприниматель) покупает, т.-е. обменивает у собственников земли «производительные услуги» их почвы, у владельцев капитала—«производительные услуги» их капитала, у рабочих—их труд, уплачивая, т.-е. давая в обмен каждому из них соответствующий эквивалент в виде ренты, прибыли, заработной платы. Цена этих «производительных услуг», т.-е. размеры ренты, прибыли, заработной платы, определяются по общему, приведенному выше, закону установления цены. Но тот же производитель продает произведенные им продукты. Но кому? Тем же лицам, которым он выплатил ренту, прибыль и заработную плату и которые теперь покупают на эти свои доходы мануфактуру, продукты продовольствия и проч. у производителя. И ясно, что производитель может произвести столько, сколько он купит «производительных услуг», а продавцы этих последних могут купить у производителя столько товаров, сколько получат от него в обмен за эти услуги. Устанавливается таким образом строгое соотношение и равновесие в общественном производстве.

«Математическая формула» экономической таблицы Кэнэн находит, таким образом, как будто более строгое математическое выражение. «Математики», как Джевонс, Парето, Панталеони, Эджеворт, Кассель и особенно Вальрас и др., наполняют свои труды более или менее сложными математическими вычислениями, до высшей математики включительно. Некоторые из них пытаются в этих формулах выяснить зависимость лишь отдельных моментов (Джевонс); другие, наоборот, обнять в них общую взаимную зависимость всего народохозяйственного процесса (Вальрас, Парето). При этом у некоторых увлечение высшими математическими формулами доходит до того, что сами же их коллеги называют их книги «трудно понятным аппаратом за семью печатями» (Кассель о Вальрасе).

Итак, новейшая «гедонистическая школа» в двух главных своих направлениях пускается или в тончайший психологический анализ или в не менее тонкий математический анализ экономической деятельности человека. Что же положительного вносят эти авторы в результате своих изысканий в экономическую науку?

Считается, что абстрактная экономическая теория достигла у теоретиков австрийской школы высшего своего развития, даже большего, чем у Рикардо. В этом отношении гедонисты являются действительно дальнейшими развивателями классических абстрактных принципов. И даже нужно сказать, что в отношении новизны самых принципов они сделали не слишком много. Основной и исходный их принцип—гедонистический принцип—есть не что иное, как эгоистический принцип классиков. Правда, как указывают сами гедонисты, если даже признать, что они лишь продолжают развитие того, что открыто было классиками, все же в этом отношении они ушли вперед очень значительно. То, о чем классики только говорили в общей форме, гедонисты доказали, притом доказали часто строго математически. Например, классики выдвигали, как общий принцип, благотворность экономической свободы и конкуренции,

но вовсе не исследовали причин этого явления. Новая школа не только об'ясняет причину этого, но и обнаруживает в точных выражениях количественные проявления этого принципа в экономической жизни. Эта причина лежит в стремлении каждого к максимуму удовлетворения своих потребностей при минимуме затрат и в условиях реальной жизни это находит выражение в количественных отношениях обмена хозяйственными благами.

Однако, почему же классики не могли дойти до столь же богатых и точных выводов, как новая школа? Мы поймем это, если обратим внимание на те цели, которые ставили классики для экономической науки, исходя методологически из своих общих принципов. Эти принципы индивидуалистического и личного характера были для них все же лишь подходом для разрешения общих народо-хозяйственных проблем экономической науки. Правда, самая экономическая жизнь и интересы общества представлялись для классиков лишь арифметическою суммою интересов и действий отдельных членов. Но, тем не менее, самой задачей своих исследований лучшие классики ставили не исследование экономической жизни и деятельности отдельных хозяйств и членов общества, а общехозяйственные процессы и связи. А. Смит в первых же строках так определяет задачи своего исследования в области производства, Рикардо—точно так же—в области распределения. Таким образом, несмотря на механически-индивидуалистические взгляды классиков на общественный строй, их экономическая наука приобретала все же характер широкой социальной науки. Что же мы видим у гедонистической школы? Исходя из того же в сущности принципа, они сворачивают, однако, в другую сторону и идут не по пути построения политической экономии, как науки об общественном хозяйстве, а ограничивают свои изыскания областью внутренних чувствований и переживаний хозяйствующего суб'екта, его психологии, внутренних отношений частного хозяйства. Поэтому, сколько бы ни были остроумны доводы и соображения психологов — они относятся к какой-угодно другой науке, к психологии, но не к науке об общественном хозяйстве. Математическая оболочка рассуждений и доказательств математиков, хотя бы и в области явлений межхозяйственных связей, не меняет существа постановки вопроса и является лишь таким же математическим выражением частно-хозяйственных расходов и соображений, как таким же математическим выражением является бухгалтерия.

Все соображения о «выгодности» удовлетворения одной потребности вместо другой, замены одного потребительного блага другим очень интересны, быть может, для анализа явлений частно-хозяйственной, но никак не общественно-хозяйственной жизни. Анализа явлений товарного капиталистического хозяйства, ни его сущности новая школа не видит даже тогда, когда она говорит об обмене, о прибыли на капитал, о заработной плате. Все эти явления рассматриваются, в сущности, не в их социальной среде и в социальных взаимоотношениях, а как бы в изолированном хозяйстве.

Поэтому, чем шире по существу самая проблема, тем менее удовлетворительным представляется ее разрешение. Наиболее «остроумным»

и общепринятым считается разрешение новой школой проблемы ценности, но именно потому, что в пределах этой проблемы можно еще не выходить из рамок явлений и анализа частного хозяйства, заменяя экономический анализ анализом психологическим. Но чем шире становится проблема,—например, проблема обмена вообще, проблемы распределения: заработная плата, прибыль,—тем решения становятся все более натянутыми, менее удовлетворительными, все более вызывающими возражения даже со стороны самих последователей той же школы.

В отношении социальных выводов, которые делают сами представители школы или которые можно из них сделать, также нужно сказать, что они не идут сколько-нибудь впереди классической школы. Даже наоборот — часто повторяют худших ее представителей. То же признание гармонии частного и общего интереса, то же оправдание существующего строя, то же — при том часто математическое! — доказательство неизбежности и оправдание ренты, прибыли на капитал, минимальной—«предельной» заработной платы. Периодом упадка классицизма отзываются у Вальраса «производительные услуги» капиталистов—владельцев капитала и рантьеров — собственников земли. Скорее не глубокий экономический анализ Кэнэ, а поверхностные рассуждения Сэя напоминает картина Вальраса об общественном воспроизводстве и распределении.

Все это, впрочем, так же как у классиков-вульгаризаторов периода упадка, как у Бастиа, об'ясняется самыми высокими мотивами. Как Бастиа уверял, что он был бы готов сделаться коммунистом, если бы в действительности существовала какая-нибудь социальная несправедливость, так, например, Кларк признает, что «всякий честный человек должен был бы сделаться социалистом», если бы... неумолимый закон «предельного рабочего» не делал совершенно неизбежной минимальную заработную плату и, следовательно, излишним стремление к социализму.

И, наконец — такое же возвеличение собственных заслуг в разрешении всех вопросов экономической теории, которых не было у скромных Смита и Рикардо, но которым стали заражаться их последователи. В противоположность великим классикам,—как нескромно звучит мнение математика Парето,—что все, что до сих пор открыто в политической экономии, ничто в сравнении с тем, что может открыть математическая школа или мнение психолога Бем Баверка, что система психологической школы является для политической экономии тем же, чем была система Коперника для астрономии.

Таким образом, едва ли правильно смотреть на новое возрождение теоретической абстрактной экономии, как на возрождение лучших сторон классицизма. Гедонистическая школа — последняя попытка не только об'яснить, но и оправдать капиталистический строй, возвести его исторические законы в вечные и неизменные законы, заменить его преходящие социально-экономические отношения — естественными психо-физиологическими и математическими законами. Лишенное всякого исторического подхода, всякой социологичности, это направление могло дать несколько остроумных и, пожалуй, изящных по внешности абстрактных формул и схем, но ни в какой мере не могло ответить на

основной вопрос экономической науки — проблему разрешения социального вопроса. Вот почему она не могла не исчерпать себя довольно быстро, как это признают даже некоторые адепты этой школы, например, Ландри, так как по самой сущности своей она не могла жить и развиваться вместе с развитием самой социальной проблемы, ибо она стояла далеко от этой последней.

Литература: Литература теоретиков предельной полезности весьма велика. Из переводной литературы следует указать: Менгер. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в частности. СПБ. 1894. Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ. СПБ. 1893. Бем-Баверк. Капитал и прибыль. СПБ. 1909. — Джевонс. Политическая экономия. СПБ. 1905. Из русских авторов о теории предельной полезности писали: Богров. Критико-исторический очерк теории ценности. СПБ. 1911.—Туган-Барановский. Учение о предельной полезности. «Юрид. Вестн.». 1890.—Шор. Основные проблемы теории полит. экономии М. 1907.—Билимович. К вопросу о расценке хозяйственных благ. К. 1914.—Струве. Хозяйство и цена. М. 1913.—Юровский. Очерки по теории цены Сар. 1919.—Бухарин. Политическая экономия рантье. М. 1923.

ЧАСТЬ II.

СОЦИАЛИЗМ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее понятие и системы социализма.

Конец XVIII века принес переворот во всех почти областях человеческой жизни культурной Европы. В хозяйственной жизни — промышленная революция резко изменила условия существования. В политической жизни — Великая французская революция была сигналом политического преобразования общественного строя в духе интересов буржуазии. В общем мировоззрении XIX век приносит вместе с этим также идеи свободы, либерализма, равноценности человеческой личности. Возникшее на почве этих новых идей общественное строительство, начатое с таким революционным воодушевлением и энтузиазмом, приводит, однако, к скорому разочарованию.

Французская революция в области экономической жизни принесла осуществление идей либеральной экономической школы. Провозглашение прав личности и человека, свободы его деятельности открывало блестящие возможности и перспективы, внушало надежды, что с освобождением человека от личной зависимости он освободится и от экономического порабощения. Однако, новое общественное устройство не оправдало надежд. Оно, правда, устранило юридическую несвободу, но не устранило экономического неравенства. К тому же экономические различия еще более увеличились благодаря общей экономической разрухе. Уже Сисмонди, как мы видели, обращал внимание на эту обратную сторону медали экономического либерализма. Развитие капитализма и машинного труда не только не приводило к общему благосостоянию, но вело к разорению прежних мелких производителей и к бедствиям населения. Рабочий день упорного тяжелого труда в 14—16 часов; труд всей семьей, начиная от детей 6 — 7-летнего возраста, работа женщин, отрываемых от домашнего очага, полный пауперизм — такова была обратная сторона медали — блестящего развития производства и накопления богатств в новую эпоху капитализма.

Все это постепенно заставляет критически отнестись и к самым принципиальным положениям экономического либерализма. Правда, и сами представители либеральной школы не закрывали глаза на эти отрицательные стороны новой экономической системы, кроме разве только самых крайних оптимистов и вульгаризаторов. И сам А. Смит, и Рикардо, даже Сей и особенно Сисмонди все это хорошо видели. Но все же они были далеки от отрицания самых основ системы. Дальнейшие обострения противоречий приводили и к дальнейшим разочарованиям

в самых принципах и основах системы. Возникают учения, не только критически относящиеся к отдельным проявлениям системы, но отрицающие ее сущность — ее частно-правовой характер, свободу конкуренции, частную собственность на средства производства, вытекающую отсюда эксплуатацию. Не ограничиваясь критикой и отрицанием, новые направления вырабатывают свою систему общественной и экономической организации. Возникает мощное движение и мощная ветвь в экономической науке — *социализм,* как направление, противопоставляющее себя принципиально и во всех основах экономической организации либерально-буржуазной системе.

Что же такое социализм и каково его содержание? Самый термин «социализм» впервые был употреблен в одном сен-симонистком журнале в 1832 г. Далее в 1836 г. последователи Р. Оуэна на конгрессе в Манчестере приняли название «социалистов», как особой партии. В 40-х годах это название нового социально-политического течения особенно популяризировал Рейбо в своей книге «Etudes sur les Reformateurs contemporains», в научном же обиходе этот термин окончательно закреплен П. Леру.

Что же именно понималось создателями этого понятия и что стало пониматься впоследствии под этим названием? Содержание, которое вкладывается в общее понятие «социализм» отдельными представителями этого учения, так же, как практические направление и задачи, ставящиеся ими, крайне разнообразны. Поэтому, например, такой, правда не об'ективный излагатель систем социализма, как Штамлер и говорит, что «совершенно невозможно охватить одним понятием все различные общественные течения, которые понимались под именем социализма». Лавеле также свидетельствует, что он «не встречал определения социализма». Сами представители тех или иных течений социализма, дают иногда такие неточные определения социализма, как Прудон, который говорит, что «социалист—человек, стремящийся к улучшению общественного строя». И совершенно справедливо тот же Лавеле замечает по поводу этого определения, что «всякий человек будет социалистом с чьей-либо точки зрения».

Действительно, в среде социалистов и социалистических систем мы встретим самых разнообразных во всех отношениях представителей. Здесь мы встретим, например, Платона, признающего за нормальное явление общественной жизни рабство; Т. Мора, также признающего в своей социалистической утопии рабство, войны, насильственное расширение территории, патриархальное управление. Ф. Кампанеллу, строющего свою социалистическо-теократическую монархию; Фурье, который считает справедливым из доходов социалистической общины давать $^4/_{12}$ продукта в пользу капитала.

Здесь же мы встретим Сен-Симона, экзальтированного аристократа, проповедника новой религии, Редбертуса — консервативного прусского помещика, Маркса — пламенного революционера и последовательного материалиста; таких представителей «христианского социализма», как Леплей, проповедующий преобразование общественного строя на почве христианства и церкви. Неудивительно поэтому, что и во взглядах на

социализм мы встретим такие диаметрально-противоположные мнения, как, например, Рескина и Карлейля, что социализм — торжество личности, ее индивидуального развития, и Спенсера, — что социализм — «грядущее рабство».

Отсюда видно, что социализм есть многогранное и разностороннее понятие. Под названием «социализм» мы можем понимать: 1) социализм, как общее миросозерцание, как своеобразная общественная философия; 2) социализм, как идеал и как цель в стремлении к общественному переустройству; 3) социализм, как практическое общественное движение на пути достижения этого переустройства; 4) социализм, как научно-экономическая догма, дающая научное обоснование в построении нового общества.

Все эти грани и части общего понятия социализма тесно связаны между собою. Выработка общего социалистического миросозерцания является основой идеологических построений; на почве этих идеологических построений возникают лозунги социалистических движений; последние, вызванные, конечно, реальными условиями эпохи, порождают и возможность научного об'яснения этих общественных течений и преобразований общественного строя.

1. Социализм, как *общественно-философская доктрина,* стремится стать целостным общественным мировоззрением и об'яснением явлений общественного порядка. Правда, на первый взгляд и в общественно-философских обоснованиях социализма мы можем наблюдать самые различные направления. Христианский социализм, философски-идеалистический социализм (Фихте, Родбертус, Лассаль), наконец материалистический социализм (Маркс)—таковы основные разновидности социализма, как общественно-философской доктрины.

Тем не менее, несмотря на разнохарактерность этих направлений, все же они связываются в социализме единой идеей. Эта идея—верховная ценность и равноценность человеческой личности. Эта идея в философии была выдвинута еще Кантом, а на практике—в Великой французской революции, в ее лозунге свободы, равенства и братства. Для социализма наиболее важна вторая часть этой трехгранной формулы; в ней кроется идейный корень социализма. Но его, этого равенства, и всего труднее достичь в условиях реального социально-политического строительства. Если «свобода» и «братство» представляются положительными и непременными условиями человеческих отношений в обществе, то не явится ли требование равенства, наоборот, таким моментом, который приведет к порабощению отдельной личности интересам целого, подведению ее под какой то средний общий уровень, к уничтожению развития индивидуальности?

Такое понимание общественного равенства в социалистическом строе и его значения для человеческой личности представляется действительно весьма распространенным. Так, П. Леру и определяет, например, социализм, как «общественную организацию, в которой индивидуум приносится в жертву целому, именуемому обществом». Социализм, как общественная система, понимается им, как полная про-

тивоположность индивидуализму, как система, не дающая необходимых предпосылок для развития индивидуальности.

В действительности дело обстоит, конечно, совершенно не так. Прежде всего можно назвать ряд крупнейших имен социалистических мыслителей, являвшихся в то же время представителями индивидуалистической философии. Так, например, Оуэн, Томсон были учениками Бентама, видного представителя индивидуалистического направления. Весь французский утопический социализм был детищем Великой французской революции, стоявшей на крайней догме индивидуализма. Фурье, Сен-Симон, Бабеф были представителями индивидуалистического мышления. Они считали, что единственной и конечной целью того общественного преобразования, к которому стремится социализм — это дать возможность полного и всестороннего развития личности. Вот почему Шефле, в противоположность распространенному мнению, считает, что «социализм—это доведенный до крайности индивидуализм».

Но в чем же тогда разница между социализмом и индивидуализмом буржуазной экономии, хотя бы, например, индивидуализм А. Смита?

2. Здесь мы подходим к другой стороне понятия социализма, к социализму, как наилучшей *системе общественного устройства* в целях развития личности. Индивидуализм буржуазной экономии понимался, как необходимость полной свободы деятельности человека ради достижения высшего благосостояния, как отдельными членами, так и всем обществом в совокупности. Свобода экономической деятельности, конкуренция, соперничество—представлялись лучшими средствами для этого. Однако эти принципы, так ярко провозглашенные А. Смитом, не оправдали надежд в действительной жизни. Оказалось, что фактически свобода совершенно недостижима при отсутствии среднего элемента знаменитой трехгранной формулы «свобода, равенство, братство». Если люди находятся в неравных условиях при осуществлении своей свободы, то и самая свобода индивидуума становится фикцией, а возможность индивидуального развития и процветания — неосуществимой. В противоположность лозунгам А. Смита попытка осуществления принципов индивидуальной, ничем не стесняемой свободы, в условиях экономического неравенства капиталистического общества, привела не к общему благосостоянию, а к подавлению личности в массах населения.

Каким же образом достичь действительных условий, дающих возможность наибольшего развития личности? Социализм отвергает те средства, которые предлагались А. Смитом и выдвигает новые. Ради достижения наибольшего развития и духовного роста личности необходимо создать соответствующую общественную и материальную обстановку.

Личность является всецело результатом общественной среды и материальных условий ее существования. Поэтому, чтобы достичь максимальных условий развития человеческой личности, необходимо достигнуть коренного преобразования материальных условий существования общества. Капиталистическое общество обнаружило свое банкротство даже в достижении основного, провозглашенного им же принципа—индивидуализма. Вместе с расцветом производства, с абсолютным накоплением богатства, с громадным повышением производительности

труда шло не развитие личности в массах населения, а крайнее порабощение и принижение личности. И при таких условиях становится понятным то крайнее возмущение, которое высказывается такими эстетами, как Рескин, по адресу капитализма, с его развитием мещанских вкусов, крайнего падения нравственного, культурного, эстетического уровня личности.

Вот почему в описаниях утопических социалистов и в особенности в утопических романах социально-экономическое преобразование общества всегда является лишь необходимой предпосылкой для главной и основной цели—для достижения условий наиболее всестороннего, полного, высококультурного существования личности.

3. Но как же именно достигнуть такого преобразования общественного строя? Здесь мы приходим к понятию социализма, как *общественного движения*. И в этом отношении в понятие социализма, как общественного движения, вкладываются весьма разнообразные виды общественных движений. Весьма близко к нему примыкают такие, например, движения, как чартизм, в сущности радикально-буржуазное движение, но с программой, в некоторых частях, близкой к социализму. Здесь нужно различать также социализм, так. наз. «эволюционный», предполагающий медленное закономерное развитие общества и общественное движение, долженствующее привести к изменению общественного порядка. С другой стороны, социализм революционный, полагающий, что развитие общества идет не прямо по медленно повышающейся линии, а «скачками», путем кризисов, путем смены, в некоторые моменты общественного развития, эволюционного темпа его — общественными катаклизмами.

По способам проведения и достижения целей общественного преобразования здесь можно различать так наз. «государственный социализм», последователи которого считают, что само государство, т.-е. именно государство буржуазное, может способствовать и помочь осуществлению принципов социализма. На этой точке зрения стояли, например, Лассаль и Луи Блан, полагавшие, что через государство можно добиться социально-экономического преобразования общества.

В противоположность этому, по мнению так называемого анархического социализма, достижение поставленной цели возможно лишь при полном уничтожении государства вообще, как органа власти, почему необходимо стремиться прежде всего к полному разрушению государственной организации общества. На такой именно точке зрения стояли Прудон и др. анархисты.

Далее, представители других социалистических течений считают, что достижение и осуществление социалистического общества при условиях парламентаризма достижимо путем парламентской политической деятельности, путем образования легальных политических партий, приобретения большинства в законодательных органах и легального получения власти. В противоположность этому, выдвигается мнение о необходимости борьбы за социально-экономическое преобразование общества экономической же борьбой самих заинтересованных членов, т.-е. рабочих, с отрицанием всякого участия в парламентаризме и легальной политической борьбе. На этой почве стоит французский синдикализм.

Таким образом, как способы борьбы и достижения, выдвигаются самые различные средства. Но при всем том, все они стремятся к одной общей цели, именно к замене частно-хозяйственного принципа в организации производства и распределения общественным хозяйством, без частной собственности на орудия производства. В капитализме народное хозяйство представляет систему отдельных хозяйственных предприятий, основанных на частной собственности, на орудия производства, на свободе конкуренции хозяйственной деятельности, на свободе вообще экономических отношений. Социализм утверждает средства производства не за отдельными лицами, а за всем обществом. Как производство, так и распределение возлагаются не на усмотрение отдельных лиц, в виде нерегулируемого, стихийного хозяйственного процесса, а совершаются в виде планомерной общественной работы. Следовательно, социализм, как социально-политическое движение, направленное на преобразование общественного строя, сводит это преобразование прежде всего: 1) к общественной собственности на орудия и средства производства; 2) к общественной организации процесса производства и распределения. Исчезает частно-хозяйственная деятельность в области производства и владения имуществом с целью извлечения дохода. Таким путем достигается и верховная цель общественного преобразования—уничтожение эксплуатации человека человеком.

4. Таким образом возникало движение, направленное на осуществление указанных целей, а вместе с тем постепенно вырабатывалась и *научная догма* социализма.

Ведь мало, конечно, было поставить цели какому-либо достижению. Необходимо было осознать и доказать самую возможность и историческую необходимость замены одной системы общественного хозяйства другой. Почему, действительно, можно было думать и надеяться, что частно-хозяйственная система должна смениться обобществленным хозяйством? Какие имеются элементы и факторы, об'ясняющие и вскрывающие такую необходимость?

Первоначально догма социализма не имеет чисто-научных основ. Социализм возникает в виде так наз. «утопического» социализма. Для экономической мысли не было еще достаточных данных для доказательства исторической закономерности такого преобразования общества. «Утопический» социализм строил свои соображения большею частью на принципах этики, желательности. Но по мере развития капитализма и все большего обострения противоречий общественного строя становилось все более нетрудным и научное обоснование исторической неизбежности социально-экономического преобразования общества.

Возникает доктрина *научного социализма,* как строгое и научное историческое обоснование и прогноз общественного переворота.

Научный социализм представляется научной экономической доктриной, завершающей развитие экономической мысли в деле анализа и исторического изучения капиталистического общества. Поэтому научный социализм должен был впитать в себя и синтезировать в себе все предшествующее развитие экономической мысли. И мы действительно

видим отдельные части догмы научного социализма достаточно подготовленными и развитыми во многих школах политической экономии.

Так, прежде всего, основная доктрина политической экономии — учение о ценности—была в достаточной степени разработана еще ранними классиками, А. Смитом и Д. Рикардо, чтобы получить законченную и совершенную разработку в научном социализме Маркса. Точно также и основные проблемы и вехи в учении о распределении были в достаточно ясной степени намечены у Рикардо. Социологическая сущность проблемы распределения и, в связи с этим, взгляд на классовый состав общества и заложенные в нем классовые противоречия также близко намечались классиками. Однако, при всем том у классиков при разрешении этих проблем не было исторического подхода и взгляда на существующий строй, как на исторически преходящий. Научный социализм всецело стоит на почве историцизма, притом не того чисто описательного историцизма, без всякого синтеза, как это было в исторической школе, а историцизма, как метода изучения общественного строя эпохи, с целью установления исторической закономерности социально-экономического развития. Научный социализм впервые доводит такое историческое изучение эпохи капитализма до степени теории развития капиталистического общества. Правда, такие попытки синтезирования и установления закономерности общественно-экономического развития имеются и у некоторых предшественников научного социализма, в том числе и у утопистов (Родбертус, Сен-Симон, Фурье). Но все же у последних, как анализ и критика существующего строя, так и установление путей его дальнейшего развития исходит не столько из выявленных «законов» развития, сколько из суб'ективно-построенного идеала общественного строя.

Вот почему собственно научная догма социализма, как она нашла себе законченное выражение у Маркса, содержит почти исключительно научный анализ капиталистического общества, а не какие-либо утопические планы будущего устройства социалистического общества. Если Т. Мор, Фурье, Оуэн и др. занимались, главным образом, вырисовкой планов, фасадов и пейзажей будущих фаланстер и социалистических колоний, то у Маркса в его «Капитале» об этом нет ни слова, а речь идет исключительно о буржуазном строе. И тем не менее «Капитал» гораздо более социалистичен, чем «Утопии» и «Новые миры» Мора и Оуэна, так как он дает строго научные доказательства неизбежности кризиса капиталистического общества, его крушения и перехода к обобществленному хозяйству.

Итак: общественно-философское миросозерцание — система общественного устройства—общественно-политическое движение для достижения этого устройства—научная догма, обосновывающая предыдущее—таковы основные грани этого сложного понятия социализма. Понятно, что все они нераздельно спаяны друг с другом. Реальная экономическая жизнь, ее противоречия, осознаваясь, приводили к выработке определенного социально-философского миросозерцания, философской доктрины экономического или исторического материализма. Она давала возможность теоретического построения иной, противоположной действитель-

ности, системы общественного устройства. Носителями этой идеи общественного переустройства должны были сделаться классы, заинтересованные в этом переустройстве. Отсюда возникает общественное движение с целью реализации этой новой системы. Это движение в самом себе вырабатывает средства и пути осуществления своих целей, и в этом отношении осознание всего процесса научной догмой существенным образом помогает и самому движению—с пути утопий и утопических попыток вступить на путь реальной, но строго рассчитанной и обоснованной деятельности.

В нашем изложении мы, конечно, не можем обнять всю догму социализма с указанных четырех сторон: и ее общественно-философские обоснования, и планы ее общественного устройства, т.-е. собственно социалистическое строительство, и историю социальных движений. Мы остановимся лишь на четвертой стороне социализма—на экономической доктрине его, и остальных моментов будем касаться лишь постольку, поскольку они важны для освещения экономической доктрины.

Системы социализма. Социализм, как положительная экономическая система, представляет такой хозяйственный строй, который характеризуется общественной собственностью на орудия и средства производства и общественной организацией производства и распределения.

Таким образом, в понятие вообще социалистического преобразования общества входит замена частного капитала, т.-е. частного способа производства, коллективным—коллективным обладанием средствами производства, коллективной организацией национального труда и проч.

Коллективный способ производства должен привести и к новым формам распределения. Если в капиталистическом обществе участие в производстве отдельных лиц и классов основывается на характере обладания ими или материальными элементами производства, или живым трудом,—им обусловливается и характер получаемых им доходов (прибыль, рента, заработная плата),—то в социалистическом обществе, при коллективном обладании средствами производства, уничтожаются доходы, вытекающие из частной собственности на средства производства, заменяясь доходами, имеющими единственный источник—труд.

Вместе с тем, как дальнейший результат такого общественного преобразования, изменяется и самая структура общества, в смысле уничтожения классового общества и его органа—государства, путем замены его бесклассовым обществом.

При такой общей формулировке общих основ положительной системы социализма, тем не менее может получиться существенная разница при том или ином осуществлении отдельных сторон этой общей системы.

Так, степень обобществления хозяйства и хозяйственного процесса может быть различна. Обобществлению могут подлежать или одни средства производства, или также и предметы потребления, т.-е. общественный характер может получить или только процесс производства, или также и процесс потребления. Отсюда все вообще системы социализма часто разделяются на: 1) собственно социализм в узком смысле слова, или *коллективизм,* как такая система, когда обобществлены лишь

средства производства, предметы же потребления остаются в личной собственности и 2) *коммунизм,* — как такая система, где обобществление распространяется не только на процесс производства, но и на процесс потребления.

Конечно, строгое разграничение провести здесь не всегда возможно, так как многие предметы являются, как средствами производства, так и предметами личного потребления. Так, стол, книга, писчая бумага и мн. др. могут быть в одном случае предметами потребления, в другом—средствами производства (писчая бумага для писателя, стол для мастера). Тем не менее, это деление может приводить к весьма важным различиям.

Так, при системах первого вида, когда обобществлены только средства производства, сохраняются индивидуальные доходы. Правда, они являются исключительно трудовыми доходами,—нетрудовых доходов нет,—но все же каждое лицо может свой личный заработок, хотя бы и нормированный, тратить по своему вкусу и желанию. При второй системе, когда и процесс потребления становится не индивидуальным, а обобществленным, категория дохода вообще изчезает; каждое лицо получает не тот или иной индивидуальный доход (заработок), а известную долю в потреблении. Поэтому, если в первом случае нормируется доход, но возможна известная свобода расходов,—то во втором случае нормируется не доход, а потребление.

Отсюда вытекают и дальнейшие важные моменты общественно-хозяйственной организации. В первом случае, при свободе расходования своих доходов (заработка), предметы потребления *покупаются* с каких-либо общественных, государственных и т. п. складов. Во втором случае—производится не покупка предметов потребления отдельными лицами, а *распределение* их общественной властью по тем или иным принципам.

Дальнейшим следствием этих особенностей хозяйственной организации является то, что в первой системе в хозяйстве имеются явления *цены,* как выражения ценностных соотношений приобретаемых предметов в какой-либо, хотя бы счетной единице. Во втором случае, в этом нет надобности, так как предметы потребления распределяются на каких-либо общих основаниях. Поэтому, первая система хозяйства приобретает по форме характер денежной системы, с наличностью *денег.* Конечно, этими деньгами может не быть золото; они будут представлять из себя лишь простые счетные единицы, в виде чеков, рабочих квитанций. Хозяйство, во всяком случае, получает форму *денежного* хозяйства. Вторая система представляет систему *натурального* хозяйства, так как денежных счетных единиц, денег, здесь нет: всякий получает то, что ему нужно, и общественная власть распределяет продукты в зависимости от их количества и сообразно потребностям.

Таким образом, в первой системе получка каждого стоит в известном соответствии с его должностью в общественном производстве; принцип распределения здесь—«от каждого по его способностям, каждой способности по ее делам» (Сен-Симон). Наоборот, во второй си-

стеме принципом распределения является: «от каждого по его способностям, каждому—по его потребностям» (Оуэн).

Кладя в основу эти различия и можно построить классификацию положительных систем социализма в зависимости от характера той власти, которая заведует процессами производства и распределения. Из многочисленных классификаций систем социализма приведем классификацию Туган-Барановского, который дает следующую схему систем социализма:

1. *Централистический социализм и коммунизм* — средства производства принадлежат, в описаниях авторов утопических проектов, государству, которое организует весь производительный процесс, а в коммунизме—и потребление. Роль государства достигает максимального значения (Кампанелла, Мор, Кабе, Родбертус). Сюда же принадлежит Маркс, конечно, не дававший утопических проектов и описаний, но видевший конечную цель преобразования общественной экономики в обобществлении всех процессов производства и потребления и в устройстве бесклассового общества.

2. *Корпоративный социализм*—общество состоит из самостоятельных в хозяйственном отношении организаций, рабочих корпораций по специальности, которым принадлежат средства производства и которые организуют производительный процесс в каждой отрасли. Общехозяйственная связь поддерживается обменом. Роль государства—регулирование этих общехозяйственных связей (Луи Блан). Коммунистических корпоративных систем быть поэтому не может, так как обмен здесь неизбежен.

3. *Федералистический социализм и коммунизм*—общество состоит из федерации отдельных общин, но каждая из них (в отличие от корпоративного устройства) ведет не какую-либо одну отрасль, а представляет из себя маленький хозяйственный микрокосмос. Общине принадлежат средства производства, она же организует и весь процесс производства, а в коммунизме—и потребление. Роль государства сведена до минимума (Фурье, Оуэн).

4. *Анархический социализм и коммунизм*—общество состоит из свободных отдельных производителей; ни производство, ни обмен не регулируются никакой властью и происходят совершенно свободно (Прудон, Годвин).

Конечно, в основу классификации систем социализма можно положить и какой-либо другой признак, например то или иное философское мировоззрение, разделяя социализм на идеологические (религиозные и этические) системы и на эволюционные системы. Такова классификация К. Диля.

Все эти классификации не имеют, однако, значения исторически намечающихся тенденций в развитии социализма. Все, что можно отметить в смысле исторической тенденции—это: в области мировоззрения—укрепление материалистически-философских обоснований социализма вместо этических; в области общественного устройства—преобладание централистических форм организации вместо мелких общин; в области общественных движений—развитие революционных движений

масс вместо индивидуалистически-моральных стремлений небольших групп, и, наконец, в области доктрины—укрепление научного анализа и создание научной теории общественного развития на смену ненаучной утопии.

В дальнейшем изложении поэтому мы будем придерживаться исторического порядка развития идей социализма, начавши это изложение также примерно с эпохи, предшествующей капитализму, общественное развитие которого постепенно приводит к окончательному укреплению социализма в указанных его проявлениях.

Литература: Литература о социализме, в том числе русская, особенно за последние годы, настолько обширная, что дать сколько-нибудь полный перечень здесь невозможно. Укажем лишь главнейшие и наиболее популярные общие сочинения. Каутский. Предшественники научного социализма, 2 т. 1907. — Туган-Барановский. Современный социализм. 1906.—Горев. История социализма. 1923.—Святловский. История социализма. 1924. Штейн. Социальный вопрос с философской точки зрения. 1889.—Зомбарт. Социализм и социальное движение. 1907.—Беер. История социализма. 1922.—Волгин. Очерки по истории социализма. 1923.—Меринг. История германской социал-демократии, I—IV т. Бэр. История социализма в Англии. 1922.—Рязанов. Очерки по истории марксизма. М. 1923.—Кроме того, указанные выше общие курсы по истории политической экономии Туган-Барановского, Ш. Жида, Булгакова и др. Наконец, много материала в виде отрывков сочинений различных утопических социалистов, но с крайне тенденциозным и неграмотным текстом—дает Щеглов. История социальных систем, 2 тома. Спб. 1891.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Утопический социализм XVI—XVII в.в.

Система меркантилизма являлась, как мы видели, идеологией торгового капитала, идеологией класса, который тогда начинал жить и завоевывать себе место в экономической жизни.

Но, конечно, эта идеология влиятельных и наиболее сильных экономических классов была совершенно далека от интересов масс населения и от вопросов, волновавших их. Социально-экономическая жизнь народных масс того времени во всех странах Зап. Европы протекала в крайне тяжелых условиях. Везде господствовало крепостное право, по силе эксплуатации не уступавшее рабству. Городское ремесленничество представляло сравнительно очень небольшой слой сравнительно более экономически обеспеченного, более свободного и более просвещенного населения. Масса сельского крестьянского населения находилась не только на крайней степени нищеты, но и на крайней степени невежества.

При таких условиях какая-либо сознательная идеологическая жизнь и стремления масс, конечно, совершенно отсутствовали. Крайний социально-экономический гнет вызывал в массах лишь крайнее же недовольство, выливавшееся в взрывы постоянных народных восстаний и массовых полуорганизованных стихийных движений. Но все эти движения были очень далеки от какого-либо ясного осознания своих экономических требований. Даже у руководителей их трудно было отыскать сколько-нибудь точные представления о каком-либо идеале общественного устройства, к которому они хотели привести массы.

Поэтому общественно-революционные движения XVI—XVIII веков носили характер стихийного, непосредственного протеста масс против экономического гнета. Материально и экономически они направлены были против имущих, как вообще угнетателей бедных. Социальная проблема ставилась таким образом революционно-резко. Но найти идеологическое ее освещение (а тем более, конечно, научное об'яснение) было негде. Единственной идеологической предпосылкой для масс могла быть только религия. Вот почему социальные проблемы в средневековье соединялись большею частью с религиозными проблемами. Революционные движения, направленные на разрешение этой социальной проблемы, принимали форму религиозных движений, а самый социализм и коммунизм этих движений — форму религиозного коммунизма. Во главе же этих революционно-коммунистических движений,—как это ни странно для настоящего времени—часто становились священники.

Конечно, эти представители религии, становившиеся во главе революционных движений, были представителями не официальной церкви, а ее отщепенцами, еретиками. Но именно в этом сказывался двоякого рода протест масс против существующего порядка: материальный—против имущих и богатых, держащих массу населения в бедности и нищете; идеологический—против официальной церкви, поддерживающей богатых и разделяющей с ними это богатство, отлучающей, как еретиков, «истинных сынов» церкви, бедных аскетов и монахов, защищающих интересы народа.

Таким образом эти первые движения к разрешению социального вопроса в духе коммунизма носили следующие характерные черты. По своей идеологии—это был религиозный и именно еретический, т.-е. не признанный и отвергнутый официальный церковью коммунизм. По своей экономике—это был большею частью коммунизм потребления, т.-е. стремление к преобразованию общества не в целях изменения производственных условий и поднятия производительных сил, а лишь в целях равномерного потребления, хотя бы и ограниченного до аскетизма и всеобщей бедности. Наконец, по формам движения—это были движения не экономически и классово-организованных масс, а мало организованные и анархически настроенные движения вообще неимущих.

Из такого рода движений, оставивших известный след и в развитии идеи коммунистического переустройства общества, упомянем о наиболее крупном движении так наз. «великой крестьянской войны». Оно начато было в германской Тюрингии на почве описанного выше тяжелого экономического положения масс и их стремления образовать «царство божие на земле» на началах проведения в жизнь заветов «истинной» церкви. Во главе движения становится священник *Фома Мюнцер* (1490—1525), примыкающей сначала в религиозных вопросах к реформационному и антикатолическому движению, а затем все более начавший уклоняться от чисто религиозных в сторону социальных вопросов. С 1520 г. он начинает выступать в Тюрингии со страстной проповедью о необходимости наступления царства божия на земле, об установлении равенства и братства в жизни, об уравнении имущих с бедными. В его проповедях слышатся одинаково жгучие от ненависти призывы, как против имущих и господствующих классов, так и против официальной церкви. В 1524 г. Мюнцеру, собравшему группу своих приверженцев, удалось захватить в г. Мюльгаузене власть, свергнув магистрат, состоявший из зажиточного городского бюргерства. Опираясь на простой народ, Мюнцер ввел общность имущества, отобрав рыцарские и церковные земли и распределив их среди членов общины. Несмотря на то, что к Мюнцеру примкнули массы крестьянства, движение это, как неорганизованное и экономически беспочвенное, было обречено на неудачу. Оно было жестоко подавлено и сам Мюнцер казнен, отрекшись перед казнью от своих учений.

Сходно с этим было движение, так наз. анабаптистов, почти одновременно возникшее в Германии и распространившееся в Моравии Нидерландах, Швейцарии и др. странах. Движение это вместе с чисторелигиозной догмой (требованием вторичного крещения, откуда и на-

звание) стало также задаваться и социальными вопросами. Однако, в противоположность движению Мюнцера, это движение в особенности вначале носило характер мирного, а не революционного и притом опиравшегося больше на городские классы, в том числе на городскую интеллигенцию и рабочих, а не на крестьянские массы. После подавления крестьянской войны и восстания Мюнцера, и движение анабаптистов также начинает преследоваться, вследствие чего оно перекочевывает из Германии и Швейцарии в Нидерланды. Здесь в 1534—5 г. происходит попытка осуществления социалистического переворота в духе Мюнцера. В городе Мюнстере, в Нидерландах, на почве создавшегося недовольства и брожения, вожди анабаптистов, булочник Ян Матис и портной Ян Боккольд из Лейдена, известной под именом *«Иоанна Лейденского»* (1510—1535 г.г.), устраивают в 1534 г. переворот, захватывают магистратскую власть и об'являют Мюнстер «Новым Иерусалимом», т.-е. центром религиозного коммунизма. После смерти Матиса во главе движения становится Ян Боккольд, принявший титул «Иоанна, божьею милостью царя Нового Иерусалима». Иоанн вводит в своем городе в сущности очень скромный коммунистический режим, сводящийся к равномерному распределению запасов потребления, ограничению роскоши и излишеств, уничтожению денег; вместе с тем вводится многоженство. Так как город с начала движения был осажден войсками епископа мюнстерского, то Иоанн ввел суровый военный режим, близкий к террору. В 1535 г. город был взят штурмом, движение подавлено и сам Иоанн казнен, выдержавши, однако, невероятные пытки и не отрекшись от своих фанатических убеждений.

После этих чисто революционно-коммунистических движений религиозно-сектантский коммунизм был почти задавлен, хотя временами оживал в виде мирных сектантских коммунистических общин. Такова была, например, община «Гутеровских братьев», основанная в Моравии Яковом Гутером. Интересно то, что эта община существовала почти сто лет на коммунистических основах, при чем коммунистически было организовано не только производство, но и потребление.

В развитии и обосновании идей коммунизма гораздо большее значение имел не этот религиозный коммунизм, а «светский» коммунизм средневековья. Этот «светский» коммунизм стремится прежде всего освободиться от той исключительно религиозно-аскетической и потребительской основы, на которой стояли религиозно-коммунистические движения. Его идеология уже не чисто религиозная, хотя в некоторых случаях все же апеллирует к «царству божиему на земле». Это—более или менее теоретическое построение, иногда связанное с анализом реальной действительности, иногда — совершенно отвлеченное. Вместе с тем оно становится настроением интеллигентским, исключительно «мирным», а не крестьянским или рабочим революционным движением. По форме—оно принимает в связи с этим типичную форму «утопического романа», т.-е. чисто литературного произведения.

Наиболее яркое и типичное выражение эта стадия развития социалистической идеи получает у знаменитого писателя XVI века, английского канцлера *Томаса Мора* (Thomas Moore 1478—1545 г.г.) в его написан-

ном по-латыни романе «Золотая книжка о лучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (1516 г.).

Т. Мор представлял из себя одну из самых образованнейших и благороднейших личностей своего века. Прошедший хорошую школу гуманитарных наук в Оксфордском университете, Мор рано начинает принимать участие, как в деловой жизни Лондона в качестве адвоката и поверенного лондонского купечества, так и в политической жизни страны в качестве члена парламента, не оставляя в то же время своих философски-литературных занятий. Достигнув высших ступеней общественной лестницы в качестве государственного канцлера, Мор в 1545 г. был казнен королем Генрихом VII за то, что остался по соображениям политическим и экономическим непреклонным противником развода короля.

Т. Мор.

Широкое гуманитарное образование Мора, его знакомство и одно время даже увлечение идеями религизного коммунизма, его глубокое знание практической экономической жизни в соединении с высокими душевными качествами — независимостью, самоотверженностью, любовью к народу — являются источниками его знаменитого коммунистического романа, получившего настолько широкое распространение, что название его стало нарицательным.

Мор — не только гуманист и философ, но и глубокий практик, и менее всего религиозный — в смысле нетерпимости официальной церкви — человек. Поэтому проповедь коммунизма Мором имеет не религиозную отвлеченную основу, а реальную действительность. Излагая свои мысли в литературной форме, Мор рассказывает совершенно правдоподобную на вид историю моряка, посетившего остров Утопию и заставшего там совершенно невиданный коммунистический строй. Изложение романа и состоит в рассказе этого моряка Мору об этом острове. Самый рассказ состоит из двух частей — первая часть представляет критику рассказчиком существующего в Европе строя, вторая — описание идеального устройства на острове Утопии. В первой части нетрудно усмотреть хорошо написанную Мором картину современной ему Англии, т.-е. картину, которая вызвала у Мора стремление к поискам лучшего мира.

Англия в конце XV в. и начале XVI в. переживала тяжелую эпоху перехода от крепостного феодального строя к намечанию новых форм, которые в области сельского хозяйства характеризовались расширением пастбищного хозяйства и появлением капиталистического фермера. Крепостное право к этому времени было отменено, и помещикам приходилось переходить к вольнонаемному труду. Не обладая для этого ни достаточным капиталом, а тем более ни желанием затрачивать его в сельское хозяйство, помещики предпочитали сдавать свои земли арендаторам-предпринимателям. Помещики стали, таким образом, стремиться освободить свои земли от крестьян с их старыми феодально-патриархальными отношениями, заменяя их свободными капиталистическими отношениями в духе новой эпохи. В то же время, однако, они были заинтересованы в том, чтобы сосредоточить в своих руках возможно большее количество земли, которая нужна им была для насаждения там овцеводства. Развитие шерстяных мануфактур в Европе (в частности, в Англии) вызвало громадный спрос на английскую шерсть и повышение цен на нее. Это обстоятельство и заставило английских крупных помещиков переходить от прежнего барщинного зернового хозяйства к овцеводству, которое требовало больших пространств незанятой пастбищной земли. Этот процесс перехода к овцеводству в XVI в. и знаменуется в Англии громадным земельным переворотом, выявившимся в «освобождении» масс прежнего земледельческого населения от земли, в массовом захвате лендлордами прежних общинных земель, в «очистке» своих имений от прежних пользователей—крестьян.

При таких условиях в недрах прежнего, еще недавно сравнительно мало дифференцированного, деревенского общества стал происходить быстрый и бурный процесс разложения старых форм и выделения безземельного пролетариата. Часть его направлялась в города, создавая здесь кадры промышленного пролетариата, часть оставалась на месте в виде сельского пролетариата. Но процесс ликвидации старых хозяйственных форм шел более быстро, чем образование новых, и капиталистический спрос не мог еще поглотить массу бесхозяйственного населения. Поэтому в наибольшей массе развивается собственно третий вид пролетариата, «нищенствующий» пролетариат (Lumpenproletariat) хронически безработных и нищенствующих бродяг, нахлынувших из деревни в города. Вопиющая бедность и бедствия народа становились все более очевидны для всякого. И если испуганное правительство боролось с этим явлением жестокими законами о бродяжничестве, то, конечно, для сколько-нибудь ясных умов и честных натур становилось очевидным, что корень зла лежит глубже—в социально-экономических условиях, вызывающих такое неравномерное распределение имущества.

Вот какими условиями была подготовлена в Англии почва, если не для коммунистических движений, направленных на изменение подобных социально-экономических условий, то для идеологических исканий в том же направлении. Т. Мор и является блестящим выразителем таких исканий. Первая часть его романа и состоит в критике рассказчика, моряка Гитлодея, современного ему строя. Основным злом его автор считает собственность.

«Там, где царит частная собственность, где деньги являются для людей масштабом для всего, трудно и почти невероятно, чтобы общество процветало... Ни равноправное и справедливое распределение благ, ни всеобщее благосостояние невозможно, пока не будет упразднена частная собственность. Пока она существует, тягости и бедствия нищеты будут участью большинства и притом лучших людей».

Какой же отсюда выход? Имеются средства, с помощью которых можно несколько облегчить положение. Но устранить бедствия нищеты можно только одним путем—устновлением *общности имущества.* Притом, эта общность имущества, этот коммунизм у Мора является коммунизмом не только потребления, но и производства, т.-е. общность имущества распространяется как на средства производства, так и на средства потребления.

Как же организовано это коммунистическое хозяйство в «Утопии»?

Прежде всего Утопия представляет из себя не какую-либо небольшую общину или группу, а целое самостоятельное государство, правда, изолированное, лежащее на обособленном острове. На острове—24 города, построенных и организованных по одному плану. Города являются местом промышленно-ремесленной жизни, по всей же стране разбросаны усадьбы, где живет земледельческое население, занимающееся сельскохозяйственными работами.

Однако все хозяйство, как городское, так и сельское, представляет единую организацию, так как продукты, производимые там и здесь, поступают в общее распределение, а само население городов и деревень поочередно меняет свои занятия. Работа вообще для всех членов государства обязательна, причем каждый, проработав два года в городе, переходит на работу в деревне. Как в городах, так и в деревнях, строй жизни семейный, патриархального уклада, большими семьями в 40 человек, во главе со старшим членом. Рабочий день—6 часов; от работы освобождаются только больные, руководители и «ученые», т.-е. занимающиеся не физическим трудом. Все продукты производства поступают на общественные склады для общего потребления. Денег вообще нет, так как они совершенно излишни. Каждый получает со складов все, что ему нужно, бесплатно. Самый процесс потребления также почти исключительно общественный—в общественных столовых, куда сходится весь город; в сельских усадьбах жизнь идет, конечно, несколько более изолированно. Общественный строй основывается на выборной иерархии таким образом, что каждые 30 семей выбирают старшину (филарха), эти последние выбирают протофилархов, и, наконец, эти выбирают пожизненно главу государства—князя. Кроме свободных членов в обществе имеются «батраки», рабы, исполняющие принудительные и наиболее грязные и тяжелые работы. Войн вообще нет, за исключением тех случаев, когда приходится защищать свою родину от нападения или ради освобождения других народов от тирании.

Таков в кратких чертах строй государства «Утопии» Мора. При всей наивности и «утопичности» своей для настоящего времени творение Т. Мора является замечательнейшим и сделавшим эпоху в развитии социалистической мысли. Т. Мор должен считаться основателем идей-

ного коммунизма в его новейших и основных чертах, отличающих его от предшествовавших форм, проявлявшихся в древности у Платона, в древнем христианстве и в средневековом религиозно-аскетическом коммунизме.

Коммунизм Т. Мора прежде всего—не коммунизм общин и корпораций, а коммунизм государства, т.-е. производство организовано воедино не в пределах мелких общин, а в рамках большого государства. Далее—это коммунизм не потребления, а производства, чем система Мора также отличается от предшествовавших ей форм. В основе его лежит обобществление средств производства и право на труд. Наконец, на производственной же базе основана и общественная иерархия, так как руководство производственным процессом принадлежит наиболее образованным лицам—представителям науки и знаний, которые являются и руководителями всей жизни общества. Правда, Мор вводит в свою систему и брак с семьей, чем он также отличается от платоновского и христиански--аскетического коммунизма. Этим Мор вводит «светский» характер в свое учение, примиряя его с реальным бытом. Но вместе с тем в этом пункте учения Мора особенно ярко отразилась и другая отрицательная сторона этого быта и отсталости эпохи—замкнутый патриархальный строй, подчинение женщины, а также признание принудительного рабского труда.

Тем не менее, несмотря на такую дань времени, сочинение Мора составило эпоху в развитии социалистической мысли. «Утопией» Мора, по словам Каутского, начинается современный социализм. Долгое время дальнейшее было подражением Мору или даже ухудшением высказанных им идей.

Таким именно дальнейшим развивателем Мора, хотя работавшим и писавшим не зная его, был второй великий средневековый утопист *Фома Кампанелла* (1568—1639 г.г.). Кампанелла родился в итальянской провинции Реджио и с детства обращал на себя внимание своими большими способностями и страстностью своего характера. Уже в 15 лет он вступает в духовный орден доминиканцев и здесь быстро приобретает себе славу, как выдающийся страстный оратор, богослов и философ. Но вместе с тем, он возбудил против себя гонения иезуитов, обвинявших Кампанеллу в ереси и добившихся от папы запрещения ему проповеди. Кампанелла затем принимает участие в политической борьбе Неаполя и Калабрии, против испанского ига, составляет заговор с этой целью, но неудачно, и в 1600 г., т.-е. в 32 летнем возрасте, попадает в тюрьму, где и проводит в тяжелом заключении 27 лет. Только после этого срока ему были несколько облегчены условия заключения, но все же не дана полная свобода. Он получил ее только в 1634 году, бежавши из Рима в Париж ко двору короля Людовика XIII, где в покое и почете прожил остальные 5 лет своей жизни.

Из этих кратких биографических сведений видно, что Кампанелла без малого всю свою сознательную жизнь провел в тюрьме. Здесь же он написал все свои философско-богословские сочинения и в том числе свое утопическое коммунистическое произведение «Государство Солнца». Понятно, поэтому, что воззрения и творения Кампанеллы сильно отли-

чаются от Т. Мора. Перед нами не делец и государственный деятель, хорошо знающий жизнь и свою эпоху, всегда даже в своих утопических построениях стоящий на реальной почве; перед нами восторженный монах, метафизик, оторванный от действительности и вращающийся исключительно в области фантастических мечтаний. При этом в основе его учения лежит сложная метафизическая философия, связанная с мистикой, с таинственным учением Каббалы, с астрологией и прочими средневековыми «науками». Поэтому и та часть его науки, которая нас в данном случае интересует—наука о морали, разделяющаяся на этику, политику, экономику, риторику и поэтику—в особенности первые три, носят отпечаток его метафизических и каббалистических воззрений. Его «Город Солнца» (Civitas solis) входит в большое его сочинение «Philosophia realis», появившееся в 1620—23 г.г. и помещено в конце третьей части «Политики».

Город Солнца также лежит на острове и представляет вооруженную крепость. Граждане его—воинственные жители, включая и женщин и даже детей, которые с малых лет приучаются к битвам. Город Солнца «не республика и не монархия»; светская и духовная власть принадлежит выборному главе, Hoh, но он не подлежит контролю избирателей, хотя и не передает свою власть по наследству. Главное требование для избрания — обладание широкими и энциклопедическими знаниями, нужными для управления. Остальные носители власти и управители также выборны. Весь общественный строй носит характер полумонашески-коммунистической, полувоенно-спартанской общины. Семьи нет, ребенок принадлежит обществу; для продолжения рода выбираются самые красивые и здоровые женщины и мужчины; воспитание — чисто спартанское и рационалистическое. Все граждане обязаны трудиться, и всякий труд считается полезным и благородным. Часть граждан занята ремесленным трудом, часть—земледельческими работами. Частной собственности нет, все имущество и предметы потребления в течение года—общие; поэтому же нет ни денег, ни вообще торговли. Все живут вместе, в просторных и обширных домах, с общими спальнями, столовыми и проч. С чужестранцами, «не желая быть испорченными», граждане Города Солнца ведут торговые сношения только на те предметы, которые сами не производят, и не пускают купцов дальше гаваней. Тем не менее всякий, кто желает сделаться гражданином города, после некоторых испытаний, может вступить в это царство «золотого века».

Такова несложная структура коммунистического государства Кампанеллы. О нем следовало упомянуть, главным образом потому, что идеи Кампанеллы нашли попытку осуществления их в жизни. Именно в XVII в. группа монахов-иезуитов сделала попытку осуществить на практике идеи Кампанеллы путем создания «Города Солнца» в Парагвае, в Южной Америке. Монахи ордена иезуитов заняли здесь довольно значительную территорию, принадлежавшую прежде диким туземцам, изгнанным европейскими завоевателями—испанцами и основали теократическое государство на «коммунистических началах. За период с 1610 г. по 1768 г. они образовали несколько десятков поселений, устраивая и организовывая их по типу городов Кампанеллы и за-

селяя туземцами. Туземцы должны были исполнять земледельческие и ремесленные работы, под строгим надзором и по определенным заданиям. Все имущество и средства производства принадлежали государству. Весь строй жизни, порядок и организация работ, семейные отношения с внешней стороны были строго скопированы с «Государства Солнца». Во главе правления и организации хозяйственной жизни стояли монахи, которые держали дикарей в крайне жалком, почти рабском состоянии и обходились с ними очень жестоко. Понятно, что «коммунизма» в таком «Государстве Солнца» было мало, и оно представляло типичную теократическую деспотию. Тем не менее государство иезуитов просуществовало довольно долго. Только после того, как отчасти слухи о несметных богатствах золота, хранившихся у иезуитов, отчасти известия о их жестокостях, заставили испанское правительство произвести ревизию их государства и арестовать иезуитов; в 1768 году оно прекратило свое полуторавековое существование.

В дальнейшем, типичный утопический коммунизм в духе Т. Мора и Ф. Кампанеллы совершенно изживает себя. Он отчасти находит много подражаний в разных странах в виде литературных произведений («Описание славного королевства Макария» английского утописта Гартлиба, «Государство Офирское» анонимного немецкого автора, «История северамбов» француза Верраса) отчасти продолжает связываться с религиозно-сектантскими движениями, вроде английских левеллеров, квакеров и др.

Новое время выдвигает, однако, новую постановку в развитии социалистических идей.

Литература о старом утопическом социализме довольно обширна. Каутский. Предшественники научного социализма.—Т. Мор. Утопия, пер. Генкеля. Спб. 1907—Тарле. Общественные воззрения Т. Мора. 1—2 т. 1901.—Яковенко. Т. Мор. 1891. Кампанелла. Государство Солнца, пер. Генкеля 1907. — Лафарг. Кампанелла. Спб. 1906. — Кирхгейм. Вечная утопия. 1899.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Социализм революционной эпохи и великие утописты.

С конца XVIII в. Франция становится центром и очагом революционных идей и движений, а вместе с тем и центром развития социализма. Французский социализм нового века, однако, уже резко отличается от рассмотренных черт старого, преимущественно религиозного коммунизма. Он лишается здесь своих религиозно-аскетических черт, перестает быть делом отдельных лиц и мирной мечтой к преобразованию общественного строя. Всеобщий гнет и всеобщее негодование масс населения всей страны еще задолго до революции подготовляют уже почву для совершенно реального восприятия идей и стремлений социализма. Революция, разрушившая весь старый социально-экономический уклад, внушает надежду, что вместе с ней можно осуществить и более глубокие социальные достижения, в корне разрешив социальный вопрос. Идеи социализма и коммунизма задолго до революции начинают проникать в толщу народа, подготовляя, с одной стороны, успех буржуазной революции и, с другой стороны, внушая массам народа ложную иллюзию о разрешении ею и основного социального вопроса о богатых и бедных.

Одним из наиболее ранних французских представителей такого «народного» социализма был уроженец Шампани, сын ткача *Жан Мелье* (1664—1729 г.). Пройдя суровую школу жизни в детстве и став затем священником, Мелье, по преданию своих односельчан, уморил себя голодом вследствие преследований со стороны местных властей. После себя Мелье оставил рукописное произведение—«Завещание», которое было впоследствии опубликовано и дало возможность познакомиться с оригинальными идеями Мелье.

Мелье,несмотря на свой сан—атеист; религия в его понимании—лицемерный способ, выдуманный богатыми, чтобы держать в повиновении бедных. В своем завещании он вскрывает это лицемерие церкви, а вместе с тем и все те экономические бедствия народа, которые благословляются и поддерживаются церковью. В этом отношении «Завещание» Мелье представляется для познания и исторического описания современной ему Франции столь же важным документом, каким была критическая часть «Утопии» Мора для Англии XVI века. Так же, как и Мор в Англии, Мелье жил во Франции в переходный момент разрушения старых феодальных форм и первых шагов нового капиталистического строя. Отживающий феодальный строй приносил массу бедствий бедному кре-

стьянству, но и новый нарождающийся строй имел мало положительных сторон. Критика Мелье поэтому одинаково жестоко нападает, как на старых, так и на новых господ,—да и понятно, почему: потому, что и тот и другой строй основаны одинаково на несправедливом и тяжелом угнетении бедных богатыми, власть имущими—королями, дворянством, аббатами, чиновниками.

Эта критическая часть «Завещания» может считаться наилучшей по силе и красочности. Правда, Мелье не достигает здесь каких-либо исторических научных обобщений, но все же одно обобщение Мелье представляется особенно замечательным, сравнительно с его предшественниками. Нарисовав мрачными чертами бедствие народа, т.-е. преимущественно своего народа, Мелье расширяет разрешение этой проблемы до степени универсальной проблемы. Он призывает все народы к об'единению в борьбе против угнетателей: все народы должны забыть распри между собою и обратить свою ненависть против своих угнетателей, против надменной и гордой расы людей, которые отнимают лучшие плоды их трудов. Когда этот общественный строй будет уничтожен, можно будет приступить к созданию нового общества.

Впрочем, эта положительная часть «Завещания»—описание будущего строя — представлена у Мелье более слабо и в общих чертах. В основу общественного строя Мелье кладет прежде всего принцип общего равенства. Чтобы фактически его достигнуть, уничтожается главное зло—частная собственность. Все имущество принадлежит всему обществу, но зато оно возлагает на каждого обязанность труда. Все жители городов или деревень живут и работают совместно, одинаково питаются, одинаково одеваются. Религия становится ненужной, заменяясь чисто нравственным учением справедливости и братства. Образование все получают одинаковое за общественный счет. Семейные отношения и брак основываются на свободной склонности. Политический строй—свободная федерация общин.

Таков этот довольно примитивный коммунизм Мелье в его, написанном для крестьян, «Завещании». Вся фигура Мелье, вообще, встает перед нами не столько, как фигура убежденного социалиста, а как фигура пламенного революционера, призывающего к убийству тиранов, и только весьма примитивно он мыслит о путях и возможностях разрешения социальной проблемы.

Если посмертное, пропитанное ядом горести и ненависти «Завещание» Мелье было написано им для бедных крестьян, то во французском высшем обществе того времени «вольные» идеи социализма нашли выражение в занимательном утопическом романе *Верраса д'Алле,* написавшего в 1675 г. знаменитую «Историю северамбов». Было бы совершенно излишне излагать здесь сложную экзотическую фабулу этого романа: Экономическая фантазия его сводится к описанию общественно-организованного производства и общего потребления на коммунистических началах. Место «Истории северамбов» во французской литературе такое же, как «Утопии»—в английской. Многочисленность изданий свидетельствует о той моде и о тех исканиях, которые обнаруживались

во французском обществе того времени к вопросам общественного переустройства.

Веррас, Мелье, как и многие другие, были выразителями тех новых веяний и чаяний, которые подготовляли во французской жизни громы приближающейся Великой революции. Накануне ее блестящая французская общефилософская и общественная литература в различных ее направлениях одинаково сильно подтачивала падающий феодальный режим. Монтескье, Вольтер, Руссо, бывшие далекими от социализма, Мабли, Морелли—представители социалистических идей—давали в сумме своих исканий и идей то богатое наследство, которое было выдвинуто французской революцией не только в области политической, но и социальной жизни.

Грандиозный социальный переворот, произведенный Великой французской революцией, в особенности в виде конфискации дворянских и церковных земель, был направлен против феодально-дворянского класса. Собственность этого последнего была лишена буржуазной революцией права неприкосновенности, но, конечно, победительница-буржуазия провозгласила вместе с тем принцип «неприкосновенности» частной собственности вообще. Социальное неравенство не только осталось, но, наоборот, нашло новое принципиальное обоснование. Социальная проблема осталась, таким образом, неразрешенной, и в ходе развития французской революции вопрос о «богатых» и «бедных» был самым неразрешимым вопросом. Но по мере укрепления буржуазного характера революции он все более стал ставиться не как широкий социальный вопрос и разрешаться не в широких рамках общего социалистического переустройства, а в лучшем случае—в духе мелкобуржуазной идеи—раздела среди победителей имущества побежденного класса. Произошел быстрый общественный отбор и быстрое образование нового класса имущих, которым противостоял попрежнему класс бедноты, «санкюлотов», грозивших уже не буржуазной, а новой социальной революцией.

На этой почве в громе буржуазной революции возникают одновременно попытки осуществления переворота и преобразования общественного строя на чисто социалистических началах. Если Марат и даже Дантон угрожали богатым новыми взрывами и восстаниями бедных, но не доходили до формулировки социалистических идей, то попытка осуществления их была произведена в знаменитом заговоре Бабефа. В 1795 г. Бабеф, после литературной агитационной деятельности, организует свой коммунистический «заговор равных» с целью свержения буржуазного правительства и коммунистического переустройства. Из «Манифеста равных» и из др. статей Бабефа, а также и показаний на суде—виден в общих чертах тот характер «коммунизма», который клал в основу общества Бабеф. Помимо чисто политических террористических мер переходного периода, «заговор равных» стремился к уничтожению частной собственности, к общности земли и имущества. Государственное устройство представляется Бабефу в виде федерации коммунистических общин, с обязательным трудом, с общественной организацией производства и распределения, с осуществлением принципов полной уравнительности. Вообще, идеология Бабефа—идеология бедноты

вообще, с аскетизмом и уравнительностью, а не идеология пролетариата, как класса. Вот почему Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» указывают, что эта идеология была реакционна по своей сущности. Самая же попытка установить в буржуазной Франции такое коммунистически-бедняцкое устройство была, конечно, обречена на неудачу, хотя дело до восстания не дошло и Бабеф со своими участниками погиб на гильотине.

Все упомянутые идеи и движения народного, философского и революционного коммунизма вырабатывались в преддверии революции или в быстром развитии самой революции. Бурный революционный переворот часто ставил весьма остро социальную проблему, но не давал возможности ее осознать и осветить. К тому же социальные противоречия нового общества, только что вскрытые революцией, не давали еще материальных возможностей такого осознания исторического процесса. Феодально-землевладельческий строй был похоронен, но масса населения все еще была связана с земледельческим трудом, промышленность, в особенности во Франции, развивалась сравнительно слабо.

Тем не менее постепенно начинает намечаться новая черта грядущей эпохи—ее «индустриализм», т.-е. развитие новых капиталистических форм промышленности. Для разрешения социального вопроса и для построения его перспектив открывается новый материал. Экономическая мысль, с одной стороны, пытается ставить социальную проблему уже на научную почву анализа исторического развития общественных форм, хотя, с другой стороны, все еще не может отказаться от старых «утопий», т.-е. построения планов общественного переустройства не на основании данных о законах общественного развития, а на основании суб'ективных, беспочвенных и общих соображений.

Таким образом, новейшая история социалистической мысли открывает эпоху «великих утопий». Во Франции этой эпохе почву подготовляет революция с ее острой постановкой общественной проблемы, в Англии—быстро развившийся новый фабрично-капиталистический строй, также быстро обостряющий социально-экономические противоречия. Но так или иначе, политическая и промышленная революция уже были пережиты. И новая эпоха социалистических исканий отличается, в противоположность предыдущему периоду, уже не революционными стремлениями, а мирным характером. Плеяда великих утопистов—Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн — уже не революционеры в духе Мелье, Бабефа, а мирные исследователи и мечтатели, стремящиеся не разрушить и переустроить, а постепенно преобразовать существующий строй.

Но главное значение этой эпохи развития социалистической мысли заключается в том, что эти представители впервые подходят к научному разрешению вопроса. Они могут считаться истинными предшественниками научного социализма и во многих частях его догмы более или менее близко намечают научную его формулировку. Французский «утопический» социализм и в смысле своего социального идеала и разработки его научных проблем оказал весьма существенное влияние на научный социализм Маркса.

ГЕНРИХ СЕН-СИМОН (1760—1826).

На первом месте по научному значению среди французских утопических социалистов следует поставить первого «великого утописта» нового времени графа Генриха де-Рувруа Сен-Симона. Он представляет из себя на редкость красочную и оригинальную фигуру, которую могла создать только Великая революция. Потомок высшей аристократии, ведущий свой род от Карла Великого, Сен-Симон получил блестящее воспитание и образование от лучших представителей тогдашней науки во главе с Деламбером и прочими видными французскими учеными эпохи Великой революции. Потомок «рыцарства», он обладал громаднейшим самомнением и вместе с тем экзальтацией. Еще в детстве, как рассказывает его биограф, Сен-Симон велел своему лакею будить себя ежедневно словами: «вставайте, граф, вас ждут великие подвиги!». Первоначально он эти подвиги искал, как подобает своему классу общества, во всевозможных проявлениях военной карьеры. Рано он был назначен в одну из войсковых частей, отправленных в Америку для поддержки восставших протии Англии колоний. Затем он делается комендантом крепости Мец и здесь также проявляет себя, как крупный деятель в военной области. Революция вносит, однако, резкий переворот в судьбу Сен-Симона — он лишается всего своего состояния. Вместе с тем он увлекается идеями революционными: он отказывается от графского титула и превращается в простого и бедного гражданина. Тем не менее революционная эпоха, вместе с возникшей в то время спекуляцией всевозможных видов, привлекла Сен-Симона также и в область финансовых операций. Он занимается скупкой земельной собственности, спекулирует и наживает крупное состояние. Но опять, вследствие своей наивности и широкой натуры, он вскоре проживает все состояние и вновь превращается в бедняка. В этот период своей жизни, еще до полного и окончательного поворота своей судьбы и разорения, он решил приобрести более широкое образование и устраивает, чередуя с пиршествами, научные диспуты и беседы с видными французскими философами и писа-

Сен-Симон.

телями. Эти пиршества и разгульная жизнь окончательно губят остатки его второго состояния, нажитого путем спекуляции, и он доходит до такой бедности, что поселяется у своего бывшего лакея в маленькой комнате, получая от него самое жалкое содержание. Здесь Сен-Симон окончательно отказывается от своих прежних стремлений и решает посвятить себя изучению общественно-философских вопросов. Судьба, впрочем, не очень благосклонно продолжает относиться к нему: его последнее прибежище—лакей, который давал ему кров и пропитание, вскоре умирает, и Сен-Симон остается совершенно без всяких средств, влачит совершенно нищенское существование, обращается за помощью и милостыней к совершенно незнакомым лицам, не оставляя все же своих идей и дум об образовании, о философии и обществоведении. В 1826 г. он умирает на руках некоторых немногочисленных своих последователей, которые поддерживали его дух и материальное благосостояние в последние годы. Они образовали впоследствии ту школу сен-симонистов, которые явились продолжателями и развивателями его идей. Так как сам Сен-Симон оставил сравнительно мало печатных работ, то поэтому-то так наз. «система сен-симонизма» в значительной степени является результатом творчества не самого Сен-Симона, а его учеников, и отличается от тех зачаточных идей, которые высказывал сам Сен-Симон.

Главнейшие сочинения Сен-Симона были написаны им еще во времена богатства и уверенности в своих силах. Последние же его сочинения написаны уже в то время, когда он находился в бедности и несколько разочаровался в жизни. Тем не менее, и эти сочинения носят характер полной экзальтации, полной веры в возможность преобразования всего общественного строя на выдвинутых им началах.

Сен-Симон в своих сочинениях является не столько экономистом-социалистом, сколько философом и социологом и только, может быть, на третьем месте экономистом, так что в этом отношении обще-идейное значение Сен-Симона оказывается гораздо более широким, чем влияние других социалистов-утопистов (Фурье, Оуэна), влияние которых ограничивалось более узкой сферой экономической жизни. Насколько велико влияние Сен-Симона, как социолога, достаточно сказать, что один из виднейших социологов новейшего времени, половины XIX века—Огюст Конт является ближайшим учеником и последователем Сен-Симона; все почти сочинения Конта написаны и все идеи выработаны или совместно с Сен-Симоном или непосредственно заимствованы у него. С другой стороны, значение идей Сен-Симона и влияние их на выработку экономических доктрин настолько велико, что, например, многие основные идеи марксизма (материалистическое понимание истории, учение о классовом составе общества и классовой борьбе и другие) находят себе, хотя и чрезвычайно сумбурное, выражение у Сен-Симона.

Нужно, однако, отметить, что окончательной и установившейся оценки Сен-Симона и сен-симонизма в научной экономической литературе до сих пор не имеется. Сумбурность и противоречия писаний самого Сен-Симона, уклонение «школы» от некоторых положений «учителя» об'ясняют то различное отношение к философским, социологическим и

экономическим основам сенсимонизма, которое наблюдается в литературе. Не говоря уже о современниках, для которых Сен-Симон был предметом издевательств, шарлатаном, а его сочинения—писанием сумасшедшего, он до сих пор в истории экономических учений причисляется к «утопистам», как это сделано и Марксом в «Коммунистическом Манифесте». При всем том следует признать, что у Сен-Симона имеются строго научные элементы его исторических, социологических и философских построений, на что между прочим указывает и Энгельс. Точно так же противоречиво определяется место Сен-Симона в социалистических системах: с одной стороны, например, Маркс указывает, что его произведения, особенно ранние, «представляют лишь прославление современного буржуазного общества»; с другой—тот же Энгельс указывает, что у Сен-Симона имеются «зародыши почти всех позднейших социалистических идей». То же мы имеем в отношении научно-философской и исторической оценки Сен-Симона. Из новейших критиков одни (как Плеханов, Мукле) считают Сен-Симона предшественником марксизма в области философии истории, впервые давшим научное об'яснение отношения между «базой и надстройкой» в духе научного материализма, другие—(как Рязанов) считают его идеалистом; третьи, наконец, (как Кунов) вовсе лишают его оригинального научного значения.

Об'ясняется это отчасти тем, что у Сен-Симона вся система представляется более широкой, чем у других утопистов, включая философию, социологию, историю, экономику, даже право и мораль, при чем все эти отдельные части далеко не спаяны внутренним единством, тем более что и во времени идеи Сен-Симона претерпевали значительные видоизменения. Вообще в науке Сен-Симон позитивист; в его социологических построениях исключительно важное значение получает историцизм: развитие общества для него—цепь исторически развивающихся и неизбежных закономерностей. Но в оценке этого исторического процесса Сен-Симон—дуалист. В развитии общества имеют значение два основных фактора: с одной стороны материальный—экономика, развитие орудий производства, с другой—человеческое знание. В результате — Сен-Симон в своих исторических экскурсах, с одной стороны, приводит блестящие для того времени материалистические обоснования главнейших моментов в ходе общественного развития, с другой — неоднократно подчеркивает подчиненность, вторичность материального фактора и, наоборот—примат нематериального фактора, умственного развития и человеческого знания. Таким путем Сен-Симон приходит к идеалистической философии истории, оставаясь и здесь дуалистом. Стоя на почве позитивизма с одной стороны, и историцизма с другой, Сен-Симон является «апологетом индустриализма», прославляющим «индустриализм», как прогрессивную для того времени стадию развития буржуазного общества, и следов., как будто бы далеким от социализма. Но в то же время — этот индустриализм, так же как и вообще буржуазное общество, для Сен-Симона лишь одна из преходящих стадий исторического развития человеческого общества и его прогресса, и смотрит он не назад, а вперед, в будущее, которое должно привести общество к ассоциации, к социализму.

Этим можно об'яснить и характер того влияния, которое Сен-Симон оказал на Маркса. Отбросив его дуализм и конечный идеализм, оставив в его историцизме материалистические обоснования, Маркс создал законченную монистическую и материалистическую философию истории, имеющую в развитии идей безусловные корни в сен-симонизме, сколько-бы последний ни являлся системой, глубоко отличной от марксизма.

Первым произведением, с которым Сен-Симон выступил на литературное поприще, была брошюра «Письма обитателя Женевы к современникам» (1802). Брошюра представляет из себя хвалебный гимн значению науки для общества, заканчивающийся предложением поставить памятник Ньютону и передать ученым управление обществом. В чем же такое значение науки? Наука, говорит Сен-Симон, важна тем, что она дает возможность все знать и предвидеть, и не только знать все, что касается реальной и повседневной жизни человека, но знать все, что касается высших условий существования и развития общества. Управление последним должно быть передано ученым, так как только они могут познать законы существования и развития общества. «Вселенной управляет один закон, и ученые должны установить посредствующие связи между причиной и следствием». Позитивная наука должна освободить человечество от метафизики; она докажет, что «явления, которым приписывалась сверх'естественная или божеская первопричина, будут рассматриваться, как результат действия невесомых жидкостей», говорит Сен-Симон в другом своем сочинении («О всеобщем тяготении»). Здесь Сен-Симон как будто подходит к чистому монизму и материализму; но вместе с тем эта — материальная для нас — идея тяготения для Сен-Симона не материалистический закон, а лишь «абстракция бога», а самая наука — религия, с ее жрецами-учеными.

Переходя от мира естественных явлений в область социальных проблем, Сен-Симон и здесь во главу угла ставит идею закономерности общественного развития. «Верховный закон прогресса человеческого разума подчиняет себе все, над всем господствует. Люди для него только орудия. И хотя эта сила исходит от нас, мы столь же мало можем избавиться от ее влияния или подчинить ее себе, как изменить по своему произволу действие силы, заставляющей землю вращаться вокруг солнца». Сен-Симон излагает далее ход общественного развития на основе осуществления в условиях материального общественного бытия верховного закона прогресса человеческого разума. Первые люди превосходят ниже их стоящих животных своим умом. Следствие превосходства ума — появление языка. Отсюда — образование понятий, разделение причин и следствий, уменье абстрактно мыслить. Это же приводит человека к организации общественного порядка, к искусству строить жилища, к появлению орудий производства. Появление этого последнего фактора сильно изменяет общественный строй и способствует его прогрессу. Дальнейшее развитие приводит к появлению общественных классов, возникновению религии и духовенства и, наконец, к возникновению ремесел и промышленности. Развитие этой последней,

требующее развития точных наук, приводит к подрыву религии вообще и христианства в частности, к возвышению авторитета позитивной науки. На почве развития наук и промышленности создаются новые формы собственности, а на почве их возникают и формы политического строя. Развитие новых научных идей, а с ними — и новых форм промышленности и собственности приводит к изменениям общественного строя, к борьбе ее с феодальным строем. Последний стал являться препятствием общественного развития, прежние сословные группировки отживали, они становились неудобными для нового общества, вместо них возникали чисто классовые группировки, в результате чего революция 1789 г. была лишь началом утверждения индустриального строя.

Таким образом Сен-Симон подходит к одной из основных своих мыслей — о классовой структуре индустриального общества. Свое учение об общественных классах Сен-Симон высказывает еще в первой своей брошюре «Письма обитателя города Женевы». В них он впервые высказывает ту основную идею, которая впоследствии получила у него столь важное значение — именно учение о классовом составе общества, при чем свое учение о классах Сен-Симон, сообразно своему общему социологическому мировоззрению, сводит не исключительно к экономическому моменту, а к двум основным силам, которые он кладет в основу своих социологических построений: как социолог-дуалист в свое учение о классах и о классовом составе общества Сен-Симон кладет, с одной стороны, признак экономический, а с другой — интеллектуальный.

Свои идеи о классовом составе общества, высказанные впервые в весьма туманной и непонятной форме в упомянутой первой брошюре, Сен-Симон продолжает развивать в дальнейших своих сочинениях — «Индустриальная система» (1821), «Катехизис промышленности» и «Новейшее христианство». В них он дает более законченное учение о классах общества, при чем это учение ставит уже в связь с историческим взглядом на общественное развитие. Человечество, говорит в своей «Промышленной системе» Сен-Симон, проходит в своем развитии три основных стадии. Первая стадия характеризуется господством теологии, как основным проявлением человеческого миросозерцания. Вместе с тем, в материальных проявлениях и формах существования структура этого общества характеризуется в эту эпоху господством духовенства в области духовной жизни и военных — в области материальной жизни. Вторая стадия, которую переживает человеческое общество, это стадия метафизическая. В области материальной жизни человеческого общества и форм его существования эта стадия характеризуется господством юристов, а в управлении — господством права — писанного закона. Наконец, третья стадия характеризуется господством точных наук и ученых в области человеческого мышления; в области же практической жизни — развитием промышленности и господством промышленного класса. Таким образом, классы Сен-Симона выступают скорее, как идеологические группы, хотя с материальными изменениями в структуре

общества постепенно изменяется и их производственное, экономическое положение.

Отсюда современное общество разделяется Сен-Симоном на три основных класса: ученых, собственников и промышленников, т.-е. лиц, занятых в промышленном труде. При этом Сен-Симон совершенно не разделяет свой «промышленный» класс на предпринимателей и собственно рабочих. Для него «промышленник — это человек, работающий с целью производить и доставлять обществу материальные средства для удовлетворения потребностей». И в другом месте он дает точный список лиц «промышленного класса», в который входят банкиры, купцы, земледельцы, заводчики, фабриканты, владельцы фабрик сукна, шерсти и проч., каменщики, плотники, кузнецы, столяры и прочие рабочие. Капиталисты-предприниматели об'единяются таким образом в один класс с рабочими. Всем им, как «производительным» элементам общества, Сен-Симон противопоставляет непроизводительные классы: дворянство, землевладельцев, рантьеров, вообще «нетрудящихся капиталистов». Что касается последнего класса, рабочих, то Сен-Симон еще не понимает значения антагонизма рабочего класса с другими классами общества. Тем не менее классовый состав общества и внутренние взаимоотношения классов ясно представлялись Сен-Симону. Они выражены им в его «Пирамиде» экономического устройства общества. «Современная структура общества, говорит он, представляет из себя общественную пирамиду; основанием ее является производительный элемент — рабочие, второй слой— предприниматели и ученые; высший слой (аристократия)— это „позолота на куполе". Это — праздные люди и тунеядцы, кто-бы они ни были, от первого министра и кончая последним чиновником».

Почему же и под влиянием каких моментов происходит смена указанных форм и периодов в развитии общественного строя и господствующих в нем классов? Сен-Симон подробно останавливается на том, как в каждую эпоху, каждый представляющий и господствующий в ней класс является носителем развития ее экономических сил. В средние века военная аристократия была в высшей степени необходимым классом, так как на ней лежала военная защита трудящихся. В то же время у духовенства имелась в руках другая сила,—знание, носителем и проводником которого было духовенство. Но мало-по-малу промышленность становится на ноги. Условия жизни общества меняются, значение рыцарства с изобретением пороха падает, защита государства переходит к регулярным и государственным армиям, рекрутируемым из народа. Развитие промышленности перемещает имущество из рук прежней аристократии в руки промышленников, к ним же переходит и политическая власть. Вместе с тем развитие точных наук ведет к утрате духовенством его преобладания в области знания, и умственными руководителями общества становятся ученые. Идя в этом направлении, развитие общества в настоящее время находится в переходной стадии — метафизической, характеризующейся так наз. парламентаризмом, т.-е. господством формального закона. В дальнейшем общество должно развиваться в сторону руководства и управления материальной жизнью общества — промышленниками, духовной — учеными.

Таким образом, в основу понимания и строения общества Сен-Симон кладет производственную базу: общество есть отражение производственных нужд и условий и управляется именно теми, кто руководит и хозяйственной жизнью. Все развитие общества совершается на этой же базе, и все исторические и общественные события об'ясняются тем же порядком. Таким образом, Сен-Симон несмотря на свой дуализм впервые дает «материалистическое понимание» истории, хотя его исходные философские предпосылки далеки от материализма.

Помимо сочинений самого Сен-Симона, его доктрина получила особое, более важное, и более законченное истолкование в лице его учеников и последователей, в особенности Базара и Анфантена. Эти два ближайшие ученика Сен-Симона после смерти его сделали изложение его учения в сочинении «Изложение доктрины Сен-Симона», по которому более удобно и ясно, чем по запутанным писаниям самого Сен-Симона, можно изучить сущность его доктрин. Доктрина Сен-Симона, как ее излагают Базар и Анфантен, сводится, прежде всего, к критике идеи частной собственности, т.-е. того института, который является причиной того существования общества, которое представлено в пирамиде Сен-Симона, — массы рабочего класса с незначительным количеством тунеядцев во главе.

Доктрина Сен-Симона, как она изложена Анфантеном, критикует собственность с точки зрения тех экономических и социальных отношений, которые она влечет в современном строе. Тот строй, который желают осуществить сен-симонисты, будет резко отличаться от существующего, с его наличием бездельников и тунеядцев. Этот будущий строй называется у Сен-Симона индустриализмом. Лица, способные к труду, будут получать здесь право на труд и вознаграждение соответственно своему труду и своей полезности обществу. При этом сен-симонисты сохраняют принцип частного дохода и принцип вознаграждения по заслугам, т.-е. принцип индивидуальной оценки труда даже при общественном характере производства и распределения.

Обращаясь к вопросу о собственности, как она определилась в существующем обществе, сен-симонисты указывают, что основной грех ее в том, что право собственности дает возможность взимать премию с труда других, т.-е. право получать доход не трудясь. Собственность составляется из богатства, которое не служит для непосредственного употребления, и главными формами ее являются земля и капитал. Земля и капитал суть орудия труда, землевладельцы же и капиталисты—только хранители этих орудий и их функции сводятся к распределению этих орудий между трудящимися, но зато они получают свой доход в виде процента на капитал и ренты. Таким образом, продукт труда должен распределяться не только между рабочими, но, при существовании права собственности на землю и капитал, также и между собственниками земли, в виде ренты на землю, и собственниками капитала, в виде прибыли на капитал. Рабочие же, лишенные орудий производства (собственности), попадают в эксплуатацию другого человека — не трудящегося, собственника орудий производства. Сен-Симон и его ученики впервые выдвинули идею об «эксплуатации человека

человеком», которая впоследствии особенно ярко была развита и обоснована научным социализмом и марксизмом, где она получила более законченное, теоретическое выражение в виде создания теории прибавочной ценности и присвоения этой прибавочной ценности землевладельцем и капиталистом. Сен-Симон считал, что в будущем «индустриальном» строе в процессе распределения общественного продукта капитал будет получать свою известную долю, потому что прибыль частью зависит не от эксплуатации рабочего, а является платой за труд управления. Конечно, хозяин и управитель могут злоупотреблять этим правом, — и в этом смысле можно сказать, что рабочий эксплуатируется капиталистом, что, по мнению сен-симонистов, в настоящее время является неизбежною необходимостью. В будущем индустриальном строе этого не будет, и нетрудовой доход будут получать лишь те лица, которые будут оказывать общественному производству какие-либо исключительные услуги.

Отводя такое большое значение собственности в современном обществе и смотря на нее как на главнейший недостаток и главнейший источник общественного экономического неравенства, сен-симонисты направляют всю свою острую критику главным образом на частную собственность, указывая, что частная собственность на орудия производства влечет за собою крайнюю неравномерность и нерациональность распределения общественного дохода. Поэтому было бы более желательно передать орудия производства лицам, более способным и умелым и распределять их для производства там, где чувствуется в них наибольшая нужда. Поэтому сен-симонисты особенно сильно критикуют право наследования; оно, по их мнению, является главнейшим злом, так как закрепляет обладание орудиями производства за отдельными лицами даже при тех условиях, если они не обладают никакими способностями к процессу общественного производства. Поэтому при переустройстве общества прежде всего должно быть сосредоточено внимание на уничтожение права наследования и передаче его государству. Государство делается, по учению сен-симонистов, единственным наследником, который становится постепенно обладателем всех орудий производства, распределяющим их, сообразуясь с общественными интересами.

Особенно подробно и ярко идеи сен-симонистов ими самими были формулированы в кратком адресе, который был отправлен в 1830 году (после смерти Сен-Симона) к президенту Палаты депутатов. «Сен-симонисты — пишут они в этом адресе — отвергают систему общности благ, потому что это было бы нарушением первого из всех моральных законов, который состоит в том, чтобы каждый занимал положение по своим способностям и получал вознаграждение по своим талантам. Сен-симонисты требуют уничтожения привилегий по рождению... результатом которых является оставление на произвол случая распределения общественных выгод между ограниченным числом лиц и осуждение самого многочисленного класса на невежество и нищету. Они требуют, чтобы все орудия труда — земля и капиталы были соединены в один общественный фонд и чтобы они эксплуатировались бы ассоциацией так, чтобы трудовая задача каждого была выражением его способностей

и его богатство было мерою его дел... Они отвергают собственность постольку, поскольку она представляется привилегией на праздность — на право жить чужим трудом».

Таким образом требования сен-симонистов сводились к уничтожению частной собственности на все орудия производства, передаче их государству, которое должно руководить общественным процессом производства, распределяя работу каждому соответственно его способностям, а вознаграждение и богатство каждого определяя мерою его дел. Таким образом доктрина сен-симонистов является доктриной вообще государственного коллективизма, т.-е. такой организации общественного производства, которая признает идею частного дохода и идею неравномерности вознаграждения за труд и вводит вознаграждение «по заслугам», т.-е. по производительности труда, его целесообразности и важности. У каждого затем сохраняется право свободного распоряжения продуктом этого труда. Орудия же и средства производства сосредоточиваются в коллективной собственности государства.

Сен-симонизм не является, как сказано, доктриной исключительно экономической. Он явился вместе с тем основанием для развития идей социологических; с сен-симонизмом связана известная социологическая система Огюста Конта. Сен-симонизм является вместе с тем и философией истории, так как Сен-Симон и его ученики впервые высказали идею о «материалистическом» об'яснении истории. Идея материалистического об'яснения истории у сен-симонистов не только сводилась к указанному пониманию развития экономического строя, но применялась ими и к пониманию и истолкованию отдельных институтов, например частной собственности. Доктрина Сен-Симона, критикуя учение о частной собственности классической школы, указывает, что самый принцип права частной собственности зависит от исторического развития общества. «Согласно общему предрассудку — говорится там — выходит, что какие бы революции ни происходили, они не отражаются на принципе частной собственности. В действительности, собственность есть социальное явление, подверженное, подобно всем, закону развития и изменения». Следовательно, собственность может быть понимаема и регулируема в разные эпохи различным образом. Действительно, в разные эпохи понимание частной собственности получало разные формы и, можно полагать, в будущем вступит в новую фазу. Вначале, благодаря институту рабства, собственность распространяется на все абсолютно, даже на людей. Затем понимание ее постепенно ограничивается, и право собственности на людей (рабство) исчезает, остается право собственности только на вещи. Право собственности на вещи является вначале так же абсолютным, но затем выступает общественная власть и указывает те пути, которыми должно итти ограничение этого права собственности. Государство указывает различные направления, в которых право собственности может осуществляться, устанавливает порядок наследования, формулы и границы собственности. Наконец, французская революция вносит дальнейшее изменение условий применения права собственности. Остается после этого сделать один, последний, шаг, именно — обеспечить за рабочими равно право пользова-

ния орудиями труда и сделать государство единственным наследником прав собственности на орудия общественного производства. Все общество—а не отдельные лица—будет наследовать накопленные общественные богатства («фонд общественного производства»). Так развивается идея права собственности, превращаясь из абсолютного права собственности (даже на людей) в право собственности на вещи и, наконец, переходя в право собственности всех на эти вещи в лице государства.

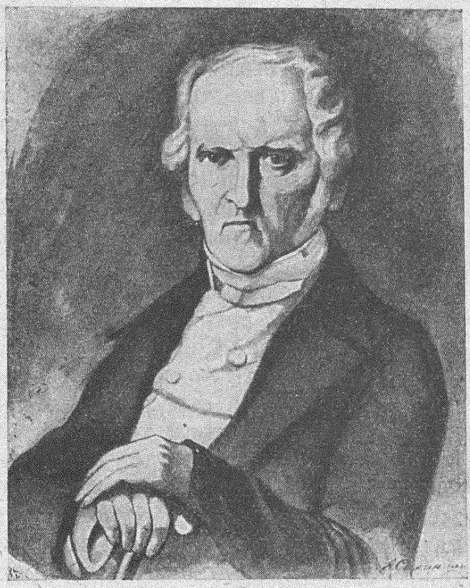
Кроме того значения, какое сен-симонизм имел в области социологии и философии истории, он получил еще особенное и, пожалуй, наиболее крикливое проявление в области общественных и религиозных течений. После смерти Сен-Симона школа сен-симонистов сорганизовалась в виде замкнутого общества на подобие иерархической церкви, об'единенной общим религиозным учением. Религиозные общины сен-симонистов приобрели вскоре в высшей степени шумное проявление и нелепые формы с уклоном в сторону театральности. Во главе этой религиозной общины или сен-симонистской церкви был поставлен «первосвященник» Анфантен, которые стал совершать всевозможные религиозные таинства. В конце концов религиозная община сен-симонистов вызвала судебные преследования правительства и распалась. Но, конечно, по существу, они уже не имели никакого отношения к социалистическим доктринам сен-симонизма.

ШАРЛЬ ФУРЬЕ (1772—1837).

Среди представителей экономической мысли и утопического социализма Ш. Фурье представляет фигуру не менее красочную и оригинальную, чем Сен-Симон, хотя и совершенно другого типа. Малообразованный мелкий приказчик, проведший всю жизнь за прилавком, старый холостяк, живший в бедности где-то на чердаке, Фурье всю жизнь мечтает об общественном преобразовании всего мира, фантазирует о «лимонадных морях», об «анти-китах и анти-львах», об увлекательности «страстей», о прелестях совместной жизни и труда в социалистическом строе. Понятно, что такая фигура и такой писатель не могли импонировать современникам, относившимся к Фурье в лучшем случае, как к малообразованному чудаку; не вызывал уважения Фурье и у некоторых историков экономической мысли, видевших в нем простого сумасшедшего человека (Дюринг).

И такое мнение станет отчасти понятным на первый взгляд при чтении сочинений Фурье. Его запутанные и непонятные писания часто наполнены такими нелепостями, которые часто представляются совершенно абсурдными. Его «космогония», т.-е. стремление исследовать не только область экономической жизни, но и вдаваться в область мироздания, приводила его к таким, например, нелепым, но серьезным утверждениям, что при будущем развитии природы и общества море будет наполнено не соленой водой, а каким-то особым напитком в роде лимонада, что в море будут плавать анти-киты, которые будут помогать человеку, перевозя его с необычайной скоростью через океан; в пустыне будут жить подчиненные человеку ручные анти-львы, на которых будет

ездить человек с большими удобствами и скоростью. Точно также и в области экономики Фурье задавался совершенно несбыточными планами, утверждая, например, что колоссальный долг Англии может быть погашен одними яйцами, которые будут получаться в его социалистической фаланстере. По способу изложения и терминологии Фурье наполняет свои произведения каббалистическими выражениями, которые настолько затемняют смысл его учения, что часто делали его посмешищем среди остроумных современников-французов. Все это и вызвало к Фурье совершенно отрицательное отношение, как к сумасшедшему, а к его писаниям, как к бреду, который не имеет за собою никакого научного значения.



Ш. Фурье.

Тем не менее, несмотря на каббалистику и непонятную терминологию, в творениях Фурье заключаются такие глубокие мысли и идеи, которые по праву должны дать ему место среди крупнейших представителей экономической мысли. Насколько велико значение Фурье в области экономической мысли и экономической жизни, видно из того, что Фурье со своими фаланстерами и своею идеею производительных ассоциаций может считаться отцом производительной кооперации, которая в настоящее время является еще не вполне достигнутым венцом кооперативного движения. Достаточно сказать, что в области системы воспитания, которую проводит Фурье в своих фаланстерах, он является отцом той системы, которая в настоящее время известна под именем так называемой фребелевской. Фурье является также отцом того движения, которое получило в современной жизни значительное распространение в виде устройства так называемых городов-садов. Достаточно указать, уже на эти явления новейшей экономической жизни, которых Фурье был провозвестником, чтобы сказать, что он был не только сумасшедшим, но и мыслителем, который за много лет вперед предвидел возможность осуществления идей, которые только в настоящее время начинают осуществляться.

Но и помимо такой ценности идей Фурье для практической жизни, у него имеются гениальные научные подходы в вопросах экономической теории, как в смысле критического анализа, так и в смысле создания положительной экономической системы. Во многих случаях — и в кри-

тической части, и в положительных идеях — мы встретим у Фурье идеи, которые впоследствии нашли законченное выражение в научном социализме.

В основу построения своей системы Фурье кладет прежде всего критику современного экономического строя, но связывает ее с своей космогонией и с идеями общего мирового характера. По мнению Фурье, человек создан для счастья, и устройство всей его жизни должно быть направлено к тому, чтобы по возможности дать ему всю полноту этого счастья, как душевного, так и телесного. Это счастье должно заключаться в гармонии между умом и телом, интеллектуальным и телесным существованием. Поэтому, в противоположность другим представителям утопического социализма и коммунизма, которые стремились к подавлению страстей и ограничению своих потребностей, Фурье, наоборот, исходит из того, что все страсти должны быть удовлетворяемы. При этом, удовлетворение всех человеческих страстей и развитие всех стремлений, как интеллекта, так и тела, не может быть достигнуто без соответствующей материальной обстановки. Следовательно, в создании материальной обстановки, в создании богатства должен заключаться первый шаг для удовлетворения всех страстей человека и гармонии, как ума, так и тела.

Что же сделано цивилизацией и современным строем для такого всестороннего и полного удовлетворения человеческих потребностей интеллекта и тела? По мнению Фурье, цивилизация не только не делает ничего для полноты такого человеческого развития, но, наоборот, она построена так, что страсти человека не могут быть удовлетворяемы, а гармония интеллекта и тела — морального и телесного развития — не может быть достигнута. Недостатки цивилизации, которые перечисляет Фурье, сводятся прежде всего к неправильности организации всего производительного процесса и к неправильному распределению материального богатства, как источника счастья для человека. Фурье указывает на непроизводительную растрату труда — на существование массы непроизводительных классов и непроизводительных видов труда. Таков, например, труд женщины в мелком домашнем хозяйстве, тогда как потребности домашнего хозяйства могли бы удовлетворяться совместно в более крупных производительных центрах. В современном обществе имеется, по мнению Фурье, масса непроизводительных членов общества — военных, чиновников, «софистов и болтунов», ничего не делающих, масса лиц, занятых постоянной борьбой с преступным элементом, который дошел до такого состояния, по мнению Фурье, не вследствие морально присущих им качеств, а как результат социальной организации. Таким образом, первый плод цивилизации — это непроизводительная затрата труда.

Другая неправильность и невыгодная черта в организации производственного процесса в современном обществе заключается в распространенности мелкого хозяйства и мелкого производства, как в области торговли, так и в производстве продуктов потребления. Фурье указывает на массу мелких парцелярных хозяйств, на которые разбито крестьянское хозяйство во Франции, когда каждый имеет небольшой участок

земли, огораживает его забором или рвом и непроизводительно растрачивает на это свои силы. Если об'единить все эти мелкие хозяйства в одно, то все процессы производства были бы гораздо выгоднее, так как можно было бы улучшить производство и избежать массы непроизводительных расходов.

Далее Фурье обращает внимание на отсутствие привлекательности труда в современном обществе. Труд в современном обществе представляется, как нечто отталкивающее: мы трудимся не потому, что труд привлекает к себе, а вследствие крайней необходимости — только для того, чтобы получить пропитание. Между тем, по существу, труд должен привлекать, как здоровая трата нашей трудовой энергии. Поэтому целью будущего устройства общества должна явиться такая организация труда, чтобы труд не возбуждал отвращения, а был забавой и удовольствием, доставлял развлечение и наслаждение.

Таким образом, в результате всей своей критической части, Фурье приходит к заключению, что труд в современном обществе организован неправильно и в современной жизни нет гармонии. Фурье приходит к необходимости выяснить такой строй общества, где бы гармонически об'единены были все отрасли труда и все процессы производства.

Приступая к положительной части своего учения, Фурье вместе с тем дает интересный исторический взгляд на развитие систем народного хозяйства, как на закономерное развитие в целях достижения гармонического состояния общества. По мнению Фурье, история общественного развития может быть разделена на отдельные стадии и периоды: детства, зрелости и старости. В настоящее время мы находимся лишь в первой стадии, т.-е. переживаем стадию детства и начала развития, при чем эту стадию детства Фурье подразделяет на семь периодов.

Первым периодом в истории социального развития человечества является эвдемонизм или райское существование, когда человечество жило в природном состоянии, когда благ природы и продуктов ее было достаточно для потребления, никто не нуждался в каком-либо усиленном труде, не было никакой конкуренции, никакой вражды между отдельными лицами при получении благ. Впоследствии, благодаря увеличению населения и уменьшению количества продуктов, предоставляемых человеку природой, человечество переходит к периоду войн, борьбы за существование оружием, периоду дикости. За ним следуют периоды: патриархата или варварства, когда появляется земледелие, изобретается главное орудие его — плуг, человечество приобретает оседлость, постепенно складываются классы общества.

Дальнейший после этого период Фурье называет периодом цивилизации, в котором, как он считает, и находится современное человечество. Этот период цивилизации характеризуется тем, что здесь процессы производства поставлены уже несколько более рационально и научно, чем в периоде варварства и дикости. Но тем не менее в этом периоде обострение борьбы за существование сказывается еще более сильно, чем в предшествующих периодах.

Цивилизация, по мнению Фурье, не есть конечная стадия развития человечества, а промежуточная, ведущая к следующему периоду гаран-

тизма, а затем к периоду ассоциации, т.-е. такому общественному строю, где все процессы производства будут ассоциированы, урегулированы и будут находиться в гармонии между собой. Здесь Фурье дает блестящий анализ современной ему эпохи цивилизации, подмечая весьма тонко те черты существующего общества, которыми характеризуется развитие капитализма, с его стремлением к концентрации капитала, к увеличению размеров предприятий и к поглощению крупными предприятиями предприятий мелких. Вследствие этого период цивилизации не может еще достигнуть гармонии общественных интересов, так как весь процесс производства является неурегулированным.

Второй стадией перехода к ассоциации производства служит период «гарантизма», когда общественная власть начинает стремиться урегулировать процесс производства, хотя бы частично, путем законодательства (например, законодательство о труде, о распределении общественных продуктов и проч.). В этом отношении Фурье не только дает анализ и критику современных ему условий начала капиталистической эпохи, но замечательно, что он, в сущности, предвидит именно ту эпоху, которая наступила в наше время, с 70—80 годов прошлого столетия и характеризуется широким развитием социального законодательства, когда государство, как предвидит Фурье по отношению к своему периоду «гарантизма», вмешивается в отношения между трудом и капиталом с целью эти отношения регулировать.

Конечной целью изучения общественного строя для Фурье является построение нового экономического быта, который должен наступить уже после периода «гарантизма». В этом новом периоде ассоциированного производства все общественные интересы и процессы будут находиться в гармоническом соотношении друг с другом. Этот новый строй рисуется Фурье, как производительная ассоциация, т.-е. как производительная община, соединяющая в себе все производительные процессы в одной ячейке. Фурье останавливается в высшей степени подробно и любовно на описании создаваемой им общины («фаланстеры»), описывая с мельчайшими деталями всю внутреннюю жизнь ее и устройство.

В противоположность общинам, проектированным Кабе и Оуэном, община Фурье является не коммунистической общиной. В ней сохраняется частная собственность на продукты потребления и частное распоряжение своим доходом. В фаланстерах Фурье уничтожается только собственность на орудия и средства производства. Самый процесс производства покоится на общинном начале. Так как фаланстера представляет довольно крупную производительную ячейку (400 семей, т.-е. до 1½ тыс. человек), мелкое хозяйство уничтожается. Таким образом, общины представляют крупные производительные ассоциации, в которых все производится сообща путем применения в качестве орудий производства машин, находящихся в собственности всей общины.

Что касается потребления и доходов от этого совместного производства, то распоряжение частным доходом всецело предоставляется отдельным лицам. Каждый получает и потребляет те продукты, какие хочет, без ограничения и вмешательства общины в процесс потребления.

Но тем не менее Фурье не отказывается и от начала совместного потребления, говоря в своем описании фаланстеры, что, несмотря на то, что каждый имеет право жить в собственном помещении и приготовлять свою пищу самостоятельно, тем не менее все члены общины — фаланги придут к заключению, что совместное потребление представляет гораздо больше выгоды, чем потребление отдельное, и все будут пользоваться не отдельными помещениями, кухнями и столовыми, а общей кухней и столовой и вести совместное питание.

Самый процесс производства урегулирован и организован в фаланстерах также оригинально. Фурье предоставляет значительную долю инициативы отдельным лицам, и за эту инициативу («таланты») эти лица получают вместе с тем особое вознаграждение. Все доходы от производительной деятельности общины делятся таким образом: $^{5}/_{12}$ — на вознаграждение труда, $^{4}/_{12}$ — на вознаграждение капитала и $^{3}/_{12}$ — на вознаграждение таланту и инйциативе. Таланту, самодеятельности Фурье отводит обширное место в своих фаланстерах, предоставляя каждому члену свободу выбора занятий, свободу применять свои таланты в областях труда и производства, в каких пожелает. Только пользование орудиями производства ведется совместно.

Описывая весьма подробно устройство своей фаланстеры (это описание, конечно, не имеет никакого научного значения) Фурье считал возможным осуществление своих производительных ассоциаций в настоящее время. Впрочем, главным препятствием для осуществления этого преобразования он считал только недостаток материальных средств и потому долгое время ждал «миллионера», который дал бы ему миллион для того, чтобы доказать возможность устройства мира на новых началах. Конечно, миллионер не приходил и никто не давал Фурье миллиона. Тем не менее, вера Фурье в правоту своей идеи и в возможность переустройства общества на новых началах не оставляла его.

Однако, вера Фурье заразила, если не миллионера, то широкие слои общества и иногда даже состоятельных лиц. Хотя Фурье и не дождался миллионера, который бы дал ему миллион для осуществления его мечты, тем не менее все же идея создания кооперативных производительных общин не заглохла, а нашла себе попытку осуществления как в Америке, так и в Европе. В этом отношении Фурье является даже более счастливым, чем другие утописты, так как еще при жизни ему удалось видеть довольно удачную попытку осуществления его идеи. Фурье еще при жизни приобрел себе массу сторонников и среди них одного довольно состоятельного человека — Годена, фабриканта, который, увлекшись идеей устройства производительных ассоциаций, решился предоставить свою довольно большую фабрику для осуществления там производительной кооперации. Фабрика Годена была, конечно, далека от точного осуществления фаланстеры по образцу, начертанному Фурье. Тем не менее, она все же дала толчок и начало определенному общественному движению, которое впоследствии получило довольно широкое значение, именно в виде производительной кооперации и привлечения рабочих в качестве пайщиков, организаторов и хозяев производительного кооперативного предприятия. Годен преобразовал свою фабрику

на началах, подобных акционерному обществу, так что отдельный рабочий, как участник вместе с тем был заинтересован в успехе предприятия. Фабрика Годена существует до сих пор и пользуется большим успехом, являясь памятником идеи Фурье в области реальной экономической жизни. Но и помимо этой попытки практического осуществления, идеи Фурье сыграли колоссальную роль, в особенности во время французской революции, когда фурьеризм являлся одним из самых модных социалистических увлечений и сыграл громадную роль в делах развития идей французской революции.

Кроме осуществления идей Фурье Годеном во Франции, более значительные и интересные попытки были сделаны в Америке. Здесь проповедником и пропагандистом идей Фурье явился, главным образом, его последователь Брисбейн, которому в 40-х годах удалось сорганизовать ряд фурьеристских общин. Все они были устроены по типу и по основным принципам фаланстер, несколько лишь меньших размеров. Наиболее прочными и удачными оказались Брукская ферма, существовавшая 6 лет, Северо-американская фаланстера (12 лет), Нортгамптонская ассоциация (4 года) и Висконсинская фаланстера (6 лет). Несмотря на некоторый, более или менее значительный, хозяйственный успех, все эти ассоциации довольно скоро распались. В лучшем случае они могли достигнуть удовлетворительного хозяйственного положения фаланстеры и, следовательно, и участников, но и это не всегда бывало. Часто оказывалось, что фаланстеры, имея в своей среде много образованных, интеллигентных и идейных людей, не имели, однако, людей, годных для физического труда и тяжелых работ. Хотя труд, таланты, инициатива и оплачивались по правилам Фурье, тем не менее, труд все же не был так «приятен», каким предполагался он в фаланстерах Фурье. Но чем выше и идейнее был состав участников фаланстер, тем меньше, конечно, они могли удовлетворяться тем материальным благосостоянием, которое они получали в фаланстерах. Дело шло, конечно, не только об этом благосостоянии. Его они могли легко достичь и другими путями. Главной задачей представлялось распространение идеи ассоциации и завоевание ею капиталистического мира, а этого-то, именно, фаланстеры и не достигали. Они должны были бороться с окружающей их капиталистической стихией, а мечты о завоевании ее приходилось откладывать все более на отдаленный срок. Это обстоятельство и явилось причиной того, что общины распадались часто даже не из-за хозяйственных неуспехов, а по добровольному соглашению участников.

Значение Фурье и фурьеризма, конечно, не в этих заранее обреченных на неудачу попытках. В отношении организации социалистического общества Фурье делает даже шаг назад сравнительно со старыми социалистами-утопистами, в частности—Мором, отказываясь от государственного масштаба социализма и низводя его до общинного. Но главное научное значение Фурье в развитии экономической мысли — его, правда неумелый, историцизм, его критика капиталистического общества, его попытки установить закономерность общественного развития — все те идеи, которые в дальнейшем стали базой развития научного социализма.

РОБЕРТ ОУЭН (1771—1858).

Третьим представителем так называемых «великих утопистов», на ряду с Сен-Симоном и Фурье, был англичанин *Роберт Оуэн*. Роберт Оуэн происходил из среды простого народа. Он был сыном бедного ремесленника, но дальнейшая судьба его сложилась гораздо более блестяще и более благоприятно, чем таких неудачников, как Фурье. Еще в ранней молодости Р. Оуэн, вследствие успешности своего маленького промышленного предприятия, разжился и 18-ти лет уже имел довольно благоустроенную фабрику, в которой он применил некоторые усовершенствованные орудия производства в виде так наз. мюллных (прядильных) машин, только что тогда изобретенных, вследствие чего фабрика его пошла в ход и вскоре превратила Оуэна в крупного капиталиста. Уже 26-ти лет он становится одним из крупных фабрикантов Англии и вместе с компаньоном приобретает в Нью-Ланарке крупную фабрику, где начинает свои первые опыты в области социальных реформ.

Здесь, как предприниматель, Оуэн имел возможность познакомиться со всеми ужасами фабричной системы, от которых страдала тогда Англия. Так, он встретился здесь с крайним развитием детского труда, который практиковался начиная с 5—6 летнего возраста, что сказывалось крайне неблагоприятно на физическом росте и здоровьи населения. Преступность была чрезвычайно развита и среди взрослых и среди детей.

Чтобы уничтожить такие бедствия и ужасы капиталистического производства, Р. Оуэн прежде всего обращает внимание на улучшение условий труда и сокращает рабочий день до нормы гораздо более низкой. Он обращает внимание на необходимость уменьшения применения детского труда и ограничивает его определенными нормами, вводит обязательное посещение школы детьми среди фабричной работы, на что выделяются особые часы. В результате кратковременной своей деятельности в этой области Р. Оуэн достиг весьма крупных результатов. Фабрика его быстро меняет свой облик сравнительно с другими фабриками в этой местности. Этой своей деятельностью Р. Оуэн приобретает всемирную известность и славу крупного реформатора и благотворителя. Фабрика его становится местом паломничества для многих экономистов, публицистов и людей, интересующихся общественною жизнью, и даже для знатных лиц, которые посещают его фабрику с целью видеть реформы Оуэна.

В своей реформаторской деятельности Р. Оуэн не остановился, однако, лишь на благотворительности, но пошел далее. Изучая условия жизни рабочего класса, знакомясь с экономическими трудами ученых и проектами социалистов, Р. Оуэн стал увлекаться более широкими целями—не только улучшить общее положение труда на фабрике, но и уничтожить коренные причины имущественного неравенства и возникновения бедности. В своем труде «Новый взгляд на общество или опыт о принципах образования человеческого характера» (1813—16 г.г.) Р. Оуэн высказывает впервые целый ряд новых мыслей, которые в даль-

нейшем были положены им в основу его реформаторской деятельности. В этом своем труде Р. Оуэн высказывает ту основную мысль, что образование человеческого характера зависит не от самого человека, а от внешних социально-экономических условий, и что человек не может считаться ответственным ни за свои достоинства, ни за свои недостатки, так как он почерпает их из той среды, в которой живет и которая его воспитывает. Поэтому для того, чтобы устранить те или иные недостатки человеческого характера и организма и повысить интеллектуальную и моральную жизнь человечества, необходимо изменить общественные условия.

Р. Оуэн.

От кого же зависит изменение этих общественных условий и каким образом можно их изменит? Р. Оуэн прежде всего приходит к заключению, что изменение их зависит от руководящих классов общества, от управителей общества. Исходя из такого взгляда, Р. Оуэн начинает вести оригинальную агитацию среди высших представителей тогдашней Европы, предлагая им целый ряд социальных реформ и переустройство общества с целью улучшить условия существования и уничтожить контрасты богатства и бедности. Нужно иметь в виду, что Европа в то время переживала политическую реакцию в связи с победными войнами, которые вели тогда континентальные страны Европы против Наполеона. «Священный Союз», который об'единил руководящие страны Европы, и был тем высшим политическим центром, к которому направил свои воззвания Р. Оуэн. Понятно, что здесь он не мог найти себе никакого отклика, и, конечно, с его стороны был большой идеализацией обращаться к представителям Священного Союза с призывом улучшить положение рабочих и уничтожить контраст бедности и богатства. Поэтому его воззвания и адреса, с которыми он обращался к правителям Европы, не имели никакого результата и подвергались прямым насмешкам. Однако энергия его этим не была подорвана, и он продолжал стремиться воздействовать тем или иным путем на законодательство и общественное мнение и добиться изменения условий существования рабочего класса. Отчасти, впрочем, это ему удавалось. Под его непосредственным влиянием было заложено рабочее законодательство

Англии, которая с 1817 года приступила к регулированию условий детского и женского труда и ввела, так называемый, «билль о детском труде». В этом отношении Р. Оуэн сыграл крупную роль.

Постепенно Р. Оуэн стал все далее и далее отходить от задач социального благотворителя и входить в роль крупного реформатора всего общественного строя, вначале еще не социалиста, но потом все более приближаясь к социализму. После неудачной попытки обращения к правящим классам, он приходит к мысли о необходимости создания коммунистических общин из мелких производителей. По его мнению, все общественное производство должно быть разделено на отдельные мелкие ячейки, отдельные мелкие общины, которые он называл кооперациями. Эти общины представляют из себя полуземледельческие, полупромышленные общины, как отдельные производительные единицы самодовлеющего характера, которые все процессы производства заключают в самих себе, т.-е. все нужды свои удовлетворяют собственным же производством. Все хозяйство в таких общинах должно быть общее и должно представлять из себя более или менее крупную производительную единицу. Вместе с тем весь продукт, получаемый в общине, поступает в общее пользование и распределяется на равных для всех основаниях. В общинах сохраняется еще семейный строй, и семьи живут в отдельных домах, хотя, по мнению Р. Оуэна, для многих семей будет более выгодным жить в общих квартирах, в более крупных помещениях, так что постепенно в них должен установиться чисто коммунистический строй. Все продукты потребления предоставляются общиной. Питание происходит совместно путем устройства общих кухонь. Ведению общины принадлежит также воспитание и образование, общее и совместное для обоих полов.

Подобная организация общин, как крупных производительных и потребительных ячеек, должна, по мнению Р. Оуэна, всецело поглотить частный капитал вследствие тех выгод, какие должно представлять такое совместное, общее хозяйство. Поэтому Р. Оуэн считал, что для уничтожения ненормальных условий существования рабочих в современном строе и всех контрастов богатства и бедности, необходимо заняться насаждением таких «кооперативных общин», так как подобные общины вследствие их экономических выгод постепенно вытеснят весь частно-хозяйственный строй и все частное производство.

Выставляя свои предположения о преобразовании общества путем насаждения кооперативных общин, Р. Оуэн не ограничился лишь просто усиленной пропагандой идеи коммунистических общин, но и стал стремиться сделать попытку осуществить подобные общины. Еще в 1824 году, будучи уже довольно крупным капиталистом, он приобретает в Америке за 250 тысяч руб. одно благоустроенное имение («Нью-Гармонию»), куда и приглашает поселенцев для устройства там кооперативной общины. Кооперативная община Р. Оуэна вызвала первоначально среди некоторых кругов большое увлечение в особенности вследствие того, что Р. Оуэн сам затратил довольно значительный капитал на устройство этой своей общины. Обращение Р. Оуэна с призывом ко всем желающим поселиться на коммунистических началах

в его имении было весьма успешно. Желающих поселиться было так много, что первоначально возникли трудности в размещении там всех приехавших. После устройства первой общины в 1827 г. через 3 года, вследствие обилия желающих, было устроено 20 кооперативных общин по тому же образцу, придерживающихся принципов коммунистических общин. Несмотря, однако, на такой первоначальный успех в устройстве общин, вскоре обнаружились разного рода неурядицы. Так, прежде всего, оказалось, что в общинах, которые должны привлекать к себе людей самых разнообразных профессий (так как общины сами должны вырабатывать все продукты, необходимые для потребления), состав был довольно однообразный: сюда шли лица, может быть, идеально настроенные и заинтересованные коммунистической общиной, но часто не обладавшие никакими профессиональными знаниями и для общины бесполезные. С другой стороны, обнаружилась разница между различными слоями общины, какие наметились там — интеллигенцией и простыми рабочими. Вследствие этого осуществить то полное коммунистическое равенство, которое предполагал Р. Оуэн, не удалось. Поэтому вскоре после быстрого успеха оуэновских общин в С. Америке, их постиг крах. В 1828 г. большинство общин Оуэном были распущены, и, таким образом, опыт этот длился всего пять лет. Имение «Нью-Гармония» было передано участникам общины уже на началах обычной частной собственности.

Тем не менее, несмотря на такое крушение своей попытки осуществления коммунистических начал, Р. Оуэн не оставил своей кипучей деятельности, имевшей целью улучшение положения рабочего класса и изыскание новых путей для общественного преобразования. После того, как он пришел к заключению о невозможности при настоящих условиях устройства коммунистических общин, он останавливается на другой идее, с помощью которой стремится уничтожить бедность и имущественное неравенство.

Рассматривая условия существования тогдашнего капиталистического хозяйства и те потрясения, которые переживало оно вследствие часто повторяющихся кризисов перепроизводства, Р. Оуэн приходит к заключению, что главною болезнью капиталистического производства является переполнение рынка товарами при невозможности полного и правильного распределения и потребления этих товаров. Это он об'яснял тем, что у населения не имеется достаточных покупательных средств для приобретения товаров и товары с развитием производства не находят себе потребителей. Чтобы избежать этих болезненных кризисов перепроизводства и увеличить размеры потребления, необходимо поднять покупательную способность населения. Каким же образом это возможно? Так как главным покупательным средством являются деньги, которыми не обладают рабочие, являющиеся, однако, главными производителями ценностей для рынка, то, по мнению Р. Оуэна, для устранения перепроизводства необходимо уничтожить это основное зло—деньги.

Таким образом, Р. Оуэн приходит к мысли о необходимости создания «рабочих бирж», т.-е. таких учреждений, в которых были бы сосредоточены все процессы обмена продуктов отдельных производств

между собою, без посредства денег. Каждый производитель, каждая община может приносить в эти рабочие биржи продукты своего труда и своего производства и получать с рабочих бирж те предметы, которые им необходимы, как потребителям, меняя таким образом продукты своего производства на продукты чужого труда. Увлеченный этой идеей, Р. Оуэн стал стремиться осуществить ее и, обладая значительными средствами, особенно после ликвидации своей попытки устройства коммунистической общины в Америке, сделал попытку устройства таких рабочих бирж. Но его рабочие биржи просуществовали два года, а затем их постиг такой же крах, как и американские кооперативные коммунистические его общины.

Причина этой неудачи Оуэна заключалась в той основной его ошибке, что он считал источником всего зла деньги, как орудие обмена, между тем как ясно, что все зло не в деньгах, как орудиях обмена, а в самом неурегулированном процессе производства, который оставался и при рабочих биржах Оуэна, так как и при существовании их каждый производил без соображения с общественными потребностями, стихийно. Поэтому, принося продукты свои на биржу, мелкий производитель часто не мог сбыть их, не находя потребителя. Рабочие биржи стали переполняться продуктами, на которые не было спроса. Рабочие биржи вследствие этого быстро потерпели крах и были закрыты Р. Оуэном.

Тем не менее и эта неудача и явная ошибка Оуэна не остановила его. В поисках за новыми путями преобразования общества и уничтожения бедствий рабочего класса, придя к заключению, что устройство «кооперативных общин» при современных условиях недостижимо и что общины не могут выдержать конкуренции капиталистического производства, Р. Оуэн пошел по другому пути и здесь наткнулся на одну мысль, которая стала важнейшей его заслугой как реального экономического деятеля. Придя к заключению, что устройство коммунистических общин из лиц, не обладающих капиталом, простых рабочих, бедняков, невозможно, потому что они не могут организовать свои производительные ассоциации на рациональных началах и в таких крупных размерах, чтобы вытеснить частное капиталистическое производство, Р. Оуэн обратил внимание на то, что, не представляя из себя крупной самостоятельной силы, как производители, рабочие могут представлять из себя крупную силу, как потребители. Отсюда он пришел к заключению, что рабочих нужно об'единять не на почве создания кооперативных производительных общин, а на почве обществ потребителей. Таким образом, Оуэн пришел к идее образования потребительных общин, как таких ячеек, которые организуются в наименее состоятельных слоях населения — с целью об'единения их в процессе потребления. Но, по мнению Оуэна, этим дело не должно ограничиться, так как потребительские общества должны явиться впоследствии толчком для об'единения потребителей и в области производства. Ясно, что, об'единившись сначала в крупные потребительские единицы, рабочие могут затем начать обслуживать свои потребительские нужды путем устройства совместных производительных кооперативных общин. Эта идея, к которой Р. Оуэн пришел лишь к концу своей жизни и которую

он сам оценивал не так высоко, как идею кооперативных производительных общин, явилась, однако, той идеей, которая впоследствии уже много позже выросла в широкое движение потребительской кооперации, охватывающее многие миллионы рабочих и представляющее из себя крупное социально-экономическое явление.

Таковы основные идеи Оуэна и важнейшие попытки его реформаторской деятельности по переустройству современного общества. Р. Оуэн, как социалист, является представителем так наз. «федералистического коммунизма», т.-е. предполагает устройство общества на началах федералистических производительных ассоциаций и общин, при чем в этих общинах как все процессы производства, так и потребления об'единены и организованы на коммунистических началах. Совокупность федераций общин об'единяется в процессе обмена центральными органами, которые Р. Оуэну представлялись в виде рабочих бирж.

Каково же значение в истории экономической мысли и в развитии социалистических идей этих «великих утопистов»? Это значение их хорошо обрисовано Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте»: «Авторы этих систем,—говорят Маркс и Энгельс,—прекрасно сознают существование антагонизма классов, а также элементов разложения внутри современного общества, но они не видят со стороны пролетариата никакой исторической самодеятельности, они не замечают присущего ему политического движения. Так как развитие антагонизма классов идет рука об руку с развитием промышленности, то они не могли видеть материальных условий освобождения пролетариата и бросились в поиски социальной науки, социальных законов, которые могли бы им создать эти условия. Общественная самодеятельность должна была таким образом уступить место деятельности их собственной изобретательности, исторические условия эмансипации — условиям фантастическим, постепенно развивающаяся организация пролетариата в класс — организации общества, сшитой из разных лоскутов ими самими. Будущая история человечества сводится для них к пропаганде и к практическому осуществлению их проектов общественного устройства.

«Правда, занимаясь изобретением своих планов, они все же сознавали, что защищают прежде всего интересы рабочего класса, так как этот класс наиболее страдающий. Вообще они видят в рабочем классе только класс, наиболее страдающий. Однако же, вследствие неразвитой классовой борьбы, а также вследствие своего собственного социального положения, они считают, что сами стоят выше всякого антагонизма классов. Они желают улучшения материальных условий жизни для всех членов общества, даже для самых привилегированных. Поэтому они неустанно взывают ко всему обществу безразлично, даже более того, они предпочитают обращаться к правящему классу. В самом деле, разве не довольно понять их систему, чтобы признать в ней наилучший из всех возможных планов, наилучшее из всех возможных обществ?

«Поэтому они отвергают всякую политическую деятельность, особенно же деятельность революционную, они стараются достичь своих

целей мирными путями и пытаются расчистить дорогу новому социальному евангелию силою примера, прибегая для этого к скромным экспериментам, заранее осужденным на неудачу.

«Фантастическая картина будущего общества, нарисованная в то время, когда пролетариат еще недостаточно развит и видит свое собственное положение в фантастическом свете — эта картина соответствует первоначальным, инстинктивным порывам рабочих к полному преобразованию общественного строя.

«Но социалистические и коммунистические произведения заключают в себе также элементы критики. Они нападают на существующее общество в самых его основах. Поэтому в свое время они дали весьма ценный материал для пробуждения сознания рабочих. Их положительные предположения относительно будущего общества,—каковы: уничтожение различия между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности, наемного труда, провозглашение социальной гармонии и превращение государства в простой административный механизм для заведывания производством — все эти положения указывают только на желание уничтожить антагонизм классов, антагонизм, который тогда только начинал развиваться, так что изобретатели систем были знакомы только с его первоначальными, неясными и неопределенными формами. Таким образом, их положения — чисто утопические по своему смыслу».

Литература. Кроме указанных выше общих сочинений: Волгин. Очерки по истории социализма. 1923.—Морелли. Кодекс природы, пер. Волгина. 1922.—Новицкий. Бабеф.—Буонароти. История заговора равных. 1923.—Поль Луи. История социализма во Франции. — Сен-Симон. Собрание сочинений пер. под ред. Святловского. 1923.—«Изложение учения Сен-Симона», под. ред. Волгина. 1923.—Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм. М. 1901.—Ш. Фурье. Избранные сочинения, с ст. Жида. М. 1918. — Водовозов, Фурье. Опыт критического обзора учения. «Русская Мысль». 1892.—Бебель. Шарль Фурье. СПБ., 1906.—Оуэн. Об образовании человеческого характера. СПБ. 1893.—Доллеан. Р. Оуэн, в библ. «Просвещения» М. 1906.—Либкнехт. Р. Оуэн, СПБ. 1896. — Свентковский. История Утопии. М. 1910. См. также «Под знаменем марксизма», статьи о Р. Оуэне, Сен-Симоне и др.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало рабочего движения и социализм первой половины XIX в.

Великая Французская революция дала богатое наследство не только для буржуазного переустройства общества. На почве ее идей и поставленных ею вопросов вырос и новейший утопический социализм в лице его трех «великих утопистов». При отсутствии ярко обособившихся классовых интересов пролетариата в тогдашнем обществе и при невозможности поэтому обосновать на них свои идеологические предпосылки социалистического переустройства общества, эти социалисты-утописты оставались в сущности без твердой почвы в своих общественных планах. Они вытекали у них не из требований реальной жизни, не из требований и стремлений общественных групп и классов, а представлялись для них тем «открытием», которое делает гениальный мыслитель и которым благодарное общество может и должно воспользоваться для собственного блага. И если для этих социалистов-утопистов и фантазеров был совершенно ясен вопрос, «для чего» нужен их социализм — для высшего блага всех и каждого в отдельности, — то им самим очень смутно представлялось — «почему» он должен наступить. Правда, и у Сен-Симона, и у Фурье имеются попытки связать неизбежность социалистического переустройства общества с историческими законами общественного развития, но в этих исторических изысканиях их слишком много метафизики, кабалистики, чтобы они были научно обоснованными.

Вот почему социализм «великих утопистов» носил в сущности индивидуалистический характер, т.-е. не был идеологическим выражением классовых интересов и устремлений масс, а плодом их собственной чисто мыслительной деятельности. Вот почему этот социализм и самые его представители стояли в стороне от революционных движений и вообще от масс.

А между тем, в условиях общественной и экономической жизни Европы того времени уже начинали назревать события и течения, ставившие во весь рост практическую проблему социального вопроса. В Зап. Европе после «промышленной революции» конца XVIII в. и после того, как изжиты были наполеоновские войны, уже в ясных очертаниях создавался, с одной стороны, класс промышленной буржуазии, с дру-

гой — промышленного пролетариата. Только что выступавший на общественную арену промышленный капитализм тотчас же стал проявлять себя периодическими кризисами, приносившими для другой стороны, для пролетариата, все бедствия безработицы.

На этой почве с первых же десятилетий XIX в. в Зап. Европе, в особенности в Англии, начинает возникать впервые рабочее движение. Правда, оно еще не носит характера осознанного классового движения. Ни рабочие, ни их вожаки не могли понять сущности происшедших социальных сдвигов и перемен, наивно считая главным своим врагом и причиной бедствий машину, ту машину, которая сразу выбрасывала сотни и тысячи ставших лишними рабочих. Так возникло в Англии крупное и бурное движение так наз. «леддитов», рабочих — «разрушителей машин», по имени их предводителя Ледда. Стихийное и бессмысленное движение это могло обусловливаться только несознательностью рабочих и запрещением закона рабочих организаций, которые могли бы урегулировать эти движения.

Однако, рабочие были не одни в общественной работе. Новой промышленной буржуазии также приходилось еще завоевывать свои позиции в ее борьбе с земельной знатью. Чтобы приобрести себе союзников, буржуазия должна была итти на уступки и провести в 1824 году через парламент отмену закона, запрещавшего образование рабочих союзов. Вслед за тем, пользуясь теми же рабочими и угрожая даже рабочими восстаниями, английская буржуазия проводит в 1832 г. закон об избирательной реформе, укрепляющий положение буржуазии, как господствующего политически класса. Это было «бескровное» завоевание буржуазией своего политического господства.

То, что в Англии совершилось, таким образом, без революционного взрыва, во Франции потребовало революционного переворота. Англия в начале XIX в. стояла в стороне от общественно-политической реакции, охватившей всю Европу и особенно Францию после низложения Наполеона и с реставрацией Бурбонов. Не считаясь с «завоеваниями» Великой революции и с тем, что буржуазия уже прочно усвоила из нее, Людовик XVIII стал проводить определенную дворянскую реакционную политику, преследуя свободу веры, печать, запрещая общественные организации и т. п. Общественное движение чисто буржуазно-политического характера сначала стало концентрироваться вокруг парламентской борьбы при выборах 1830 г., а затем, с помощью рабочих, вылилось в июльскую революцию 1830 г.

Июльская революция, совершенная в три дня руками рабочих, не внесла, однако, никакого изменения в социальное положение рабочих и была использована всецело в интересах буржуазии. Свергнув в июльские дни руками рабочих Бурбонов, буржуазия завоевала себе политическую диктатуру, посадив на королевский трон своего ставленника, «буржуазного короля» Луи-Филиппа.

Таким образом, почти в один год (1830—32 г.г.) в двух передовых западно-европейских странах политическая диктатура перешла в руки крупной промышленной буржуазии. И в Англии и во Франции это было

достигнуто с помощью рабочих и под их давлением. Можно поэтому считать, что до сих пор буржуазии и пролетариату было отчасти «по дороге». Но уже с этих пор пути их расходятся. Как для самой буржуазии, так и для пролетариата становится ясным, что их интересы противоположны, и что очередная социальная схватка должна произойти уже между ними самими. 30-е и 40-е годы и являются эпохой подготовки и прелюдией к социально-политической борьбе, которая лишь в 1848 году приобретает определенно классовый и в то же время общеевропейский характер.

В Англии и Франции эта эпоха проходила при различных условиях. В Англии промышленный капитализм развивался колоссально быстрыми шагами. Мировое промышленное значение Англии быстро росло, что помогало английскому капитализму сравнительно легко переживать обычные кризисы, завоевывая после каждого кризиса все бо́льшие достижения. В этом поступательном движении капитализма, конечно, отчасти улучшалось и положение рабочих, а, кроме того, развивалось их классовое самосознание. Особенно ясно это выразилось в возникшем в Англии в 40-х годах движении «чартизма», (борьба за хартию), т.-е. в политическом движении радикально-буржуазного характера, выставившем требования всеобщего избирательного права, тайной подачи голосов, изменения границ избирательных округов и др.

Сначала движение носило чисто политический буржуазный характер, но когда к нему стали примыкать рабочие, оно получило в значительной мере социальную окраску. Правда, эти социальные требования рабочих не нашли себе точных и ясных формулировок. Они отчасти выражались в старых приемах разрушений фабрик, убийства фабрикантов, восстаний, отчасти в требованиях сокращения рабочего дня, общих мероприятий по улучшению положения рабочих, даже национализации земли.

Но вскоре самое движение это стало замирать. Английский капитализм шел быстро по пути своих мировых завоеваний, а с другой стороны, успевал давать рабочим некоторые улучшения их положения, в виде билля о 10-часовом рабочем дне, об отмене хлебных законов. Поэтому английское чисто революционное с социальным характером движение замерло и стало заменяться мирным движением тред-юнионизма. А вместе с тем в Англии надолго замерла и мысль о широкой социальной проблеме.

Очагом социальных экспериментов и социалистической мысли на долгое время становится Франция.

Утверждение июльской монархии Луи-Филиппа удовлетворило французскую буржуазию, но не могло, конечно, удовлетворить рабочих. Наоборот, та политика «обогащения», которая была провозглашена правящими классами, могла только крайне неблагоприятно отразиться на положении рабочих. Поэтому рабочее движение, свергнувшее последних Бурбонов, после 1830 г. не затихло, а, наоборот, стало сильнее развиваться.

Так, в 1831—34 г.г. произошли два крупных восстания лионских ткачей, дважды жестоко подавленные правительственными войсками.

Жестокая реакция заставляет рабочее движение уйти в подполье и здесь вырабатывать новые идеи революционного социализма. Одним из видных деятелей этого периода становится *Огюст Бланки* (1805—1881 г.). Бланки был так сказать «прирожденный революционер», с самых молодых лет и до конца своей жизни принимавший живейшее участие во всех революционных переворотах Франции этой эпохи и более половины своей жизни проведший в тюрьмах. По своим воззрениям Бланки первоначально был исключительно политическим борцом и не занимался социальным вопросом. Но июльская революция разочаровала его своими результатами для рабочих. Бланки начинает уже ставить перед собой социальный вопрос, хотя совершенно ясно не представлял себе ни его сущности, ни пути разрешения. Он останавливается на тактике образования тайных революционных обществ заговорщицкого характера, с целью подготовки вооруженного восстания и проведения диктаторской властью революционного правительства социального переустройства общества. Самая сущность этого переустройства была у Бланки не вполне ясна: он говорил о необходимости уничтожения капиталистов, банкиров, биржевиков, об уничтожении имущественных и родовых привилегий, но, повидимому, не стремился уничтожить самый принцип частной собственности. Таким образом, идеи Бланки были весьма близки к идеям Бабефа, но шли даже менее далеко чем этот последний в своих принципиальных положениях. Для характеристики идей Бланки более важными являются не эти его принципиальные взгляды, а его революционная тактика (устройство революционно-заговорщицких обществ с целью захвата власти и диктаторского проведения социалистического переустройства), получившая в революционную эпоху 30—40 годов и позже широкую известность под именем «бланкизма».

Однако, помимо этого направления революционно-заговорщицкого социализма в 40-х годах, во Франции не меньшее, если не большее значение получает другое направление «мирного» социализма. Если Бланки являлся преемником идей Бабефа, то социалистические идеи великих утопистов Сен-Симона и Фурье также нашли себе преемников в эту бурную и обостренную эпоху, особенно в лице двух деятелей—Луи Блана и Кабе. Ни тот, ни другой не были, в сущности, революционными деятелями, и только обостренная революционная эпоха втолкнула их, в особенности Луи Блана, в гущу революционных движений. Это не мешало им и, даже наоборот,—способствовало подойти к постановке и разрешению социальной проблемы не путем революционно-заговорщицкого переворота, а более «мирным» путем. Луи Блан разрешал путем государственной «организации труда», Кабе — путем мирного и постепенного перехода к коммунизму. И если преследуемые и подпольные организации Бланки могли собрать у себя лишь небольшие группы рабочих, Луи Блан и Кабе, занимая легальное положение, могли свободно проповедывать свои идеи и на некоторое время стали, если не вождями рабочего движения, то провозвестниками нового социального устройства, в которое верили рабочие.

ЭТЬЕН КАБЕ (1788—1856).

Э. Кабе представляет из себя довольно типичную фигуру той переходной эпохи, когда после неудачной революционной вспышки побеждает реакция, но когда в общественной мысли и в народных массах продолжается период усиленных исканий и брожений, продолжается внутреннее созревание новой революционной эпохи. Старые пути кажутся уже неверными, новые еще не найдены; старые силы разбиты и исчерпаны, новые еще не сформировались. Поэтому часто такие попытки и искания принимают форму неопределенных, расплывчатых, «утопических» проектов, которые, однако, иногда могут привлечь даже не единичных мечтателей-интеллигентов, а массы рабочих.

Э. Кабе был сыном бедного рабочего-бочара, но получил хорошее образование. Достигнув степени доктора прав, он занялся адвокатурой. Вместе с тем он принимал живое участие, как в политической, (в качестве левого депутата в парламенте), так и литературной жизни Франции 40-х годов, основав между прочим, левую газету радикально-народническóго уклона «Народник» («Le Populaire»). Среди этой политической и литературной деятельности Кабе неоднократно подвергался преследованиям со стороны реакционного правительства июльской монархии. Дважды судимый за свои оппозиционные выступления, Кабе был приговорен к 2 годам тюрьмы, но бежал в Англию.

До сих пор Кабе был далек от социализма. Но в Англии он знакомится с учением Т. Мора и настолько увлекается его идеями, что сразу становится социалистом и коммунистом. Здесь в Англии он в 1840 г. пишет свое знаменитое произведение «Путешествие в Икарию», типичный социалистическо-утопический роман. Получив в том же году возможность вернуться во Францию, он издает свой роман вместе с рядом пропагандистских брошюр («Как я стал коммунистом» и др.), а с 1841 г. возобновляет издание своей газеты, но уже с чисто коммунистическим уклоном «мирного», однако, характера. В законченном виде свое коммунистическое учение Кабе излагает в своем романе, сделавшим на некоторое время его имя чрезвычайно популярным среди парижских рабочих и вообще парижского населения.

Основным исходным пунктом для построения системы коммунизма у Кабе, является критика существующего строя. Он останавливается на существующих имущественных отношениях, в которых видит главное зло современного общественного и политического строя и уничтожение которых является главной задачей нового устройства общества. Главным злом, от которого страдает человечество и откуда, как из «ядовитого яйца», выползали все бедствия,—это неравенство имущественных отношений. Наибольшим злом является право собственности, право «владеть, распоряжаться и пользоваться для собственных прихотей своим имуществом». Отсюда деньги, как всеобщее олицетворение ценностей и богатства, стали являться отображением центрального зла современного строя. Отсюда возникает общее стремление добывать

возможно больше денег и золота. В современном обществе все пути для этого являются позволительными.

Это центральное и коренное зло современного общества Кабе и стремится искоренить новым общественным устройством. В своем романе «Путешествие в Икарию» он описывает переустройство общества из прежнего состояния неравенства имущественных отношений, показывая, как революционным путем общество преображается и стряхивает с себя прежние путы, превращаясь в общество коммунистическое.

Э. Кабе.

Кабе изображает страну, народ которой жил на счастливом острове Икарии и раньше имел обыкновенное устройство, со всеми недугами и бедами современного общества. Когда страдания народа дошли до крайнего предела, тогда посредством революции, заговора в духе якобинства и бланкизма, во главе с одним из местных жителей, Икаром, составляется партия, которая захватывает власть, и в конце концов, преобразует политический и социальный порядок. Икар, — сын каретника, впоследствии сделавшийся священником, — изучая условия существования того общества, среди которого жил, а также изучая вообще социальные науки, пришел к заключению, что вся беда современного общества заключается в частной собственности и в неправильном производстве и распределении общественного дохода. Счастливый случай делает Икара из бедняка богатым человеком. Богатство свое он употребляет на тайную пропаганду учения общности имущества. Когда он образовал вокруг себя определенную партию, он совершает переворот, свергает тирана и избирается диктатором. Он издает манифест к народу, в котором описывает все блага коммунистического строя. Народ восторженно принимает манифест. Новый строй постепенно, в течение 50 лет, окончательно утверждается в Икарии. Этот строй и описывается в романе Кабе в виде впечатлений от путешествия по Икарии английского лорда Карисдаля, от имени которого Кабе знакомит нас с последствиями политической и социальной революции.

Прежде всего, Икария представляется единым государством, в котором государственная власть управляет всеми процессами производства и потребления. Государство разбито на отдельные провинции и города.

Кабе самыми фантастическими чертами описывает все прелести этой страны. Природа здесь настолько богата и труд настолько производителен, что для общества требуется минимальное количество усилий для того, чтобы получить максимальное количество благ. Вместе с тем техника чрезвычайно высока, и большая часть работ производится машинами. Все здесь отличается высшею степенью роскоши: везде блестит золото, серебро, драгоценные камни, хрусталь, которые покрывают дома снаружи и изнутри. Конечно, нравственный уровень в этом обществе настолько высок, что такие драгоценные украшения в публичных местах открыто стоят и не подвергаются расхищению, ибо как говорит Кабе, «разве нация станет обворовывать свой дворец?» На дворце позолоченная крыша, везде в нем позолоченные статуи, везде золото и серебро, драгоценные камни. С такою же, можно сказать, наивностью и болтливостью Кабе описывает мельчайшие детали внутренней жизни этого коммунистического государства. Всюду, где путешествует лорд Карисдаль, он видит великолепно, по целесообразному плану и последнему слову науки, устроенные дома, везде образцовые удобства и т. п.

Как же организован в Икарии самый процесс производства и экономическая жизнь? Богатства природы, развитие техники и максимальное применение машин, а также целесообразное устройство и организация всего общественного процесса производства, способствуют, конечно, минимальному количеству человеческого труда для того, чтобы достичь такого высокого богатства. При этом все граждане обязаны трудиться одинаково в известных отраслях труда, при чем мужчины вступают в работу 18-ти лет, девушки 17-ти, и работают мужчины до 65 лет и женщины до 50. Рабочее время — летом 7 часов, зимою — 6 часов, при чем женщины первоначально справляются с домашним хозяйством (каждой семье дается особая квартира), а затем идут в мастерские, где при самых гигиенических условиях заняты предназначенным, по собственному вкусу выбранным трудом. Вследствие применения в крупных размерах машинного труда, производительность его весьма велика. Все продукты, которые получаются при таких условиях производства, поступают в распоряжение государства, и последнее, сообразно потребностям и нуждам граждан, распределяет эти продукты производства между всеми гражданами. Характер потребностей ограничивается и регулируется в том смысле, что государство не обязано приспособляться к индивидуальным вкусам отдельных лиц, а все продукты изготовляются одинаковые на всех. Например, одежда изготовляется всем одинаковая, по образцам одного покроя, установленным национальным собранием (законодательными палатами), при чем, однако, для женщин делается некоторое отличие, а именно—во избежание монотонного однообразия—блондинкам разрешается один избранный цвет платья. брюнеткам—другой, но не более. Кроме того, так как затруднительным представляется делать платья все одного размера, когда люди бывают различного роста и толщины,—а между тем, необходимо, чтобы и в этом отношении потребности удовлетворялись механически и одинаково,—Кабе остроумно устраняет это неудобство тем, что делает

платье из эластической ткани вследствие чего, несмотря на однообразный покрой, может подходить и для больших и для маленьких, толстых и тонких.

Такое же урегулирование государством потребностей вводится не только во внешние условия жизни, но также и в условия моральной жизни, науки, печати, воспитания и т. п. Воспитание, например, в Икарии—общее для всех, при чем, как образование, так и собственно воспитание производится совместно для мальчиков и для девочек и направлено не только на физическое воспитание, но вместе с тем и на духовное развитие. Далее, каждый человек может выбирать себе профессию в зависимости от собственной склонности, и в этом отношении еще при воспитании дети могут уже обнаруживать свои склонности. Но при такой свободе направления своих талантов все научное образование и литературная деятельность требуют известной санкции со стороны государства. Писать книги и научные исследования может всякий, но печатаются и распространяются только те книги, которые республика признала достойными и которые пройдут через известное одобрение со стороны государственных органов. Одобренные государством книги печатаются во многих тысячах экземпляров государством и посылаются во все библиотеки для всеобщего распространения, тогда как книги, признанные вредными, уничтожаются: «Так икарийцы,—в заключение говорит лорд Карисдаль,—очищают поле науки для беспрепятственного труда новых поколений». Так же поставлена и периодическая пресса.

Таково в общих чертах устройство общества, по Кабе, в его государстве Икарии. С экономической стороны интересным представляется тот основной пункт его учения, что здесь государство из одного общего центра управляет всеми процессами производства и потребления и регулирует все эти процессы в области материальной и духовной.

Кабе, написавший свое «Путешествие в Икарию» в 1840 г., т.-е. до революции 1848 г., вернувшись во Францию при наступлении несколько больших свобод, начинает вести усиленную пропаганду идей коммунизма. В виду того, что французское общество, и в особенности рабочие, находилось в периоде самых настойчивых исканий нового строя, разочаровавшись в буржуазной революции,—проповедь Кабе об устройстве счастливого коммунистического государства начинает пользоваться большой популярностью, встречая восторженный прием и находя массу сторонников, как среди рабочих, так и интеллигентных классов. Кабе решается начать движение для осуществления своего коммунистического государства в Америке. В 1847 году, т.-е. еще до революции, он выпускает воззвание: «Идем в Америку», в котором приглашает всех недовольных существующим строем и ищущих более счастливой жизни—ехать в Америку и основать там коммунистическое государство. Это воззвание первоначально вызвало восторженный прием, и в 1848 году из Франции отправляется первый корабль с «икарийцами» для основания в Америке коммунистической колонии. Вслед за этим, еще раньше, чем этот корабль прибыл к берегам Америки, уже разразилась революция, также с попыткой осуществления социалистических идей в самой Франции. Хотя этот взрыв Французской революции отвлек

внимание рабочих от планов Кабе, но тем не менее не отвлек самих «икарийцев» от осуществления своей коммунистической общины. Первая такая община была образована первоначально в штате *Айова* на тех началах, какие описывал Кабе, в составе около ста человек. Вследствие того, что Кабе собрал путем пропаганды довольно значительные суммы во Франции, спустя несколько лет община эта обладала довольно значительным имуществом, около 1 миллиона рублей, и хозяйственным благоустройством. В этой общине не было, конечно, той роскоши, тех украшенных золотом и драгоценными камнями роскошных дворцов, как в Икарии. Это были скромные домики—общие помещения, кухни, общий зал для собраний и увеселений. Тем не менее, довольно строго здесь придерживались идеи икарийского коммунизма, как описывал их Кабе, конечно, без утопических и неосуществимых черт. Просуществовав до 1877 г., эта община стала, однако, распадаться, вследствие некоторых разногласий по вопросу о том, допустимо ли и возможно ли существование частной собственности? Так как значительная часть «икарийцев» стала приходить к заключению, что частная собственность, в особенности на предметы потребления, допустима, и стала проявлять стремления к отступлению от полного коммунизма, то от общины отделилось около половины членов ее, которые основали «Новую Икарию», просуществовавшую довольно долго, именно до 1895 г., когда она, по единогласному решению ее членов-участников, была прекращена. Таким образом, несмотря на явную утопичность попытки осуществления коммунистической общины в среде и в бесконечной стихии капиталистического общества, икарийские общины пользовались все же известным успехом. «Новая Икария» оказалась одною из наиболее долговечных коммунистических общин.

Каково же было общественное и научное значение икарийского коммунизма? Как видно из изложенного, «Путешествие в Икарию» представляет типичный утопический роман в подражание Мору. Но если Мор в свое время не мог создать ничего более научного, то для средины XIX в. можно было ожидать и требовать более научного подхода к разрешению социальной проблемы. Поэтому собственно научного значения «Икария» Кабе, конечно, не имеет. Тем не менее, в истории общественной мысли она занимает известное место с характерными для нее чертами, отличающими Кабе, как от Мора, так и от Фурье, согласно духу и экономическим условиям его времени.

Коммунизм Кабе—все еще «мирный» коммунизм, хотя он идет через политическую революцию в духе бланкизма; самое же наступление коммунистического строя происходит постепенно в течение 50-летнего переходного периода. Далее, в отличие от Фурье, Кабе — государственник, т.-е. предполагает организацию коммунизма в масштабе государства. Во внутреннем строе общества Кабе сохраняет семью, нерасторжимый брак, религию, правда с уклоном только морального характера, в чем Кабе обнаруживает дань буржуазным требованиям и предрассудкам своего времени. В условиях организации производства для коммунизма. Кабе характерно признание громадного значения машин, которое сам Кабе мог наблюдать в английской промышленности. Это машинное

производство позволяет Кабе более легко разрешить вопрос, оставшийся неразрешимым для других утопистов, как Мор и Фурье, которые для повышения массы труда в обществе должны были прибегать к рабству или к детскому труду. Наконец, по своему общественному значению коммунизм Кабе характерен тем, что это была первая попытка проведения его в жизнь через самих рабочих, первая попытка рабочего коммунистического движения.

ЛУИ БЛАН (1811—1882).

Луи Блан происходил из интеллигентной среды, и получив хорошее образование, стал заниматься свободной публицистической деятельностью. В 1838 году он основал свою газету демократического направления, получившую довольно значительный успех. Здесь он и начинает печатать ряд своих статей по рабочему вопросу, которые делают его имя популярным среди рабочих. В 1840 г. он издает отдельную брошюру «Организация Труда», которая приобретает колоссальный успех также особенно среди парижских рабочих. Эта книга собственно и определила не только дальнейшую известность, но и судьбу всей дальнейшей жизни Луи Блана. Хотя в последующие годы он выступил с гораздо более обширными и даже, пожалуй, более талантливыми трудами «История французской революции», в 12 томах, «История десяти лет» (1830—40 гг.), но не эти книги, а первая его небольшая брошюра сделали ему его славу, сделали его одно время кумиром рабочих, членом правительства и организатором «национальных мастерских». Будучи более публицистом и ученым, чем революционером, Луи Блан, однако, выносится рабочим движением в первые ряды, и ему выпадает на долю сделать попытку осуществления своих социалистических планов не в узкой и искусственной обстановке, не в Америке, как делали последователи Фурье и Оуэна, а в центре Франции, в Париже, в широком государственном масштабе.

Л. Блан.

Значение Луи Блана и причина его огромного влияния заключались в том, что он выдвинул идею, которая давно назрела и носилась среди

французских рабочих — идею «организации труда» (термин, который Луи Блан заимствует у Сен-Симона и пускает в широкую среду рабочих). Эта идея и становится лозунгом революционного движения 1840 года.

Луи Блан исходит из той мысли, что причиной всех социальных и экономических бедствий рабочего класса является конкуренция — эта «карикатура на свободу». Для того, чтобы избежать ее гибельности для рабочего класса, необходимо перейти от того принципа индивидуализма, на котором основывается весь хозяйственный строй общества, к принципу противоположному — к ассоциации. Такая идея, собственно говоря, не представляется новой, потому что уже ранее сенсимонисты, Фурье, Оуэн и кабетисты, все исходили из идеи ассоциации. У Луи Блана идея ассоциации ставится даже в более узкие формы. Может быть, поэтому-то идея Луи Блана оказалась более близкой массам рабочих, чем менее понятные идеи других социалистов-утопистов. Луи Блан, действительно, не ставит свою новую социальную систему ассоциации в связь с общими философскими идеями, а ставит вопрос на чисто реальную практическую почву.

Ассоциация должна явиться одной из ячеек, которые должны обнять специализированных рабочих в определенной отрасли производства для преобразования всего будущего строя путем все большего и большего, в дальнейшем, разрастания таких же новых ячеек ассоциированных рабочих. Об'единенные путем ассоциаций в определенные группы по отраслям производства, рабочие берут в свои руки все процессы производства и вместе с тем получают те выгоды, которые до сих пор поступали в виде прибыли частному предпринимателю. Таким образом рабочие получают «полный продукт труда». Известная часть прибыли, конечно, отчисляется на покрытие расходов по капиталу, на образование постоянного капитала, который необходим для развития производства и дальнейшего его улучшения.

Таким образом, идея Луи Блана сводилась к совершенно простой и реальной организации, в высшей степени доступной для понимания самых простых рабочих. Достаточно только было устроить общественные мастерские — первые ячейки таких рабочих ассоциаций — и дело преобразования общества было бы поставлено на правильный путь. По плану Луи Блана, все рабочие «с известной гарантией порядочности» должны иметь право поступать в эти общественные мастерские, где каждый получает право на труд и право на полный продукт труда, за исключением из этого продукта расходов на производство. Заработная плата должна быть одинаковой для всех рабочих данного предприятия. Чистая прибыль должна быть распределена: на основную часть, которая поступает на заработную плату рабочим, прибыль на капитал для организации и расширения предприятия; затем часть прибыли предназначается на организацию общественной взаимопомощи, т.-е. страхование, пенсии для стариков, всевозможные мероприятия по поддержанию неработоспособных и т. д.

Общественные мастерские с подобного рода организацией должны, по мнению Луи Блана, явиться ячейками реорганизации всего общества.

Условия организации производства и промышленности в таких ассоциациях будут, по мнению Луи Блана, настолько выгодны, что никакое частное предпринимательство не в состоянии будет существовать рядом с ними. Поэтому современное частное индивидуалистическое хозяйство исчезнет, а с ним вместе уничтожится конкуренция,—главная причина и источник всех бед для рабочего класса.

Но как же могут возникнуть такие ассоциации и общественные мастерские? По мнению Луи Блана, государство должно само приняться за организацию таких мастерских, так как это требуют интересы общества. В дальнейшем, всем этим отдельным ассоциациям останется только слиться в одно общее ассоциированное производство, вместо современного частно-правового, лишающего рабочих полного продукта труда.

С практическим осуществлением своей идеи ассоциации Луи Блан выступил в февральскую революцию 1848 г., когда он сделался вождем парижских рабочих. Рабочие под влиянием идей Луи Блана потребовали от правительства образования общественных мастерских и издания законодательного акта об ассигновании для этого капитала из государственных средств. Луи Блан вместе с рабочим Альбером были по требованию рабочих включены в состав правительства для осуществления идеи общественных мастерских. Поэтому уже в марте 1848 года было ассигновано свыше миллиона франков на общественные мастерские. Вначале они приобрели большую популярность среди французских рабочих, но вскоре потерпели совершенный крах. Оказалось, что они не могли вместить все то количество рабочих, которое стало притекать к ним, и не могли обеспечить рабочему того, что является основной идеей самого существования общественных мастерских ассоциированного производства, — т.-е. права на труд. Уже в марте 1848 г. они привлекли до 21.000 рабочих, а чрез несколько месяцев количество рабочих общественных мастерских дошло уже до 100 тысяч, при чем количество это было настолько избыточно, сравнительно с имеющимися средствами, что рабочие стали заниматься нецелесообразным и непроизводительным трудом, и, в конце концов, даже низкая заработная плата не могла быть им обеспечена. Первоначально плата была назначена в 2 франка, а потом, когда общественные мастерские потерпели крушение, рабочие были совершенно распущены. Таким образом попытка осуществления ассоциированного производства оказалась даже более эфемерной чем попытки других социалистов-утопистов, общины которых все же насчитывали десятки лет существования, тогда как мастерские Луи Блана просуществовали всего несколько месяцев.

Эта неудача не отнимает, однако, у Луи Блана места, как одного из видных представителей «корпоративного социализма», т.-е. устройства общества по принципу организации рабочих корпораций, которые владеют и организуют производство в различных отраслях. Другая отличительная черта планов Луи Блана—требование им помощи для такого преобразования от государственной власти. Ни Сен-Симон, ни Оуэн, ни Фурье не связывали обыкновенно идеи своего преобразования общества с какими-либо вспомоществованиями и активной помощью со стороны

государства. Наоборот, Луи Блан требовал от государственной власти ассигнования средств и помощи для преобразования общественного строя на началах ассоциации. Ясно, что в этой основной идее Луи Блана так же, как в идеях «государственного социализма», впоследствии развитых Лассалем, лежала совершенно ошибочная мысль, столь же далекая от реальной действительности, как и утопии Кабе, Оуэна и Фурье. Современный государственный правопорядок основан на принципах индивидуализма и частной собственности; следовательно, он представляет собою диаметрально-противоположное идее ассоциации, и буржуазное государство не может пойти в серьезной и значительной степени на какую-либо попытку преобразования общества на началах социалистической ассоциации. А если бы оно и пошло, то это было бы лучшим доказательством того, что идеи ассоциации, в сущности, далеки от коренного преобразования. Поэтому, хотя буржуазное правительство 1848 г., в котором участвовал сам Луи Блан, под давлением парижских рабочих пошло на ассигнование миллиона на организацию общественных мастерских, но, очевидно, оно заранее предполагало, что из этого не произойдет коренного крушения частноправового строя. Наоборот, оно смотрело на попытку осуществления мастерских, как на прием, с помощью которого оно хотело отучить рабочих от «социалистических экспериментов» и доказать им бесплодность всяких планов этого рода.

ВИЛЬГЕЛЬМ ВЕЙТЛИНГ (1808—1871).

Идеи революционного социализма и коммунизма, вырабатывавшиеся в 30—40 годах преимущественно во Франции, находили себе отражение и в других странах, в том числе и в Германии. Хотя Германия того времени представлялась страной более отставшей в экономическом отношении, чем Франция, однако и здесь рабочее движение уже стало проявлять себя. Развитие машинного производства порождало безработицу, понижало заработную плату, вызывало забастовки и прямые восстания, вроде восстания силезских ткачей в 1844 году.

В этих условиях идеи французского и английского социализма находят себе удобную почву для распространения. Так же, как и во Франции, они прежде всего прививаются и вызывают подражание среди некоторых интеллигентских и мелкобуржуазных кругов, живших несколько в более благоприятных условиях, чем рабочие, но и не примыкавших к господствующим классам. Одним из первых представителей этого германского социализма является Вильгельм Вейтлинг.

Вейтлинг, происходивший из низов народа, по профессии портной, самоучка, с ранних лет прошел тяжелую школу жизни. Эмигрировав в молодости во Францию, он познакомился здесь с господствующими социально-политическими направлениями и примкнул к тайным организациям Бланки. В дальнейшем Вейтлинг все более отдается революционной и пропагандистской деятельности, встречаясь на этой почве с Бакуниным, Прудоном, Марксом и др. деятелями и неоднократно подвергаясь со стороны правительства Швейцарии, Франции, Германии

высылкам и преследованиям. Успех пропагандистских сочинений Вейтлинга настолько вскружил ему голову, что он стал страдать манией величия, мессианства, а когда на этой почве он не нашел себе последователей и порвал с своими прежними друзьями, он разочаровался в своей деятельности, эмигрировал в Америку, где и умер.

Сочинения Вейтлинга, написанные им в лучший период его жизни и составившие ему имя, были: «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть» (1838 г.), «Гарантия гармонии и свободы» (1842 г.), «Евангелие бедного грешника» (1845 г.). В этих сочинениях Вейтлинг выступает, как социалист и пропагандист нового коммунистического устройства общества, без строгого и точного представления, как о самом устройстве, так и о путях его достижения. Не будучи сколько-нибудь образованным человеком, Вейтлинг механически и неясно соединял идеи, почерпнутые им от бланкизма, фурьеризма, кабетизма, добавляя иногда к ним и доводы евангелия и библии.

Тем не менее, как пропагандист социализма, Вейтлинг стоит выше своих предшественников-утопистов. Характерные его черты в том, что для своих социалистических достижений он апеллирует не к правительствам, не к богатым и власть имущим, как делали до сих пор Оуэн, Фурье, Луи Блан, а к рабочим массам, от организации и революционной деятельности которых он ожидает общественного переустройства.

Вейтлинг является таким образом первым германским социалистом-революционером, на идеях которого впоследствии возникло германское революционное рабочее движение. В этом отношении влияние Вейтлинга сказалось не только, как пропагандиста, но и как организатора. Основанный им среди германских рабочих «Союз справедливых» превратился впоследствии в «Союз коммунистов», для которого Маркс и Энгельс написали свой «Манифест коммунистической партии».

Литература. Кроме указанных общих сочинений: Горев. Ог. Бланки. 1921 г.—Люкс. Э. Кабе и икарийский коммунизм в изд. «Просвещения», — А. Геппер. Икарийцы. Спб. 1906.—Чернов. Луи Блан. 1906.—Поль Луи. Французские мыслители и писатели XIX в. 1905.—Вейтлинг. Евангелие бедного грешника. 1907.—Его же. Человечество. 1906.—Калер. Вильг. Вейтлинг. М. 1919.—См. также Маркс. Классовая борьба во Франции и Общественное движение во Франции.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Прудон и анархизм.

Как мы видели из предыдущей главы, общественное движение к половине XIX в. начинает приобретать все более определенный рабоче-социалистический характер. Однако, как самое движение, так и создающаяся на почве его идеология не приобрели еще определенно выраженного классово-пролетарского характера. Питаясь своими идейными корнями еще в том наследстве, которое оставила Великая Французская революция, эти движения 30—40 годов, делаясь все более «социалистичными», пытаются в полной мере использовать для своего социализма государство, то обновленное революцией государство, на знамени которого было написано «свобода, равенство и братство» и которое еще не успело слишком разочаровать строителей «мирного» социализма. Конечно, это разочарование наступило довольно скоро, но все же здесь еще не было принципиального отрицания государства, а только искание его лучших форм, предположение, что даже при буржуазном государстве возможно социалистическое строительство и что само государство может помогать и содействовать этому социалистическому строительству. Таков был, например, преимущественный характер социализма Луи Блана, а также Кабе, для которых их социалистическое строительство рисовалось в рамках и при поддержке государственной власти. Таким образом это направление пошло в дальнейшем по линии «государственного» социализма и признания социализмом государства, как важнейшего момента социалистического строительства.

Однако, на-ряду с этим направлением в то же время стало вырабатываться и другое направление, также имевшее идейные корни в Великой Французской революции, но воспринявшее от нее другие стороны ее идейного наследства. Этой новой стороной идейного богатства конца XVIII в., перешедшего по наследству к XIX в., явилась идея индивидуализма и свободы личности. Вообще говоря, эта идея имела наименьшее значение в развитии социалистической идеологии. Наоборот, она отчасти даже противопоставлялась социализму, как основная идея буржуазной идеологии, положенная поэтому в основу экономической теории классической школы и либерализма вообще. Все же, однако, и в истории социалистической мысли мы встречаемся с некоторым определенным и оригинальным уклоном — сочетания идеи индивидуализма и свободы личности, т.-е. основных идей либерализма, с идеями социа-

лизма. Это течение в социалистической мысли и вылилось в законченное направление или даже особую школу, так наз. анархизма.

Анархизм, так же, как и собственно социализм, не представляет из себя одно лишь экономическое учение. Анархизм есть также и целое философское миросозерцание, и ярко отраженное общественное движение и экономическая доктрина. Поэтому к числу «анархистов» можно причислить не менее разнообразных людей и мыслителей, чем и к «социализму», в широком понимании этого слова, и насчитать не меньшее число «направлений», чем мы видели собственно в социализме. Сюда принадлежат такие, например, представители «литературного» анархизма, как Маккай, Ж. Грав, О. Мирбо, Тэккер; «христианского» морального анархизма, как Л. Толстой; индивидуалистического анархизма, как М. Штирнер и, наконец, коммунистического анархизма, как Годвин, Кропоткин, Бакунин; несколько особо стоит так наз. «мутуалистический» анархизм Прудона. Оба последних направления, как не ограничивающиеся только обще-теоретическим, философским и моральным утверждением высшего значения личности и отрицанием всякого насилия над ней со стороны государства, а вырабатывающие на этой почве определенные планы социально-экономического переустройства общества,—можно назвать «социально-экономическим анархизмом». В дальнейшем мы и остановимся исключительно на этом направлении анархизма, как наиболее близко соприкасающемся с историей развития экономической мысли.

Анархизм, как социально-экономическое учение, как сказано, представляет из себя оригинальное направление социально-экономической мысли половины прошлого столетия, возникшее, как сочетание идей либерализма с идеями социализма. Либерализм XIX в. преклонялся перед личной свободой, отрицал государственное вмешательство в личную жизнь, отрицал вообще государство, как орган стеснения свободы. Социализм, исходя из теории эксплуатации, отрицал собственность, видел в ней наиболее могущественное орудие этой эксплуатации.

Анархизм сочетал обе эти идеи—отрицание собственности и отрицание государственной власти, но шел даже далее социализма и либерализма в этом отрицании. Даже крайний либерализм признавал за государством хотя бы одну функцию — охрану личной безопасности. Анархизм отрицает и эту функцию государства, считая, что «безопасность государства—это безопасность собственников для атак против неимущих».

Социализм, в свою очередь, передавал государству руководство хозяйственной жизнью, производством и распределением. Анархизм категорически отрицает эту функцию государства в виду признанной неспособности к административной и хозяйственной деятельности. Государство вообще — природный притеснитель, а государство, обладающее хозяйственною властью — тем более. Государство, — говорит Бакунин— «это сумма отрицаний индивидуальных свобод», это «кладбище, где умирают и закапываются все проявления индивидуальной жизни». Оно является органом развращения, как управляемых, так и управляющих,

оно всегда зло — будь это абсолютная или конституционная монархия, демократическая или аристократическая республика. Конечно, современное государство—не только притеснитель вообще, но специально притеснитель владеющими невладеющих, т.-е. орган собственников для эксплуатации неимущих. Но не только современное государство, но всякая вообще государственная власть в принципе — зло и отрицание свободы. Поэтому-то, например, «свобода без социализма,— как говорит Бакунин, — это привилегия, несправедливость, а социализм без свободы — рабство, дикое состояние».

Но не только государство является таким органом притеснения и ограничения свободы. И такие институты, как семья, также несовместимы с индивидуальной свободой; современный брак с его непреложными обетами связывает навсегда будущую волю человека, и поэтому он должен уступить место свободному союзу мужчины и женщины, как единственному совместимому с достоинством человека.

Что же должно лежать в основе такого общежития, лишенного всех элементов и органов принуждения? Только одна власть, одна сила — обязательна для людей. «Владычество разума» Прудона, «власть науки», т.-е. авторитетная власть разума и науки — вот что только и может лежать в основе совершенно свободного безгосударственного общества. «Мы признаем,—говорит Бакунин,—абсолютную власть науки; перед лицом естественных законов у человека остается только одна возможная свобода—это познать их и все больше их применять». В этой вере, в силу естественных, очевидных и непреложных законов, познаваемых наукой и разумом, анархисты оказываются родственными по духу физиократам: так отразился рационалистический оптимизм конца XVIII в., с его верой в «разумного человека», на анархистах средины XIX в.

Итак, общество свободных людей, совершенно автономных, не признающих за собой никакой принудительной власти и подчиняющихся только непреложному закону разума и науки — таков идеал человеческого общества.

Анархизм, как социально-политическое течение, в своих основах базируется на философии анархизма, на признании высшей ценности — человеческого «я», и единственной реальности — этого индивидуального «я». Если «я» единственная реальность, то всякая коллективность и ее проявления — в виде государства, нации, семьи, общества — исчезают. Они теряют право надо мной, и «я» становится совершенно свободным. Для этого «я» все дозволено, поскольку этим достигается то, что «я» желаю. «Я решаю о моем праве, вне меня его нет.... Возможно, это неудобно другим. Это их, а не мое дело; им остается только защищаться» (Штирнер). Только такая свобода может быть положена и в основу социального преобразования общества. «Чтобы искоренить пауперизм, не говорят плебсу: подожди, пока какое-нибудь учреждение справедливости сделает тебе подарок во имя общности; а он говорит ему: наложи свою руку на то, что тебе нужно,

и возьми» (Штирнер). Общество, с точки зрения Штирнера, есть не что иное, как «союз эгоистов», из которых каждый говорит другому: «я ничего не хочу признавать в тебе, я ничего не хочу уважать в тебе, я хочу пользоваться тобою».

Такие идеи, нашедшие себе крайнее выражение у Штирнера, не разделяются, конечно, всеми представителями анархизма, тем более социально-политического. Придя к идее разрушения всякого общества и общественных форм принуждения, другие представители анархической мысли останавливаются перед перспективой этой войны «всех против всех», и признают, наоборот, возможность полного мира в безгосударственном обществе.

Старейшим представителем такой идеи анархического мира является *Годвин* (1756 — 1836 г.). Последователь Руссо и поклонник идеи господства разума, Годвин в то же время отвергает всякие помехи для развития индивидуальных способностей и прежде всего — государство. Государственные законы и учреждения, каково бы ни было их содержание, главное зло. В области экономической Годвинг различает три вида права собственности, или точнее, три принципа распределения благ. Современное государство применяет принцип распределения, основанный на частной собственности, т.-е. имущие классы получают законное право распоряжаться трудом и продуктом труда других лиц. Другой принцип состоит в предоставлении каждому продукта его труда (право на полный продукт труда современной экономии). Это, собственно, принцип социализма, более совершенный, чем первый, но все же не вполне совершенный. Наилучшим принципом распределения является тот, по которому каждый получает право на те продукты, которые ему нужнее и доставляют ему больше благополучия, чем всякому другому. Другими словами, всякий получает и владеет всем, что ему нужно. Отрицая, таким образом, всякого рода собственность, Годвин, однако, отбрасывает и все формы и принципы социалистического государства — распределение благ какой-либо общественной или государственной властью; он отвергает общий труд, общественные органы производства и распределения, общественные магазины, совместное хозяйство и совместное потребление. «Право каждого на все» не превращается, однако, у Годвина в войну всех против всех. Для осуществления такого свободного строя необходимо полное перерождение человеческой психики, нравственности и т. п. Годвин — враг всяких насилий и революционных переворотов. Только перерождение человечества в духе альтруизма даст прочную основу такому строю, при котором каждый готов отказаться от осуществления своего права на вещь и имущество в пользу другого, если этому последнему оно нужнее, чем ему самому. К тому же и условия техники в это время будут таковы, что достаточно будет ничтожнейших человеческих усилий, чтобы удовлетворить все потребности человечества.

Это, конечно, утопия. Как реально, в условиях реальной экономической жизни, осуществить идеалы анархизма? На это и отвечают анархические экономические системы, и прежде всего система *Прудона*.

ПЬЕР-ЖОЗЕФ ПРУДОН (1809—1865).

Если непременным признаком анархической догмы считать идею насильственного революционного переворота и свержения власти, а признаком социалистической доктрины — общность имущества, — Прудона нельзя причислить ни к анархистам, ни к социалистам. Сын небогатого пивовара, впоследствии корректор типографии и сам владелец небольшой типографии, Прудон принадлежал скорее всего к мелкобуржуазной среде и, по своему общему миросозерцанию и морали, не возвышался много над нею. Он не проповедывал ни насильственных переворотов, не видел в захвате и низвержении власти способа к общественному преобразованию. В то время никто, как Прудон, не высказывал более резко отрицательных взглядов, даже в бранной форме, относительно социалистов. «Общность имущества — есть религия нищеты» — говорит Прудон. — «Социализм — ничто, ничем не был и ничем не будет». «Прочь от меня, коммунисты, — посылает им брань Прудон, — я чувствую к вам отвращение». И, тем не менее, тот же Прудон выдвинул знаменитую фразу — «собственность есть воровство», и вся его система все же принадлежит к системе анархического социализма.

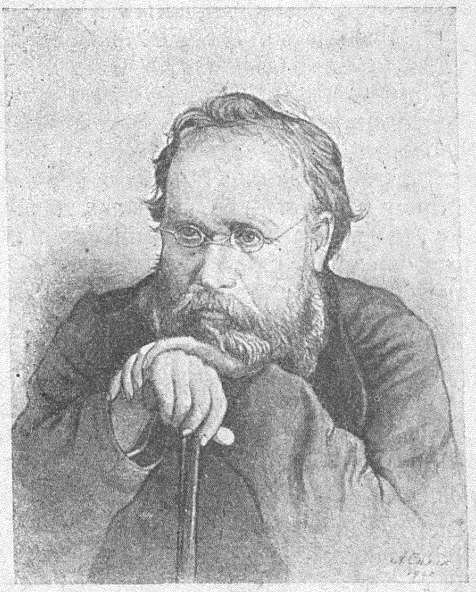
В чем же этот социализм Прудона? Сам он говорит, что своей системой он стремится «между частной собственностью и коммунизмом воздвигнуть иной мир». Как социалист, он и начинает поэтому с критики собственности. Но в этой критике он не желает итти к построению каких-либо утопий на подобие распространенных в то время коммунистических утопий Кабе, Р. Оуэна и др., происхождение которых он об'ясняет «неизлечимою глупостью социализма». Он ищет реальных возможностей и осуществлений нового строя и... создает свою новую утопию.

Что такое собственность и почему она воровство? Прудон разбирает теории собственности и вскрывает их несостоятельность. Юристы создали для оправдания собственности теорию первого завладения. По этой теории, чтобы добывать средства для существования, человеку нужны орудия и средства производства, в том числе и земля. Вначале никому не принадлежащая, она захватывается для производства всяким, кто может — и в результате в обществе нарождается класс имущих и неимущих. Но право завладения оправдывает собственность только на мелкие участки, которые обрабатываются собственным трудом; но чем же санкционируется крупная собственность? Экономисты видят в собственности продукт труда. Но почему же тогда в собственности находится не продукт труда, а самое средство производства — земля? Таким образом, существующие теории не оправдывают существование собственности.

Стоя, как социалист, на точке зрения трудовой теории ценности, Прудон считает производительным только труд и только этот последний считает источником богатства и дохода. Следовательно, если землевладелец или собственник получает из своей собственности доход,

то этот доход может иметь только единственный источник—труд. Труд кого? Конечно, не собственника, а трудящегося. Доход собственника — нетрудовой доход, отнимаемый собственником от трудящегося, получающего неполный продукт своего труда.

Отсюда «собственность есть воровство» и только в этом смысле. Не вообще собственность как принцип, а только собственность, дающая нетрудовой доход. Мелкая, трудовая собственность сюда не входит. Здесь, следовательно, особенно ярко и вскрывается мелкобуржуазный характер идей Прудона.



П. Ж. Прудон.

Как же уничтожить это постоянно продолжающееся воровство? Приступая к своей положительной программе, Прудон подвергает резкой критике социалистов и их проекты. Социалисты хотят на место частной собственности поставить общность собственности, на место конкуренции и индивидуального труда — ассоциацию и организацию труда, на место имущественного неравенства — коммунистическое равенство. Прудона все эти проекты не удовлетворяют. Социализм и коммунизм приводит к рабству, всякая государственная организация — притеснитель. Наоборот: «свобода—вот моя система» — восклицает Прудон. Равенство коммунистов может привести только к рабству; слабый и ленивый стали бы жить на счет сильного и прилежного. Прудон стремится создать систему, которая покоилась бы не на таком принципе равенства, а на «эквивалентности услуг», когда осуществляется принцип, гласящий: «делай для других то, что желаешь, чтобы тебе делали другие». Нетрудовой доход собственника не покоится на такой эквивалентности услуг и поэтому он незакономерен, но не самая собственность. Свобода распоряжения своим трудом и заработным доходом должны остаться неприкосновенными. Следовательно, положительная система преобразования общества должна покоиться на уничтожении нетрудового дохода, не затрагивая самого принципа собственности и свободы хозяйственной деятельности.

Когда Прудон писал свое сочинение «Что такое собственность» (1840 г.), ему, повидимому, еще самому неясен был положительный выход из поставленной проблемы. Его изыскания в этом направлении еще туманны и в следующей главнейшей его работе: «Система эконо-

мических противоречий или философия нищеты» (1846 г.). Эта работа носит еще критический научный характер и является наиболее ценной из работ Прудона. Прудон после критики собственности переходит в этой работе к критике экономических институтов и категорий.

Прежде всего он рассматривает вопрос о ценности. Со времени А. Смита различают ценность потребительную и меновую. Каково их отношение? Увеличение запасов предметов увеличивает их полезность, потребительную ценность, но уменьшает их меновую ценность; это первое противоречие. Оно могло бы быть разрешено, если только предметы стали бы обмениваться пропорционально труду, затраченному на их производство. Тогда бы рабочий стал получать столько продуктов, сколько он создал, т.-е. исчезла бы эксплуатация капиталистом рабочего. Социальная история и есть история борьбы за разрешение этого противоречия—борьбы за осуществление трудового принципа меновой ценности.

Другие экономические категории являются только дальнейшим развитием основного противоречия. Например, разделение труда и машины должны бы вести к повышению производительности труда и к накоплению богатства. В действительности же это ведет только к дальнейшему порабощению и об'единению масс, вследствие существования нетрудового дохода и эксплуатации. Прудон подробно останавливается на социальных последствиях введения машин, на вытеснении машиной рабочего, на губительном действии машины на организм рабочего и т. п.

Далее Прудон указывает, что такое развитие машин и капиталистической техники приводит к новому противоречию—капиталистическая монополия, основанная на здоровом принципе свободной конкуренции, приводит к своей противоположности—к господству сильного капитала и поглощению им мелкого и слабого. Разбирая далее другие противоречия капиталистического строя, Прудон приходит к заключению, что все эти противоречия разрешимы лишь после разрешения основного противоречия меновой ценности, когда продукты будут обмениваться по их трудовой ценности.

«Экономические противоречия» являются только критикой капиталистического строя. Только в следующей своей работе, в соч. «Резюме социального вопроса» (1849 г.), Прудон приходит к созданию положительной программы. К тому времени был уже проделан и неудачно закончен целый ряд социалистических опытов, как наследие революции 1848 года. «Право на труд», «организация труда в социальных мастерских», «рабочие ассоциации»—все эти формулы и лозунги, которые пытался осуществить Луи Блан и которыми увлекался одно время и Прудон, были разрешены историей. Его мысль останавливается на новой утопии, которую он признает единственной реальной возможностью.

До сих пор обращали внимание на производство и пытались реформировать его условия. Нужно же обратить внимание на механизм обмена и преобразовать его.

Из всех видов капитала и собственности наиболее тяжелым видом для трудящихся являются деньги. Все виды капитала предлагаются на

рынке в виде денег, и, если уничтожить право нетрудового дохода с этого вида капитала, уничтожились бы все остальные. Нетрудовой доход возможен потому, что у трудящегося нет земли, орудий, инструментов. Если бы он имел капитал—деньги, он мог бы их приобрести и избежать эксплуатации. Следовательно, нужно только предоставить трудящемуся возможность иметь этот капитал, т.-е. предоставить «даровой кредит».

Такой кредит организовать нетрудно. Нужно образовать банк, который стал бы выпускать кредитные билеты, «боны обращения», не под какие-либо капиталы, которых у него не будет, но под обеспечение сдаваемых производителями в банк товаров. Чтобы эти боны циркулировали, как деньги, и являлись бы источником кредита, необходимо, чтобы все товаропроизводители принимали эти боны. Производители получат бесплатный кредит и капитал для организации предприятий. Уничтожится имущественное неравенство — нетрудовой доход. Самое правительство исчезнет, так как не нужен будет этот орган экономического принуждения и порабощения.

Отсюда видно, что идея банка Прудона до некоторой степени близка с идеей банка Р. Оуэна. Но банк Р. Оуэна есть социалистический банк, выпускающий «боны труда» по трудовой ценности произведенных товаров. Банк же Прудона выпускает «боны обращения», основанные на частно-торговых сделках производителей.

Судьба обоих банков была одинакова. Прудону, впрочем, не удалось сделать даже попытку к осуществлению его. Луи-Филипп раньше открытия банка арестовал Прудона, посадил его в тюрьму, и банк не осуществился.

Научное значение Прудона, конечно, не в этом утопическом проекте дарового кредита. И даже не вкрылатой фразе о собственности. Прудон сделал вклад в науку своей критикой экономических категорий и противоречий существующего капиталистического строя. В этом отношении, хотя К. Маркс и подверг жесточайшей критике систему экономических противоречий Прудона, тем не менее последнему принадлежит право на многие научные мысли и многие указания на эти «противоречия», которые лежат и в основе системы Маркса. Другие его идеи сближают его с анархизмом и делают его духовным отцом социально-политического анархизма.

Из других представителей этого последнего можно указать, главным образом, русских—Бакунина и Кропоткина, и французов—Реклю и Ж. Грава. Первый из них может считаться основателем учения политического анархизма. Преклонение перед индивидуализмом, стремление к свободе, освобождение от гнета всякой власти идет у них гораздо дальше, чем у Прудона. В экономической доктрине они также расходятся с Прудоном и даже между собою. Бакунин—коллективист-социалист, требующий после уничтожения государства, передачи орудий труда в собственность ассоциаций, где каждый участник будет получать вознаграждение пропорционально труду. Кропоткин—анархист-коммунист, передающий в общую собственность не только орудия труда, но

и все вобще предметы потребления. У всех у них общество таких свободных коммунистов увенчивается господством разума и науки, как единственной силы, подчиняющей индивидуумы.

Литература. Кроме указанной выше общей литературы: Прудон. Что такое собственность. 1907.—Маркс. Нищета философии. — Жуковский. Прудон и Луи Блан 1866.—Стеклов. Прудон, отец анархии. — Горев. Бакунин и Бланки.—Диль. Социализм, коммунизм, анархизм.—Кропоткин. Хлеб и воля. 1919.—Штирнер. Единственный и его собственность. СПБ. 1907. Кульчицкий. Современный анархизм. СПБ. 1907.—Эльцбахер. Анархизм. 1905. — Плеханов. Анархизм и социализм, соч. т. IV. 1923.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Научный и государственный социализм. — Родбертус и Лассаль.

Время 30—40-х годов в Зап. Европе, особенно во Франции, было эпохой созревания и подготовки идей социализма, а также поисков мер и путей проведения их в жизнь. Однако, результаты этих исканий оказались очень мало удовлетворительными, как в отношении выработки принципов и начал социализма, так и в отношении практического осуществления их.

Причиной этого явилось то обстоятельство, что в общественной и экономической жизни Европы еще не созрели, хотя уже быстро назревали, условия, могущие стать базой для победы и закрепления идей социализма. Промышленный пролетариат, хотя и быстро формировался, но численно все еще представлял очень небольшую величину, подавляясь в общественном своем значении массой мелкой буржуазии ремесленного типа и примыкавшей к ней деклассированной интеллигенцией. Политические и отчасти социальные интересы этой мелкой буржуазии временно совпадали с интересами промышленного пролетариата, почему в господствующих идеологических течениях и создавалась описанная выше смесь направлений, невыкристаллизованность и противоречивость идей, то заговорщицко-бунтарский, то мирно-религиозный характер проповеди социализма. При таких условиях чисто социалистические движения приобретали неопределенный характер, оставались без вождей и, естественно, не могли иметь того результата, который от них ожидался. Вообще, это был период лишь зарождения новых классовых формаций и новых идей в недрах старого общества, не могущих еще получить сколько-нибудь господствующего значения и, наоборот, уступавших первое место другим господствующим классам.

В этом отношении положение передовых стран Зап. Европы было, однако, различно. В Англии класс крупной промышленной буржуазии сформировался раньше других стран и раньше же других стран он сумел, отчасти опираясь на революционные движения и интересы промышленного пролетариата, отвоевать себе политическое господство, компромиссно поделив власть с феодально-помещичьим классом. Поэтому радикально-буржуазное, однако с социалистически-рабочим уклоном, движение чартизма быстро исчерпало себя, буржуазия достигла победы и политического преобладания. Пролетариат, конечно, не добился осуществления своих социалистических стремлений и, на-

оборот, благодаря быстрому росту и успеху английской промышленности, надолго приобрел «мирный» характер, используя то относительное улучшение положения, которое давал развивающийся капитализм. Таким образом, в английском рабочем движении надолго укрепилось «мирное» тред-юнионистское направление, хотя в другой части пролетариата, менее обеспеченного и всегда подверженного риску безработицы и капиталистических кризисов, продолжал накопляться горючий материал.

Во Франции положение было в значительной степени иное. Революция 1830 г. окончательно свергла феодально-помещичий режим, насильственно насажденный реставрацией. Успехом, достигнутым с помощью рабочих, воспользовалась, однако, крупная буржуазия, финансовая аристократия ее. После июльской революции 1830 г. французская буржуазия была уже заинтересована не в революциях, а в порядке. И если в самом буржуазном классе существовали еще политические и экономические противоречия, то именно в смысле стремления к экономическому господству другого прогрессивного крыла буржуазии—промышленной буржуазии, как мелкой, так и средней.

Господство и хозяйничанье крупной финансовой аристократии не удовлетворяло уже прогрессивным требованиям промышленного развития Франции. Французская промышленность быстро развивалась, но она представлялась далеко не так сконцентрированной, как в Англии, почему в экономическом господстве был заинтересован класс промышленной, но более мелкой буржуазии. Этим интересам совершенно не соответствовала экономическая политика правящего класса, которая разоряла мелкую промышленность. Она не соответствовала также и интересам промышленного пролетариата, как ремесленного, так и фабричного типа.

Таким образом, в общественных движениях Франции после 30-х годов до известной степени совпадали интересы, как средней и мелкой промышленной буржуазии, так и промышленного пролетариата. Но, конечно, поскольку первая стремилась к политической власти в своих интересах, а второй—к социальному переустройству всего общества, постольку буржуазия становилась злейшим противником своего недавнего союзника—рабочих. И поскольку пролетариат не смог за этот период неопределенных исканий ни выработать себе законченной классовой идеологии, ни создать об'единяющей и руководящей организации, ни получить соответствующих задачам эпохи твердых вождей—постольку он к моменту поднятой им борьбы оказался и неорганизованным и лишенным понимающих положение вождей.

В этом и заключается вся трагедия бурного 1848 года с его февральской революцией, передавшей власть в руки демократической промышленной буржуазии, с его мартовскими и апрельскими демонстрациями во имя радикальных социальных реформ, и с его июньскими кровавыми днями—во имя защиты этих социальных требований («права на труд» в «национальных мастерских»). Все эти требования кровавым образом разбились о лозунг «порядка», провозглашенный всей об'единенной буржуазией и поддержанный пулями генерала Кавеньяка.

Со времени революции 1848 г. французская промышленная буржуазия получает то, что Англия получила несколько лет раньше: экономическое признание и господство. С этих пор промышленное развитие Франции пошло более быстрыми шагами. Что же касается промышленного пролетариата, то, получивши в 1848 г. неизлечимые раны от своей революционной борьбы, он получил вместе с тем от развивающегося промышленного капитализма, как возможность несколько экономически залечить эти раны, так и возможность классового сплочения и осознания своих классовых интересов.

Наконец, в Германии положение получает особый и отличный, как от Англии, так и от Франции, характер. Германия представлялась страной, наиболее отсталой, как в политическом, так и экономическом отношении. Она не была даже об'единена в единое государство, не имея и национального единства. У власти находился еще класс феодально-помещичьего дворянства, и формирование промышленно-торговой буржуазии только намечалось. Недостаточно развит был и класс промышленного пролетариата, еще больше, чем во Франции, носивший мелко-ремесленнический характер.

Поэтому революционное движение 1848 г., охватившее тотчас после февральской революции во Франции все немецкие государства, приняло здесь значительно иной характер. Хотя и здесь единственной активной революционной силой выступил пролетариат, однако самое движение приобрело более раздробленный характер, часто с национальной окраской. Поэтому, прежде всего оно могло быть гораздо легче подавлено и оказалось еще более безрезультатным, чем во Франции. Правда, буржуазия успела добиться некоторых требуемых ею политических свобод и успела расчистить арену для своего экономического развития, хотя власть попрежнему осталась в руках бюрократически-дворянского правительства. Непосредственно же рабочее движение не смогло ни строго формулировать своих требований, ни защитить их и было совершенно задавлено.

Тем не менее и в Германии революция 1848 года имела колоссальное значение, несмотря на последующую глухую политическую реакцию. Она принесла возможность экономического развития и промышленного капитализма, вместо прежнего землевладельческо - патриархального строя. Быстрота этого капиталистического развития Германии дала также и толчок для развития классовой организации германского пролетариата, который поэтому прошел свой исторический путь гораздо быстрее, чем в Англии и Франции, и после реакции 50-х годов оказался уже в авангарде мирового пролетариата.

Таким образом, после революций 1848 г. в общественных движениях Европы обнаружился и стал совершенно ясным целый ряд новых явлений, до тех пор совершенно скрытых или едва обрисовывавшихся. Прежде всего, несмотря даже на политическую реакцию 50-х годов, и особенно с изживанием промышленного общеевропейского кризиса 1847--1848 г.г., европейский индустриальный капитализм начинает итти быстрыми шагами по этапам своего типического исторического развития в сторону как быстрой экспансии, так и глубокой своей концентрации. С одной

стороны, весь мир начинает все более и более захватываться капиталистической гегемонией; с другой стороны, в нем самом начинают происходить глубокие процессы концентрации и централизации капитализма, победы крупного капитализма.

Промышленные интересы западно-европейских стран в своем течении попадают в одно русло с капиталистическими интересами Сев.-Американских Соед. Штатов и др. стран, чему особенно способствует открытие грандиозных калифорнийских и австралийских золотых рудников. Индустриально-денежный капитализм приобретает мировой характер, черпая со всего мира живительные источники для своего небывалого развития.

Но вместе с тем все это способствует коренному изменению условий и на другом полюсе капиталистического общества. Те же обстоятельства, которые вызвали гигантский рост капитализма, порождают и другое явление—столь же быстрый рост промышленного пролетариата, обособляющегося от других классов общества по своим экономическим интересам и общественным стремлениям. Если пролетариат 30—40 годов и по своему экономическому положению, и по своим идеологическим стремлениям часто сливался с массой мелкой буржуазии, то теперь, резко от нее обособленный, он вырабатывает и свою общественную тактику и свою общественную идеологию. Эта идеология начинает опираться не на отвлеченный, утопический идеал, а на изучение законов общественно-экономического развития, принимая характер общественной материалистической философии и интернационального классового движения. Эти черты в развити экномической мысли находят себе выражение в том направлении, которое со второй половины XIX в. становится господствующим в виде научного социализма вообще и в особенности марксизма, как законченной идеологии пролетариата.

В чем же заключается сущность этого нового течения социально-экономической мысли «научного социализма» в отличие от разнообразных рассмотренных выше форм социализма, носивших все же преобладающий характер «утопизма»?

Конечно, провести резкую и определенную грань между системой «научного» социализма и так наз. «утопическим социализмом»—невозможно. Мы видели, что во многих типичных «утопических» системах, как Фурье, Сен-Симона и др., можно обнаружить важные и глубокие научные подходы и выводы. Поэтому, вообще говоря, это деление следует считать весьма условным. Тем не менее, «утопический» и «научный» социализм, как этапы развития социалистической мысли, отличаются определенными чертами.

Так, прежде всего, в построении своего общественного идеала социалисты-утописты исходили большею частью из идеалистических интересов—морали, общего блага, возвеличения личности, даже требований религии—и этот идеал строили на абстрактных предпосылках, вытекающих из этих идеалистических требований. Будущее общество представлялось для них высшей гармонией всех интересов, но ни это общество, ни его гармония не связывались исторически и социологически с современным капиталистическим обществом. Оно было у них внеисто-

рично, как внеисторично было капиталистическое общество у классиков: у этих последних гармонично было общество настоящего, у утопистов—общество будущего. Это будущее гармоничное общество для них—результат творчества гения-преобразователя, мирного или революционного. Поэтому утописты, даже те из них, которые настроены чисто коммунистически, являются всегда индивидуалистами в том смысле, что главная роль в преобразовании общественного строя, в руководстве им и вообще во всей жизни настоящей и будущей отводится ими отдельным лицам, индивидуальности вообще. Поэтому-то все социалисты-утописты представляются, в сущности, далекими от народных масс и народных движений. Даже, например, Кабе, который в свое время пользовался наибольшей популярностью среди массы рабочего населения Парижа и имел среди рабочих до 10 тысяч последователей, стоял сравнительно изолированно в своем общественном движении. Попытка осуществления Луи Бланом реальных задач, выдвинутых непосредственно рабочим движением 1848 года, заставила его отвлечься от идей утопического социализма, хотя все же не превратилась в чисто революционное и классовое движение рабочих масс.

Поэтому утопический социализм представляется в высшей степени важным, как движение идеологическое (особенно, например, Фурье, Сен-Симон), но не имеет столь же важного значения в области общественных движений. Главнейшая заслуга утопического социализма в истории общественной мысли состоит в критике современного капиталистического строя. В этой области научный социализм является лишь последователем и развивателем идей утопического социализма.

В противоположность утопическому, научный социализм является системой не идеалистического, а материалистического построения. Он исходит в своих воззрениях и прогнозах общественного преобразования не из умозрительного социального идеала, а из реального исторически и социологически обоснованного социального предвидения. Это социальное предвидение достигается историческим и критическим изучением капиталистического общества, его возникновения, законов и путей его развития. Вместе с тем, стимулом преобразования существующего строя становится не творчество отдельных лиц, не творчество «гения-преобразователя», а заинтересованность всей массы рабочих в общественном преобразовании, коллективное творчество их.

Этот лозунг и был формулирован в известном положении Маркса, что дело освобождения рабочих может быть делом рук лишь самих рабочих. Поэтому-то, если утопический социализм, не будучи строго научной доктриной, был все же чисто «кабинетным» учением, теснейшим образом связан с широкими общественными движениями социально-политического и чисто революционного характера. Вместе с тем и большинство представителей «научного» социализма, во главе с К. Марксом, были не только «кабинетными» учеными, но еще более—революционными борцами.

Таким образом, научный социализм в преобладающих своих чертах, в противоположность утопическому социализму, может быть характеризован как научная экономическая система критического, материали-

стического, исторического и революционного характера, т.-е. как социологическая система исторического материализма.

Однако, приведенная характеристика «научного» социализма в точном смысле слова не вполне применима ко всем представителям научной мысли, обыкновенно относимым к социализму. Как сказано выше, в общем обзоре течений социализма, мы имеем в них такое значительное разнообразие направлений, течений и промежуточных слоев, что ряд исследователей можно лишь условно и с оговорками относить к тем или иным группировкам.

В законченном виде научный социализм, как экономическая система критического, материалистического, исторического и революционного характера, нашел себе развитие лишь у Маркса. Поэтому система Маркса, марксизм, является единственной законченной научной системой социализма. Вместе с тем марксизм, как социалистическая система исторического и революционного материализма, является и законченно-выраженной идеологией пролетариата.

Нельзя, конечно, сказать того же про многих других представителей «научного» социализма. Если причислять к этому направлению авторов по критическому и историческому научному характеру их построений, то к «научным социалистам» следует отнести таких исследователей, как Родбертус и отчасти Лассаль. Лассаль. является яркой фигурой революционного социалистического движения, но зато он был более далек как от критическо-исторических построений, так и от материалистического понимания. Он был пламенным вождем и организатором рабочих, но его идеология не была выдержанной идеологией рабочего класса. Еще больше оговорок требует отнесение к социализму Родбертуса, у которого экономическая доктрина носит критический и исторический научный характер, но его политические воззрения настолько реакционны, а социологическая система настолько невыдержана, что Родбертус стоит совершенно особо и весьма далеко от социалистической идеологии пролетариата. Поэтому Родбертус по существу стоит фактически не так далеко от уже совершенно несоциалистической системы «катедр-социализма», хотя его и отделяет от последнего идея полного социалистического преобразования общества. Допуская вместе с тем участие буржуазного государства в проведении социалистических требований рабочего класса, Родбертус вместе с Лассалем и Луи Бланом близко примыкают к так наз. «государственному» социализму.

Понятие т.-наз. *«государственного социализма»*, как научной доктрины и направления экономической мысли не отличается определенностью. Государственный социализм, вообще говоря, представляет реакцию против крайнего экономического либерализма, нашедшего в начале XIX в. высший расцвет в направлениях и ответвлениях классической школы. Но уже к концу XIX в. голоса о невмешательстве государства в экономическую жизнь и индивидуальную деятельность были заглушены новыми требованиями—о расширении регулирующей деятельности государства и вообще его экономических функций. Некоторые теоретики-экономисты этого направления увидели в нем столь важный переворот теоретической экономии, что пытались возвести положения

и принципы «государственного социализма» до степени научной доктрины. Таковы были многие из упомянутых выше представителей «социально-политического направления», так наз. «катедр-социалисты», во главе с А. Вагнером.

Но в действительности оказалось, что направление государственного социализма представляет из себя не столько единую научную доктрину, сколько определенное направление практической экономической политики и как таковое об'единяет представителей весьма разнообразных групп, от крайних правых, до весьма левых и даже революционных политических деятелей. Поэтому, как вопрос о границах экономического вмешательства государства, так и вопрос о теоретических обоснованиях его решался у различных ученых и деятелей весьма различно. Если на крайнем правом крыле «государственного социализма» можно поместить таких столпов современной буржуазной экономической науки, как А. Вагнер, то на левом его крыле стоят Родбертус, Лассаль, Луи Блан, доктрина которых более или менее социалистична, при том в духе научного социализма, а деятельность последних двух—революционна. Вот почему обзор доктрины и экономического учения и деятельности этих представителей мы относим к развитию социалистической мысли.

После этих общих замечаний остановимся на двух наиболее крупных в истории экономической мысли представителях государственного социализма, Родбертусе и Лассале.

КАРЛ РОДБЕРТУС-ЯГЕТЦОВ (1805—1878).

К. Родбертус-Ягетцов (Karl-Johann Rodbertus von Jagetzow) представляет из себя интересную фигуру в области социалистических учений в том отношении, что он, с одной стороны, является одним из теоретиков научного социализма, с другой стороны—по своему социальному положению и по политическим воззрениям стоит чрезвычайно далеко от социализма.

Как экономист-теоретик, Родбертус представляет, несомненно, одно из крупных имен в истории политической экономии. По методу его исследования, по силе его абстрактного мышления и глубине теоретической мысли Родбертуса часто, и не без некоторых оснований, сравнивают и ставят на одном уровне с Рикардо. Вагнер сравнивает Родбертуса с Марксом, считая, что, как теоретик, Родбертус по яркости, выпуклости и ясности своих идей должен быть поставлен даже выше Маркса. Конечно, это мнение Вагнера имеет специфическую подкладку. Сочинения Родбертуса прошли сначала совершенно незамеченными даже в немецкой литературе, отчасти именно потому, что, как теоретик-социалист, Родбертус шел в значительной степени вразрез с господствующей в Германии школой. Но когда «Капитал» К. Маркса не только перевернул все основы буржазной политической экономии, но вместе с тем стал евангелием для социалистических движений, то немецкая литература и сам Вагнер обратили внимание на Родбертуса. У него они нашли,

с одной стороны, многие те же теоретические положения и предпосылки что и у Маркса, но без тех «опасных» социологических выводов, которые делались Марксом. Вот почему был «открыт» Родбертус и после забвения его стали даже рекламировать.

Это обстоятельство, конечно, совершенно не умаляет значения Родбертуса, а, наоборот, позволяет об'ективно его оценить. Как теоретик-экономист, Родбертус, как сказано, представляет крупную величину, но в то же время Родбертус значительно более слаб в своих социологических обобщениях и изысканиях. В этом отношении не может быть и сравниваема широта социологических обобщений К. Маркса, глубина его соцологических предвидений и построений с той сравнительною узостью и неправильностью в постановке социальной проблемы, которую мы видим у Родбертуса.

К. Родбертус.

Причину такой двойственности Родбертуса, как теоретика-экономиста и социолога, можно об'яснить тем обстоятельством, что он по своему социальному положению был совершенно далек от социализма и от его практических выводов и построений. Поэтому, подходя к экономическим и социальным проблемам с чисто абстрактной точки зрения, абстрактно анализируя явления экономического строя, Родбертус остается на должной высоте. Но как только он подходит к разрешению всей социальной проблемы в целом, ему недостает широты социологических обобщений и он останавливается на полдороге.

Родбертус был крупный землевладелец. Отец его был профессором Римского права в одном из германских университетов, и сам Родбертус готовился к профессуре, и только целый ряд обстоятельств оторвал его от этого намерения и превратил в обыкновенного прусского помещика, вращавшегося в обществе прусских юнкеров. Хотя он и не сочувствовал им в их социально-политических стремлениях и программах, но все же его взгляды обнаруживают значительное влияние той социальной среды, где он жил. Будучи крупным помещиком, Родбертус в политическом отношении был тесно связан с поместными классовыми интересами и в прусском ландтаге сидел одно время среди правых представителей прусского поместного класса.

Хотя впоследствии он разошелся с правыми партиями и примкнул к либеральной, затем к радикальной партии, тем не менее все же его связь с политическими либеральными и радикальными элементами была также сравнительно кратковременна. Родбертус, в конце-концов, совершенно отходит от политической жизни и с 1836 года, т.-е. с 31 года жизни, замыкается вполне и почти безвыездно в своем имении. Здесь-то, в деревенской глуши, он и пишет наиболее важные теоретические свои сочинения, в которых приходит к ряду важных социальных обобщений и выводов, тогда как от практической политической и социальной деятельности он отходит все далее и окончательно с нею разрывает. Поэтому-то его теории и обобщения не получают такого жизненного значения, как например у Маркса, а многие весьма важные сочинения были изданы после его смерти и прошли в литературе незаметно. Попытки Родбертуса выступить на арену политической жизни не создали ему ни имени, ни популярности, хотя его теоретические выводы были правильны. Поэтому во время своей жизни Родбертус пользовался небольшой известностью, и его первое сочинение, содержавшее в себе блестящий теоретический анализ основных элементов капиталистического общества, не только не получило значительного влияния, но даже не было замечено научной литературой. И только впоследствии, когда на его чисто социалистического характера теоретические положения обратил внимание Лассаль (который был с ним в большой дружбе) и их популяризировал, желая на них обосновать свою практическую деятельность, только тогда, хотя и не надолго, Родбертус подходит к общественной деятельности, но все же не вовлекается в нее. Так, Лассалю, несмотря на все свои усилия, не удалось привлечь Родбертуса в активные члены организованного им «Всеобщего германского рабочего союза». Родбертус сам в 1842 г. основывает «Общество о нуждах рабочего класса», но остается в стороне, как от радикально-социалистического движения, возглавляемого Лассалем, так и от мелкобуржуазного—возглавляемого Шульце-Деличем. Поэтому, в своем «Открытом письме к комитету немецкого рабочего ферейна в Лейпциге» он отрицательно высказывается и относительно шульце-деличевских ассоциаций кооперативного характера, и относительно лассалевских ассоциаций с государственной помощью. Точно также Родбертус отрицательно относится и к политической части программы Лассаля (всеобщее избирательное право), считая, что рабочие должны, в первую очередь, обратить внимание не на политические проблемы, а на разрешение социального вопроса. Вместе с тем он отказывается также участвовать и на знаменитом с'езде в Эйзенахе в 1872 г., называя социализм «катедр-социалистов»—«социализмом сахарной водицы», а их с'езд—«в высшей степени комичным» и «эйзенахским болотом». Насколько смутны были его социально-политические воззрения, видно хотя бы из того, что он, с одной стороны, мечтал о какой-то «партии будущего—монархической, национальной и социальной», а, с другой стороны, писал, что «поскольку социал-демократическая партия является чисто экономической, я всей душой принадлежу к ней», и под конец жизни даже вел переговоры о своей кандидатуре в парламент от германской с.-д. партии.

При таких условиях понятно, что Родбертус не мог сделаться не только вождем какого-либо крупного общественного и рабочего движения, но даже и духовным отцом его, несмотря на то, что в своих теоретических построениях он примыкал к социализму. И его социализм сам стал «социализмом сахарной водицы», совершенно безобидным творением, нестрашным германской монархии и прусскому юнкерству.

Первой работой Родбертуса, написанной им еще в молодости в 1837 году, являлись «Требования рабочих классов» (Die Forderungen der arbeitenden Klassen), которая, однако, не была напечатана «Аугсбургской газетой», куда была послана, и появилась лишь после смерти Родбертуса в 1885 г. Затем в 1842—70 г.г. Родбертус пишет и издает целый ряд трудов преимущественно по вопросу земельному, по ипотечному кредиту, кризисам, а также чисто-исторические изыскания. Наиболее замечательными его сочинениями в области теоретических проблем политической экономии являются знаменитые «Социальные письма к Кирхману»—четыре письма, где Родбертус в оригинальной эпистолярной и довольно трудно читаемой форме излагает свои основные теоретические воззрения. Первые три письма были изданы им в 1850—51 г.г. самое же важное, четвертое—«Капитал», было издано лишь после смерти в 1884 году. Из чисто исторических работ замечательны его «Исследования в области национальной экономики классической древности».

В чем же сущность теории Родбертуса и в чем состоит его «социализм», от которого, как от общественого движения, Родбертус был так далек по своему социальному положению и по своим социальным симпатиям?

В своих взглядах на современное общество и его социальные отношения Родбертус исходит из того взгляда, что общество представляет из себя определенное хозяйственное единство, своего рода хозяйственный организм, отдельные части которого функционируют по принципу разделения труда. Вследствие этого создается известная неразрывная связь между отдельными членами этого общества, так что благосостояние и экономическое существование одного человека зависит в современных условиях не от него одного, а от целого ряда лиц и выполнения ими определенных социальных функций. Такое общество не может существовать иначе, как путем разделения труда, путем выполнения целого ряда совокупных социальных функций всеми лицами, занятыми в процессе общественного разделения труда. Эти функции, столь важные для существования современного общества, состоят: во-первых,—в самом производстве хозяйственных благ и в приспособлении этого производства к потребностям, во-вторых,—в сохранении производительных сил на уровне имеющихся ресурсов и в-третьих,—в справедливом распределении полученных хозяйственных благ.

Как же эти функции выполняются и где лежит их источник? Те функции, которые выполняются в современном обществе на основе разделения труда, в классической школе считались зародившимися самопроизвольно, врожденными человеку, как бы существовавшими eo ipso. Родбертус смотрит на социальные функции общества совер-

шенно с другой точки зрения. Он считает, что характер социальных функций в обществе является следствием исторического развития общества. Не всякое общество и не всегда имело совокупность этих функций, так выполняемых, как выполняются они в настоящее время. Первое отличие современного общества от других форм общества и от общества первобытного состоит в том, что современное общество отличается совершенно особым характером приспособления своего производства к общественному потреблению. В современном обществе, в противоположность обществу, не основывающемуся на разделении труда, производство определяется не социальными потребностями, а по «действительному спросу, выраженному в деньгах». Поэтому современное хозяйство определяет размеры производства, которое необходимо организовать в данном обществе, путем выражения спроса на эти товары в виде денег. Наоборот, в первобытном обществе спрос и потребление регулируются иным образом — непосредственно, в недрах самого производящего хозяйства, почему между производством и потребностью там нет никакого посредствующего явления в виде спроса, выраженного в деньгах. Это обстоятельство, по мнению Родбертуса, имеет в высшей степени важные последствия для современного строя, потому что раз производство определяется не социальною потребностью, а измеряется путем спроса, выраженного в деньгах,—то результатом подобного соотношения спроса и предложения является современное разделение общества на владеющих и не владеющих деньгами, бедных и богатых. Поэтому же в современном обществе производители, т.-е. лица, участвующие в процессе производства и руководящие им, заинтересованы не в удовлетворении социальной потребности данного общества, а в «доходности» и рентабельности своего производства, т.-е. не в том, чтобы производить именно то и в таком количестве, как это определяется социальными потребностями, а то, что наиболее выгодно и что дает наибольший доход. Таким образом, стимулом современного производства является стремление к увеличению прибыли, извлекаемой из производства, т.-е. частноправовой принцип хозяйства.

Другая функция современного общественного производства — это сохранение его на уровне имеющихся определенных производительных ресурсов. На выяснении ее Родбертус подробно не останавливается, указывая, что эта функция также удовлетворяется на основании частноправового принципа, т.-е. не с помощью определенной общественной организации, а отдельными предпринимателями, заботящимися о том, чтобы в их производстве имелось соответствие между производством и воспроизводством, т.-е. между теми материальными затратами на производство и получаемым от этих затрат продуктом производства, из которых часть должна выделяться на восстановление средств производства.

Наконец, третья функция—справедливое разделение того продукта, который получается в результате процесса общественного производства. Как же происходит при настоящих условиях распределение общественного продукта? Необходимо, чтобы это распределение было справедливым. Это требование является основной социальной проблемой, которую

должно себе поставить всякое общество на основании, конечно, тех или иных принципов, которые являются выразителями этой справедливости. Что же представляет из себя это «справедливое распределение» и как оно осуществляется в настоящих условиях? Справедливым распределением Родбертус считает такое, в котором каждый производитель и каждое действующее лицо, участвующее в производстве, получает полный продукт своего труда; справедливое распределение—это право на полный продукт своего труда. Однако, действительность, говорит Родбертус, не знает существования распределения на основании полного продукта своего труда: и рабочий и производитель в современном обществе не получают полного продукта своего труда. Современное общественное распределение выливается в три элемента: прибыль, заработную плату и ренту. Что же из себя представляют эти три элемента общественного распределения продукта и в чем их сущность?

Родбертус прежде всего останавливается на вопросе о ренте.

Рентой Родбертус называет вообще нетрудовой доход, который получается без непосредственного труда лица, участвующего в производстве, в силу известных имущественных, т.-е. частноправовых отношений. Родбертус указывает, что рента в таком смысле, как нетрудовой доход вообще, является исключительно понятием, создавшимся вследствие известных юридических и правовых имущественных отношений. Рабочая плата, рента, земельная рента и прибыль на капитал существуют лишь потому, что существуют известные общественно-экономические отношения между лицами, соединенными узами разделения труда в одно общество. Итак, рента представляет из себя известный вид и часть общественного дохода, получаемого без собственного труда, исключительно в силу обладания известным имуществом. Ренту, следовательно, Родбертус понимает, как вообще нетрудовой доход, отличаясь тем от других экономистов, которые под именем ренты рассматривают только поземельный доход.

Каким же образом возникает этот нетрудовой доход? Стоя на точке зрения трудовой ценности, т.-е. того взгляда, что ценность создается лишь трудом, Родбертус приходит к заключению, что рента, как всякий доход, является результатом труда, но труда, очевидно, другого лица, т.-е. не лица, получающего ренту, а того лица, которое непосредственно участвует в создании ценности, но передает этот доход другим, которые в создании этой ценности не участвуют. Для того, чтобы получилась такая рента, необходимы следующие условия. Во-первых, не может быть ренты, если труд создает меньше того, что требуется для поддержания жизни и существования рабочего и его семьи. Для возникновения ренты, следовательно, требуется создание известного излишка, т.-е. прибавочного продукта, против того количества благ и ценностей, которые необходимы рабочему для поддержания его существования. Во-вторых, ренты не может быть, если не имеется общественных учреждений, лишающих рабочего всего или доли этого избытка и передающих его другим, лично не работающим. То обстоятельство, что рабочий может добыть этот избыток, основание свое имеет в хозяйственных причинах, повышающих производительность труда. То же обстоятель-

ство, что этот избыток созданного рабочими продукта частью или целиком отбирается и передается другим — основывается на положительном праве и силе принуждения.

Каковы же те институты, которые создают возможность существования такого нетрудового дохода? Рассматривая их с исторической точки зрения, Родбертус указывает, что эти институты резко менялись на протяжении истории, но сущность их оставалась всегда одна и та же. Первым и наиболее видным институтом является рабство и крепостничество, когда прибавочный продукт, который создают рабы и крепостные, присваивается землевладельцем-помещиком и рабовладельцем. Это присвоение ясно и очевидно. Крепостные крестьяне работают три дня на себя, для поддержания своего существования, и три дня—для создания прибавочного продукта в виде барщины—на своего владельца. Рабы же целиком отдают свой труд рабовладельцам, и последние выдают рабам только «корм», т.-е. количество продуктов, необходимых для жизни. Поэтому в рабстве факт присвоения прибавочного продукта является открытым и явным. Но и рабство возникает, как показывает Родбертус, только на известной стадии производительности труда, так как мы можем представить себе такое положение, когда производительность рабского труда настолько мала, что раб вырабатывает только на свое прокормление и само рабовладение существовать не может. Разницы между рабством, когда присвоение прибавочного продукта труда является совершенно открытым, и между присвоением прибавочной ценности в других социально-юридических условиях — в сущности нет, так как по существу получается то же самое явление — присвоение прибавочной ценности труда лицами нетрудящимися с помощью юридических и социально-экономических институтов. Поэтому, рабочий, получивший вследствие современных экономических и юридических институтов юридическую свободу, сравнительно с рабством и крепостничеством, не получил, однако, тех экономических условий, с помощью которых он мог бы получить полный продукт своего труда. Такое положение вещей и должно привести к тому, что рабочий принужден пользоваться только частью продукта своего производства, т.-е. получать тот же «корм», как и раб, а остальную часть должен отдавать собственнику. Поэтому Родбертус и говорит, что «если труд достаточно производителен и если существует право собственности на землю и капитал, то неизбежно и само собой должно произойти то, что рабочий будет получать только часть своего рабочего продукта, остальная же поступит в пользу землевладельца и капиталиста». Таково возникновение вообще нетрудового дохода или вообще ренты, в противоположность заработной плате, которую получает рабочий за свое участие в производительном процессе.

Каким образом нетрудовой доход при современных условиях разделяется на свои отдельные виды, т.-е. на прибыль и на земельную ренту? Родбертус рассматривает этот вопрос распределения нетрудового дохода также с помощью исторического метода. Он указывает, что в древнем обществе нетрудовой доход не распределяется на отдельные элементы, как в современном распределении. В древности все имущество представляло определенную и единую имущественную массу и весь доход

с нее представлялся единым нетрудовым доходом. Так было у патриция-рабовладельца, который, обладая имуществом, вследствие отсутствия разделения труда получал единую ренту. Современное общество построено в самых основах своего производства иначе, и весь нетрудовой доход распределяется между отдельными классами, а самый производительный процесс ведется не для удовлетворения непосредственных потребностей производителя, а для обмена и удовлетворения общественных потребностей—для продажи. Поэтому, вся общественная производительность построена на разделении труда, которое и является причиною того, что в процессе распределения общее понятие единого нетрудового дохода, как такового, делится на отдельные элементы — прибыль на капитал и земельную ренту.

При условиях разделения труда все современное общественное производство, по мнению Родбертуса, может быть разделено на две особые группы производственных функций—на производство сырья и переработку его в продукт. Поэтому и единый нетрудовой доход также делится на нетрудовой доход, получаемый землевладельцем при производстве сырья, и доход получаемый фабрикантом при переработке этого сырья в продукт. Каким же образом определяются размеры этих двух видов нетрудового дохода и в какой пропорции делится единый нетрудовой доход (за вычетом средств существования рабочего) между отдельными классами? Для определения величины доли этих доходов (прибыли на капитал и земельной ренты) Родбертус также исходит из принципа трудовой ценности. Хотя современное общество основано на разделении труда и на обмене произведенными продуктами, но труд все же остается единственным определителем ценности. Следовательно, продукты должны обмениваться и в этих условиях производства пропорционально их трудовым ценностям. Если трудовая затрата в двух стадиях производства—в производстве сырья и в переработке его в продукт—равны, то и те части, которые получат землевладелец и капиталист, должны быть одинаковы. На самом деле условия производства в действительности несколько иные, не дающие возможности обращения хозяйственных благ пропорционально их трудовым ценностям.

Дело в том, что для капиталиста-фабриканта, перерабатывающего сырье, необходима затрата известного капитала на покупку этого сырья, тогда как для землевладельца нет необходимости в покупке сырья, потому что оно производится непосредственно в хозяйстве. Следовательно, капиталы, затраченные капиталистом и землевладельцем, в сущности не одинаковы. Представим себе, что в общем процессе народного производства имеется продуктов сырья на 10 тысяч единиц трудовой ценности; предположим, что переработка этого сырья на фабрикаты требует также 10 тысяч единиц труда. Если предположить, что имеется определенное количество нетрудового дохода в общем процессе производства, то доход этот должен одинаково распределиться между сельским хозяином, производителем сырья и капиталистом-фабрикантом, производящим обработку этого сырья. Но капиталист должен истратить 10 тысяч на покупку сырья и 10 тысяч на его переработку, следовательно истратить всего капитала на—20 тысяч, тогда как сель-

ский хозяин должен затратить капитал только в 10 тысяч. Количество же нетрудового дохода на эти неравные доли капитала одинаковы: например, по 1.000—как с 10 тыс. капитала землевладельца, так и с 20 тыс. капитала фабриканта. Но по закону равенства прибылей не могут существовать несколько различных норм прибыли на один и тот же капитал, т.-е. что землевладелец не может получить на 10 тысяч капитала больше прибыли (по 1.000 с каждых 10.000.), чем капиталист при производстве обрабатывающей промышленности (получающий по 500 с каждых 10.000). Поэтому излишек прибыли при производстве сырья поступает не в руки предпринимателя, который занят переработкой сырья, а—землевладельца. Таким образом получается тот избыток дохода, который получает землевладелец, не как участник производительного процесса, а лишь как обладатель земельной собственности. Отсюда и возникает земельная рента, как особый вид нетрудового дохода.

Отсюда же видно, что понятие ренты вообще, по Родбертусу, резко отличается от того понятия ренты, которое было установлено Рикардо. Родбертус не отрицает возможности ренты, в смысле разницы плодородия участков, как это утверждает Рикардо. Но вместе с тем Родбертус указывает, что, кроме этой диференциальной ренты, может быть рента абсолютная, т.-е. участок земли, даже самый плохой, должен давать ренту, как известный избыток, «сверхприбыль», сравнительно с той прибылью, которая получается при производстве фабрикатов.

Из сказанного ясно, что теория Родбертуса представляется оригинальной трактовкой вопроса о ренте. Тем не менее она не соответствует действительному положению и не может считаться правильной. Дело в том, что фактически не существует принципиальной разницы в затратах капитала на приобретение сырья и на переработку его фабрикантом. Эта разница имеется и на всех стадиях постепенного движения продукта и постепенной его переработки, потому что не только сырье перерабатывается в полуфабрикат, но и этот последний может перерабатываться в фабрикат, и, наконец, еще этот последний может потерпеть какую-либо дальнейшую переработку и приобрести какую-либо новую ценность. Следовательно, если земельная рента, как нетрудовой доход, является результатом разницы капитала, затраченного на производство сырья, и капитала, затраченного на производство промышленного продукта, то нужно предположить, что существует много рент, т.-е. рента должна получаться не только на стадии получения сырья, но и, например, фабрикантом пряжи—сравнительно с фабрикантом ткани, и фабрикантом ткани—сравнительно с фабрикантом готового платья. Ибо, при всяком последующем движении и обработке, всякий следующий производитель должен затратить больший капитал на приобретение обработанного полуфабриката или материала для дальнейшей его обработки. Естественным следствием этого было бы существование целого ряда рент, как отдельных частей нетрудового дохода. Таким образом, теория ренты Родбертуса не может считаться правильной.

В тех же «Письмах к Кирхману» Родбертус касается другого вопроса распределения—о заработной плате. Он приходит к выводу, что

заработная плата, как доля трудящихся классов, представляет из себя долю постоянно уменьшающуюся и падающую сравнительно с долей неработающих классов, которую последние получают в виде нетрудового дохода. Поэтому Родбертус утверждает, что заработная плата является всегда простым «кормом», как он прежде выдавался рабам, т.-е. простым minimum'ом средств существования, ибо хотя производительность труда повышается, но вместе с тем падает расценка этого труда, т.-е. заработная плата,—и рабочий получает все меньшую долю участия в общественном доходе.

Поэтому положение рабочих Родбертус окрашивает пессимистическими чертами, считая, что хотя денежная заработная плата может повышаться, но реальная заработная плата стремится к постоянному относительному уменьшению. Это постоянное уменьшение доли рабочих в общественном доходе становится постоянным патологическим явлением современного капиталистического строя. Действительно, если рабочий получает все понижающуюся долю общественного продукта и если продукт все менее и менее находит себе потребителей, то ясно, что капитализм должен время от времени переживать более или менее длительные болезненные состояния — от невозможности реализовать свой продукт. Покупательная сила большей части общества, т.-е. рабочих, уменьшается по мере развития производительности, получается ценность, не находящая покупателей (товарное перепроизводство), хотя бы потребности массы населения не удовлетворены, благодаря постоянному понижению заработной платы.

Итак, кризисы перепроизводства, по мнению Родбертуса, органически связаны с самою сущностью современного капиталистического строя, являются его конституциональной болезнью. Поэтому эти кризисы могут быть излечены только общим преобразованием общественного строя, которое даст ему иные условия распределения и производства и иные юридические институты. Здесь Родбертус подходит таким образом к вопросу: насколько хозяйственно нецелесообразен и неправомерен вообще нетрудовой доход и насколько правомерна или неправомерна та частная собственность, которая является источником этого дохода. Родбертус далек от того, чтобы класть свои выводы в основу какой-либо социальной, а тем более политической программы. Тем не менее, он приходит к строго логическим выводам, что вся сущность разрешения социального вопроса—в разрешении этой основной проблемы,—проблемы имущественных отношений: частной собственности на землю и орудия производства и их справедливого распределения, и что без разрешения этой основной социальной проблемы собственности никаким другим путем социальную проблему разрешить нельзя.

Провозглашая столь определенно и резко сущность социальной проблемы, но стоя в то же время далеко от активной политической деятельности, Родбертус не опасался, однако, определенно-отрицательно высказываться по поводу социально-экономических программ и планов тех партий, которые не могли возвыситься до такого правильного разрешения социальной проблемы. Так, например, он резко отрицательно выступал против так наз. «катедр-социалистов», не могших возвы-

ситься в своих программах до отрицания института частной собственности и приходивших к компромиссным программам о необходимости лишь некоторых социальных реформ и изменения социальных институтов, без уничтожения основы современного капиталистического общества—частной собственности. Поэтому, хотя Родбертус сам был крайне умеренных политических убеждений, он резко отзывался об этих «катедр-социалистах», не могущих привести к радикальному излечению современного общества. Но в то же время он отрицательно относился к Лассалю за его участие в политической борьбе, считая, что разрешение социального вопроса заключается не в политических формулах, а в основном пункте социального вопроса—в имущественных отношениях и в уничтожении права собственности.

В связи с этим Родбертус ставит вопрос о том, каким образом может быть перестроено современное общество и какое отношение мы должны иметь к этому переустройству. Для Родбертуса не было собственно противоречия в том, что он придерживался умеренных политических воззрений и был в жизни «аполитичным» при крайности его социально-экономических взглядов. Для него социализм был исключительно теоретической проблемой, научной догмой, и в ней он оперировал со всей силой своего логического ума. Социальное движение было для него исторической проблемой. Он смотрел на современный капиталистический строй как на историческую хозяйственную форму, которая в своем развитии должна пройти ряд круговоротов и должна подлежать дальнейшему преобразованию согласно определенным законам этого развития.

Поэтому он примыкает к социализму как к догме, но тем не менее не считает необходимым вести какую-либо определенную политическую борьбу для немедленного его осуществления. «Современное общество,—говорит он,—уже вполне и целиком попало в коммунистический поток, но все же я не рассчитываю на уничтожение земельной и капитальной собственности в ближайшем будущем. Противоположные экономические и правовые убеждения, могущество интересов, связанных с земельной и капитальной собственностью, интеллектуальное и моральное состояние как господствующих классов, так и рабочих—делают невозможным еще на много десятков лет крушение столь глубоко коренящихся социальных институтов». А пока... Родбертус считает возможным быть защитником прусской монархии!

«Аполитичность» Родбертуса, по его словам, тем не менее не давала ему возможности закрывать глаза на неправомерность современных юридических институтов и расслоение общества на бедных и богатых. Много места в своих трудах посвящая вопросу о значении бедности и богатства, Родбертус указывает, что современное устройство общества можно представить в виде пирамиды, в основании которой лежат рабочие классы, а на вершине ее стоит небольшая кучка капиталистов. Такое строение пирамиды делается все более и более тягостным для существования современного общества. Рассматривая вопрос о социальном составе современного общества, Родбертус, например, указывает,

пользуясь трудами статистиков Бакстера и Колькуна, на те изменения, какие произошли в структуре этой пирамиды в английском обществе в течение нескольких десятилетий: она стала более невыгодной для работающих классов и привела к обострению борьбы между ними. В основании пирамиды лежит многочисленный класс пауперов—безработных: число их—до 3 милл. душ, не имеющих никакого дохода; это резервная армия, которую держит современный капитализм. Далее — довольно обширный класс работающих, которых Родбертус изображает на диаграмме в виде муравьев; число их 10,9 милл. с доходом в 324 милл. фунт. Далее следуют около 2½ миллионов душ с небольшими доходами всего около 192 милл. фунт. Далее следует надстройка в виде средних классов, в числе всего 178 тыс. с общим доходом в 87,7 милл. фунтов, и вся пирамида увенчивается громадным золотым мешком, которым владеют крупные капиталисты и землевладельцы английского общества, всего 133 тыс., с общим доходом до 210 милл. фунтов.

Таково значение Родбертуса, как социолога и как экономиста. Из сказанного видно, что его социологические выводы, имея известную важность для его времени, все же не идут далее довольно примитивных и до некоторой степени наивных изображений состава современного общества, как это сделано в описанной пирамиде. Поэтому, как социолог, Родбертус не дал ничего нового и важного. Все значение Родбертуса—как теоретика и экономиста, и в этом отношении он внес довольно крупный вклад в экономическую науку.

Но, кроме того, Родбертус составил себе крупное имя в области экономической истории и исторической теории. Как историк, Родбертус представляет также довольно крупную величину в том отношении, что он один из первых обратил внимание на изучение экономической жизни с точки зрения исторического метода, не в смысле простого накопления исторических фактов, как это было в исторической школе, но в смысле обобщения их и возведения их в историческую закономерность и создания теории экономического развития. Так, изучая древний хозяйственный строй, он впервые создал учение о «стадиях развития» хозяйственной жизни и подробно охарактеризовал ту первую стадию, которая получила название по его терминологии «ойкосного» хозяйства и в которой еще не имелось разделения труда, ни процесса общественного обмена ни в денежной, ни в натуральной форме. Всеми этими своими историческими изысканиями Родбертус впервые дал возможность более прочного обоснования исторического взгляда на экономическое развитие и более широкого, чем это сделано было исторической школой.

Литература. Родбертус. К освещению социального вопроса. Письма к Кирхману. Письмо 1,—перевод Давыдова, 2-е и 3-е—перевод Соболева.—Родбертус. Капитал, 4-ое соц. письмо к Кирхману. СПБ. 1906.—Зибер. К. Родбертус-Ягетцов. «Юрид. Вестн.». 1881.—Плеханов. Экономическая теория К. Родбертуса-Ягетцова, в сборнике «За двадцать лет». СПБ. 1906 и соч. т. I, 1923. — Родбертус. Исследования в области национальной экономии классической древности, Яросл. 1880—87 г.

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ (1825—1864).

Рассмотревши учение Родбертуса, как типичного — чисто «кабинетного»—представителя государственного социализма, перейдем теперь к совершенно иному типу германского социалистического мыслителя и деятеля, каким представляется Ф. Лассаль. Его жизнь и творчество уже не были так оторваны от общественной и политической жизни Германии, а, наоборот—все социально-политические события германской жизни 50—60-х годов нельзя рассматривать вне деятельности Лассаля.

Ф. Лассаль.

В Германии после революции 1848 г. наступила, как везде в Европе, полоса политической реакции. В экономическом отношении, однако, эта эпоха была временем значительных успехов капиталистической промышленности, а вместе с тем и увеличения численности фабричного пролетариата. Однако, долгое время ни в германском обществе вообще, ни среди рабочих не наблюдалось сколько-нибудь заметных движений. Общественно-политическое оживление начинает замечаться только после 1857 года, который был отмечен во всей Европе сильным промышленным кризисом. Это обстоятельство, вместе с возникшей отсюда безработицей, явилось причиной как назревания чисто экономического рабочего движения, так и политического движения среди буржуазии. В политическом отношении это была эпоха подготовки образования германского государственного единства под гегемонией прусского «бронированного кулака», милитаризированного прусского помещичьего юнкерства. Если сюда прибавить, что отзвуки недавней французской революции 1848 г. все же не были задавлены реакцией и рабочее движение в Англии и Франции стало принимать международный характер,—станет ясным, насколько сложны были общественные и политические отношения в Германии того времени.

К этой эпохе главным образом и относится деятельность первого и замечательнейшего общественного борца за интересы рабочего класса и его организатора, а вместе с тем и блестящего популяризатора социалистических доктрин—Фердинанда Лассаля.

Блестящий оратор, человек кипучей энергии, талантливый организатор, Лассаль приобрел известность и оставил крупное имя не столько в области развития экономической доктрины, сколько в социально-экономическом движении. Его научные изыскания внесли немного нового в науку; и в частности его теоретические экономические воззрения мало чем отличаются от более могучего теоретического ума Маркса. В области же агитационной литературной деятельности, по своему блеску и популярности среди германских рабочих, Лассаль стоит отчасти даже впереди Маркса. Основанный Лассалем в 1863 году «Всеобщий союз германских рабочих» является началом теперешней социал-демократической организации Германии. Пламенный политический борец, Лассаль сыграл крупную роль в немецком общественном движении, и только кратковременность его политической деятельности (прерванной смертью на дуэли) явилась причиной некоторой непрочности результатов деятельности Лассаля.

В области науки Лассаль оставил после себя след отчасти исследованиями чисто юридическими (по наследственному праву), отчасти философскими (ранняя работа о философии Гераклита). Из них обнаруживается, что Лассаль по своим философским воззрениям примыкал к распространенному тогда в Германии философскому направлению Гегеля и Фихте, не производя еще в этих течениях немецкого идеализма того превращения в материализм, как это было сделано Марксом.

В области собственно экономических воззрений доктрина Лассаля мало чем отличается от Марксовой, воспринимая в то же время весьма близко, с одной стороны, идеи французских социалистов, с другой стороны—их практические попытки осуществления принципа ассоциации.

Так же, как Родбертус и под его влиянием, Лассаль в основу своих историко-экономических воззрений кладет принцип частной собственности и историческую необходимость ее постепенного уничтожения. Этот принцип частной собственности обусловливает и характер концепции государства: при господстве принципа частной собственности складывается «буржуазное» государство, без частной собственности—получается «истинная» концепция государства, концепция государства рабочего класса. Последнему должна принадлежать важнейшая роль в деле преобразования общественного и государственного строя. Если до Великой французской революции руководящей общественной идеей и руководящим общественным классом было землевладение; если после Великой революции и до 1848 г. наступила эпоха господства буржуазии и буржуазных свобод, то теперь, после революции 1848 г. наступает эпоха нового преобразования общественных отношений. У буржуазного государства главная цель—охранять свободу и собственность отдельных лиц. Этого было бы достаточно, если бы действительно все были одинаково сильны, умны, культурны. Так как этого нет, то роль государства, как «ночного сторожа» свободы и собственности, в сущности сводится к допущению эксплуатации сильным слабого. Роль «истинного» государства должна быть иной. Человек остается слабым, пока он одинок. Единение создает ему силу, а государство является

олицетворением этого единения. Государство должно, таким образом, вмешаться в индивидуальную экономическую и социальную борьбу отдельных личностей и взять на себя осуществление высших целей—высшей культуры человечества.

Отсюда вытекают и два дальнейших вывода, как теоретических, так и практических, в деятельности Лассаля. Смотря так на государство, он выставляет два основных требования в своих политических и экономических программах. Во-первых—чисто политическое требование всеобщего избирательного права, чтобы рабочие могли оказать непосредственное влияние на ход и работу государственной машины. Во-вторых—экономическое вмешательство государства в область труда и, в частности, создание государством субсидируемых общественных мастерских. В разработке вопроса о последних Лассаль просто копирует проекты Луи Блана. Рабочий класс только тогда может надеяться улучшить свое положение, освободиться от эксплуатации капиталом и от «железного закона заработной платы», когда частное предпринимательское хозяйство будет заменено коллективистическим. Организацию этих коллективных предприятий государство должно взять на себя.

Из сказанной характеристики видно, насколько идеи Лассаля, по крайней мере практически, мало отличались от идей Луи Блана. Тем не менее, в связи с требованием политических прав, с блестящими ораторскими и политическими талантами Лассаля, его роль среди германских рабочих была безусловно более значительной, чем роль Луи Блана во Франции. Его влиянию и популярности в частности способствовала его бурная полемика с другим довольно видным тогдашним деятелем Германии—Шульце-Деличем. Последний в противоположность Лассалю проповедывал среди германских рабочих и ремесленников не идею производительных ассоциаций при помощи государства, а идею кредитных кооперацій на основах самопомощи. Против этих-то идей основателя немецких ссудо-сберегательных товариществ и направил свое бурное красноречие и сарказм Лассаль, предостерегая рабочих от увлечения этими мелкими «мещанскими» попытками медленно достигнуть благополучия путем самопомощи, вместо достижения политических прав и общего улучшения своего положения. Будущее показало, что в среде мелкой буржуазии победителем остался Шульце-Делич, и упреки Лассаля в уклонах к «мещанству» были вполне справедливы. В политической же деятельности поле битвы осталось за Лассалем, так как требования всеобщего избирательного права стало требованием и необходимой предпосылкой всякой, не только политической, но и социально-экономической прграммы. В этом—главное значение Лассаля, являющегося представителем «государственного» социализма и соединяющего экономическую концепцию вмешательства государства с политическим требованием реформы избирательного права.

Литература. Лассаль. Сочинения, 1—3. Спб. 1905. — Бернштейн. Очерки из истории и теории социализма. Спб. 1902.—Гумплович. Ф. Лассаль. Спб. 1906.—Майский. Лассаль. 1923.—Плеханов, Ф. Лассаль, соч., т. IV, 1923.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

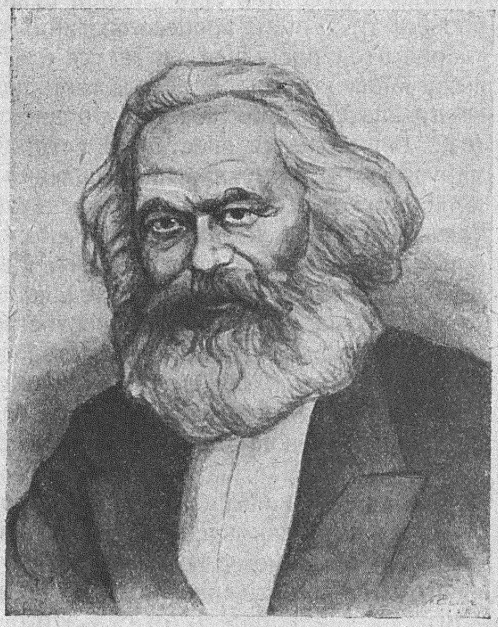
Карл Маркс и марксизм.

К. Маркс родился 5 мая 1818 года, в г. Трире, Рейнской обл. Он происходил из интеллигентной и состоятельной семьи. Отец его был адвокатом, человеком широко образованным, воспитанным на передовых философских и политических учениях конца XVIII в. Поэтому К. Маркс еще с юных лет стал знакомиться с произведениями великих мыслителей и поэтов XVIII века. Поступив в берлинский университет, он стал увлекаться изучением философии и тогда же примкнул к прогрессивному философскому течению Германии того времени, к кружку так наз. «левых гегельянцев». Первоначально, далекий от революционной среды и движений, К. Маркс предполагал посвятить себя научной карьере и готовился к профессуре. Но уже в студенческие годы К. Маркс стал все более примыкать к тому оппозиционному политическому движению, которое в то время стало развиваться среди немецкой интеллигенции и которое все более стало отталкивать К. Маркса от какой-либо официальной связи, хотя бы и в виде ученого, с господствующим тогда в Германии реакционным политическим строем. Одним из решающих поводов к разрыву К. Маркса с прежними своими предположениями о карьере официального ученого была отставка от преподавания в университете его друга, молодого приват-доцента Бруно Бауэра, которого прусское правительство преследовало за его политические взгляды.

Поэтому по окончании университета К. Маркс отдается литературной деятельности и с 1842 г. становится сотрудником, а затем и редактором «Рейнской Газеты». К. Маркс в это время не был еще социалистом и стоял лишь в рядах радикальной буржуазной оппозиции. Тем не менее прусское правительство уже тогда не могло переварить яркой политической литературной проповеди К. Маркса и в 1843 г. закрыло «Рейнскую Газету». Вследствие этого К. Маркс переезжает во Францию и здесь начинает усиленно изучать экономические науки вообще и в частности французских социалистов. К этому времени знакомится и сходится со своим будущим другом Ф. Энгельсом, тогда также эмигрантом. С этих пор К. Маркс становится уже убежденным социалистом, окончательно выработавшим философские, общественные и экономические основы своей социалистической системы. Преследуемый правительством, К. Маркс переезжает из Франции в Брюссель.

Уже в брюссельский период своей жизни К. Маркс издает ряд блестящих экономических работ ярко выраженного общественно-философского направления; такова, напр., его «Нищета философии», ответ на «Философию нищеты» Прудона, «Наемный труд и капитал», а также в 1847 г. знаменитый «Манифест коммунистической партии».

После февральской революции во Франции Маркс едет во Францию, а затем после революции в Германии вновь возвращается на родину уже законченным социалистом и революционером, тотчас же становясь во главе крайнего социалистического движения и защищая интересы пролетарской революции в возобновленной «Новой Рейнской Газете». Эта деятельность Маркса была, однако, весьма кратковременна, так как в Германии наступила реакция, начались преследования, и Маркс переехал сначала в Париж, а затем в 1849 г. в Лондон, где и остался до конца жизни (1883 г.).



К. Маркс.

Этот лондонский период жизни Маркса был самый тяжелый, но и самый плодотворный. Тяжелый—как в общественном смысле, потому что долгое время это был период самой гнетущей реакции, так и в личном для Маркса смысле, так как семья Маркса испытывала в это время крайнюю нужду, а затем К. Маркс потерял и свою жену. Тем не менее все эти несчастия не подломили громадную силу воли и дух К. Маркса. Он попрежнему продолжает свою гениальную работу, оставаясь в то же время общепризнанным духовным вождем международного рабочего движения.

Здесь Марксом написаны его блестящие исторические работы «18 брюмера Л. Бонапарта» (1852 г.), «Революция и контр-революция в Германии» (вместе с Энгельсом в 1851 г., кроме ранее написанной в виде статей в «Новой Рейнской Газете»—«Борьбы классов во Франции»). В 1859 г. появляется «Критика политической экономии», а в 1867 г. I том «Капитала». Остальные томы этого замечательнейшего произведения только более или менее вчерне были закончены Марксом и были изданы после его смерти: II т.—Энгельсом в 1885 г., III т.—им же в 1894 г. и, наконец, «Теория прибавочной стоимости» в 1904 г.—Каутским.

Остановимся здесь прежде всего на кратком изложении общей системы этого основного произведения Маркса. Первая книга (I том), окончательно разработанная и изданная самим Марксом, заключает в себе анализ *«Процесса производства капитала»*, т.-е. анализ основных элементов капиталистического производства, как производства капитала. В этом своем анализе Маркс строит свое изложение по следующим основным этапам: Товар и деньги (отд. I), где дается анализ товара, как формы ценности, дается Марксова теория ценности, фетишизма товара, значения денег в процессе обращения. Превращение денег в капитал (отд. II), где дается общая формула капитала. Производство абсолютной прибавочной ценности (отд. III), где анализируется процесс труда, как процесс создания прибавочной ценности, излагается теория этой последней и дается блестящая историческая иллюстрация выжимания капиталом абсолютной прибавочной ценности. Далее рассматривается производство относительной прибавочной ценности (отд. IV) и дается блестящий исторический экскурс о возникновении мануфактуры и крупной промышленности. После рассмотрения процесса производства абсолютной и относительной ценности в целом (отд. V) и условий превращения цены рабочей силы в заработную плату (отд. VI), в последнем отделе первой книги Маркс переходит к рассмотрению основного вопроса производства капитала, именно его накопления (отд. VII), анализируя здесь простое воспроизводство, расширенное воспроизводство, т.-е. воспроизводство с превращением прибавочной ценности в капитал, общий закон капиталистического накопления и так наз. первоначальное накопление, с блестящими историческими экскурсами по этим вопросам и с знаменитым прогнозом «саморазрушения» капитализма.

Вторая книга рассматривает *«Процесс обращения капитала»*. Эта книга не была закончена самим Марксом, осталась в нескольких рукописях и повидимому подлежала некоторой дальнейшей переработке и еще более—пополнению, подобно первой книге, историческим материалом. Изданная Энгельсом без этого последнего, она носит наиболее абстрактный характер изложения. В первых двух разделах рассматривается, во-первых, процесс обращения отдельного капитала и метаморфозы капитала в процессе круговращения денежного, производительного и товарного капитала (отд. I) и во-вторых,—вопрос об обороте капитала, где дается блестящий анализ и критика учений А. Смита и Рикардо и новое положительное учение об оборотах капитала (отд. II). Последний, третий, отдел посвящен анализу воспроизводства и обращения всего общественного капитала в целом, при чем, после поразительной по силе и глубине критики теории воспроизводства у старых экономистов, дается исключительная по важности теория воспроизводства и реализации стоимости в условиях простого и расширенного воспроизводства.

Третья книга рассматривает *«Процесс капиталистического производства, взятый в целом»*. По содержанию этот отдел—то, что в старых экономических системах рассматривалось как проблема распределения. Но у Маркса она не является оторванным и независимым от производ-

ства учением о доходах отдельных классов общества. Для него—проблема распределения — лишь проблема распределения единой прибавочной ценности на отдельные виды нетрудовых доходов. Анализ этой проблемы ведется также в строго абстрактных формах, местами прерываясь (в обработке первоначальных набросков Энгельсом) блестящими историческими комментариями по отдельным вопросам. В связи с указанной постановкой проблемы, Маркс начинает с рассмотрения превращения прибавочной ценности—в прибыль, а нормы прибавочной ценности — в норму прибыли (отд. I), и затем прибыли—в среднюю прибыль (отд. II). Здесь вскрывается основная проблема и основная контроверза трудовой теории ценности — превращение ценности в цены производства и соотношение цен и ценности; проблема, которая в первом томе при трактовке теории ценности осталась невыясненной, так как там рассматривалось отношение прибавочной ценности лишь к переменному капиталу, а здесь рассматривается отношение ее ко всему капиталу (норма прибыли). Далее исследуется закон понижения нормы прибыли (отд. III) как в отношении условий, способствующих такому понижению, так и препятствующих ему. После важного в теоретическом и историческом отношениях отдела об исторических формах капитала (товарно-торгового и денежно-торгового) и их соотношений с капиталом производительным, а также о происхождении торговой прибыли (отд. IV), следует чрезвычайной важности отдел с анализом распадения прибыли на процент и предпринимательский доход, с анализом капитала, приносящего проценты, роли кредита и средств обращения, денежного и ссудного капитала и проч. (отд. V). Наконец, следующий отдел посвящен анализу превращения добавочной прибыли в земельную ренту (отд. VI), где также дается исключительная по детальности рассмотрения теория ренты и исторический экскурс возникновения капиталистической ренты. Последний, VII, отдел, который должен был заключать учение о доходах общественных классов в целом, остался Марксом недописанным.

Последняя, четвертая, книга посвящена истории проблемы ценности и, составленная лишь из черновых материалов Маркса, представляет единственный в литературе по глубине и полноте анализа материал для изучения истории экономических учений.

Необходимо здесь же отметить, что хотя II—IV книги «Капитала» самим Марксом оставлены в незаконченной литературной обработке, тем не менее все его учение и вся его система были совершенно выработаны им уже при издании первого тома, о чем сам Маркс и указывал в предисловии к первому изданию. Последующие книги представляют лишь дальнейшее углубление, развитие и конкретизацию тех основных проблем, которые были в общей форме поставлены и принципиально разрешены в первом томе.

Итак, занятый этими научными трудами и работая целыми днями в лондонской библиотеке, К. Маркс, однако, не оставлял и своей широкой общественно-революционной работы. После периода общественной европейской реакции с половины 60-х годов наступает вновь оживление рабочего движения как в Англии, так и на континенте Европы.

В 1864 г. в Лондоне образуется «Международная ассоциация рабочих», так. наз. «Первый Интернационал», в генеральный совет которого был избран К. Маркс, начавший играть там руководящую роль и сделавшийся таким образом главой международного рабочего движения. После вспышки рабочего движения во время Парижской Коммуны в 1871 г. и вместе с наступившей реакцией, вновь затихает революционное и рабочее движение, распадается «Интернационал», и Маркс последние 10 лет жизни принужден отдаться исключительно своим научным работам, борясь с нуждой и болезнью. Он умер, сидя за своим письменным столом, 18 марта 1883 года.

В этих кратких и сухих биографических сведениях невозможно, конечно, сколько-нибудь отразить, как величие личности Маркса, так и то громадное влияние, которое имел он на все современное ему и последующее общественно-революционное движение. И в дальнейшем изложении мы остановимся поэтому лишь на экономической догме учения К. Маркса, оставляя в стороне его общественную деятельность и его значение в общественно-революционном движении Европы, тем более, что марксизму вообще, в широком его понимании, посвящаются в настоящее время особые курсы, а здесь необходимо лишь вкратце изложить систему К. Маркса в связи с общей системой экономических учений.

Значение К. Маркса в истории экономической науки определяется обыкновенно тем, что он является основателем «научного» социализма. Этим он обычно противопоставляется «утопическому» социализму Фурье, Оуэна, Сен-Симона, Кабе и др., для которых социалистическое переустройство общества обусловливалось требованием их социалистического идеала, а не необходимостью исторического развития. Правда, к «научному социализму» можно уже причислить и социализм Родбертуса и отчасти Лассаля. Но у Лассаля вообще не было сколько-нибудь самостоятельной научной разработки экономической доктрины. У Родбертуса же его экономическая доктрина была совершенно оторвана от общего социологического и философского мировоззрения, не говоря уже о практическом движении социализма.

Наоборот, социализм Маркса представляет из себя строго-научное синтетическое мировоззрение, имеющее законченное обоснование и философское, и историческое, социологическое и экономическое. В подобного рода синтезе социализм Маркса получает исключительно важное и особое значение в истории экономической и социологической мысли, получая, как законченная система, название «марксизма».

В дальнейшем мы и ограничимся краткой характеристикой этих сторон научной системы Маркса. Философские и социологические воззрения Маркса сводятся, главным образом, к так наз. «материалистическому пониманию истории» или к «экономическому материализму». Будучи в молодости учеником и последователем известных философов-идеалистов, в частности Гегеля, Маркс заимствовал основные философские воззрения и методологию у своих учителей, но, как он выражается, «поставил на ноги» перевернутую у Гегеля вниз головой его идеалистическую философию.

С точки зрения гегельянской философии, вся жизнь и вся история человечества есть не что иное, как процесс развития осуществление во внешних формах идеи, идеального содержания. Этот процесс совершается диалектически, т.-е. через переходы к противоположностям и через соединение противоположностей—через тезис, антитезис и синтез. Другими словами, гегелевская философия рассматривала мир жизненных явлений диалектически, т.-е. в процессе развития, в движении, в причинной исторической связи, а не в изолированном, застывшем виде. Этот закон диалектического развития по Гегелю представляется универсальным, т.-е. приложимым ко всем явлениям.

Однако Маркс с диалектической идеей идеалистической философии Гегеля соединил материализм Фейербаха и французских философов XVIII века. Недостатком материалистической философии XVIII века являлось отсутствие идеи развития, т.-е. непрерывного, закономерного происхождения новых форм жизни из старых. Другая слабая сторона материалистических учений заключалась в том, что они распространяли свой материализм лишь на явления природы, не касаясь явлений общественного порядка. Первый вопрос—о применении идеи развития в области биологии был разрешен Дарвином в его «Происхождении видов». Второй вопрос—о применении материалистической философии в области общественного развития—Марксом. Маркс, заимствовав у Гегеля его диалектический метод, вложил в него не идеалистическое, а материалистическое содержание.

По Марксу, мир вообще, и в частности мир общественных явлений, движется также «противоположностями» и примирением их в синтезе, но этот процесс не есть осуществление идеального содержания, а, наоборот, в нем лежат причины чисто материальные. Основанием всех социально-исторических перемен человеческого общества является материальный фактор, развитие материальных, экономических «производительных сил». Развитие этих «производительных сил» обусловливает и все дальнейшие условия политической, культурной жизни общества, его психологии, морали и т. д. Лучше всего это «материалистическое понимание истории» выражено в знаменитом месте предисловия к «Критике политической экономии», которое приводим полностью.

«В отправлении своей общественной жизни люди вступают в определенные, неизбежные, от их воли независящие отношения — производственные отношения,—которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. Сумма этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания.

«Не сознание людей определяет формы их бытия, но, наоборот, общественное бытие определяет формы их сознания. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными

отношениями, среди которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения делаются их оковами.

«Тогда наступает эпоха кризисов... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне старого общества» («К критике полит. экономии», предисловие).

Итак, историцизм, с одной стороны, т.-е. взгляд на формы общественного бытия как на выработавшиеся историческим процессом и подлежащие замене другими; материализм—с другой, т.-е. признание первичной движущей силой в этом процессе материальный, экономический фактор,—вот что составляет основные и исходные точки Марксовых построений. Насколько новы были для экономической науки эти исходные пункты? Нужно сказать, что уже одни они производили действительную «революцию» в экономической науке. Возьмем, напр., материализм Маркса. Из обзора всей предшествовавшей истории развития экономической мысли мы видели, что среди сколько-нибудь крупных и философски настроенных умов ученых-экономистов почти совершенно не встречается представителей материалистических направлений философии. Системы Кене, А. Смита, Мальтуса, Сисмонди, так же, как большинства представителей исторического и социально-этического направлений, представляют системы идеалистические или, в лучшем случае, дуалистические. Даже большинство представителей революционного, утопического и даже «научного» социализма, от «великих» утопистов до Родбертуса и Лассаля, являются последователями идеалистических философских течений. Марксу принадлежит заслуга совершенно иного, материалистического обоснования своих историко-философских и социологических построений. «Исторический материализм», становится, таким образом, законченной социологической системой, «марксистской социологией» и вместе с тем философией политической экономии. Одним этим уже предрешается и метод, и содержание науки политической экономии.

Не менее важное значение получает историцизм Маркса. Из основных экономических школ—система классической школы была совершенно антиисторична; ее выводы поэтому получали характер «вечных» истин, одинаковых для всех веков и народов. Германская историческая школа, хотя и выдвигала историцизм в экономическую науку, тем не менее этот историцизм имел у ней лишь внешний характер, будучи лишен какой-либо научности и теоретической ценности. Впервые историцизм, как метод научного исследования, выдвигается особенно социалистами-утопистами (Сен-Симоном, Фурье), а затем находит себе наиболее законченное развитие у Родбертуса. Но этот историцизм у одних часто получает характер идеалистических построений (развитие «идеи разума»); у других—приобретает характер чистого эволюционизма. Историцизм Маркса соединяется у него с другой чертой его миросозерцания, революционизмом: история движется «диалектически», внутренними противоречиями, скачками. «Эпохи кризисов», как мо-

ментов перехода от одной общественной формации к другой, получают в истории значение закономерности.

В основу исторического развития Маркс кладет таким образом материальный фактор — развитие производительных сил общества: вся общественная история зиждится на развитии материальных производительных сил. Но что такое самое понятие «производительной силы»? У Маркса мы не встречаем, как это часто бывает у него и в других случаях, точного и единообразного определения этого понятия, что́ вызывает необходимость толкований и обусловливает массу недоразумений и противоречий. Иногда Маркс понимает под производительной силой только средства производства и обмена, иногда придает этому термину более широкое значение, называя «производительной силой», напр., революционный рабочий класс. Различные толкования этого понятия встречаем поэтому и у толкователей Маркса—Энгельса, Каутского и др., которые часто расширяют понятие «производительных сил» до полной расплывчатости. Наиболее близко к концепции самого Маркса стоит понятие производительной силы, как совокупности средств производства и обмена, т.-е., в конечном счете, общественной техники. В этих-то производственно-технических условиях и в их изменениях и необходимо искать ключ к пониманию хода исторического развития и смены общественных формаций: «Экономические эпохи, — говорит Маркс,—различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда».

Что внес марксизм этой идеей материальных производительных сил в историю развития экономической мысли? Необычайно много. С тех пор, как физиократы и классики поставили проблему экономической науки как проблему производственную, эта идея производительных сил была поставлена на очередь. Промышленная революция, породившая зарождение буржуазного общества, должна бы дать очень много новых и блестящих фактов для ее подтверждения и для дальнейшего обоснования той мысли, которую высказывал еще Франклин, говоря, что «человек есть животное, делающее орудия». И, однако, общий идеалистический подход к проблеме общества и отсутствие историцизма во взгляде на общественное развитие явились причиной того, что даже трезвые, реальные экономисты-классики не поняли об'ективной действительности: что зарождение и развитие буржуазного общества происходит на базе новых материальных производительных сил, как об'ективной исторической предпосылки капитализма. Наоборот, ясно видя, с одной стороны об'ективное значение новых явлений капитализма, но не решаясь признать примата материальных производительных сил, А. Смит, напр., принужден апеллировать, об'ясняя происхождение капитализма, к «естественным свойствам природы человека», к «стремлению к собственному благополучию», к «склонности к торгу, обмену». Такое «психолого-натуралистическое» об'яснение классиков было заменено Марксом материалистическим и социологическим понятием—развитием производительных сил.

Такова основа и первопричина исторического процесса общественного развития. В чем же заключается его содержание? Материалисти

ческое понимание сводит его в конечном счете к так наз. «классовой борьбе». «История всякого общества была до сих пор историей борьбы классов». («Комунистич. Манифест»). Производственные условия современного общества об'единяют отдельных лиц, участвующих в производстве, по их положению в нем, в качестве представителей труда или капитала, в обособленные группы на основе общности экономических интересов всех лиц, принадлежащих к той или другой группе. Эти группы и составляют понятие класса. А так как экономические интересы отдельных классов противоположны и антагонистичны, то и история общества сводится к истории борьбы классов.

Но что же такое класс, как известная производственная группировка общества? Здесь мы снова встречаемся с отсутствием у Маркса точной формулировки. Классом иногда Маркс называет только рабочих и буржуазию; иногда также помещиков, мелких крестьян, земледельческих рабочих и т. д. Самое число классов, в характеристиках Маркса, доходит до 5—8. Несмотря на это встречающееся у Маркса разнообразие терминологии, согласно духу основной его концепции необходимо признать, что Маркс принимает в абстракции существование в современном обществе лишь двух основных классов—рабочих и буржуазии. Существование этих двух классов обусловливается той же основной предпосылкой—решающим значением производственных отношений. Противоречивый характер современных капиталистических отношений создает только два основных класса: рабочих, лишенных орудий производства и капиталистов, собственников этих средств производства. «Овеществленный (накопленный) и живой труд, — говорит по этому вопросу Маркс, являются двумя факторами, на взаимной противоположности которых покоится капиталистическое производство. Капиталист и наемный рабочий суть единственные... факторы производства, взаимные отношения которых вытекают из сущности капиталистического производства» (Теория прибав. стоимости, т. II, ч. I, стр. 210).

Этим обусловливается и характер классовых отношений у Маркса. Эти классовые отношения характеризуются антагонизмом и подчинением. Они вытекают из лишения рабочего орудий труда и производства и необходимости поэтому продавать свою рабочую силу лицам, обладающим этими орудиями производства.

Как видно из сказанного, учение о классовом составе общества у Маркса формально не является совершенно новым учением. Уже у физиократов, а затем особенно у классиков, представление о классовом строении общества было уже более или менее намечено. Но эти представления соединялись, с одной стороны, с учением о «гармонии» классовых интересов, с другой—с вглядом на классы, как «естественный» результат скорее условий распределения общественного продукта, чем производства. Даже, напр., Рикардо, который, как мы видели, наиболее близко подходит к разрешению проблемы ценности и к антагонистическому характеру процесса ее распределения в капиталистическом обществе, все же считает, что «проблема распределения» не зависит от «проблемы ценности» и ее производства. Его учение о доходе оторвано от учения ценности, распределение общественного дохода зависит не от

общественных условий производства, а от «естественных» и «математических» законов, и потому наличность классов (хотя бы с противоречивостью интересов)—неизбежный общественный закон всякого общества. Но даже такое учение Рикардо об антагонизме классовых интересов было воспринято далеко не всеми последователями классиков, и у их эпигонов оно превратилось, наоборот, в учение о «гармонии классовых интересов». Правда, Сисмонди, Милль, отчасти новейшие историки и особенно многие социалисты-утописты более или менее близко подходили к идее экономического антагонизма классов, но ни у кого из них она не получала значения законченной социологической базы общественно-исторического развития.

Перейдем теперь к экономической системе К. Маркса. На отдельных частях ее нам неоднократно приходилось останавливаться в курсе теории политической экономии, так что здесь только вкратце сведем уже известные положения Марксовой экономической теории по отдельным ее проблемам, подчеркнувши, главным образом ту связь, которую можно наметить в разрешении этих проблем у Маркса с предшествующим развитием экономической мысли, и то новое, что внесено в экономическое построение этих проблем, в особенности сравнительно с классиками.

Необходимо прежде всего указать, что, излагая свою экономическую систему, К. Маркс совершенно далек от того, чтобы рисовать фантастические проекты экономического устройства будущего социалистического общества, как это делали социалисты-утописты. Наоборот, он занят исключительно изучением и анализом строения капиталистического общества, но в этом анализе Маркса гораздо более социализма, чем во всех фантазиях Фурье, Суэна и Сен-Симона, вместе взятых. Изучая и анализируя экономику капиталистического общества, Маркс вместе с тем устанавливает и законы его развития, т.-е. непреложную историческую необходимость превращения его в новое социалистическое общество.

Естественно поэтому, что вместе с тем К. Маркс не устанавливает каких-либо абстрактных, абсолютных и вечных законов и не анализирует абстрактные экономические положения, как то делали классики, а берет реальные, конкретные явления капиталистического общества. «Богатство общества, в котором господствует капиталистический способ производства, состоит из несметного накопления товаров. Наше исследование начинается поэтому с элементарной формы этого богатства, *с анализа товара*» (Капитал, гл. I). Так начинает К. Маркс свое знаменитое исследование.

Товар—продукт труда, но произведенный не для собственного потребления, а с целью обмена его на другие продукты. В этом свойстве товара необходимо отличать потребительную ценность, полезность предмета, как естественные его качества, от его общественных особенностей, как товара. Пряжа и самотканный холст, потребляемый крестьянской семьей—предметы потребления, ценимые именно за свои естественные свойства и требующие специфических видов индивидуального труда прядильщика или ткача. Но когда пряжа или холст начинают

изготовляться ремесленником или рабочим на продажу, естественные свойства этих продуктов остаются теми же, но они приобретают новое общественное значение товара. Труд, затрачиваемый на их производство, должен быть специальным, индивидуальным трудом ткача, прядильщика, чтобы создать те или иные потребительные полезности, но он же должен получить и новое свойство—быть продуктом, направленным на производство нужных обществу предметов, быть трудом общественно необходимым.

В капиталистическом обществе все продукты производства получают значение товаров, т.-е. производятся как товары для продажи. Все производство получает характер товарного производства, т.-е. такой общественный характер, когда каждый производитель и все производители в целом производят не предметы личного потребления, а предметы для удовлетворения общественных, чужих потребностей. Вместе с этим и труд отдельных производителей должен сохранять указанный двойственный характер—с одной стороны быть индивидуальным трудом, направленным на производство определенных полезных предметов, с другой—быть общественно необходимым трудом вообще.

Общественный характер товарного производства является продуктом исторического развития общества. В первобытно-коммунистической общине все члены общины были заняты над производством необходимых для общины предметов. В общине могло применяться более или менее значительное разделение труда, весь общественный продукт мог распределяться между членами общины на различных основаниях, но общий характер производства сохранялся, так как все были заняты производством предметов потребления, нужных для общины. Ясно, что ценность тех или иных предметов определялась количеством трудовых усилий, потребных для их производства. В то же время как количество этих трудовых усилий, требуемых общиной от своих сочленов, так и взаимные отношения этих членов общины определялись самой общиной, которая устанавливала характер общественных связей отдельных производителей. С развитием производства, у общины могут появиться излишки продуктов, которые она может обменивать на другие продукты такой же общины; возникает обмен, сначала излишками, приводящий к прямому товарному производству. По внешности дело мало изменилось: каждый, вместо того, чтобы производить все нужные ему предметы, производит лишь некоторые, получая в обмен на них остальные нужные предметы от других производителей. Но на самом деле произошли глубокие изменения в общественной структуре.

Раньше общественный характер труда каждого члена общества был очевиден; в то же время ценность продукта измерялась непосредственно трудом, затраченным на его производство. Теперь, хотя общественный характер труда остается в силе—все работают над продуктом, нужным для других,—но этот общественный характер труда заслоняется материальным характером производимых продуктов. Кажется, что ткач может получить вместо своего продукта—продукт труда сапожника или гончарника не потому, что во всех их продуктах заключено известное количество общественно-полезного труда, а потому, что самые пред-

меты эти—пряжа, сапоги, горшок—получают специфические свойства и способность к обмену. Материальные особенности продукта-товара скрывают общественные отношения товаропроизводителей. Самые количественные отношения, в которых обмениваются эти продукты, уже не зависят от производителей и определяются уже не тем трудом, который тот или иной производитель затратил на производство товара. Товары получают какие-то «таинственные» свойства обмениваться, независимо от воли производителей их. Каждый товаропроизводитель не в состоянии руководить обращением своих товаров, а, наоборот, само обращение товаров начинает руководить производством, устанавливая цены, т.-е. соотношение обмениваемых товаров.

Конечно, эти соотношения определяются не чем иным, как определенными общественными условиями, в которых находится тот или другой производитель. Но эти общественные связи и зависимость отдельных производителей скрыты под «вещной маской» товаров, они «об'ективируются» в товаре, который как бы приобретает самостоятельную жизнь, одухотворяется. Как идолопоклонник приписывает своему идолу-фетишу такие свойства, которые вовсе не лежат в природе последнего, а являются лишь отражением общественного быта и верований, так и товаропроизводитель приписывает самому товару то, что действительно кроется в общественных отношениях.

«Предметы потребления становятся товарами вследствие того, что представляют собою продукты труда отдельных лиц или группы отдельных лиц, занимающихся производством вполне независимо один от другого. Вся сумма труда всех этих независимых отдельных лиц образует совокупность труда всего общества. Но так как производители вступают в общественное соприкосновение между собою только в том случае, когда обмениваются продуктами своего труда, то общественный характер труда каждого из них проявляется не иначе, как в акте обмена... Отношения, связывающие труд отдельного лица с трудом остальных, представляются не непосредственным общественным отношением отдельных лиц..., а вещественным отношением между лицами и общественным отношением между вещами» (Капитал, I, гл. 1, § 4).

Это овеществление общественных отношений в товаре Маркс называет «*фетишизмом*» товара и товаро-хозяйственного строя. Этому вопросу и посвящен особый раздел главы о товаре «фетишизм товара и его тайна». «Разоблачение» этой тайны представляет громаднейшую методологическую заслугу Маркса в анализе товара и товарно-капиталистического хозяйства и ключ к истинному пониманию общественных отношений капиталистического производства. Ни один экономист до Маркса не подходил сколько-нибудь близко к этой задаче и к такой постановке вопроса.

Изложенный анализ товара приводит К. Маркса к основной проблеме политической экономии, к проблеме ценности. Но, как видно из сказанного, самая постановка этой проблемы у К. Маркса совершенно иная, чем у классиков или, особенно напр., у австрийской школы. Маркс не трактует понятие ценности как абсолютное, вне времени и пространства понятие. Он рассматривает это понятие в неразрывной связи с ее

конкретной в капиталистическом обществе формой — с товарной формой.

«Товар—прежде всего вещь, которая своими свойствами удовлетворяет какую-нибудь из человеческих потребностей». Эта способность товара удовлетворять какую-либо потребность обусловливается свойственными данной вещи химическими, физическими и пр. качествами; они лежат в основе полезности вещи и ее потребительной ценности; они же образуют «вещное содержание богатства». Но «в той общественной форме, которую мы только и будем рассматривать, они в то же время образуют естественное основание меновой ценности».

Меновая ценность товара является прежде всего количественным отношением, в котором обменивается один товар на другой. В процессе обмена встречаются самые различные товары и обмениваются в известных количествах друг на друга. Так, 10 аршин холста обмениваются на 1 сюртук, на 1 квартер пшеницы, на *x* унций золота. Телесно все эти товары различны, несравнимы; каждый из них имеет совершенно отличную от другого потребительную ценность. Но раз они обмениваются друг на друга и между ними в известных пропорциях ставится знак равенства, то ясно, что между ними есть что-то общее. Этим «общим» не могут быть их химические, физические и т. п. свойства; все эти свойства у них совершенно различны, да и не могут не быть различны, так как только поэтому они и обмениваются. «Товары, как потребительные ценности, прежде всего различны по качеству, а как меновые ценности они могут быть только различны по количеству и не содержат, следовательно, ни атома потребительной ценности».

Отбрасывая, следовательно, эти качественные свойства товара, не могущие лечь в основу их меновых оценок и отношений, мы можем найти только одно свойство, общее всем товарам, что они—продукты человеческого труда. При этом, если для получения каких-либо конкретных потребительных ценностей (стол, дом, пряжа) требуется конкретный же труд (столяра, плотника, ткача), то в товаре, в меновой его ценности все эти конкретные формы труда также исчезают. В товарах остается только одно свойство, общее всем товарам, что они—продукты человеческих форм, что все они являются продуктом человеческого труда вообще, абстрактного человеческого труда.

Итак, труд, *абстрактный человеческий труд,* как затрата человеческой энергии, является единственной субстанцией ценности. Товар обладает ценностью потому, что в нем овеществлен абстрактный человеческий труд. Но эта ценность товара обнаруживается только тогда, когда она сравнивается с ценностью другого товара, на который обменивается первый. Величина ценности товара определяется количеством общественно необходимого времени, требующегося для его изготовления, но она выражается не в этом времени, а лишь своим отношением к ценности других товаров, своим меновым отношением.

В процессе обмена сталкиваются товары самых разнообразных химических, физических и т. п. свойств; но эти товары, являясь потребительными ценностями, конкретно совершенно различны и несравнимы. Единственной основой уравнения их в процессе обмена является

труд, одинаково присущий, в абстрактной форме, всем товарам. Ценность есть, таким образом, «кристаллизованный труд», «сгусток труда».

Такова трактовка проблемы ценности у Маркса, столь отличная, как мы видим, от всех других экономических школ.

И здесь опять-таки нужно сказать, что классики более близко стоят к Марксу в отношении самой постановки проблемы ценности, чем новейшие направления австрийской, психологической, математической и др. школ. Правда, А. Смит еще не окончательно разобрался между «полезностью» и «трудом», между этим последним, как мерилом ценности, и издержками производства. Но уже у Рикардо проблема меновой ценности решается весьма близко в смысле «абсолютной трудовой ценности», могущей дать ключ к пониманию всего процесса капиталистического производства и создания прибавочной ценности. Однако, Рикардо не разрешил проблемы абстрактного труда как субстанции ценности, вместе с чем он не разрешил вопроса о прибавочной ценности, о соотношении затрат труда с заработной платой, о всей проблеме распределения, которую он принужден был оторвать от проблемы ценности. Дальнейшее развитие классической мысли не дало ничего нового сравнительно с А. Смитом и Рикардо, и даже лучшие классики (напр. Милль) продолжают стоять перед неразрешимым вопросом ценности. Но по сравнению с классиками безусловным регрессом представляется новая постановка проблемы в австрийской школе, возвращающейся к оставленной А. Смитом «полезности», хотя и трактующей ее иначе. Наконец, из других представителей «научного социализма» наиболее близок к абсолютной трудовой ценности Родбертус; однако и он, исходя в своей трактовке капиталистического производства и распределения не из понятия «ценности», а из понятия «продукта» и отождествляя распределение ценности и распределение продукта, не сделал проблему ценности основным и исходным пунктом всей своей системы. Только у Маркса проблема ценности и труда, как ее субстанции, является основным стержнем для всех дальнейших построений в его анализе капиталистического общества.

Итак, в основе ценности товара лежит человеческий труд, притом абстрактный труд вообще, овеществленный в товаре. Но как измеряется количество труда и величина ценности? Очевидно, раз при этом не имеют значения индивидуальные виды труда, то—затраты труда вообще могут измеряться только временем. Притом, это время, как измеритель ценности, должно пониматься не как индивидуальная затрата времени тем или другим рабочим, а как *общественно необходимое рабочее время,* т.-е. «то рабочее время, которое требуется для изготовления какого-нибудь товара при данных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда». Меняется общественная производительность труда вообще или отдельных отраслей — изменяется и общественно необходимое время, изменяется и ценность.

В этом пункте развития учения Маркса также необходимо отметить то крупное новое, что он дал сравнительно с классиками. Рикардо также считал труд и количество труда мерилом ценности товаров. Но

он не подметил общественного характера труда, скрытого в товаре, и не понял разницы между индивидальным трудом и его мерилом, индивидуальной затратой времени, с одной стороны, и общественно необходимым трудом и общественно необходимым рабочим временем—с другой. Поэтому Рикардо, соглашаясь с А. Смитом, что «один только труд никогда не изменяется в своей ценности, что он есть единственное действительное мерило... ценности всех товаров везде и во всякое время», все-таки не разрешил проблему измерения ценности товаров трудом.

Итак величина ценности товара определяется общественно необходимым рабочим временем его производства. Но от этого содержания и величины ценности необходимо отличать ее выражение. Ценность товаров выражается не в рабочем времени («сюртук стоит десять часов рабочего времени»), а в других товарах, в виде своего менового отношения к ним («сюртук стоит 2 унции золота»). В меновом отношении товаров возникают те *формы ценности*, когда в процессе обмена ценность одного товара находит себе выражение в другом. В зависимости от характера таких ценностных сопоставлений, Маркс различает *простую* или единичную форму ценности, когда ценность одного товара противопоставляется в меновом отношении другому (1 сюртук=20 арш. холста); *полную,* или *развернутую* форму (1 сюртук=20 арш. холста, 2 парам сапог, 2 унциям золота, 1 квартеру пшеницы); *всеобщую* форму стоимости (1 сюртук=20 арш. холста; 2 пары сапог=20 арш. холста; 1 кварт. пшеницы=20 арш. холста); наконец *денежную форму,* когда роль *всеобщего эквивалента* получает не какой-либо товар, выделяющийся из общей массы товаров, а деньги (20 арш. холста=2 унц. золота; 1 сюртук=2 унц. золота; 1 кварт. пшеницы=2 унц. золота). «Золото только потому противопоставляется другим товарам в качестве денег, что оно уже противостояло им в качестве товара».

Следовательно, «не деньги делают товары соизмеримыми». Но «деньги, как мера ценности товаров, есть та неизбежная форма», в которой должно найти выражение этой меры ценности. Деньги, как мера ценности, есть лишь *идеальная мера,* поскольку само золото—лишь воплощение человеческого труда; но в то же время деньги, как определенное количество этого золота, выражаемое в весе или в денежных единицах, являются *масштабом* цен. Цена товаров есть денежное выражение величины ценности данного товара, но в то же время она есть выражение менового отношения этого товара к денежному товару, к золоту. Так как это ценностное отношение может изменяться как от изменения величины ценности товара (рабочего времени), так и от ценности денег, то получается возможность отклонения цен, как денежного выражения ценности, от самой ценности, как известной затраты рабочего времени.

Процесс превращения товара в деньги и этих последних вновь в товар составляет *процесс обращения товаров.* Формула Т-Д-Т, представляет формулу простого товарного обращения, когда товар отчуждается производителем за деньги, для того, чтобы на них купить другой товар. Так делает ремесленник, когда он продает свои изделия за деньги и затем покупает за них требующиеся для него продукты продовольствия. При нормальных условиях здесь ценность товара, с ко-

торого начался кругооборот, должна быть равна ценности товара, которым кругооборот закончился; все дело лишь в изменении конкретной потребительной формы товара.

Но в развитом товарном хозяйстве, в капиталистическом обществе дело на этом не останавливается. Вместо движения товаров по формуле Т-Д-Т возникает обращение товаров по формуле Д-Т-Д, т.-е. покупка на деньги товара для его дальнейшей продажи на деньги же. Но если весь смысл первого вида товарообращения заключался в замене одной потребительной ценности другой, то второй вид получает характер бессмыслицы: зачем покупать товар за деньги, чтобы затем обменять его на те же деньги? На самом деле самый факт такого движения свидетельствует, что оно имеет большое значение в капиталистическом обществе: обладатель денег пускает их в оборот на покупку товара не для того, чтобы получить то же количество денег, а чтобы получить их больше. Другими словами формула получает вид Д-Т-Д+d. Деньги получают приращение в товарообороте и вообще в обращении. Это обстоятельство издавна обращало на себя внимание еще самых старых экономистов, как чудодейственная сила денег, находящихся в обращении. На этом наблюдении основаны фантастические проекты и вычисления о возможности погашения крупнейших государственных долгов за счет 1 пенни, пущенного в обращение и в рост тысячу лет назад.

Маркс останавливается в дальнейшем на подробном анализе этого явления. Тот излишек ценности, который нарос на основную ценность, Маркс называет «*прибавочной ценностью*», а основную ценность, которая находится в обращении, *капиталом*. Как же и почему деньги превращаются в капитал и где источник нарастания на него прибавочной ценности?

Из внешнего рассмотрения формулы капитала Д-Т-Д+d можно предположить, что прибавочная ценность возникает из самого обращения, из актов купли-продажи, т.-е. из той возможности, что товар продается дороже покупной ценности. Но это противоречит самым основам товарообращения, которое предполагает обмен эквивалентов ценности, и, следовательно, формула предполагает возможность нарушения законов товарного обращения. Может быть, конечно, что некоторые обладатели денег могут купить товар дешевле их ценности или продать дороже ценности. Но это показывает только, что в таком случае происходит присвоение одним лицом части чужой ценности за счет недополучения этой части другим лицом. В условиях так наз. торгового и особенно ростовщического капитала это так и бывает. Но все это не об'ясняет самого происхождения прибавочной ценности. Чтобы понять ее происхождение, необходимо вспомнить, что всякая ценность есть продукт труда; следовательно, и прибавочная ценность не может быть создана иначе, как трудом. Источник возникновения прибавочной ценности, следовательно, необходимо искать не в условиях обращения, а в условиях производства. Каким же образом определенная сумма денег, пущенная в обращение в виде капитала, воспроизводится с нарастанием некоторой новой суммы в виде прибавочной ценности?

Маркс приходит таким образом вплотную к центральной части проблемы капиталистического производства, к анализу происхождения *прибавочной ценности*. Чтобы понять ее сущность, необходимо взять для анализа типичные формы происхождения прибавочной ценности и анализировать капитал в его высшей форме производительного капитала. На этом анализе производства прибавочной ценности трудом в условиях приложения капитала Маркс и вскрывает как загадку создания прибывочной ценности вообще, так и социальную сущность капиталистического общества.

В чем же заключается процесс труда, как процесс создания ценности в товарном обществе, и какова его социальная сущность? Процесс труда в современном капиталистическом обществе характеризуется: 1) тем, что наемный рабочий лишен средств производства и принужден продавать свой труд предпринимателю; 2) что эти орудия производства находятся у предпринимателя на началах частной собственности; 3) что продажа и наем труда происходят в свободных формах, не как при рабстве и крепостничестве. Капиталист, обладающий средствами производства, покупает также и рабочую силу и пускает ее в процесс производства. В этом процессе орудия производства только лишь переносят ценность свою на новые продукты, но не создают никакой новой ценности. Новую ценность создает только труд, это свойство труда составляет сущность всякого производительного процесса везде и во все эпохи. В чем же заключается капитализм, как особая форма производства? Капиталист, приобретая орудия производства и рабочую силу, оплачивает их на рынке по их действительной стоимости полностью. Рабочую силу он оплачивает заработной платой. Что такое заработная плата? Это рыночная цена труда. Чем же определяется эта цена? Она, как и цена всякого другого товара, определяется ценностью воспроизводства этого товара. По отношению к рабочей силе это будет ценность средств существования рабочего и его семьи. Капиталист, оплачивая рабочему заработную плату, оплачивает полностью рыночную цену труда, но в условиях капиталистического производства этот способ расплаты приводит к важным последствиям. Предположим, что на воспроизводство средств существования рабочего требуется 5 час. работы. Но нанимая, по условиям найма, рабочего на целый день, капиталист заставляет работать его не 5 час., а 10 час. Таким путем сверх «необходимого» продукта для воспроизводства рабочей силы, равного заработной плате, рабочий создает еще «прибавочный продукт», идущий в пользу капиталиста. Возникает так наз. «прибавочная ценность», как результат капиталистического способа производства, результат эксплуатации капиталистом наемного труда. Тайна, почему капитал, приложенный в производстве, может как бы создавать новые ценности, разоблачена, — говорит Маркс. Вместе с разрешением этой экономической проблемы разрешается и та социальная загадка, каким образом и почему владеющий состоятельный класс живет за счет класса неимущего. Она заключается в возможности, благодаря частной собственности на орудия производства, эксплуатации капиталом рабочего.

Что же такое *капитал?* Классики считали, что капитал—это накопленный в средствах производства труд, что это вообще средства производства, сырье и т. д. Но каким же путем эти средства производства, мертвые материалы приобретают способность давать приращение ценности? Классики этого не могли об'яснить. Получалось, что капитал — это ценность, создающая, в силу каких-то особых своих свойств, новую ценность, это «курица несущая золотые яйца». Вскрытие тайны создания прибавочной ценности разоблачает нам и то, что сам по себе капитал не обладает никакой «самопроизводящей» силой. Но вследствие возможности конденсировать и нанимать для использования в производстве рабочую силу капитал приобретает громадную роль в капиталистическом производстве. Благодаря собственности на средства производства, капиталист получает возможность, нанимая рабочего и уплачивая ему лишь стоимость рабочей силы, весь произведенный избыток продукта и ценности, присваивать себе.

Другими словами, капитал, как средство производства, не создает никакой новой ценности, и присвоение прибавочной ценности капиталистом происходит не вследствие каких-либо особых свойств капитала, а благодаря наличности определенных правовых и имущественных институтов частной собственности. Каков же характер и положение капитала в процессе производства и в процессе создания прибавочной ценности?

Дав в первых двух разделах анализ товара, денег и превращения последних в капитал, Маркс в последующих III—V разд. дает подробный анализ производства абсолютной и относительной прибавочной ценности. Маркс оставляет процесс обращения, с которого он начал свой анализ и переходит к процессу производства. При каждом способе производства производятся какие-либо предметы потребления с помощью приложения труда, орудий и средств производства. В капиталистическом способе, производство потребительных ценностей трудом также имеет место, но оно представляет лишь средство, целью же является производство товарных ценностей, и вместе с этим — получение прибавочной ценности. В капиталистическом производстве соединяется таким образом процесс труда вообще, как процесс создания ценностей, но с непременным условием создания того избытка, который составляет прибавочную ценность. «Как совокупность процесса труда и процесса образования ценности, процесс производства есть процесс производства товаров; как совокупность процесса труда и процесса *возрастания* ценности, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма производства товаров». (Капитал, кн. I, отд. III, гл. V).

В этом процессе различные элементы принимают разное участие. «Средства производства не могут придать продукту большей ценности, чем та, которую они потеряли в течение процесса труда, вследствие уничтожения собственной потребительной ценности», как средств производства. «Та часть капитала, которая превращается в средства производства, т.-е. в сырой материал, в вспомогательные вещества и

в орудия труда, не изменяет своей ценности в процессе производства». «Напротив того, та часть капитала, которая обращена в рабочую силу, изменяет свою ценность в процессе производства. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того некоторый излишек или прибавочную ценность». Первую часть капитала Маркс называет *постоянным* капиталом, вторую — *переменным*.

Отсюда видно то глубоко и принципиально различное разрешение вопроса о капитале и его составных частях, которое дает Маркс сравнительно с классиками. Не будучи в состоянии разрешить проблему создания ценности и прибавочной ценности, не поняв разницу между трудом, как создателем ценности, и рабочей силой, как товаром капиталиста, классики не могли не прийти к учению о «факторах производства» и к об'единению труда с сырьем, топливом и «оборотным» капиталом, потребляемои единовременно в одном периоде производства, и противопоставляя их «основному» капиталу, потребляемому в течение многих периодов. Новая постановка и разрешение проблемы ценности дало и новое разрешение вопроса о капитале. Если с точки зрения капиталиста, считающего, что в процессе производства весь капитал в целом приносит ему прибыль, важно знать, как оборачивается этот капитал, то с точки зрения общественного процесса производства, как процесса создания и нарастания ценности, необходимо знать соотношение этого ценностно-образующего фактора с капиталом. Поэтому к вопросу о формах и о значении капитала в процессе обращения Маркс возвращается впоследствии (во II книге) еще раз; здесь же он пока остается в пределах рассмотрения проблемы капитала лишь с точки зрения производства. Поэтому дальнейший анализ Маркса и направляется на выяснение условий создания прибавочной ценности в производстве.

В процессе производства рабочий должен воспроизвести как ценность, равную ценности его рабочей силы, т.-е. переменному капиталу капиталиста (v), так и прибавочную ценность (m), неоплачиваемую капиталистом. Рабочее время, в течение которого вопроизводится ценность рабочей силы, Маркс называет необходимым рабочим временем, и труд, затраченный за это время,—*необходимым* трудом; время и труд, затрачиваемые на производство прибавочной ценности — *прибавочным* рабочим временем и прибавочным трудом. Отношение прибавочной ценности к переменному капиталу, равное, следовательно, отношению прибавочного времени и труда к необходимому (m : v), Маркс называет *нормой прибавочной* ценности. Эта норма представляет «точное выражение степени эксплуатации рабочей силы капиталом или работника капиталистом», так как вскрывает, сколько часов в день работник работает на себя, отрабатывая свою заработную плату, сколько для капиталиста, отдавая ему прибавочную ценность. Напр., при длине рабочего дня в 12 час. и при выработке за это время новой ценности по 2 р. 40 коп., но при заработной плате 1 р. 20 коп., норма прибавочной ценности будет 100%, т.-е. рабочий 6 часов работает на себя, отрабатывая заработную плату, и 6 часов на капиталиста, производя прибавочную ценность.

Это, конечно, не значит, что прибавочная ценность производится только во вторую половину рабочего дня или «в последний час» его. В течение каждого часа, по мере выработки того или иного продукта, рабочий воспроизводит ценность его сырья, прибавляя вместе с тем известную часть неоплаченной ценности. Поэтому Маркс едко возражает при своем анализе известному вульгарному экономисту Сеньору, который доказывал, что капиталисты только «в последний час» рабочего дня получают прибыль, и что, следовательно, сокращение даже на 1 час этого дня совершенно лишило бы капиталистов всякой прибыли.

Из сказаного видно, что капиталист заинтересован в том, чтобы увеличить количество прибавочной ценности, т.-е. неоплачиваемую им часть ценности. Этого он может достигнуть двумя путями: или общим увеличением рабочего дня или при той же длине рабочего дня—сокращением необходимого рабочего времени за счет расширения прибавочного. Прибавочную ценность, произведенную первым путем, Маркс называет *абсолютной* прибавочной ценностью, вторым путем — *относительною* прибавочной ценностью. Ясно, что в первом случае интересы рабочего и капиталиста сталкиваются в борьбе за продолжительность рабочего дня: рабочий, как класс, стремится к возможному сокращению рабочего дня; капиталисты, как класс, стремятся, при прочих равных условиях, к его удлинению. Что касается второго случая (относительной прибавочной ценности), то сокращение необходимого рабочего времени может быть достигнуто либо понижением заработной платы ниже стоимости содержания рабочего, что при нормальных условиях невозможно, либо путем сокращения общественно-необходимого рабочего времени, требующегося для воспроизводства необходимого продукта, т.-е. средств существования рабочего. Последнее в свою очередь достигается повышением производительности труда и теми усовершенствованиями в производстве, к которым стремится капитализм. И в этих случаях, таким образом, мы обнаруживаем противоречие рабочего класса и класса капиталистов: хотя рабочий мог бы получать выгоду от повышения производительности труда, но это повышение и весь прогресс техники, его обусловливающий, идет мимо рабочего, так как одновременно с этим повышается степень эксплуатации рабочего, вследствие относительного сокращения необходимого времени и расширения прибавочного времени.

Мы видим, следовательно, что Маркс подходит от своего теоретического анализа к центральному вопросу капиталистического производства, к вопросу об антагонистических отношениях, складывающихся в процессе этого производства. Остается лишь подтвердить теоретический анализ конкретной исторической действительностью. И Маркс в 8 и 13 главах I тома «Капитала» дает блестящий исторический очерк борьбы за рабочий день, развития законодательства по этому вопросу в Англии, происхождения мануфактуры, развития капиталистической крупной промышленности и переворота, произведенного ею в прежнем мелком производстве; эти главы принадлежат к одним из наиболее сильно и блестяще написанных мест «Капитала». Вместе с тем Маркс дает здесь и теоретический анализ значения концентрации рабочих

капиталистом в крупном производстве, на мануфактуре и на фабрике. Этим в сущности Маркс заканчивает свои разделы, посвященные проблеме прибавочной ценности и условиям ее производства. Из краткого изложения этой основной части первой книги «Капитала» видно, что вся постановка вопроса у Маркса и весь его анализ представляют совершенно новое в экономической литературе. Как понятие прибавочной ценности, так и самый механизм ее производства и присвоения, были почти совершенно чужды предшествовавшим школам, в том числе и лучшим классикам. Выше мы видели, что Рикардо наиболее близко подходил к разрешению проблемы ценности вообще, а вместе с тем и прибавочной ценности, но, не разрешивши первую, он не мог разгадать загадку последней. Для него так и осталась непонятной разница между трудом и рабочей силой, откуда и происходили те противоречия и недоговоренности, которые имеются в теории ценности Рикардо и всех тех экономистов, которые воспринимают эту теорию, до Родбертуса включительно.

Нужно здесь же отметить, что и Маркс не сразу разобрался в этой ошибке рикардовской школы, построив взамен ее свою новую теорию. Еще в своей «Нищете философии» и статье «Наемный труд и капитал» (т.-е. в 1847 г., правда еще задолго до появления I т. «Капитала» в 1867 г.) Маркс еще не вполне различает эти два понятия, говоря и о «ценности труда», и о «ценности рабочей силы», о «труде, который является товаром». («Труд, поскольку он покупается и продается, есть товар, как и всякий иной товар, а потому и имеет и некоторую меновую ценность». «Нищета философии», гл. I, § 2 и др. места). Но впоследствии Маркс уже строго установил всю разницу между «трудом», как источником ценности, но не являющимся товаром и не имеющим, следовательно, меновой ценности, и «рабочей силой», как товаром, продающимся на рынке и имеющим свою меновую ценность в виде заработной платы. При такой постановке «загадка капиталистического производства», как производства прибавочной ценности, оказалась разрешенной.

Вместе с тем разрешенной оказалась и другая проблема, которая также оставалась не завершенной у «великих» классиков и вследствие этого получила извращенное истолкование у их эпигонов — это проблема *заработной платы*. Если капиталист покупает труд и если следовательно последний обладает ценностью, то, как и для всякого товара, ценность труда определяется количеством рабочего времени, необходимого для его воспроизводства, т.-е. в денежной форме—заработной платой, как ценой труда. Но при таких условиях именно и остается неразрешимой проблема прибавочной ценности и всей «загадки капиталистического производства». Или остается прийти к заключению—как это и делали эпигоны — что никакой «загадки» нет, что заработная плата — полная цена труда, что капиталист не эксплуатирует рабочего, что его прибыль — не неоплаченная часть созданной трудом ценности, а результат производительной силы капитала. А. Смит и Рикардо были далеки от

такой апологии капиталистического хозяйства, но все же, отказываясь от нее, и об'ясняя заработную плату как «минимум средств существования рабочего», они делали из такого об'яснения неверные выводы. Они предполагали, что эта заработная плата и средства существования рабочего, как товарная ценность, эквивалентны труду; что труд без остатка покрывается заработной платой, что оба они, как меновые ценности, эквиваленты. Разчленивши эти понятия, Маркс (отд. VI, глава XVII) дал вместе с тем и законченную теорию заработной платы. Эта теория идет далеко вперед в понимании проблемы заработной платы, не только сравнительно с классиками, но и напр. с Лассалем, который, восприняв идею заработной платы Рикардо и придав ей характер «закона», также совершенно далек от вскрытия ее сущности и положения в капиталистическом производстве. Такая же ничего не разрешающая трактовка заработной платы («корма» для рабочего) имеется и у Родбертуса.

Итак, процесс капиталистического производства анализирован и разложен на свои основные элементы. Главным действующим лицом его является капиталист, который воспроизводит в нем, с помощью покупки рабочей силы и применения труда, свой капитал с нарастающей на него в процессе производства новой ценностью. Эта новая ценность или потребляется капиталистом непосредственно как его личный нетрудовой доход — тогда мы и имеем *простое* воспроизводство, т.-е. производство, в котором капитал в каждом новом периоде производства воспроизводится в прежнем размере; или эта прибавочная ценность частично вступает в новое производство как капитал, накопляясь и прибавляясь к прежнему капиталу,—тогда происходит накопление и *расширенное* воспроизводство. Этой проблеме Маркс посвящает следующий VII отд. I книги «Капитала».

Простое воспроизводство состоит в повторном процессе производства в прежнем размере. Рабочий воспроизводит ценность постоянного капитала, средств собственного существования, заработной платы и прибавочную ценность. Последние две части поглощаются потреблением рабочего и капиталиста, воспроизведенный постоянный капитал в том же размере вновь идет в производство. Если так обстоит дело в каждом отдельном капиталистическом предприятии, то еще более ясно социальная структура капиталистических отношений вскрывается при рассмотрении всего процесса производства в целом. Рабочий, лишенный средств производства, может получить средства своего существования только путем воспроизводства капитала, а следовательно, прибавочной ценности, т.-е. с самого капиталиста. «Капиталистический процесс производства своим собственным развитием воспроизводит отделение рабочей силы от условий труда. Он этим воспроизводит и увековечивает условия эксплуатации рабочего. Он постоянно вынуждает рабочего продавать свою рабочую силу, чтобы жить, а капиталисту дает возможность покупать ее, чтобы обогащаться... Процесс капиталистического производства, если на него смотреть как на связное целое или как на процесс воспроизводства, производит, следовательно, не только товары, не только прибавочную ценность, но производит и воспроизводит и самые капита-

листические отношения, т.-е., с одной стороны, капиталистов, с другой — рабочих». («Капитал», I, гл. 21).

Но капиталистический способ производства редко ограничивается простым воспроизводством. Он стремится к *расширенному производству*, к накоплению произведенной прибавочной ценности, к превращению ее в новый, добавочный капитал. Самый механизм накопления состоит в том, что часть нетрудового дохода капиталиста отщепляется и вместо «непроизводительного потребления» направляется на производительное. Вопрос этот так ставился и разрешался и классической школой. Но на что именно затрачивается эта новая накопляемая ценность — капитал? А. Смит и Рикардо полагали, что капитализация прибавочной ценности заключается в простом обмене ее на рабочую силу: «часть дохода, о которой говорят, что она присоединяется к капиталу, потребляется производительными рабочими». Маркс разоблачает эту ошибку классиков, указывая, что и эта новая, превращающаяся в капитал, ценность, как и всякий капитал, должна расчленяться на постоянный капитал (средства производства) и переменный капитал (заработная плата). Это поправка, как увидим далее, имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего анализа процесса воспроизводства и теории реализации.

В этом процессе расширенного воспроизводства и обращения части прибавочной ценности в капитал, перед капиталистом стоят, таким образом, две задачи: с одной стороны, найти на рынке необходимые для него товары, требующиеся для превращения прибавочной ценности в капитал — машины, орудия, сырье, с другой — также найти на рынке товары, необходимые для существования добавочных рабочих. Если брать весь процесс капиталистического производства в целом, то при нормальных условиях в нем и производятся в сответствующих частях с одной стороны средства производства, с другой — средства потребления рабочих. Постоянная наличность на капиталистическом рынке этих товаров дает возможность превращать прибавочную ценность в возрастающий капитал.

Но капиталисту нужны средства потребления рабочих только для того, чтобы купить на них рабочую силу. Но откуда же берутся добавочные рабочие? Само же капиталистическое хозяйство в целом создает и эту, нужную для накопления, добавочную рабочую силу. Маркс рассматривает этот вопрос и приходит к блестящему построению «общего закона капиталистического накопления» и вместе с тем и общего закона развития капиталистического общества. («Капитал» I, глава XXIII).

Уже накопление при неизменяющемся положении капитала (т.-е. при неизменяющемся соотношении постоянной и переменной части капитала) должно вызвать увеличение спроса на рабочую силу, что в свою очередь обусловливает рост заработной платы, т.-е. сокращение прибавочного труда за счет увеличения труда необходимого. В зависимости от степени, силы и темпа накопления колеблется и добавочный спрос на рабочую силу, колеблется заработная плата и соотношение между прибавочной ценностью и переменным капиталом. Но капитализм на

этом не может остановиться. Он стремится к увеличению относительной прибавочной ценности, что, как мы знаем, достигается всевозможными техническими усовершенствованиями, повышающими производительность труда и сводящимися к увеличению доли постоянного капитала, к концентрации производства, к аккумуляции капитала.

Общий закон капиталистического накопления и состоит в этом увеличении постоянного капитала за счет переменного, в возрастающей концентрации и централизации, в возрастающем производстве средств производства, в накоплении постоянного капитала. Капитализм начал свою экономическую миссию с разгрома мелкой собственности, с поглощения мелкого, некапиталистического, производителя-ремесленника, с обезземеления массы сельского населения, с превращения его в пролетариат. Концентрация производства с разделением труда и введение машинной техники давали победу капиталистическим формам производства. Но тот же процесс победы более крупного производства над мелким происходит и в недрах самого развивающегося капитализма, в виде вытеснения более мелких и менее оборудованных капиталистических предприятий. Однако, при такой общей тенденции капитализм развивается все же неравномерно и не по прямой линии, а с периодами под'ема и понижения, в виде чередования промышленных циклов. Все это в сильной степени усложняет социальные взаимоотношения основных классов капиталистического общества. Капитализм одновременно и выталкивает из рабочей армии массы рабочего населения вследствие увеличения постоянного капитала за счет сокращения переменного и поднятия производительности труда; и в то же время притягивает к себе новые массы как вследствие абсолютного роста производства, так и в связи с чередующимися периодами под'емов и падения.

Отсюда Маркс приходит к установлению своего капиталистического *закона населения*. В капиталистическом обществе и для капиталистического производства по самым социально-экономическим условиям его существования, необходим известный избыток рабочего населения, сравнительно с теми средствами существования, которые капитализм в виде переменного капитала представляет рабочим. Это перенаселение, следовательно,—не тот естественный физиологический закон, который, как полагал Мальтус, обусловлен тем, что население возрастает в геометрической прогрессии, тогда как средства существования растут в арифметической прогрессии. По Марксу, перенаселение—лишь социальный закон, обусловленный социальными причинами и отношениями капиталистического общества. Капитализм, со свойственной ему цикличностью хозяйственной жизни и повторяющимися периодами повышенной кон'юнктуры и кризисов, не может существовать без резервной армии рабочих. Он то притягивает, то отталкивает массы рабочих, сообразно оживлению или сокращению производства. Маркс насчитывает три вида и три основных причины капиталистического перенаселения: текучее, скрытое и стационарное. *Текучее* перенаселение обусловливается неодинаковым спросом со стороны капитала на различные возрастные группы рабочих и преимущественным спросом при машинном производстве на труд малолетних, почему с достижением

известного возраста рабочий постоянно попадает в армию безработных. *Скрытое* перенаселение обусловливается постоянным притоком рабочих к городам из деревни, где всегда имеется известный избыток населения. *Стационарное* перенаселение — это постоянная армия хронических безработных, не находящих себе определенной работы и работающих лишь случайно; сюда же относятся все отбросы современного общества: бродяги, нищие, проститутки. Пауперизм является, таким образом, логическим социальным следствием современного капиталистического строя, а пауперы — резервной армией, которая всегда готова к услугам капиталистической эксплуатации.

«Чем значительнее общественное богатство, функционирующий капитал, размер и энергия его возрастания; следовательно, чем более также абсолютная величина рабочего населения и производительность его труда,—тем больше и относительный избыток населения и запасная промышленная армия. Рабочая сила, которою можно располагать, развивается от тех же причин, как и растяжимая сила капитала. Следовательно, относительная величина запасной промышленной армии возрастает вместе с потенциальною энергией богатства. Но чем больше эта запасная армия в сравнении с действующей армией, тем значительнее постоянный избыток населения или те слои рабочих, нищета которых находится в обратном отношении к тягости их труда. Чем, наконец, больше слой лазарей рабочего класса и запасная промышленная армия, тем больше и официальный пауперизм. *Это абсолютный, общий закон капиталистического накопления*... Все способы производства прибавочной ценности суть в то же время способы накопления; а каждое расширение становится наоборот средством развития этих способов. Отсюда следует, что по мере накопления капитала положение рабочего, какова бы ни была его рабочая плата, должно ухудшаться... Накопление богатства на одном полюсе производит в то же время на другом,—т.-е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала,—накопление нищеты, тягостей труда, рабства, невежества, огрубения и нравственного унижения». (Капитал, I, гл. XXIII, § 4).

В последующих разделах той же главы Маркс вновь дает блестящий исторический экскурс из области экономической истории Англии, вскрывающий ход исторического образования английского пролетариата и пауперизации населения.

Итак, капиталист и рабочий—вот основные элементы, на которые разлагается капиталистическое общество. Капиталистическое производство есть не что иное как «капиталистическая форма производства товаров», основывающаяся на «совокупности процесса труда и процесса возрастания ценности», т.-е. получения прибавочной ценности. Стремление к этой последней цели составляет главную заботу капиталиста, ради которой он и ведет свое предприятие. Мы вскрыли происхождение этой прибавочной ценности и ее антагонистический характер, как присвоение нетрудового продукта, противопоставляемое заработной плате, как рыночной цене труда. Таким образом, главным, и единственным пока, действующим лицом является капиталист, который воспроизво-

дит, с помощью покупки рабочей силы и применения труда, свой капитал с нарастающей на него в процессе производства новой ценностью.

Однако, было неправильным предполагать, что капиталист-предприниматель один берет себе всю прибавочную ценность. Чтобы понять сущность капиталистического производства и процесса труда в нем, необходимо было исследовать процесс создания ценности в общем и абстрактном виде. В действительности, однако, дело обстоит иначе. Капиталист-предприниматель не может присвоить целиком всю прибавочную ценность. Во-первых, в условиях капиталистического общества он может работать не на собственный, принадлежащий ему капитал, а на чужой, занятый; владельцу его он должен предоставить вознаграждение в виде части заработанной им прибавочной ценности. Во-вторых, из этой же прибавочной ценности капиталист-предприниматель должен оплатить все издержки обращения и реализации товара, т.-е. расходы торговца, кредита и проч. Далее, наконец, на некоторую часть прибавочной ценности иногда пред'являет претензию землевладелец. В результате вся прибавочная ценность, произведенная в производстве, распадается при распределении на отдельные части доходов—прибыль, процент на капитал, предпринимательскую прибыль, земельную ренту.

В первом томе «Капитала» Маркс не затрагивает этих вопросов, так как он рассматривает процесс капиталистического производства абстрактно, как процесс создания прибавочной ценности. К конкретному вопросу о том, как же и кем действительно получается в капиталистическом обществе эта прибавочная ценность, Маркс возвращается лишь в III томе «Капитала». Здесь его анализ направлен уже не на анализ абстрактного процесса капиталистического производства как производства прибавочной ценности, а на анализ тех конкретных форм, которые обнаруживаются на поверхности капиталистического производства и распределения этой прибавочной ценности. Для того, чтобы анализом этих конкретных форм и явлений связать и уточнить рассмотренный уже абстрактный анализ I тома, оставим пока изложение этого тома и посмотрим, как и во что в конкретных условиях капиталистического общества превращается прибавочная ценность.

Мы уже знаем, что ценность каждого товара, производимого капиталистическим способом, определяется ценностью перенесенных на товар затрат постоянного капитала, плюс переменный капитал, плюс прибавочная ценность или $T=c+v+m$. Те затраты, которые капиталист производит на материальные средства производства и на наем рабочей силы, т.-е. $c+v$, составляют для него издержки производства (Kostpreis) товара, они определяются для капиталиста, следовательно, затратой капитала вообще. Анализ капиталистического производства и прибавочной ценности показал уже, насколько бессмысленно представление, что издержки производства определяют ценность товара и что прибыль и прибавочная ценность получаются вследствие продажи товара фабрикантом выше их ценности. Действительно, ценность товара определяется затратой труда, но стоимость товара для капиталиста определяется затратой капитала. При том для капиталиста безразлично, бла-

годаря какой именно части своего капитала он получил нарастание ценности. Для него важен только конечный результат — получение избытка сравнительно с первоначальной общей затратой капитала. Капиталист рассматривает этот избыток, эту прибавочную ценность, как прибыль на весь свой капитал. Отношение прибавочной ценности ко всему капиталу, т.-е. m : k, Маркс называет нормою прибыли, в отличие от нормы прибавочной ценности m : v—как отношение прибавочной ценности к переменному капиталу. Понятно, что при капиталистическом способе определения прибыли отнесением прибавочной ценности ко всему капиталу затемняются капиталистические отношения, которые поэтому могут быть вскрыты только анализом прибавочной ценности. Поэтому Маркс в дальнейшем и останавливается подробно на исследовании отношения нормы прибыли к прибавочной ценности, в зависимости от ряда условий: при одинаковом и разном соотношении частей капиталов, при одинаковой и разной норме прибавочной ценности, при различной скорости оборота капитала и проч. Вместе с теоретическим рассмотрением вопроса (главы 3—4), здесь дается также богатый фактический материал, иллюстрирующий борьбу капитала за повышение нормы прибыли экономией в постоянном капитале, в постройках, в пользовании трудом, влияние изменения цен и др. (гл. 5—6.).

Но, конечно, по существу вопроса важна не эта разница в способе исчисления прибыли сравнительно с прибавочной ценностью, но важны те экономические последствия, которые вытекают отсюда для капиталиста. Дело в том, что если два каких-либо капиталиста затрачивают одинаковые суммы капитала и одинаково эксплуатируют рабочих, они однако будут получать различные нормы прибыли, если строение их капиталов, т.-е. отношение переменного и постоянного капиталов будут различны. Если, например, оба капиталиста затрачивают капитал в 100 единиц, но один имеет 60 c+40 v, другой 80 c+20 v, то при одинаковой норме прибавочной ценности 100%, они получили бы разные нормы прибыли: первый 40%, второй 20%. Строение капитала по его стоимости, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает его, Маркс называет *органическим* строением капитала. При этом такие капиталы, в которых содержится относительно больше постоянного капитала и меньше переменного, сравнительно с общим строением общественного капитала, будут капиталами *высшего* строения, обратно,—*низшего* строения.

Как же при таких условиях устанавливается прибыль капиталиста? Вопрос этот—чрезвычайной важности. На него обратил внимание еще Рикардо. По его теории ценности, одинаковые капиталы, употребляющие одинаковые количества живого труда, одинаково оплачиваемого, при прочих равных условиях, за одно и то же время производят продукт одинаковой ценности и одинаковую прибыль. Капиталы, употребляющие неодинаковое количество живого труда, не могут получить равную прибыль. В действительности, однако, равные капиталы, независимо от количества употребленного ими живого труда, приносят и равную прибыль. Рикардо не мог разрешить это противоречие иначе, как отказавшись от своей теории ценности и придя к заключению, что

цены товаров, которые определяют прибыль, устанавливаются не по трудовым ценностям, а по издержкам производства.

Перед Марксом стояла, таким образом, задача разрешить это противоречие без нарушения трудовой теории ценности. Задача сводилась к нахождению способа установления средней нормы прибыли, как производной прибавочной ценности или, что то же, к доказательству, что цены товаров, определяясь по средней норме прибыли, тяготеют к трудовым ценностям. Разрешению этого вопроса Маркс посвящает второй отдел третьей книги «Капитала».

Возьмем несколько капиталов разного органического строения и посмотрим, как при одинаковой норме прибавочной ценности будет определяться норма прибыли и стоимость товара.

Капиталы:	Норма приб. ценности.	Прибавочн. ценность.	Ценность продукта.	Норма прибыли.
1. 80c+20v . . .	100%	20	120	20
2. 70c+30v . . .	100%	30	130	30
3. 60c+40v . . .	100%	40	140	40
4. 85c+15v . . .	100%	15	115	15
5. 95c+ 5v . . .	100%	5	105	5
Среднее 78c+22v	100%	22	122	22

Если мы будем смотреть на все 5 капиталов как на единый капитал, мы увидим, что средняя прибавочная ценность будет 22 и норма прибыли совпадет с средней прибавочной ценностью. Но ясно, что для каждого капитала в отдельности различные нормы прибыли существовать не могут, так как при условиях свободной конкуренции и свободы передвижения капиталов, последние будут перемещаться из отраслей с низкой прибылью в отрасли с высокой прибылью, пока не произойдет уравнения прибылей и не установится та же прибыль, которую мы получили, рассматривая все капиталы в совокупности как единый капитал. В таком случае цена товара будет определяться следующими расчетами:

Капиталы:	Прибавочн. ценность.	Ценность продукта.	Норма прибыли.	Издержки производства.	Цена товара.	Отклонение цены от ценности.
1. 80c+20v . . .	20	120	22%	100	122	+ 2
2. 70c+30v . .	30	130	22%	100	122	— 8
3. 60c+40v .	40	140	22%	100	122	— 18
4. 88c+15v . . .	15	115	22%	100	122	+ 7
5. 95c+ 5v .	5	105	22%	100	122	+ 17

В общем, часть товара будет продана на 2+7+17=26 выше ценности товара, часть на 8+18=26 ниже ценности, т.-е. в среднем все товары будут проданы по их ценности. Цены, которые образуются вследствие того, что берется средняя из различных норм прибыли, получаемых в различных отраслях производства, и прилагается к издержкам

производства товаров в различных отраслях производства, Маркс называет *ценами производства. Цена производства* товара равняется, следовательно, издержкам производства, плюс средняя прибыль. Следовательно, не ценность, а цены производства образуют при развитом капиталистическом производстве тот средний уровень, около которого колеблются цены.

Отсюда понятно, что на рынке, где все товары одинакового достоинства имеют одну рыночную цену, различные предприятия будут продавать свои товары выше или ниже их индивидуальной ценности. При этом, если данного товара произведено столько, сколько требуется общественной потребностью, а следовательно, если на его производство затрачено труда столько, сколько общественно-необходимо при данной средней технике, то для всего товара в целом вся сумма индивидуальных отклонений вверх от общественной ценности товара в одних предприятиях будет уравновешиваться суммой таких же отклонений вниз, и средняя цена совпадет со средней общественной ценностью товара. Если же какого-либо товара произведено больше или меньше общественно-необходимого количества, т.-е. если на производство его затрачено больше или меньше общественно-необходимого рабочего времени, то средняя рыночная цена будет определяться не средним общественно-необходимым временем и средней общественной стоимостью, а несколько выше или ниже последней. Другими словами, регулирующим цену товаром, будет являться не товар, произведенный при средних условиях а товар, произведенный при более дешевых (при избытке товара) или при более дорогих условиях (при недостатке товара). Цена, таким образом, будет не только отклоняться от индивидуальной стоимости товара в отдельных предприятиях, но и от общественной, средней рыночной его стоимости.

В то же время конкуренция капиталистов в каждой отдельной отрасли производства и стремление производить товар возможно дешевле заставляет капиталистов прибегать к усовершенствованиям производства, к улучшению техники, к увеличению постоянного капитала, а это в свою очередь понижает среднюю норму прибыли. Во всем капиталистическом хозяйстве в целом и в различных его отраслях идущая в том же направлении конкуренция приводит к тем же последствиям. Поэтому некоторые капиталисты отдельных отраслей с более высоким сложением капитала извлекут добавочную прибыль за счет капиталистов других отраслей с менее благоприятным строением капитала. «Установление одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены из индивидуальных стоимостей товаров—вот что прежде всего в данной отрасли промышленности совершает конкуренция. Но только конкуренция капиталов в различных отраслях создает цены производства, которые уравнивают нормы прибыли в различных отраслях производства. Для последнего требуется более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для первого». (Капитал, III кн., гл. X.).

Так Маркс разрешает оставшийся неразрешенным для классической школы вопрос о соотношении ценности и цен товаров. Мы видели, что

и у А. Смита, и у Рикардо их трудовая теория ценности совершенно оторвана от цен: как только они подходят к вопросу о ценах товаров, они решают этот вопрос совершенно независимо от ценности. Критики и противники Маркса также обыкновенно указывают, что Маркс в своем III томе при анализе образования цен пришел, подобно классикам, к отрицанию своей теории ценности, как основы цен, показав, что цены образуются из цен производства, плюс средняя прибыль. Но этот упрек был бы справедлив, если бы Маркс, подобно классикам, считал, что цены товаров определяются такими, совершенно независимыми от ценности, моментами, как у классиков издержки производства и прибыль. У Маркса же, наоборот, средняя норма прибыли является производной прибавочной ценности без этой последней нельзя понять и процесс образования средней прибыли. Таким образом, учение об образовании цен и средней нормы прибыли у Маркса является лишь завершением его теории ценности. В свою очередь теория образования цен, теория цены производства, средней нормы прибыли и отклонения от нее дают ключ к пониманию дальнейших более сложных явлений распределения—соотношения отдельных частей капиталистической прибыли (процент, промышленная прибыль), соотношения прибыли и ренты и т. д.

Но, прежде всего, как изменяется и развивается сама прибыль? Мы уже знаем, что с развитием капитализма увеличивается постоянный капитал за счет переменного, т.-е. за счет той части капитала, который создает ценность и прибавочную ценность. Это ведет, следовательно, к уменьшению последней, а вместе с тем и к понижению нормы прибыли. Этот закон наклонности *нормы прибыли к понижению* Маркс и рассматривает в третьем отделе (глава XIII—XV) третьей книги «Капитала». Подробно выяснив и анализировав самый закон и причины, его обусловливающие, Маркс далее останавливается на противодействующих причинах—повышении эксплуатации труда, падении рабочей платы ниже стоимости, удешевлении элементов постоянного капитала, относительном перенаселении и др. И, наконец, Маркс останавливается на «внутренних противоречиях закона», т.-е. каким образом в недрах капиталистического производства уживаются и разрешаются такие внутренние противоречия, как, с одной стороны, понижение нормы прибыли, как результат накопления, и, с другой стороны, самое стремление к нарастанию капитала и к расширенному воспроизводству. В условиях капиталистического производства это ведет к тому, что при понижении нормы прибыли ведет кобесценению капитала и в то же время побуждает к усиленному накоплению; тем же количеством труда и капитала создается все более элементов увеличения капитала и вместе тем, благодаря все большему увеличению постоянного капитала,—все возрастающее перенаселение. Таким образом, основное противоречие капиталистического способа производства заключается в том, что оно «заключает в себе стремление к абсолютному развитию производительных сил... независимо от тех общественных отношений, в которых оно совершается; между тем как, с другой строны, оно имеет целью сохранение имеющейся капитальной стоимости и наивозможно большее увеличение ее». (Капитал, III кн., гл. 15, II). Маркс подходит, таким

образом, вплотную к проблеме об исторических судьбах капитализма и о путях изживания им этих внутренних его противоречий путем кризисов.

Но оставляя пока в стороне этот последний вопрос, остановимся на другой нити в ходе исследования Маркса. Что же делается, далее, с этой прибылью в условиях «нормального» и спокойного хода капиталистического развития? Мы уже видели, что капитал на различных фазах своего круговращения принимает различные формы: производительного, находящегося в процессе производства и капитала обращения в двух его формах—*товарного* и *денежного*. В процессе капиталистического производства, взятого в целом, вся сумма затрат капитала определяется суммой всех этих видов капитала. Исторически эти формы получают преобладание на разных стадиях хозяйственного развития. На низшей стадии товарного хозяйства преобладание получает товарно-торговый капитал, который захватывает обращение продуктов еще ранее, чем само производство захвачено капиталом. Затем по мере развития капиталистического производства и внедрения капитала в процесс производства, товарно-торговый капитал становится в роль, подчиненную капиталу производительному. Но тем не менее выделение особых функций обращения и обслуживание их специальным видом капитала заставляет производительный капитал из создаваемой и присваеваемой им прибавочной ценности часть уделить на вознаграждение торгового капитала. Для самого промышленного капитала дело от этого ничуть не меняется, так как, если-бы он сам вздумал обслуживать процесс обращения своим капиталом, он ничего от этого не выиграл-бы. Так возникает торговая прибыль, которая хотя и получается купцом, но представляет лишь часть создаваемой в производстве прибавочной ценности. Все эти вопросы Маркс и рассматривает в четвертом разделе III книги.

Нет надобности здесь особенно подчеркивать, насколько плодотворным оказывается разрешение Марксом загадки прибавочной ценности, дающее ключ к разрешению и таких вопросов, как происхождение торговой прибыли. И в этом вопросе классики, не дойдя до разрешения всей проблемы прибавочной ценности, принуждены были безнадежно путаться, приходя к выводу, что прибыль создается благодаря продаже товара выше его ценности, и не замечая, что этим они сами опровергают свою теорию ценности.

Товарно-торговым капиталом дело дележа прибавочной ценности не ограничивается. Мы уже знаем, что в процессе обращения исходным пунктом превращения капитала является денежный капитал. Деньги вообще, как потенциальный капитал, приобретают особое значение, как товар исключительного качества, как товар, могущий всегда превратиться в средства производства для получения прибыли. На товарно-капиталистическом рынке эти деньги-товар, деньги-капитал получают, как и всякий товар, свойство отчуждения от своего владельца, как владельца денег, и перехода к новому владельцу, который желает ими пользоваться, как капиталом. Капиталистическое общество вырабатывает сложную систему денежного обращения—банков, как средства собирания, концентрации и распределения денежных капиталов, кредита,

вексельных курсов и проч. Все эти способы капиталистического обращения Маркс и рассматривает в 21—36 главах третьей книги. Во всяком случае, независимо от конкретных и технических путей отчуждения денежных капиталов, последние в капиталистическом обращении становятся самостоятельным претендентом на часть прибавочной ценности. Если капиталист-предприниматель работает не на свой, а на занятый, чужой капитал он должен из прибавочной ценности выделить еще одну часть—процент, оставляя себе лишь предпринимательскую прибыль. Средняя норма процента—есть цена занятого капитала. Но, конечно, так как всякий капитал требует себе вознаграждения, независимо от владельца, то и в том случае, если капиталист работает своим капиталом, доход его можно расчленить на те же две части—процент и предпринимательский доход, хотя-бы вся прибыль оставалась в руках одного капиталиста. Отсюда же видно также и то, что процент на капитал и предпринимательской доход—оба являются функцией нормы прибыли: при данном уровне последней,—чем больше процент, тем меньше предпринимательская прибыль и обратно. Конкуренция, уравнивающая прибыль, в виде средней прибыли, уравнивает и норму процента, определяя вместе с тем и размеры предпринимательского дохода.

Из сказанного видно, насколько и в теории прибыли Маркс дает решение, отличное от всех предшествовавших попыток, и в то же время тесно связанное со всей его конструкцией ценности и прибавочной ценности. Предшествовавшие теории прибыли, начиная с физиократов и кончая классиками и их вульгаризаторами (не считая новейших направлений австрийской школы), давали самое разнообразное решение проблемы прибыли. Так наз. теории производительности, выдвинутые впервые физиократами, не могли дать никакого другого об'яснения прибыли, как чисто натуралистическое; и если у физократов такое об'яснение прибыли находилось хотя-бы в логической связи со всей их системой, то уже для классиков такая постановка оказывалась в противоречии с их общей системой. Тем не менее, они все еще отчасти принимают доводы «натуралистического» об'яснения прибыли, исходя из «производительной» силы капитала и, следов. распространяя тот же физиократический принцип с земли на другие средства производства. Прибыль в связи с этим становится частью издержек производства. Из классиков наиболее полно разрывает с натурализмом и с теорией производительности в об'яснении прибыли Рикардо, у которого теория прибыли строится, уже исходя из прибавочной ценности, а не из прибавочного продукта; но и Рикардо, наиболее близко подходивший к решению вопроса, тем не менее не смог вскрыть общественный характер установления прибыли. Он уже вскрывает антагонизм заработной платы и прибыли, как долей ценности одного и того же продукта, но он не может понять общественного механизма установления прибыли. У Маркса теория прибыли не только вытекает, как логическое следствие его теории ценности и прибавочной ценности, но и об'ясняет весь механизм и общественный характер установления общей нормы прибыли.

Вскрытие законов установления прибыли дает ключ к разрешению и последней доли прибавочной ценности—*ренты*. В промышленности,

в условиях свободной конкуренции и передвижения капиталов, различие органического строения капиталов, различие в технике, производительности труда не дает однако возможности получения прибыли выше средней ее нормы. В то же время, рыночная стоимость продукта определяется не тем рабочим временем, которое необходимо для производства данного продукта в индивидуальных условиях данного предприятия, а общественно необходимым временем, требующимся при данных средних общественных условиях производства для изготовления всего количества находящегося на рынке товара данного рода. Но предположим, что некоторые производители пользуются при производстве какими-либо особо благоприятными условиями, которых не имеется у других и которых нельзя по желанию умножить, напр. силой водопада для приведния в действие машин. Благодаря этому сокращаются некоторые затраты капитала, напр., на топливо, а след. увеличивается и норма прибыли. Эту повышенную норму прибыли может получить только индивидуально данный капиталист, так как конкуренция капиталов при описанных условиях не может сравнять эту повышенную прибыль с общей ее нормой. Регулирующим рыночные цены становится товар, произведенный при условиях, средних для всех остальных фабрикантов, т.-е. худших, чем для обладателя водопада. Но если владельцем водопада является не сам фабрикант, а другое лицо, то последнее предоставит право пользования водопадом лишь под условием платежа ему особой платы. Размеры ее определятся именно той добавочной прибылью, которую может извлечь капиталист из пользования водопадом сверх средней нормы прибыли. Понятно, что все сказанное относится вообще ко всем тем особым благоприятным условиям производства и создания добавочной прибыли, которые могут быть связаны, напр., с плодородием земли, с рудоносностью ее горных участков, с ее расстоянием от мест сбыта и т. п. Такая добавочная прибыль, не поступающая следовательно на выравнение общей нормы прибыли и независимая от капитала, и есть рента. Превращение добавочной прибыли в ренту и законы этого превращения Маркс и рассматривает в шестом отделе III книги «Капитала».

Указанной постановкой ренты, как модифицированной добавочной прибыли, значительно облегчается и уточняется дальнейшее исследование. Для Маркса рента—одна из категорий капиталистического хозяйства, т.-е. одна из исторических категорий, связанных с условиями капиталистического производства. Конечно, имеются различные исторические формы ренты, которые Маркс впоследствии рассматривает. Но для выяснения законов рентообразования необходимо брать типичное явление, т.-е. ренту капиталистическую. Поэтому предпосылками рассмотрения ренты является предположение, что земледелие ведется капиталистически, т.-е. что фермер является капиталистом, «который ведет сельское хозяйство, как особую отрасль эксплуатации капитала, как приложение своего капитала к особой сфере производства». Действительными производителями являются наемные рабочие, которые получают свою рабочую плату от фермера-капиталиста. Земля уже отделена от непосредственных производителей и от условий труда. Одним

словом—земледелие ведется капиталистически и капитал овладел уже земледельческим производством. Земельная рента при таких условиях есть определенная сумма денег, которую земельный собственник извлекает из сдачи определенного участка земли с капиталиста-предпринимателя за предоставление ему права пользования этим участком. Самая задача исследования ренты определяется при этом Марксом так: «Мы предполагаем, что средние продажные цены этих (земледельческих) продуктов равны ценам их производства. И весь вопрос заключается в том, каким образом при этом предположении может возникать земельная рента, т.-е. каким образом часть прибыли может превратиться в земельную ренту». («Капитал», III, гл. 38).

Маркс различает прежде всего дифференциальную и абсолютную ренту. Первая возникает из различия плодородия участков земли, из их положения и различной доходности последовательных затрат капитала, вследствие того, что прибыль растет не пропорционально увеличению затрат капитала. Образование дифференциальной ренты вследствие различий в плодородии почвы (дифференциальной ренты I) изображается, напр., в следующей таблице.

Сорт земли:	Продукт. Кварт.	Продукт. Шиллин.	Затрата капитала.	Прибыль всего шилл.	Средняя прибыль.	Рента.
A	1	60	50	10	10	—
B	2	120	50	70	10	60
C	3	180	50	130	10	120
D	4	240	50	190	10	180

Дальнейшее рассмотрение других случаев и законов установления ренты вскрывает условия возникновения дифференциальной ренты при последовательной затрате капиталов различной производительностью, притом при постоянной цене производства, при повышающейся и понижающейся цене и, наконец—ренты с самой худшей из возделываемых земель. Эта последняя рента возможна в тех случаях, когда повышающийся спрос на зерновые хлеба может быть покрыт лишь большей затратой капитала на худших землях; в таком случае цена, регулирующая производство повышается и самые худшие земли начинают давать ренту.

Из рассмотрения различных видов дифференциальной ренты и ее образования видно, что эта рента 1) не оказывает влияния на общую цену производства товара, а предполагает ее, возникая из разницы между индивидуальной ценой производства единичного капитала, в распоряжении которого находится данный участок земли, и общею ценою производства; 2) она возникает не вследствие абсолютного повышения производительной силы капитала, которая может уменьшить стоимость товара, но вследствие разницы производительности отдельных капиталов, затрачиваемых в разных условиях; 3) сила природы является не

источником добавочной прибыли, а только естественным ее основанием; 4) землевладение есть не причина создания такой добавочной прибыли, а лишь причина превращения ее в форму земельной ренты, т.-е. присвоения ее землевладельцем.

Отсюда видно, насколько трактовка и разрешение проблемы дифференциальной ренты у Маркса отличны от теории ренты Рикардо, вопреки мнению многих противников и критиков Маркса, считающих, что теория ренты Маркса — только пересказ теории Рикардо. Нужно сказать, что сам Маркс, подвергая в своих «Теориях прибавочной ценности», подробной критике теорию Рикардо указывает на две, имеющиеся у него, противоречивые и исключающие друг друга трактовки ренты. В основном и преобладающем варианте Рикардо — рента — продукт земли, ее естественных свойств; она натурализована, потеряла свой общественный характер, окончательно заслонила труд, как источник ценности и подорвала самую теорию ценности. По другому варианту — рента есть разница между продуктами, получаемыми в результате приложения двух равных количеств труда и капитала. Это определение уже гораздо ближе к истине и к той постановке, которую дает и Маркс, но у Рикардо она не получила дальнейшего развития и наоборот в основу был положен первый «натуралистический» вариант.

Этим однако не исчерпывается различие всей теории ренты в целом у Маркса и Рикардо. Рикардо принимал существование только одной дифференциальной ренты и отрицал абсолютную: это явно противоречило-бы его основному принципу, что ценность определяется трудом. Маркс ставит вопрос шире и задается целью исследовать тот момент, который совершенно упускал из виду Рикардо — влияние на рентообразование частной земельной собственности и возможность возникновения абсолютной ренты без нарушения трудовой ценности. В одном из писем к Энгельсу сам Маркс так определяет свою задачу в этом вопросе: «Единственно, что я должен теоретически доказать — это возможность абсолютной ренты без нарушения закона ценности. Вокруг этого вопроса вертится теоретический спор еще со времени физиократов. Рикардо такую возможность отрицает. Я ее отстаиваю».

Нужно отметить, что если теория дифференциальной ренты Маркса вызвала мало критики, то теория абсолютной ренты вызывает значительные возражения не только со стороны буржуазных экономистов, но и со стороны некоторых последователей Маркса. Указывается на различное будто-бы об'яснение абсолютной ренты, данное Марксом в III томе «Капитала» и в «Теории прибавочной ценности»: в первом Маркс об'ясняет абсолютную ренту частной собственностью на землю, в «Теории» — более низким строением капитала в сельском хозяйстве. Поводом к таким толкованиям является, конечно, только то обстоятельство, что и III том «Капитала» и «Теории прибавочной ценности» не были окончательно докончены самим Марксом, почему в них естественны недоговоренности и некоторые внешние противоречия. По существу же задача, характеризованная самим Марксом в приведенных выше словах его письма, совершенно последовательно и одинаково разрешается в обоих его трудах.

Как же возникает абсолютная рента? При анализе дифференциальной ренты предполагалось, что худшая земля не дает ренты, или что только те земли дают ренту, индивидуальная цена производства на которых ниже цены производства, регулирующей рыночные цены. Но в таком случае, будет ли отдавать землевладелец арендатору эти земли, не дающие ренты, когда общественный спрос на земледельческие продукты потребует их распашки? Конечно нет, землевладелец потребует ренты и с худших земель. Цена продукта вследствие этого повысится. В каком же отношении к этой цене продукта будет стоять абсолютная рента: будет-ли она независимой от стоимости продукта прибавкой (подобно тому, как налог), или она явится частью и производной стоимости продукта, а вместе с тем и частью прибавочной ценности?

Самая возможность недопущения капитала к обработке худших земель без платежа за них абсолютной ренты свидетельствует об отсутствии выравнивания органического строения земледельческого и промышленного капитала. Ниже или выше будет строение земледельческого капитала сравнительно с промышленным, в тех или иных странах, это вопрос факта, требующий статистического доказательства. Но теоретически во всяком случае можно предположить, что если в земледелии капитал имеет органическое строение ниже среднего общественного строения и следов. приводит в действие большее количество живого труда, то цены земледельческих продуктов могут устанавливаться выше цен производства (т.-е. издержки производства плюс средняя прибыль), давая избыток против них, но все же продаваясь не выше их ценности. Там, где эти условия исчезают, где строение земледельческого капитала сравнивается с средним общественным — цены продуктов не могут быть выше цен производства, не может иметь места и абсолютная рента.

Но все же, для обратного положения, т.-е. для возникновения абсолютной ренты еще не достаточно наличности более низкого строения земледельческого капитала. Во многих отраслях обрабатывающей промышленности разница строения капиталов имеется, но это не вызывает образования ренты, и возможности установления цен выше общих цен производства. В промышленности этому препятствует процесс свободного перемещения капиталов и соразмерного распределения добавочной прибыли между всеми капиталами.

В земледелии на пути такого перемещения капиталов и перераспределения добавочной прибыли стоит частная земельная собственность. Она препятствует приливу капитала к земле, пока не будет уплачена дань в виде части этой добавочной прибыли. Это позволяет продавать продукты выше их цен производства, хотя и не выше их ценности. Поглотит-ли при этом рента всю разницу между ценностью и ценою производства, это зависит уже не от самого земледелия, а от состояния всего хозяйства в целом и от степени относительного развития земледелия сравнительно с обрабатывающею промышленностью.

Теория ренты и абсолютной ренты является у Маркса, несмотря на некоторую недоработку, блестящим завершением всей его стройной системы, и его анализа капиталистического общества. Весь этот анализ

представляет из себя строгое логическое построение, исходящее из явлений ценности и прибавочной ценности, труда и капитала как взаимных общественных отношениях. Вскрытие основных элементов капиталистического общества позволяет раскрыть и всю его социальную и экономическую сущность, всю его структуру, взаимодействие отдельных частей и всю жизнь капиталистического общества в целом. Если для лучших классиков, не говоря уже о их эпигонах, доступными пониманию и изучению оказывались только внешние формы существования капиталистического общества — производство, обмен, распределение, труд, разделение труда, капитал, — то анализ Маркса вскрывает глубокую общественную сущность, лежащую в основе этих явлений. От натурализма и фетишизма он переходит к социальной сущности явлений, от описания их внешних форм—к изучению социальной функциональной зависимости, от разрозненных явлений — к жизни целого. Дав изучение внутренней сущности и структуры капиталистического общества, его анатомию, Маркс приступает затем и к изучению его физиологии, т.-е. к изучению тех функций, которые совершаются в жизни капиталистического общества взаимоотношением его отдельных частей и всем обществои в целом. Это дает, в свою очередь, возможность изучить как генезис капиталистического общества, так и пути его дальнейшего развития, его жизни и умирания.

Посмотрим прежде всего, *как зародилось капиталистическое общество.* Мы уже знаем, что его жизнь есть жизнь основного элемента этого общества — капитала. Социальное содержание капиталистического общества и хозяйства — производство капитала, его накопление и получение прибыли. Социальная структура капиталистического общества позволяет капиталу производить и присваивать прибавочную ценность. Но как же возникли подобные общественные отношения? Как возник капитал? Действительно, накопление капитала предполагает прибавочную ценность, а эта последняя предполагает наличность капиталистического производства, что в свою очередь предполагает существование крупных капиталов в руках товаропроизводителей. Следовательно, мы находимся в порочном кругу. Разрешение этой проблемы, проблемы так называемого *первоначального накопления,* Маркс и ставит задачей последней XXIV главы I тома «Капитала». Если предшествующие главы представляют глубокий анализ социально-экономической сущности и структуры капиталистического общества, то эта глава представляет блестящий исторический очерк генезиса промышленного капитализма.

Старые экономисты, включая сюда и классиков, рассматривая вопрос о происхождении капитала, представляли себе дело так, что капитал — это имущество, накопленное трудом прилежных и бережливых людей. Они не понимали, что капитал—это известные общественные отношения людей, участвующих в производстве, и что сами по себе ни деньги, ни товары, ни средства производства и существования не представляют еще капитала. Для того, чтобы они превратились в капитал, необходимо, чтобы в хозяйственные отношения вступили с одной стороны владелец средств производства, желающий увеличить

принадлежащие ему ценности путем покупки чужой рабочей силы; с другой — свободный от средств производства рабочий, как продавец своей рабочей силы. Поэтому капиталистические отношения предполагают отделение рабочих от собственности во время осуществления их труда. Как только капиталистическое производство стало уже на собственные ноги, оно не только сохраняет это отделение, но воспроизводит его все в более и более широких размерах. Поэтому процесс, создающий капиталистические отношения, может быть только процессом отделения работника от условий труда, процессом, который, с одной стороны, превращает общественные средства существования и производства в капитал, с другой стороны, непосредственного производителя — в наемного рабочего. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Оно кажется «первоначальным» потому, что составляет до-историческую стадию капитала и соответствующего ему способа производства. Поэтому «в истории первоначального накопления наиболее выдающимися событиями были все перевороты, которые служили рычагами для поднятия возникающего класса капиталистов, в особенности же те моменты, когда огромные массы людей внезапно и насильственно выбрасывались на рабочий рынок, как свободные и «незакрепленные» пролетарии». («Капитал» I, гл. 24).

Далее Маркс и рассматривает основные моменты этого процесса — на первом месте экспроприацию сельского населения, на классическом примере истории Англии. Подробно останавливаясь на фактах истории аграрных отношений в Англии, как отнятие старых общинных земель от крестьян, «очистки» имений, расхищение церковных имуществ, аграрный террор, Маркс дает характеристику тех «идиллических способов» первоначального накопления, которыми «было завоевано поле для капиталистического земледелия, земля присоединена к капиталу и создан необходимый прилив «свободных» пролетариев к городской промышленности». Дальнейшая стадия того же процесса состоит в превращении этих разоренных и экспроприированных мелких производителей в наемного рабочего, продавца своей рабочей силы. Этот процесс происходил в Англии в не менее жестоких исторических формах в течение XVII—XVIII в.в. Одновременно с этим, на противоположном полюсе тогдашнего общественного строя возникает капиталист-фермер в сельском хозяйстве и капиталист-фабрикант в промышленности. Возникновение капиталистического фермера и развитие капитализма в сельском хозяйстве представляет весьма длительный исторический процесс, так как для окончательной победы капиталистического производства требуется не только экспроприация мелкого производителя, но и окончательное превращение прежнего самопотребляющего крестьянского хозяйства в хозяйство товарное, уничтожение домашних промыслов, отделение мануфактуры от земледелия, полное завоевание промышленным капиталом внутреннего рынка. Этот процесс более или менее в законченной форме произошел лишь в таких странах, как Англия.

Возникновение промышленного капитализма идет более быстро, чем земледельческого. В средние века превращению ростовщического и торгового капитала — первых исторических форм капитала вообще — препятствовали феодальный и цеховый строй. Когда они рушились и когда вместе с тем открытие Америки и колониальная политика дали новые моменты быстрого накопления торгового капитала, когда, наконец, в технике производства с конца XVIII в. произошла «промышленная революция», возникший промышленный капитализм быстро прошел мануфактурную стадию и развился до законченных форм крупной капиталистической промышленности.

Итак, «идиллические способы» первоначального накопления, описывавшиеся в «благополучных летописях политической экономии», как «право и труд», в действительной истории были — завоевание, порабощение, разбой, разорение мелких производителей, высшая степень эксплуатации рабочего, разорение колоний, рабовладение... И если, как говорит один из старых авторов, «деньги являются на свет с природным кровавым пятном на щеке», то, заключает Маркс свое исследование о первоначальном накоплении, «у капитала из всех пор с головы до пяток сочится кровь и грязь». («Капитал» I, гл. 24, § 6).

Так зародилась в недрах старого общества эта новая общественная формация, этот сложный, антагонистический, внутренне противоречивый общественный организм. Чтобы понять всю его жизнь, чтобы понять физиологию капиталистического общества, недостаточно изучения его морфологии и структуры отдельных его частей. Необходимо изучить жизнь капиталистического общества в целом, т.-е. жизнь и функции всего общественного капитала в целом. Только такое изучение даст возможность познания не только статики капиталистического общества, но и его динамики в целом.

До сих пор мы рассматривали капиталистическое общество и процесс капиталистического производства, как процесс производства прибавочной ценности. С этой точки зрения капитал представляет из себя ценности, которые в силу определенных социальных условий дают своему владельцу новую, прибавочную ценность. Мы уже знаем, что нарастание ценности на капитал происходит в процессе производства, когда труд, прилагаемый в этом производстве рабочими и купленный для этого капиталистом в виде особого товара — рабочей силы, воспроизводит ценности. Но эта новая ценность, получаемая капиталистом в результате производства в виде приращения капитала, должна быть реализована, чтобы вновь превратиться в необходимые для производства товары — средства производства и рабочую силу. Поэтому, если смотреть на процесс капиталистического производства в целом, то он представляет единство процесса производства и обращения капитала, т.-е. перехода его из одной формы в другую — из товарной в денежную, в производственную, опять в товарную и т. д.

Весь процесс капиталистического производства можно поэтому рассматривать, как процесс различных метаморфоз, которые претерпевает капитал в своем движении. Капитал, который находится в фазе производства, Маркс называет *производительным* капиталом. Капитал,

который находится в фазе обращения, называется капиталом *обращения*. Последний в свою очередь может быть или *товарным* или *денежным* капиталом, в зависимости от той формы, в которой он находится. Товарный капитал, возвращаясь в стадию производства, вновь получает форму производительного капитала. «Капитал, который в течение всего своего круговращения принимает эти формы и сбрасывает их с себя, совершая в каждый из них присущую им функцию, такой капитал есть *промышленный* капитал, промышленный в том смысле, что в него может быть включена каждая отрасль производства, основанная на капиталистических отношениях» («Капитал», II, гл. I, § 4).

При этом нужно заметить, что вся сумма затрат капитала обществом, так же, как и отдельным капиталистом, определяется не только затратами его на самое производство, т.-е. на капитал, находящийся в производственной фазе, но и затратами на капитал обращения. Безразлично, находится ли тот или иной капитал в собственности одного капиталиста (напр., в собственности фабриканта, самостоятельно реализирующего свою продукцию) или разделен между двумя капиталистами (капитал фабриканта и капитал торговца), общие затраты капитала на весь процесс в целом остаются неизменными.

Для правильности круговращения всего капитала необходимо, чтобы имелось не только единство процесса производства и обращения, но и равновесие и единство всех трех видов его круговращения. Другими словами, весь общественный капитал, как целое, может лишь тогда функционировать правильно, когда отдельные его части могут проходить последовательно из одной фазы, из одной функциональной формы в другую, т.-е. когда отдельные его части будут находиться в известном соотношении одновременно на всех стадиях круговращения. Задержка в одной части должна отразиться на всем круговращении в целом. Если, напр., произойдет задержка в круговращении товарного капитала, в акте Т-Д, т.-е. в реализации товара, то прерываются и последующие стадии, в виде замещения средств производства (Д-Сп) новой их покупкой вместо проданных товаров. Поэтому каждая из функциональных форм капитала служит отправною и возвратною точкою для определеного круговращения, создавая, таким образом, единство всего процесса. То, что для одного есть Т-Д, то для другого есть Д-Т и обратно. В то время, как одна часть капитала проходит фазу превращения в денежный капитал — Т-Д, другая часть из денежного превращается в товарный Д-Т, третья находится в производстве.

Продолжительность пребывания капитала в сфере производства составляет время его производства, а в сфере обращения — время его обращения. Так как капитал лишь постольку получает возрастание и прирост ценности, поскольку он поглощает труд, то ясно, что чем более близко совпадает время производства с рабочим временем, в течение которого в производстве прилагается труд, тем более возрастающая сила капитала. И обратно, так как в процессе обращения не происходит никакого возрастания ценности, то чем дольше период обращения сравнительно с периодом производства, тем более ограничивается возрастание ценности всего капитала. Отсюда стремление к возможному

ускорению процесса обращения, к сокращению времени продажи и покупки, к сокращению товарного запаса, к сокращению издержек перевозки.

Совокупность времени обращения капитала в процессе производства и в процессе обращения Маркс называет *оборотом* капитала. В течение времени своего оборота капитал совершает полный круг, возвращаясь к той самой форме, откуда начался процесс, чтобы снова возобновить то же движение. Время оборота капиталов различно для различных отраслей промышленности. Но кроме того, на время оборота получают также влияние и те две особые формы, которые получает капитал в процессе обращения.

Мы видели, что по положению в процессе производства Маркс отличал капитал постоянный от капитала переменного, с точки же зрения обращения необходимо различать формы капитала основного и оборотного. Стоимость производительного капитала, вкладываемая капиталистом в виде основного капитала, затрачивается капиталистом сразу и на все время деятельности капитала, извлекается же она постепенно и по частям, посредством реализации той ценности, которую этот основной капитал по частям переносит на товар. С другой стороны, сами средства производства в виде основного капитала (машины, орудия) выбираются из обращения сразу, надолго воплощаются в производство и долгое время не требуют затрат капиталиста. Наоборот, элементы оборотного капитала хотя и закрепляются за производством на все то время, как и основной капитал, но они постоянно, после каждого периода производства возобновляются натурой — новыми партиями сырья и материалов, новыми покупками рабочей силы.

Анализ форм и значения основного и оборотного капитала, как форм, свойственных производительному капиталу с точки зрения его обращения, дает Марксу возможность вскрыть основную ошибку классической школы в ее смешении различий капитала в сфере производства и обращения. Не различая этих двух явлений и смешивая производственное сопоставление капитала постоянного и переменного с сопоставлением основного и оборотного капитала в обращении, А. Смит, а за ним и Рикардо были поставлены в тупик при разрешении проблемы прибавочной ценности. Если разница между капиталом, затраченным на покупку средств производства, и капиталом, затраченным на покупку рабочей силы, состоит только в продолжительности обращения и в долговечности, то, конечно, весь характер проблемы капитала, как общественного отношения, исчезает и все понятие капитала фетишизируется. Та трудовая теория ценности, к которой так близко подходит Рикардо, остается висящей в воздухе, а отсюда вытекают и все те дальнейшие противоречия А. Смита и Рикардо, которые постигали их в вопросах заработной платы, прибыли и др. Вскрытие этой ошибки и тщательный анализ обращения капитала дает Марксу возможность после изучения процесса обращения единичного капитала, подойти с той-же точки зрения к основной проблеме обращения — к вопросу об воспроизводстве и обращении всего общественного капитала в целом.

Каким образом достигается непрерывность и правильность кругооборота всего общественного капитала в целом, т.-е. не только непрерывность и последовательность его стадий, но и правильность распределения его на различные части для дальнейшего воспроизводства в тех же или в расширенных размерах, т.-е. с накоплением части прибавочной ценности?

Проблема эта, которую ставит Маркс в третьем отделе II книги «Капитала», представляет труднейшую, но вместе с тем и важнейшую проблему политической экономии. Большинство экономистов, в особенности классики, рассматривали проблему движения капитала лишь в форме индивидуального капитала, не ставя проблемы о движении всего общественного капитала в целом. Как известно из предыдущего, только Кене в своей «Экономической таблице» поставил и пытался разрешить эту проблему. Но при всей своей важности для развития экономической мысли, идеи и метод Кене не были восприняты и развиты последующей наукой. Этим об'ясняется то обстоятельство, что после Кене с сущности никто из экономистов не занимался синтетическим изучением всего народного хозяйства в целом, почему наиболее важные, но и наиболее трудные отделы экономической науки, требующие именно такого синтетического изучения (напр. проблемы распределения, накопления, реализации), оставались наименее разработанными. Только Маркс, впервые после Кене, ставит вновь эту проблему и окончательно ее разрешает, создавая законченную теорию рынка, кризисов, распределения, накопления.

Капиталистическое производство предполагает превращение денежного капитала в товарный, покупку средств производства, а затем, по прохождении фазы производства, превращение товарного капитала, в увеличенной его ценности, вновь в денежный. В капиталистическом производстве продукты производятся не для потребления, а для сбыта и поэтому, если продукт не находит сбыта, капиталист не может воспроизвести свой капитал и теряет его, вместе с чем приостанавливается и капиталистическое производство. Вот почему процесс капиталистического производства предполагает необходимым непрерывность процесса в смене форм общественного капитала. Так же, как и индивидуальный капитал, весь общественный капитал в своем круговращении проходит те-же стадии. Рассмотрение этого круговращения можно начать и закончить любой формой капитала—денежной, товарной, производительной. Но весь общественный процесс производства заканчивается созданием товара, деньги же являются лишь средством обращения товаров. А для нас теперь задачей является проследить не самый процесс превращений капитала из одной формы в другую, но проследить, что делается с различными частями всего произведенного общественного продукта. Вот почему и Кене в основу своей «Экономической таблицы» берет анализ движения продукта-товара по формуле Т-Т, чем он, по словам Маркса «проявил огромный и верный такт»; вот почему и Маркс в основу своего анализа общественного воспроизводства берет формулу Т-Т, т.-е. товарного капитала. («Капитал», кн. II, гл. 20).

Первым актом круговращения по формуле товарного капитала будет превращение его в деньги; затем на эти деньги капиталист покупает средства производства и рабочую силу; после прохождения через фазу производства капиталист в новой товарной форме имеет овеществленную стоимость затраченной части средств производства, рабочей силы и прибавочную ценность. Он должен реализовать свой товар и превратить его в денежную форму, чтобы на различные части этой последней вновь купить различные товары того или иного назначения. Часть ценности должна превратиться вновь в средства производства и рабочую силу, т.-е. на рынке должны быть вновь найдены соответствующие товары, чтобы их вновь пустить в воспроизводство. Другая часть, прибавочная ценность, должна также превратиться в товары, при чем или целиком в предметы личного потребления капиталистов, выйдя из процесса производства (простое воспроизводство), или частично накопляясь и превращаясь в капитал и в таком случае в этой части вновь затрачиваясь на покупку средств производства и рабочей силы (расширенное воспроизводство).

Весь процесс может быть таким образом изображен схемой

$$Т — Д — Т < \frac{Р}{Сп} \ldots П \ldots Т'.$$

Но, если при анализе круговращения отдельного капитала необходимо прослеживать именно фазы его круговращения, теперь перед нами иная задача—проследить правильность общественного воспроизводства отдельных элементов капитала и замещения их путем обмена одних на другие. При этом трудности самих метаморфоз капитала из товарной формы в денежную и обратно уже могут не приниматься во внимание и весь анализ должен быть сосредоточен на выяснении условий воспроизводства и реализации как отдельных составных частей капитала, так и прибыли капиталиста.

В основу своего такого анализа Маркс кладет подразделение всего производства на две группы: на производство средств производства (группа I) и производство предметов потребления (группа II). В каждом из этих подразделений весь капитал, как мы знаем, с точки зрения производства подразделяется на переменный капитал и на постоянный капитал в своих двух частях—основной и оборотной. Но в своем анализе мы можем отвлечься и от последнего деления и рассматривать постоянный капитал, независимо от того, потребляется-ли в процессе производства часть капитала вполне или частично, целиком переходя на продукт, или продолжая частично оставаться в производстве.

В результате, очищенная таким образом формула воспроизводства, подлежащая анализу, берется Марксом в следующем виде:

I. Производство средств производства.

Капитал . . . . . $4.000\,c + 1.000\,v = 5.000.$
Товарный продукт . . . $4.000\,c + 1.000\,v + 1.000\,m = 6.000$

II. Производство предметов потребления.

Капитал . . . . . 2.000 c + 500 v = 2.500.
Товарный продукт . . . . 2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000.

Или, подводя итог всему товарному продукту:

4.000 c + 1.000 v + 1.000 m = 6.000 средств производства . . . . (I)
2.000 c + 500 v + 500 m = 3.000 предметов потребления . . . (II)

Итого вся валовая
стоимость воспр=оизводства 9.000

Как же возобновляется и воспроизводится этот совокупный общественный продукт? Маркс дает дальше подробный анализ (хотя и несколько незаконченный и не вполне использованный для выводов самим Марксом) этого воспроизводства, намечая свою *теорию реализации* и подготовляя этим как разрешение проблемы распределения и доходов в капиталистическом обществе, так и разрешение вопроса о его кризисах.

Сравнительно просто разрешается этот вопрос при простом воспроизводстве, т.-е. когда накопление прибавочной ценности не производится и когда вся она обращается на предметы потребления. В первой группе, т.-е. в группе предприятий, производящих средства производства, их C_1, т.-е. произведенные ими же средства производства, в этой же группе и реализуются. Но в этой же группе v (переменный капитал, заработная плата) и m (прибыль) воспроизведены в товарной форме стредств-же производства и, следов., должны быть реализованы, т.-е. эти товары должны быть куплены. Они покупаются предприятиями группы I для восстановления их постоянного капитала C_2; другими словами, необходимо, чтобы $C_2 = v_1 + m_1$. В свою очередь весь продукт группы II, воспроизведенный в предметах потребления, реализует свои две части— v_2 и m_2—внутри самой группы; в виде предметов потребления рабочих и капиталистов этой группы; часть же постоянного капитала этой группы C_2, произведенная в виде предметов потребления, обменивается на средства производства первой группы в размере их заработной платы и прибыли. Таким образом, общим законом простого воспроизводства будет:

$$(c_2 + v_2 + m_2) = (v_2 + m_2) + (v_1 + m_1)$$

или

$$c_2 = v_1 + m_1,$$

т.-е. «валовая стоимость ежегодно производимых предметов потребления равняется воспроизведенной капитальной стоимости II, плюс вновь произведенная сверхстоимость II, плюс переменная часть капитальной стоимости I, воспроизведенная в течение года, и вновь произведенная сверхстоимость I». («Капитал», кн. II, гл. 20, § VII).

Из изложенного видно, насколько схема общественного воспроизводства Маркса отличается как от физиократов, так и от классиков и стоит впереди их. Мы видели, как Кене разрешал в своей таблице движе-

ние всего общественного продукта: последний состоит из массы предметов продовольствия и сырья, при чем часть его идет на восстановление оборотного капитала в сельском хозяйстве (семена, скот), часть потребляется промышленниками и часть—«чистый продукт»—поступает, как предметы продовольствия, собственникам; весь процесс обращения совершается в денежной форме. По Кене таким образом из всего общественного продукта, кроме заработной платы фермеров и рабочих, восстанавливается оборотный капитал, а чистый продукт («прибавочная ценность») потребляется собственниками. Весь характер общественного воспроизводства представлен ясно и ошибка всей конструкции лишь в том положении, что «чистый продукт» создается только природой, которая (а не человеческий труд) и является единственным создателем новой ценности. Во всяком случае, однако формула воспроизводства по Кене будет C+v+m, где m=чистый продукт. А. Смит в этом вопросе делает не дальнейший шаг вперед, а наоборот шаг назад сравнительно с Кене. Он прежде всего разрушает метод исследования вопроса у Кене, как исследования всего общественного воспроизводства в целом. Исследуя составные части стоимости отдельного товара, А Смит приходит к выводу, что цена всякого товара может быть разложена на заработную плату, прибыль и ренту. Мы видели, что А. Смит признает, конечно, необходимость затрат на восстановление в цене продукта и основного капитала (в хлебе—стоимость лошади, в сукне—стоимость машины), но по его мнению эти затраты на восстановление капитала, можно вновь разложить на указанные три элемента — заработную плату, прибыль и ренту. Разлагая так всякую затрату на воспроизводство капитала в бесконечной цепи последовательных процессов труда, отсылая нас, по выражению Маркса, от Понтия к Пилату, А. Смит приходит к выводу, что, как цена каждого товара состоит из трех указанных частей, так это-же имеет место и по отношению ко всему общественному продукту, который «должен распадаться на те же три части и распределяться между обитателями страны, как плата за их труд, или как прибыль на капитал, или как рента». Другими словами, формула общественного продукта производства по А. Смиту будет v+m, где m=прибыль+рента.

Отсюда видно, какой крупный шаг назад делает А. Смит в этом вопросе сравнительно с Кене. Правда, он признает уже источником создания ценности не только землю и не труд земледельца, а всякий человеческий труд, приложенный в производстве, тем не менее не создав, исходя отсюда, ни правильной теории ценности, ни теории прибавочной ценности, он не мог разрешить и проблемы воспроизводства. Со времени А. Смита и до Маркса проблема воспроизводства всего общественного капитала была совершенно запутана. Ошибочную теорию А. Смита воспринимает Рикардо, Сэй, Сисмонди, при чем в изложении таких авторов как Сэй, она особенно вульгаризуется. Сэй считает неправильным и опровергает мнение физиократов, что общество может потреблять только ценность, соответствующую вообще «чистому продукту», за вычетом восстанавливаемой части капитала, и считает, что общество может потребить всю созданную им ценность годового про-

дукта. Таким образом с одной стороны остается загадочной возможность капиталистического производства без восстановления капитала, а с другой — уже как-бы намечается возможность оптимистического вывода—о беспрепятственной способности капиталистического производства к безграничному расширению.

Из сказанного видно, какое громадное значение для понимания всего капиталистического производства получает марксова постановка и анализ простого воспроизводства. Но этим анализом лишь подготовлена почва и намечен путь к разрешению основной проблемы—*расширенного воспроизводства.* Во всем капиталистическом производстве, как правило, не только восстанавливается постоянный капитал, но производство ведется в таком размере, что часть создаваемой ежегодно прибавочной ценности накопляется, приобщается к капиталу и пускается в расширенное воспроизводство. Как же в таком случае это происходит? Анализ этого (правда, не вполне законченный) Маркс дает в своих рукописях, вошедших в последнюю XXI главу той же второй книги.

Если во всем общественном продукте в целом имеется равновесие производства средств производства и предметов потребления, как мы видели на формуле простого воспроизводства, то капиталисты не могут накоплять и капитализировать прибавочную ценность, а должны ее потреблять. Накопление становится возможным, если изменяется состав общественного продукта и если увеличение производства средств производства дает возможность производительного употребления накопленной части прибавочной ценности.

Возьмем сначала тех же размеров общественное производство, как и в первом примере, в 9.000 единиц продукта, но другого его состава. Предположим, что производство идет в таком направлении, что средств производства в группе I произведено относительно больше, чем требуется для простого воспроизводства. Это обстоятельство побуждает капиталистов и открывает им возможность накоплять часть получаемой ими прибавочной ценности и вести производство в расширенном размере. Такой случай именно и типичен для развивающегося капитализма. При таких условиях прежние формулы примут такой вид:

I. Производство средств производства, 1-ый год.
Капитал . . . . . 4.000 $c + 1.000\ v = 5.000$.
Товарный продукт. . 4.000 $c + 1.000\ v + 1.000\ m = 6.000$.
II. Производство предметов потребления 1-ый год.
Капитал . . . . . 1.500 $c + 750\ v = 2.250$.
Товарный продукт. . . 1.500 $c + 750\ v + 750\ m = 3.000$.

Отсюда видно, что средств производства в обществе произведено на 500 больше, чем действительно потреблено (6.000 вместо 4.000 I+1.500 II, т.-е. 5.500), предметов потребления, наоборот, всего 3.000 вместо 3.500, т.-е. на 500 меньше, чем требуется для потребления рабочих и капиталистов, т.-е. меньше, чем заработные платы плюс прибавочная стоимость (1.000 v + 750 v) + (1.000 m + 750 m). Следовательно, не вся прибавочная стоимость обращается на потребление капи-

талистов, часть ее обращается на накопление и на расширение производства.

Каким же образом оно может происходить?

Предположим, что не вся, а лишь часть, напр. половина прибавочной ценности потребляется капиталистами как того, так и другого подразделения; другая ее часть накопляется. Следовательно, если в первом случае, при простом воспроизводстве, $v_1 + m_1 = c_2$, т.-е. вся заработная плата и прибавочная ценность группы средств производства равна по ценности постоянному капиталу второй группы, то теперь этот последний меньше суммы заработной платы и прибавочной ценности на накопляемую ее часть. Эта накопляемая часть должна в известных пропорциях распределяться между постоянным и переменным капиталом, так как одновременно с увеличившимся потреблением средств производства в виде постоянного капитала необходимо и увеличение переменного капитала. Для упрощения можно принять, что органическое строение капитала, т.-е. соотношение между постоянной и переменной его частью, остается неизменным, хотя в действительности при накоплении постоянный капитал растет быстрее переменного. Тогда в приведенной выше цифровой схеме получили следующие видоизменения.

Предположим, что капиталисты I группы потребляют не 1.000 m, а половину, другие же 500 m накапливают. Но в таком случае при данном строении капитала они из этих 500 должны 400 обратить в свой постоянный капитал и 100 в переменный. Для того, чтобы это было возможно, нужно, чтобы в группе I было произведено на 400 лишних средств производства, а в группе II на 100 лишних предметов потребления для добавочных рабочих. Таким образом, расширенное воспроизводство первой группы происходит теперь так:

I. Производство средств производства, 2-ой год:
Капитал . . . . . $4.400\,c + 1.100\,v = 5.500.$
Товарный продукт . . . . . $4.400\,c + 1.100\,v + 1.100\,m = 6.600.$

Вторая группа должна таким образом расширить свое производство согласно новому спросу на добавочных рабочих в размере 100 едениц. Но, чтобы этого достигнуть в этой группе, ей также необходимо расширение как постоянного, так и переменного капитала. Так как строение капитала характеризуется для этой группы отношением 2 : 1, то для достижения такого результата II группа должна увеличить свой постоянный капитал на 100 и переменный на 50. Следов., II группа будет теперь производить больше прежнего средств существования как раз на 100 единиц для увеличения своего постоянного капитала в меру увеличения на эту сумму производства I группы и на 50 единиц в меру увеличения средств существования для собственных рабочих. Формула расширенного воспроизводства для второй группы примет такой вид:

II. Производство предметов потребления, 2-ой год.
Капитал . . . . . $1.600\,c + 800\,v = 2.400.$
Товарный продукт. . . $1.600\,c + 800\,v + 800\,m = 3.200.$

Весь общественный продукт возрос в обеих группах с 9.000 на 9.800, прибавочная стоимость I группы увеличилась с 1.000 до 1.100, во второй группе с 750 до 800, но в то же время в обществе произведено средств производства на 600 больше, чем требуется (6.600 вместо требуемых 6.000), а предметов потребления на 600 меньше, чем заработные платы плюс вся прибавочная стоимость (3.200 вместо 3.800). Это обстоятельство побуждает к необходимости не реализируемую в продуктах потребления часть прибавочной стоимости реализовать в виде средств производства. Весь общественный продукт будет таким образом реализован, но с тем же результатом—с расширением производства средств производства и с новой необходимостью накопления.

Такой анализ расширенного воспроизводства можно проследить в последующие годы, хотя бы до бесконечности. Правда, такой анализ приобретает отчасти характер оперирования математическими схемами и остался в рукописях Маркса не вполне законченным, подлежащим поэтому значительной переработке и уточнению. Отсюда те противоречия и незаконченности, которые вскрывает, напр., Р. Люксембург в анализе Марксовых схем воспроизводства. Во всяком случае необходимо констатировать, что Маркс в своем анализе исходит из предположения, что процесс накопления происходит в капиталистическом производстве вне зависимости от какой-либо внешней среды, от каких-либо некапиталистических хозяйственных организаций, где должна реализоваться накопляемая прибавочная ценность. Она реализуется внутри самой капиталистической среды, но лишь при сохранении определенных пропорций. При всем том, самая реализация всего общественного продукта в капиталистическом производстве происходит в таких условиях, которые приводят капиталистическое хозяйство к неизбежной *проблеме кризисов*.

Действительно, рассмотрение воспроизводства и реализации должно приводить к вопросу: каким путем устанавливаются те пропорции между производством средств производства и производством предметов потребления, при которых правильный обмен между ними может происходить беспрепятственно. Чтобы присоединить к постоянному капиталу возрастающую и накопляемую часть прибавочной стоимости, капиталисты обеих групп должны обменять соответствующие части их на производство другой группы. Другими словами, необходимы: во-первых, известная пропорциональность в затратах общественного капитала между группами средств производства и предметами потребления; во-вторых,—известное расширение покупательного спроса со стороны всего общества. В условиях капиталистического производства этого не наблюдается. Здесь не имеется ни регулирования соответствия отдельных отраслей производства—средств производства и предметов потребления—ни возможности соответственного расширения общественного потребления, вследствие обращения накопляемой все в большем размере прибавочной стоимости в постоянный капитал.

Такое восстановление соответствия отдельных частей капиталистического хозяйства происходит стихийно путем кризисов. Если, напр., происходит усиленное накопление в виде увеличения производства

средств производства, роста постоянного капитала, развития техники, концентрации производства, повышения органического строения капитала—то в результате такое развитие неизбежно приходит к понижению нормы прибыли, к перепроизводству, к спекуляции, избытку капитала, к отливу его из этой отрасли, к кризису. С другой стороны, то же падение нормы прибыли приводит к ускорению нового сосредоточения капиталов, к поглощению мелких капиталистов с низким сложением капитала более крупными, к экспроприации остатков некапиталистических производителей, т.-е. к изживанию кризиса, к под'ему, к расширению общественного потребления—а отсюда и к новым стимулам и путям дальнейшего накопления, а с ним и к новым кризисам. То же самое случается, если происходит более быстрое расширение производства предметов потребления—перепроизводство приводит к понижению нормы прибыли, к отливу капитала в другие отрасли производства до восстановления равновесия.

Таким образом неравномерное развитие отдельных отраслей производства, в особенности средств производства и предметов потребления, при недостаточности роста покупательной и потребительной способности массы населения, приводит к периодическим кризисам капиталистического хозяйства, к уничтожению части накопленного капитала, к восстановлению нового соотношения отдельных его частей, к реорганизации производства, к изменению органического состава капитала. Это несоответствие между отдельными отраслями производства в капиталистическом хозяйстве с одной стороны и несоответствие между производственными возможностями капитализма и покупательной силой населения составляет таким образом органическую, при том не только технически-экономическую, но и социальную болезнь капитализма.

«Капиталистическое производство постоянно стремится преодолеть эти присущие ему пределы, но оно преодолевает их только средствами, которые ставят ему эти пределы вновь и в гораздо большей мере. *Действительные пределы* капиталистического производства даются самим капиталом и заключается в том, что капитал и его самоувеличение является исходным и конечным пунктом, побудительною причиною и целью производства; что производство является только производством для *капитала,* а не наоборот, средства производства не являются средствами постоянно расширяющейся формы жизненного процесса для *общества* производителей. Пределы, в которых только и может совершаться сохранение и увеличение стоимости капитала и которые основываются на экспроприации и обеднении множества производителей, эти пределы поэтому постоянно встречают противодействие со стороны тех методов производства, которые капитал принужден применять и которые имеют в виду неограниченное расширение производства... Средство—безусловное развитие общественной производительной силы—постоянно вступает в столкновение с ограниченною целью, с увеличением стоимости наличного капитала. Поэтому, если капиталистическое производство есть историческое средство для развития материальных производительных сил и для создания соответствующего им всемирного рынка, оно оказывается в то же время постоянным противоречием

между такой его исторической задачей и соответствующими ей общественными условиями производства». «Развитие производительных сил общественного труда, есть историческая задача и оправдание капитала. Этим именно он бессознательно создает материальные условия высшей формы производства». («Капитал», кн. III, гл. 15).

Таким образом тщательный анализ экономики капиталистического хозяйства вплотную приводит Маркса к социальной проблеме исторических судеб капитализма и его изживания. Анализ внутренних противоречий капитализма дает возможность поставить и социальный прогноз, как будут изживаться организационные и хозяйственные формы капитализма на путях перехода его к обобществленному хозяйству.

Мы уже видели, что развитие капитализма идет в направлении 1) концентрации капиталистического производства; 2) централизации капитала. Капитал начал свою экономическую жизнь с разгрома мелкой собственности, с поглощения мелкого некапиталистического производителя-ремесленника. Введение машин и быстрый прогресс техники давали капиталистическому производству и капитализму, как собственнику усовершенствованных средств производства, настолько неоспоримые преимущества, что дешевый продукт крупного машинного производства окончательно вытеснил мелкое производство. Чем крупнее производство, чем большей мощи машина применяется в производстве, тем более успешно идет повышение производительности. Поэтому тот же процесс поглощения мелких производств более крупными, который происходил на заре капитализма при поглощении им ремесленного производства, идет в настоящее время: крупный капитал поглощает мелкого капиталиста; происходит концентрация производства, увеличение постоянного капитала за счет сокращения переменного.

Другое явление — централизация капитала. По условиям современной техники и преимуществам крупного производства, мелкий капитал самостоятельно вообще существовать не может, и потому мелкие капиталы мелких собственников стремятся аккумулироваться, соединиться в один более крупный капитал, чтобы организовать одно крупное производство. Маркс только наметил и предвидел этот процесс, так как в то время он еще не мог видеть того блестящего развития процесса аккумуляции капиталов, который в настоящее время находит себе осуществление в развитии грандиозных акционерных компаний, трестов, синдикатов и т. п.

К чему же приводит централизация и концентрация капитала и может ли она вывести капиталистический строй из присущих ему противоречий? Конечно, возможность централизации и концентрации составляет большой успех капитализма, так как он чрезвычайно повышает производительность. Но зато, чем больше повышается эта производительность и техника капиталистического производства, тем более обостряется внутреннее и общее противоречие всего капиталистического строя, «противоречие между организованностью производства на каждой отдельной фабрике и анархией общественного производства в целом». «В кризисах находит себе крайнее выражение противоречие между обобществленным производством и капиталистическим присвое-

нием. Товарное обращение моментально прекращается; средства обращения, деньги, делаются препятствием к обращению; все законы товарного производства и товарного обращения становятся на голову. Экономическая колизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы — против способа производства, который их создал».

«То обстоятельство, что общественная организация производства внутри отдельных фабрик развилась до такой степени, что делается несовместимой с развивающейся рядом с нею анархией производства в обществе, — это обстоятельство делается осязательным и для самих капиталистов, благодаря сильной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов вследствие разорения многих крупных и, еще более, мелких капиталистов. Весь механизм капиталистического способа производства перестает функционировать под тяжестью им самим порожденных производительных сил. Он не может всю массу средств производства превратить в капитал. Они лежат без употребления, и именно поэтому промышленная резервная армия должна оставаться безработной.

Таким образом, во-первых, капиталистический способ производства доказывает собственную неспособность к дальнейшему управлению производительными силами и, во-вторых, эти производительные силы сами требуют, с возрастающей энергией, устранения противоречия, освобождения их от капитализма и фактического признания их, как общественных производительных сил». («Анти-Дюринг», стр. 155).

Неизбежность и историческая необходимость «саморазрушения» капиталистического общества вытекает из тех противоречий капиталистического строя, которые присущи ему не в качестве временных и изживаемых затруднений, а в виде постоянной неизживаемой болезни капиталистического общества, как классового общества, основанного на противоречии классовых интересов труда и капитала. Развитие и углубление этих внутренних социальных противоречий капитализма приводит с одной стороны к обнищанию и падению благосостояния масс, с другой—к возрастающему богатству руководящего класса общества. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т.-е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала». Непреложные условия капиталистического производства, стремление его к увеличению постоянного капитала за счет капитала переменного, приводят к тому, что рабочий, работая в капиталистическом производстве, создает новые массы своего антагониста—постоянный капитал в виде улучшенных орудий и средств производства, новых средств эксплуатации рабочего, но вместе с тем усиливается и социальное противодействие рабочего класса такому устройству общества. «Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов — магнатов капитала... возрастает бедность, гнет, порабощение, унижение, эксплуатация; но увеличивается также и возмущение рабочего класса, который постоянно возрастает и постоянно обучается, об'единяется и организуется

самим механизмом капиталистического производства. Монополия капитала становится помехой тому способу производства, который развился вместе с нею и под ее влиянием. Сосредоточение средств производства и обобществление труда достигают такой степени, что они не могут долее выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют»! («Капитал», т. I, гл. 24).

Таково научное завершение экономической системы К. Маркса, а вместе с тем и научный прогноз—преобразование капиталистического общества в социалистическое. Только здесь Маркс кончает свой анализ и вплотную подходит к проблеме будущего строительства. Но далее уже начинается не экономическая, собственно, доктрина Маркса, а его социальное и революционное строительство, рассмотрение которого выходит из рамок нашей задачи. Значение же собственно экономической доктрины К. Маркса, как научное, так и общественное, совершенно не сравнимы ни с какой другой научной системой.

Являясь непосредственным отпрыском классического дерева, в особенности Д. Рикардо, как в отношении методологии, абстрактности мышления, так и многих отдельных проблем (ценности, заработной платы, ренты и др.), Маркс пошел, однако, несравненно дальше в смысле углубления социальной сущности всех этих вопросов. Разорвав с натурализмом классиков и придав всему своему учению историческо-общественную постановку, Маркс не только сделал неизмеримо большой шаг в чисто научной проблеме, но своей теорией дал научное обоснование социально-экономическому движению конца XIX в. и начала XX в., явившись поэтому их истинным апостолом. Поэтому-то значение социализма К. Маркса совершенно иное, чем, напр., социализм Фурье, С.-Симона, Оуэна, так же как иное, чем социализм таких «научных» его представителей, как Родбертус, и даже таких политических деятелей рабочего движения, как Лассаль, Луи Блан и др. Провозгласив, что «дело освобождения рабочих должно быть делом рук самих рабочих», Маркс связал свою научную доктрину с массовым общественным движением, «революционизировал» свои научные выводы. Научная догма слилась таким образом с практическими задачами революционного движения конца XIX в.

Но это обстоятельство оказало существенное влияние на дальнейшее развитие доктрины марксизма. Если у Маркса обе эти стороны представляли одно неразрывное целое, то в школе Маркса и у его даже ближайших последователей положение стало значительно меняться. Революционные эпохи 1848—70 годов были изжиты, наступила эпоха реакции и «мирного сотрудничества» с буржуазным обществом на почве легальной парламентской деятельности. Отпала, казалось, значительная часть революционной стороны учения Маркса, а вместе с тем стала подвергаться «пересмотру» и собственно научная сторона экономической доктрины Маркса.

С другой стороны, по понятным причинам, научная доктрина Маркса не могла найти себе официального признания и со стороны представителей официальной буржуазной экономической науки. Со стороны

представителей буржуазной экономической науки она вызывала сначала полное игнорирование, а затем яростные нападки, особенно со стороны все более укреплявшейся австрийской школы. Внутри же самой школы также началось не столько дальнейшее развитие и углубление доктрины, как ее пересмотр. Результаты такого положения оказались, конечно, крайне неблагоприятными для дальнейшей разработки и развития марксистской доктрины. Собственно после трудов Маркса-Энгельса до сих пор в этой области сделано чрезвычайно мало. Очевидно, что, как идеологическое обоснование воззрений негосподствующего класса, она может получить развитие лишь тогда, когда этот класс станет, наконец, господствующим.

Литература о Марксе и марксизме чрезвычайно велика, в особенности русская за последние годы. Кроме упомянутых в тексте сочинений Маркса и Энгельса, а также упомянутых выше общих сочинений о социализме,—Ф. Меринг. К. Маркс, история его жизни. 1920.—Берлин. К. Маркс и его время. 1906.—Каутский. К. Маркс и его историческое значение. 1908.—Д. Гильом. К. Маркс и Интернационал. 1921.—Беер. К. Маркс, его жизнь и учение 1923.—Д. Спарго. К. Маркс. 1924.—По теоретическим вопросам марксизма. Зибер. Д. Рикардо и К. Маркс. 1897.—Финн. Экономическая система Маркса. 1919.—Гильфердинг Бем-Баверк, как критик Маркса. 1921.—Рязанов. Маркс и Энгельс. 1923.—Рязанов. Очерки по истории марксизма. 1923.—Т. Григорович. Теория стоимости у Маркса и Лассаля. 1923.—Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса. 1923.—Плеханов. Основные вопросы марксизма. 1923.—См. также К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. 1923.—«Под знаменем марксизма», журнал.

ГЛАВА VIII.

Школа Маркса и ревизионизм.

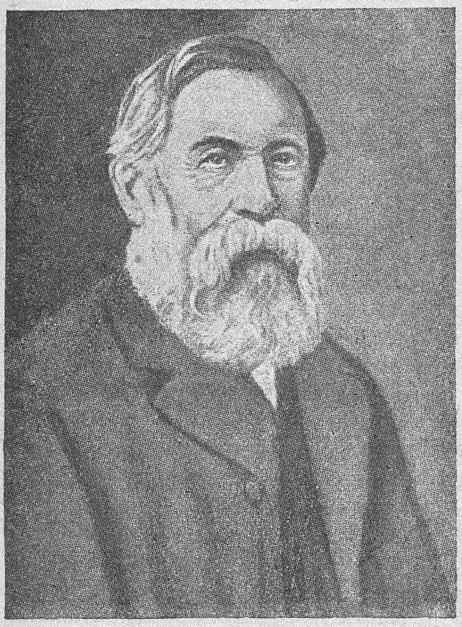
Марксизм, как определенное направление научного мышления и научная доктрина, имел гораздо более широкое влияние, чем собственно на учеников Маркса, на его школу. Его влиянию подвержены не только представители вообще социалистической школы, но и многие экономисты, далекие от социализма, как Зомбарт, Брентано, Лексис и многие другие. Собственно же к школе Маркса нужно отнести тех представителей научного социализма, которые являются дальнейшими развивателями его учения.

Нужно сказать, что первоначально, после смерти Маркса и особенно после смерти Энгельса, научное теоретическое развитие доктрины марксизма шло довольно слабо и медленно. С одной стороны богатое литературное наследство, оставшееся после Маркса в виде незаконченных рукописей и черновых набросков, поглощало у главных преемников этого наследства—Энгельса и Каутского—все время и все силы, остававшиеся от напряженной политической работы и общественной деятельности. С другой—главная доля внимания как их, так и других литературных представителей марксизма была обращена не столько на дальнейшую и углубленную научную разработку марксизма, сколько на его популяризацию и распространение среди масс. Конечно, даже I том «Капитала», не говоря уже о более трудных II и III томах, представлял не только для рабочих масс, но и для средне-образованного читателя тяжеловесную «книгу за семью печатями». Поэтому первые десятилетия после изданий «Капитала» прошли до некоторой степени бесплодно в смысле новых крупных теоретических работ в духе методологии, философии и социологии марксизма. Преобладающее направление было популяризаторское, чтобы сделать идеи марксизма доступными и усвоенными массами. Это относится не только к немецкой марксистской литературе, но и к французской, итальянской и др. На фоне такого преобладания популяризации и отсутствия самостоятельной дальнейшей теоретической обработки, напр., некоторые теоретические работы тогдашних русских марксистов (Струве, Туган-Барановского) представлялись значительными вкладами в международную теоретическую марксистскую литературу, в которой отмечалась эта склонность русских марксистов к теоретическим проблемам.

Тем не менее, конечно, главнейшее развитие школа Маркса и как теоретическая разработка его доктрины, так и практическое политическое осуществление его программы долгое время находят место почти

исключительно в Германии и отчасти в Австрии. Здесь впервые наиболее широко и прочно, на базе теоретических, экономических предпосылок и анализа тенденций развития капиталистического общества, начинает осуществляться и развиваться политическая программа рабочего движения.

Из представителей германского социализма, как главных теоретиков школы Маркса, популяризаторов и развивателей его доктрины, на первом, конечно, месте необходимо поставить скорее даже alter ego, чем ученика и последователя Маркса, Ф. Энгельса. Энгельс родился 28 ноября 1820 г. и, как и Маркс, происходил из состоятельной буржуазной немецкой семьи. Отец его был фабрикантом, имевшим фабрику в Манчестере, и Энгельс некоторое время работал на этой фабрике отца в качестве управляющего, а после смерти отца даже в качестве одного из совладельцев. Однако, еще с ранних гимназических лет Энгельс все более расходится со своей средой и семьей, превращаясь в революционно-демократического литератора, философа и экономиста. 19-летний Энгельс имел уже довольно известное литературное имя. В 1842 году, т.-е. 22 лет, Энгельс встречается на почве общей газетной работы с 24-летним Марксом, тогда предполагавшим готовиться к ученой академической карьере. Энгельс, тогда еще больше экономист, чем философ, уже в том же году превращается в коммуниста, раньше чем Маркс, который в то время был еще только материалистом-философом радикального политического направления. Но уже через 2 года, т.-е. в 1844 г., Маркс не только воспринимает материалистическую философию Фейербаха, но и внеся в нее новое, превратив ее из пассивно-созерцательной в революционно-действенную, и в своих социально-экономических воззрениях становится коммунистом. С этих пор начинается все более тесное сотрудничество Маркса и Энгельса. Уже в 1945 г., они совместно пишут небольшую политическую брошюру «Святое семейство», посвященную полемике с бывшими своими единомышленниками, где намечаются уже основные вехи будущей системы и деятельности Маркса—Энгельса.



Ф. Энгельс.

Ближайший друг, помощник и сотрудник Маркса в его литературной и общественно-революционной деятельности, Ф. Энгельс, не является вполне самостоятельным творцом теории марксизма. Но только рядом с громадным научным значением Маркса имя Энгельса кажется менее значительным. Вообще же в теории марксизма и даже в некоторых сочинениях Маркса трудно отделить то, что является творчеством собственно Маркса и что принадлежит Энгельсу, так как некоторые работы написаны были ими совместно; некоторые, раньше приписывавшиеся Марксу, впоследствии оказались принадлежащими Энгельсу; наконец, Энгельсу принадлежит громадная работа по окончательной редакции и обработке изданных уже после смерти Маркса его II и III томов «Капитала». Из собственных работ Энгельса, кроме мелких газетных статей в «Нов. Рейнской газете», наиболее замечательным являются «Очерки политической экономии», написанные еще ранее знакомства с Марксом и намечающие уже многие положения, впоследствии сделавшиеся основой марксовой теории; далее, «Положение рабочего класса в Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Революция и контр-революция в Германии» (приписывавшееся ранее Марксу) и, наконец, главное политическое и теоретическое сочинение Энгельса—«Анти-Дюринг» где Энгельс в форме критики немецкого социалиста Дюринга, дает блестящее изложение философских и экономических основ марксизма. Все эти сочинения Энгельса теснейшим образом связаны с доктриной марксизма, составляя ее неразрывное дополнение, дальнейшее углубление и развитие.

Особенно важной и значительной была работа Энгельса по распространению и защите идей марксизма. Нужно отметить, что еще много времени спустя после того, как в 1867 г. вышел первый том «Капитала», основные идеи учения марксизма, его философские и социологические основы, во всем об'еме были известны лишь очень небольшому кругу лиц. Даже наиболее видные деятели тогдашнего немецкого и французского социалистического движения, в теоретическом отношении далеко еще не усвоили основы марксовой методологии, философии и социологии; даже такие непосредственные ученики Маркса, того времени, как Либкнехт, еще смешивали диалектический материализм Маркса с естественно-историческим материализмом Бюхнера. В многочисленных своих газетных статьях, брошюрах, критиках Энгельс неустанно, пользуясь каждым случаем, пропагандирует идеи марксизма, в то же время их развивая, углубляя и конкретизируя. Сюда относятся многие мелкие статьи Энгельса, отдельные полемические брошюры, как напр., «Прусский шнапс в немецком рейхстаге», и особенно упомянутые статьи против Дюринга, вышедшие затем в отдельном издании, скоро переведенные на другие языки и получившие широкое распространение.

Благодаря такой популяризаторской и пропагандистской литературной деятельности Энгельса, уже к 80-м годам идеи марксизма получали широкое проникновение в рабочие круги всех стран, (Германии, Франции, России), способствуя укреплению здесь марксистских групп в рабочем движении. При такой работе понятно, что собственное имя

Энгельса, оставалось часто в тени, что он являлся лишь распространителем идей Маркса, хотя и ему самому в них принадлежит все же многое.

Точно также и в практической деятельности, в своем участии в рабочем движении и в его организации, Энгельсу рядом с Марксом принадлежала лишь вторая, но очень важная по внутреннему смыслу роль. Долго отсутствуя из Лондона, тогдашнего центра мирового рабочего движения (Энгельс возвратился в Лондон лишь ликвидировав фабрику своего отца в 1870 г.), Энгельс долгое время не принимал в нем непосредственного делового участия. И только с 1870 г. он занял место члена генерального совета и хотя также не получил здесь рядом с Марксом такого влияния, которым пользовался последний, но в самой значительной степени облегчал работу Маркса.

Когда же после смерти Маркса осталось его литературное наследство, на Энгельса выпала большая и чрезвычайно ответственная работа—окончательного приведения в порядок и редактирования этих обширных, но далеко не законченных рукописей. Но на него же фактически выпала и другая часть работы, которую он выполнял как сотрудник и помощник Маркса по международному рабочему движению. После смерти Маркса и при быстром развитии рабочего движения после организации нового Интернационала, Энгельс хотя и не принимал непосредственного участия в его конгрессах, но фактически остался главным советчиком и руководителем, теперь уже многочисленных учеников и рабочих марксистских организаций всех стран.

К числу других ближайших учеников и сотрудников Маркса, помимо политических вождей и организаторов германской социал-демократии (Бебеля с его довольно значительным и нашумевшим литературным произведением «Женщина», Либкнехта, с его сочинением «Grund und Bodenfrage», Ауэр, Зингера, Фольмара) принадлежит также К. Каутский, которому после смерти Энгельса осталось для доработки и издания литературное наследство К. Маркса в виде набросков «Теории прибавочной стоимости». В разработке экономической доктрины марксизма, он имел большее значение, вначале вместе с Либкнехтом и Бебелем являясь представителем и охранителем «ортодоксального» марксизма как в теории, так и в политической деятельности.

К. Каутский, род. в 1854 г., чех по происхождению, широко образованный человек, вначале выступил на легальном литературном поприще, как радикально настроенный публицист, примыкавший к социализму. Только впоследствии, отчасти под влиянием преследований социалистических партий в Германии, он все более сближается с ними, становится марксистом и деятельным членом партии. Первой наиболее крупной работой его являлась «Дарвин и социализм» (1875), затем «Влияние роста народонаселения на общественный прогресс» (1880), где он рассматривает проблему нищеты в обществе и в некоторых своих выводах примыкает еще к идеям мальтузианства. Обладая значительным литературным и публицистическим талантом, и все более примыкая по своему направлению к социализму, Каутский, вместе с Дитцем, основывает в 1883 г. журнал «Neue Zeit», становящийся теоретическим органом немецкой с.-д. партии. Как на страницах этого журнала, так и

в других своих статьях и книгах, Каутский становится главным в немецкой литературе теоретиком-интерпретатором и развивателем марксизма. После Энгельса Каутскому принадлежит первое место по той роли, которую он сыграл в распространении идей марксизма, при том не только в популярной, облегченной форме, но и в углубленной самостоятельной трактовке. В этом отношении наибольшим значением и распространением пользуются сочинения Каутского: «Экономическое учение К. Маркса», выдержавшее много изданий на разных языках, «Т. Мор и его утопия», «Эрфуртская программа», «Бернштейн и социал-демократическая программа», «Предшественники социализма», «Происхождение христианства», «Социальная революция» и много других. Вполне самостоятельной научной теоретической работой Каутского является также его «Аграрный вопрос», который на долгое время стал главным теоретическим обоснованием аграрной программы германской социал-демократии. Наконец, большой научной работой Каутского является издание оставшихся после Маркса заметок, относящихся к истории политической экономии и не законченных обработкой Энгельсом. Последний, умирая, признал Каутского своим преемником в обработке литературного наследства Маркса, что Каутский и выполнил, издав, так называемый, «четвертый» том «Капитала»—«Теории прибавочной ценности» (1905 г.).

В этот период своей литературной и общественной деятельности Каутский является хранителем и развивателем «ортодоксального» марксизма. Он был наиболее выдающимся теоретиком, у которого учились марксизму не только германские, но и иностранные ученики и последователи. Теории Маркса находили у него не только правильное истолкование, но и дальнейшее углубление в области как теоретических вопросов, не затрагивавшихся Марксом, так и практических программ революционной деятельности. В этом отношении его «Эрфуртская программа», ставшая официальной программой германской с.-д. партии, является как бы основным и развитым комментарием к «Коммунистическому манифесту» в духе последовательного революционного марксизма, почему она и была долгое время настольной книгой международного марксизма.

Не менее ярко ортодоксальную и непримиримую позицию занял Каутский в другом крупном движении, обнаружившемся в немецком марксизме во второй половине 90-х годов, в движении теоретического и практического оппортунизма, известном под названием «ревизионизма», против которого горячо выступил Каутский с целым рядом брошюр, книг и статей. Таковы, напр., упомянутый выше «Антибернштейн», «Социальная революция», «Путь к власти», критика Давида «Социализм и сельское хозяйство», и др.

Дело в том, что с 90-х годов в германской социал-демократии и в германском марксизме возникает новое течение, ставящее себе задачей не углубление и дальнейшее развитие учения Маркса, а его пересмотр, «ревизию». Этот пересмотр возник сначала на почве практической деятельности и политических программ германской с.-д. партии, преимущественно среди южных деятелей партии, в Баварии, Бадене, где

была сравнительно слабо распространена крупная обрабатывающая промышленность и, наоборот, преобладало крестьянское земледельческое хозяйство. На этой почве местные партийные вожди, во главе с Фольмаром, стали все более отклоняться от чистопролетарской программы и требовать включения в партийную программу также положений, касающихся интересов крестьянства. Такая защита мелкобуржуазных слоев немецкого крестьянства приводит к требованиям и других «реформ» в области партийной политической деятельности, в частности, к признанию необходимости сотрудничества с другими политическими буржуазными партиями.

В области собственно научной разработки марксовой доктрины в немецкой литературе с 90-х годов намечается таким образом два направления: одно—более «ортодоксальное» в теории, направленное к развитию и углублению доктрины марксизма соответственно новой эпохе в развитии капитализма и новым его этапам империализма; оно же было более «левым» в практической политике, стремясь к осуществлению революционных лозунгов марксизма. Другое направление, «политического реформизма» и в теории выдвинуло идею «пересмотра», ревизии всех теоретических предпосылок марксизма. Это направление в теории нашло себе наиболее законченное выражение у таких главнейших представителей научного «ревизионизма», как Э. Бернштейн, Давид и др. Бернштейн в конце 90-х годов выступил с целым рядом статей, брошюр и книг, в которых подвергал подробному «пересмотру» все почти части научной системы Маркса (особенно в своей книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie» 1899, на которую возражал Каутский в своем «Анти-Бернштейне»—«Bernstein und das sozialdemokratische Programm»—1899).

Пересмотр начался Бернштейном с философско-социологических основ марксизма. Он заявляет, что Маркс только вначале признавал детерминизм в истории, и что впоследствии от него отказался. «Философский или физиологический материализм детерминистичен, а этого характера не имеет марксистское понимание истории. Маркс не приписывает экономическим основам народной жизни безусловно-определяющего влияния на ее формы». Далее Бернштейн отрицает «диалектический» метод Маркса в изучении общественных явлений, а отсюда—и революционный характер марксизма, считая, что в этом отношении взгляды Маркса противоречивы и компромиссны, так как они соединяют «мирно-эволюционный» взгляд на общество и «конспиративно-террористический». Первый выдвигает лозунг экономической реорганизации общества, второй—политической его экспроприации. Хотя в марксизме налицо—и последний, но по мнению Бернштейна, это является противоречием всей концепции марксизма и его следует от этого очистить.

Пересмотр Бернштейна и ревизионистов касается также и установленных Марксом законов развития капиталистического общества, в смысле роста концентрации капиталов, обострения классовой борьбы. По мнению ревизионистов, предсказания Маркса в этой области, в смысле усиления классовой розни и все большего классового расслое-

ния капиталистического общества, не оправдались. Маркс строил свои теории преимущественно на фактах наиболее обостренной эпохи 1848—70 г.г., тогда как последующее развитие обнаружило такие явления, которые опровергают мнение Маркса. Достаточно, говорят ревизионисты, указать на одну кооперацию, значение которой было совершенно неправильно оценено Марксом. Точно также, такие явления, как развитие акционерных обществ, свидетелем чего был Маркс, приводили, по мнению ревизионистов, не к расслоению общества и обеднению масс, а наоборот. С ними открывалась возможность мелких сбережений и производительного их употребления, благодаря чему массы малоимущего населения оказывались заинтересованными в капиталистическом строе. Положение рабочих вообще не ухудшается, а, наоборот, вопреки «теории обнищания» Маркса, улучшается. Да, эта теория, говорят ревизионисты, стоит в противоречии со всей концепцией Маркса, ибо, если развитие капиталистического общества приводит пролетариат к одичанию и невежеству, то нельзя от такого класса ожидать возможности переустройства всего общества на новых началах. История развития социального законодательства в наиболее передовых странах,—Германии, Англии,—также не вяжется с прогнозом Маркса. Поэтому, говорят ревизионисты, нет оснований ожидать ту социальную катастрофу и то «крушение» капиталистического строя, которое предсказывал Маркс. (Нужно отметить, что самые термины в названиях «теория обнищания», «теория крушения», принадлежат не Марксу, а ревизионистам и Бернштейну). Фактически жизнь развивается не в сторону обострения и углубления классовой борьбы, а в сторону ее смягчения, в сторону легальной, мирной деятельности вместо революционной, в сторону необходимости проведения в жизнь важных, хотя бы и мелких социальных реформ, а не «восстания», не революции против капиталистического общества, ради нахождения социализма. Это стремление к легальному реформаторству есть непосредственная цель и задача, ибо, говорит Бернштейн, «движение — все, конечная цель — ничто».

В дальнейшем «пересмотр» углубляется не только в сторону «законов развития» капиталистического общества, но и чисто научных основ доктрины, включая и основную ее часть, в виде трудовой теории ценности. По мнению ревизионистов, и эта доктрина Маркса должна быть пересмотрена, так как она у самого же Маркса находится в противоречии с другими частями его учения, именно с учением об установлении цен (знаменитое «противоречие» между I и III томами «Капитала»). Притом, эта теоретическая предпосылка вовсе не является исключительно необходимым фундаментом марксового учения, так как без значительных противоречий с общими основами и стремлениями социализма она могла бы быть заменена знаменитой теорией «предельной полезности».

В этом отношении особенно поучительны рассуждения того же Э. Бернштейна. «Экономическая стоимость,—говорит он,—обладает двойственным характером: она содержит в себе момент полезности (потребительная стоимость) и момент издержек производства (трудо-

вая стоимость)». Маркс ради своих методологических целей допустил, что продукты продаются по трудовой стоимости и не принимал во внимание другого образующего момента полезности, и в этом отношении методологически он прав. Но правильно также делают и теоретики предельной полезности, которые берут только первый момент (полезности), и отбрасывают второй (труд). Другими словами, и та, и другая теории верны. Спор между этими теориями есть лишь спор о форме и содержании; поэтому же, по мнению Бернштейна, «в известных целях оказывается справедливой теория предельной полезности», в других—Маркса. Таким образом, Бернштейн приходит к чистейшему эклектизму в этом вопросе, имеющем у Маркса совершенно ясное и последовательное развитие, и выдает в то же время эти свои «поправки»,—как требование логического развития Марксовой теории и как «шаг вперед» в этом направлении.

По всем этим пунктам Бернштейну и другим ревизионистам отвечал преимущественно Каутский, который в ряде статей, помещаемых в «Neue Zeit» и в «Vorwärts», энергично выступил с антикритикой против Бернштейна; затем эти статьи вышли отдельным изданием. Каутский подробно разбирает здесь все уклонения Бернштейна от Марксова метода под видом его «исправления», указывает его эклектизм, неправильное истолкование фактов, также как неправильное истолкование самой Марксовой теории.

Бернштейн не был одинок в своем «пересмотре» теории и практической программы марксизма. Вместе с ним выступают по тем же вопросам Оппенгеймер, Вольтман, Давид и др. Последний особенно известен своим трудом «Социализм и сельское хозяйство», вызвавшим не меньший шум, чем сочинения Бернштейна. Но Давид идет даже далее Бернштейна. У последнего многие вопросы ставятся еще как бы в порядке дискуссии, не окончательно еще решаясь автором. У Давида отрицательное отношение к некоторым положениям и выводам доктрины марксизма гораздо более закончено, и, поэтому, хотя Давид касается только положения сельского хозяйства, тем не менее, его выводы имеют важное общее значение.

Давид, исходя из «универсального характера социалистической теории» считает, что эта последняя, основанная на фактах индустриального развития, недостаточно учла особенности сельского хозяйства. А они весьма велики, и только «авторитет Маркса» мешал тому, что на эту мысль никто до него, Давида, не напал. Давид, поэтому, подробно останавливается на этих особенностях сельскохозяйственного производства, как «органического процесса», в противоположность «механическому» характеру производства в индустрии. Эти особенности приводят к особому положению сотрудничества в сельском хозяйстве и к особому же положению мелкого производства, в связи, напр., с «критическими» моментами в сел.-хоз. производстве, с значением протяженности территории и больших расстояний, с вопросом о постройках, инвентаре и проч. Разделение труда получает в сельском хозяйстве совершенно иное значение, чем в индустрии, благодаря чему в нем не получается тех необходимых материальных предпосылок крупного машинного производства,

как в индустрии. Машина в сельском хозяйстве вообще гораздо менее значительна, мощна и выгодна, она не революционизирует так производство, как в промышленности, она не имеет такого значения и по отношению к рабочему. Крупное производство поэтому в сельском хозяйстве вообще не имеет тех преимуществ, как в индустрии, мелкое производство, наоборот, имеет преимущества перед крупным. Поэтому же и мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство не только может побеждать, но и действительно побеждает крупное. Тенденция и «закон» развития сельского хозяйства—иной, чем для промышленности: тенденция к концентрации и централизации, правильно установленная Марксом для промышленного развития, не правильна и не оправдывается фактами в развитии сельского хозяйства.

Отсюда Давид, протестуя против «марксистских шаблонов» в понимании развития сельского хозяйства, делает вывод о необходимости изменения практических программ по отношению к крестьянству: так как крупное хозяйство в земледелии вообще, в том числе и коллективистическое, не имеет за собой экономических производственных выгод и преимуществ, а, наоборот, жизненно и экономически сильно мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство, то программные требования должны быть направлены на поддержание этого индивидуального хозяйства. Отсюда следует сделать вывод (какой и делали по отношению к теориям Давида писатели из лагеря аграриев), что социализм со своими лозунгами преимуществ крупного производства, необходимости обобществления сельского хозяйства—неприменим в деревне, и что социалистам вообще там делать нечего.

Таким образом, Давид, как правильно указывает тот же Каутский в своей полемике с этим ревизионистом, начав с борьбы против «теоретических заблуждений марксизма» в аграрном вопросе, приходит к отрицанию социализма вообще в сельском хозяйстве и к признанию, что социализм и сельское хозяйство несовместимы, что последнее и в социалистическом строе будет основано на мелком производстве.

Таким образом, «ревизионизм» действительно не оставлял «камня на камне» от учения Маркса как в области революционно-политической деятельности, так и в чисто научной доктрине. Тем не менее, этот «пересмотр» все же происходил под флагом «социализма», как дальнейшее «улучшение» учения Маркса. Нет надобности здесь подробно останавливаться на известных из теоретического курса политической экономии доказательствах, что такое «улучшение» доктрины Маркса, в сущности, совершенно уничтожало ее, и, критикуя так Маркса, социалисты-ревизионисты, в сущности, переходили в лагерь буржуазной демократии.

Ясна вместе с тем и причина зарождения ревизионистских идей, как идей так называемого «мелкобуржуазного» социализма, как промежуточного движения слоев общества, отчасти расходящихся в своих стремлениях и интересах с быстрым и грандиозным ростом капиталистических крупных организаций, но вместе с тем далеких и от революционной борьбы и идеологии промышленного пролетариата.

С средины 90-х годов, европейский промышленный мир, переживши после войны и революции 70-х годов, продолжительный период политического покоя, без крупных европейских войн, хотя и при напряженном милитаризме, вступил в период значительного под'ема. Особенно резко это проявилось в Германии. К этому времени здесь, так же, как и в других европейских странах рабочий класс добился известных политических прав (всеобщее избирательное право, свобода организаций), а также некоторого улучшения своего экономического положения. Город и крупная промышленность быстро втягивали в себя новые кадры населения из прежнего мелкого самостоятельного крестьянства; прежнее мелкое ремесленничество и мелкая буржуазия также быстро поглащались быстро развивающейся крупной капиталистической промышленностью. Для этих новых слоев была, конечно, с одной стороны ясна известная противоположность классовых интересов их и крупной капиталистической буржуазии. Но с другой стороны, повышение материального благосостояния хотя бы некоторых слоев рабочих масс, политические успехи в легальной парламентской борьбе, профессионально-организационные успехи и наконец продолжительный период политического затишья, — все это создавало видимость, что эпоха социально-политических революций навсегда изжита в развитии общества, что его социальный прогресс пойдет «мирным» путем, что классовые противоречия смягчаются и должны быть смягчаемы и что политическим лозунгом социализма должно быть не социальная революция, а социальные реформы. На этой почве и выросли ревизионизм и реформизм.

Однако, уже в средине 900-х годов, во время русско-японской войны и первой русской революции, европейский капиталистический мир получил новое напоминание, насколько непрочно его политическое и экономическое равновесие, и новое доказательство, что эпоха социальных революций еще не изжита и не сменилась социальным реформизмом. Последующее мировое экономическое развитие, вплоть до мировой войны и европейских революций доказало, что капитализм в своем развитии переменил только форму, но не социальную сущность, что империалистическая стадия его не только не смягчила социальные его противоречия, но наоборот, обострила и углубила их, придав им мировой размах и значение. Поэтому, говорить о «врастании» социализма в капиталистическое общество путем длительного мирного сожития и сотрудничества капитализма и социализма оказалось утопией. Перед социализмом был остро поставлен вопрос — о продолжении-ли и развитии «ортодоксального» революционного марксизма, как в теории, так теперь и на практике, или к замене его новым «мирным» течением реформизма и «социального мира».

Все это уже с середины 900-х годов, со времени русской первой революции, привело к расколу среди социал-демократии, в особенности германской. Течение реформизма уже было подготовлено здесь ревизионизмом, бернштениантством, давидиантством, которое с усложнением политической и экономической жизни и с закреплением империализма, делало большие успехи. «Социализация» буржуазного общества

стала в некоторых странах получать заманчивую форму непосредственного политического сотрудничества социалистических партий с буржуазными, путем вхождения социалистов в буржуазные министерства. Известная резолюция по так наз. «делу Мильерана», разрешившая такое вхождение «при известных условиях» и предложенная Каутским (прозванная поэтому «каучуковой»), уже предвещала, что поворот к «реформизму» захватил даже таких недавних столпов ортодоксального и непримиримого марксизма, каким был Каутский. Все это и вполне оправдалось в мировой войне и последующих европейских и русской революциях, когда и теоретический, и практический политический «кризис марксизма» на Западе, и в особенности в Германии, дошел до своей конечной глубины. Помимо общеизвестных фактов политической жизни последних лет, в отношении интересующей нас здесь социально-экономической доктрины марксизма, его кризис в германской социалистической мысли лучше всего символизируется тем, что бывший непримиримый ортодокс и теоретический противник Бернштейна, К. Каутский примирился с последним, восприняв от него весь его реформизм, а вместе с ним и всю «теорию» ревизионизма.

Такова была судьба одного из отмеченных нами направлений в развитии послемарксовой социалистической мысли. Начав с пересмотра некоторых теоретических и практических положений марксизма, это направление, как мы видим, пришло к отрицанию самого социализма и марксистского прогноза преобразования капиталистического общества. Одной из основных причин такого, как теоретического, так и практического уклона было, как видно из сказанного, то обстоятельство, что ревизионизм не мог правильно понять и оценить тех новых явлений, которые с конца XIX ст. стали так выпукло выступать в развитии капитализма, в виде империалистического этапа его развития. Ревизионисты не смогли сделать надлежащих выводов из новой мировой структуры капитализма, приводившей его к мировому господству, к разделу мира, но вместе с тем и к неизбежности новых кризисов в мировом масштабе. Новую монопольно-империалистическую фазу в развитии капитализма они приняли за «врастание социализма в капитализм» и пришли таким образом к реформизму.

Между тем, экономическое и политическое развитие капиталистического общества, особенно с начала XX ст., шло не только «по Бернштейну», но совсем наоборот. Стоит только вспомнить колоссальное развитие мировых трестовых об'единений, монопольное господство новой формы капитала, так наз. «финансового капитала», вытекающие отсюда новые формы политических связей и отношений мировых капиталистических держав, новые формы классовой борьбы и рабочего движения, и т. п.,—чтобы понять, насколько быстро капитализм шел по новым путям своего развития. Эти новые пути и формы почти не имели места, когда Маркс писал свой «Капитал» и поэтому он мог только в самых общих контурах, как тенденцию, наметить и предугадать их. К XX же веку эти новые формы и явления капитализма стали реальнейшей действительностью, без изучения и познания которой было невозможно ни теоретически правильно понять капиталистическое обще-

ство XX в., ни сделать правильных практических выводов для политической действительности.

Необходимо отметить, что сама марксистская экономическая научная мысль не сразу остановилась на этих новейших явлениях капитализма. Причиной этого являлось то вообще отсутствие теоретических исследований, над которыми преобладали первоначально популяризация или практически-программные сочинения. Но кроме того, как правильно указывает Каутский, сам ревизионизм, вызвавший раскол в Германской социалистической мысли, отвлек значительные теоретические силы от ортодоксального марксизма, а последователей этого последнего заставил много сил затратить на борьбу с ревизионизмом. Литературный «кризис марксизма» однако не продолжался и десятилетия. Уже с средины 900-х годов начинается значительное оживление немецкой марксистской литературы, без ревизионистских уклонов, но с применением метода и идей марксизма для освещения новейших этапов и явлений капитализма.

Такой работой, сделавшей эпоху в новейшей марксистской экономической литературе, необходимо считать прежде всего «Финансовый капитал» Гильфердинга. По верному замечанию Каутского этот труд Гильфердинга является прямым продолжением «Капитала» Маркса. Первый том «Капитала» писался в 60-х г.г., а за истекший период в экономической жизни произошел мощный переворот. Конечно, говорит Каутский, он не оставил «Капитала» позади, наоборот, этот самый переворот можно правильно понять лишь с помощью этой работы; но теперь выдвинулся ряд новых явлений, которые не трактовались до тех пор на основе марксистской теории. Труд Гильфердинга и ставит эту проблему.

Новейшая фаза развития капитализма характеризуется с одной стороны высшей концентрацией промышленного капитала и организационных форм промышленного производства, с другой — концентрацией денежного капитала, в виде банкового капитала. Соединение этих двух особенностей, осуществляемых в мировом масштабе, приводит к монопольному об'единению банкового и промышленного капитала. Современные банки становятся центром промышленной жизни. Они концентрируют у себя денежные капиталы, превращают их из пассивного состояния в ативное и располагают такой суммой капиталов, которая во много раз превосходит собственный капитал промышленности. «Все возрастающая часть промышленного капитала, говорит Гильфердинг, не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который по отношению к ним представляет собственников этого капитала. С другой стороны и банку все возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталистом». Такой банковый капитал, превращенный фактически в промышленный капитал, путем сращивания основного капитала промышленности с банковым капиталом, Гильфердинг назвал «финансовым капиталом». Его характерной чертой является, именно, та монополия,

которая вытекает из высших форм концентрации производства и которая в свою очередь приводит к мировой финансовой олигархии.

Современный капитализм, как высшая империалистическая стадия капитализма и характеризуется с его экономической стороны господством этого финансового капитала, выросшего на почве монополистической концентрации производства и приводящего к мировой финансовой олигархии, захватывающей в свои руки весь мир. Без познания и изучения этих новейших явлений развитого капитализма не возможно понимание ни всего капиталистического современного строя, ни его судеб. Между тем, по справедливому замечанию Гильфердинга, финансовый капитал, «представляет наивысшую и наиболее абстрактную форму проявления капитала. Мистическая оболочка, вообще окружающая капиталистические отношения, становится здесь наиболее непроницаемой», а потому и анализ всех смежных с ним явлений — особенно трудным. Гильфердинг, применяя метод исследования, предуказанный Марксом, весьма успешно справляется с задачей.

Так как банковый капитал есть капитал в денежной форме, т.-е. особая форма капитала, движение которого обособлено от форм торгового и промышленного капитала, то Гильфердинг и начинает свое исследование с анализа денег и кредита. Здесь он дает несколько расширенный и самостоятельный анализ денег и денежного обращения, исходя из предпосылок Маркса, хотя и несколько отступая от его теории денег. Для дальнейшего развития банкового капитала особое значение получают так наз. кредитные деньги, т.-е. деньги, возникающие из платежных обязательств в частном обороте (векселя и пр.). Эти деньги «имеют не общественную (как государственные деньги), а частную гарантию». Государственые бумажные деньги обслуживают известный минимум товарного обращения, тогда как кредитные — расширение оборота сверх этого минимума; поэтому количество их очень подвижно и изменяется при колебаниях кон'юнктур и кризисах. Для функционирования кредитных денег необходимы особые учреждения, которыми и становятся *банки*.

Далее Гильфердинг, опять воспринимая нить исследования Маркса в вопросе об обращении капитала, рассматривает циркуляцию денег в обращении промышленного капитала, вводя и здесь момент «свободных» денег и превращение их через банки в кредитные деньги. В процессе обращения всего общественного капитала в целом, часть его оказывается постоянно праздной, в форме денежного капитала, постоянно меняясь в своей величине. Но так как такое праздное состояние противоречит функции капитала—производить прибыль, то отсюда возникает задача — свести это бездеятельное состояние к минимуму. Эту задачу выполняют банки через систему кредита. Так возникает промышленный банковский кредит, с помощью которого значительно расширяется базис производства за пределы собственного капитала. Этот кредит можно назвать капитальным кредитом, так как лица, получающие его, используют его, как капитал для производства.

Этот капитальный кредит может быть использован или для оборотного капитала, или для основного. Если в первом виде кредита деньги

возвращаются вместе с оборотным капиталом, то при втором — они вкладываются надолго, на весь процесс, до изнашивания капитала. Но вместе с тем банк, так надолго помещая в предприятие свои деньги, получает и интерес ко всей судьбе данного предприятия. Получается прочное срастание промышленного предприятия с банком, при чем наиболее сильной стороной оказывается, конечно, владелец капитала— банк. При тенденции к концентрации как в промышленности, так и в банках это ведет к созданию крупнейших концентрированных об'единений финансового капитала.

Далее Гильфердинг и разсматривает организационные формы такой мобилизации капиталов. Они выливаются в создании акционерных обществ. Гильфердинг дает здесь весьма важную теорию акционерного общества и анализ соотношения в нем банковского и промышленного капитала. И здесь исходя из положений Маркса, Гильфердинг дальше их углубляет и развивает, особенно подробно выясняя важный вопрос о происхождении так называемой «учредительской прибыли» или, как определяет Гильфердинг, «барыша, который возникает вследствие превращения капитала, приносящего прибыль в форму капитала, приносящего процент». Это при развитом банковском капитале совершается также банками, т.-е. банки, как учредители, выпуская акции и получая на них повышенные дивиденды, капитализируют их, исходя из обычного процента, следовательно, продают эти акции новым держателям по повышенной сравнительно с номинальной капитальной цене. Новый акционер получает обычный процент, банк—учредительскую прибыль. То же происходит и при повышении стоимости акций, которая также используется тем же путем банками. В связи с этим, учреждение и финансирование акционерных обществ становится преобладающей и при том одной из наиболее выгодных функций банков. Самые же акции становятся документом, дающим право на определенный доход, фиктивным капиталом, своеобразным «товаром».

Отсюда возникает особое свойство обращения капитала в развитой акционерно-банковой системе: возможность мобилизации капитала превращает капиталистическую собственность в «свидетельства на доход» и делает капиталистический процесс производства независимым от движения капиталистической собственности. Движение последней превращается в «торговлю доходными титулами», которая совершается на биржах. Гильфердинг подробно рассматривает роль и значение бирж в товарном и капитальном обороте, при чем, и здесь оказывается, что с развитием банковской системы, банки вытесняют биржи из этой торговли деньгами и капитальными ценностями.

Так банки становятся во главе руководства, концентрации и распределения всего общественного капитала. При таких условиях банки в своей деятельности должны столкнуться с чрезвычайно важной тенденцией и явлением свободного капитализма: с конкуренцией промышленных предприятий и с тенденцией средней нормы прибыли к понижению. Отсюда и возникают всякого рода промышленные об'единения, до синдикатов и трестов включительно, с целями предохранить норму прибыли от понижения или даже достигнуть повышенной прибыли. Это достигается изменением как производственных условий, так и условий обращения

путем изгнания из процесса обращения торговца-посредника, торгового капитала и его торговой прибыли. На место этого прежнего торговца-посредника становится тот же банк, который «превращает некогда столь гордого купца в агента промышленности, монополизированной финансовым капиталом».

Таким образом, весь процесс общественного производства и распределения получил совершенно иной вид, чем в освободном капитализме: все общественное хозяйство представляет из себя не совокупность отдельных конкурирующих между собою предприятий, а как бы монопольную и об'единенную производительную совокупность, управляемую единым, мощным и обезличенным капиталом, финансовым капиталом. «Всеобщий картель»—такова потенциальная цель такого процесса развития. И самый процесс обращения товаров представляет из себя не процесс массы ценностных сопоставлений этих товаров, на основании общих законов конкурентного установления цен, а простое «распределение» продукта между членами общества, возможно даже без цены или лишь с номинальным ее установлением, как простой счетной единицей. Исчезает «анархия производства», исчезает «товар, как овеществленная стоимость», исчезают даже деньги. «Единый картель» распределяет весь общественный продукт. Одним словом—в законченной форме это есть «сознательно регулируемое общество в антагонистической форме».

Так капитализм в высшей стадии своего развития приходит к своей противоположности—к выработке организационных форм единого, регулируемого общественного хозяйства, но антагонистического типа. Уничтожение этого антагонизма и должно явиться последней задачей для преобразования общества. Как же оно должно произойти?

Общество все же остается антагонистичным и несмотря на доведение до высшей степени единого управления—должно испытывать все те же конституциональные болезни капитализма—кризисы. Гильфердинг подробно рассматривает причины и условия процесса расширенного воспроизводства при развитом капитализме и причины возникновения кризисов, следуя в этом отношении Марксу, но вводя новые усложняющие моменты финансового капитала и картеллирования промышленности. Ни то, ни другое в условиях капиталистического хозяйства не только не может предохранить от кризисов, но наоборот, делает их более всеобщими и углубленными.

Каковы же исторические тенденции такого развития финансового капитала и цели его экономической политики? Гильфердинг указывает три таких цели: захват под свое влияние возможно большей территории с помощью экспорта капитала, ограждение ее от иностранной конкуренции таможенными стенами и превращение ее в область эксплуатации для национальных монополистических об'единений. В политическом отношении это приводит к созданию мощных государственных организаций под эгидой того же финансового капитала. Сильное государство, могущее силой распространять могущество финансового капитала на новые территории, становится идеалом новой «финансовой» буржуазии. В противоположность «пацифизму» промышленного капитала финансо-

вый капитал по существу своему агрессивен и милитаристичен. «Идеология империализма» идет на смену «идеологии либерализма». Империализм заменяет поблекшие идеалы буржуазии и разрушает ее либеральные иллюзии для того, чтобы пробудить в ней новые, более грандиозные иллюзии—к всемирному господству.

Но общество финансового капитала—классовое общество, не со смягченными, а наоборот с углубленными классовыми противоречиями. Интересы финансового капитала антагонистичны не только с интересами рабочих классов, но и средней и мелкой буржуазии. Только в господствующем классе крупного землевладения финансовая олигархия имеет совпадение как экономических интересов, так и интересов политического господства. Финансовый капитал делит свою классовую власть над государством с этим классом, хотя и поглащая его. Политическая власть сливается с экономическим господством. «Фианасовый капитал в его завершении—это высшая ступень полноты экономической и политической власти, сосредоточенной в руках капиталистической олигархии. Он завершает диктатуру магнатов капитала. Но он же диктатуру господ национального капитала одной страны делает все более несовместимой с капиталистическими интересами другой страны, и господство капитала во всякой стране все более несовместимым с интересами народных масс, эксплуатируемых финансовым капиталом, но им же и вызываемых к борьбе. В мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается наконец в диктатуру пролетариата».

Такими словами—в сущности комментарием к известным словам Маркса: «бьет час капиталистической собственности. Экспроприирующих экспроприируют» —Гильфердинг заканчивает свое замечательное произведение.

Из приведенного краткого изложения все же можно видеть чрезвычайно широкий и глубокий охват Гильфердингом основных тенденций и явлений развитого капитализма. Строго следуя методу Маркса и во всех основных вопросах поднимая оставленную Марксом нить его исследования, Гильфердинг блестяще доводит ее до последних этапов капитализма и до прогноза его саморазрушения. Хотя в последнем местами у Гильфердинга чувствуются противоречия и недоговоренности, тем не менее его «Финансовый капитал» является блестящим продолжением и завершением «Капитала» Маркса. Анализ явлений развитого капитализма Гильфердингом, так же как его терминология, в настоящее время столь же прочно вошли в обиход марксистского мышления, как и анализ капиталистического общества вообще в «Капитале» Маркса.

Сочинение Гильфердинга безусловно является наиболее замечательным произведением марксистской мысли в после-марксовый период. И понятно, почему именно на анализе указанных явлений сосредоточилась мысль исследователя: только поняв и исследовав эти явления развитого монопольного капитализма, можно понять его современную сущность и дать его прогноз о причинах, путях и формах преобразования общества. Вопросы кризиса и изживания капитализма в период наивысшего, зенитного его развития должны, конечно, наиболее остро стоять перед социалистической мыслью.

Вот почему и второе наиболее крупное произведение новейшего периода марксизма трактует о том же в сущности вопросе. Таким произведением следует считать «Накопление капитала» Р. Люксембург. Подход Р. Люксембург однако совершенно иной, чем у Гильфердинга. Тогда как последний на базе марксистской теории дает анализ явлений и фактов новейшей эпохи капитализма, Р. Люксембург исходит из чисто-абстрактного анализа схем простого и расширенного воспроизводства, проблемы накопления капитала и реализации прибавочной ценности. Такая постановка вопроса приводит и Р. Люксембург к проблеме кризисов вообще и в частности к проблеме кризиса капиталистического хозяйства в его империалистической стадии развития, но метод рассмотрения и анализа остается чисто абстрактным, развивающимся на основе математических формул по этому вопросу, данных Марксом во II томе «Капитала». Подобно тому, как Гильфердинг в своем исследовании обыкновенно продолжает нить исследования I тома «Капитала» Маркса, так сочинение Р. Люксембург можно считать продолжением II тома.

Выяснив проблему воспроизводства в капиталистическом обществе, как движение бесчисленного множества отдельных хозяйственных предприятий, без всякого общего руководства, прерываемое отдельными частичными и общими перерывами в воспроизводстве, но в то же время складывающееся в один общий хотя бы и противоречивый, хозяйственный процесс, ведущий неизбежно и непрерывно, как по спирали, к расширению всего движения и к достижению все в больших размерах основной цели всего движения—накопления и получения прибыли, Р. Люксембург задается целью анализа условий, при которых это движение может совершаться беспрепятственно. Эти условия, в целом, сводятся к следующим: во-первых, производство должно создавать прибавочную ценность, как элементарную форму, при которой только и возможно расширенное капиталистическое производство; во-вторых, эта прибавочная ценность, присвояемая капиталистом, должна быть реализована, превращена в денежную форму, т.-е. должна пройти через рынок; в-третьих, часть этой прибавочной ценности для присоединения к капиталу в целях расширенного воспроизводства должна вновь принять производительную форму определенных товаров — средств производства и труда, т.-е. должна пройти вновь через рынок товаров и труда; наконец, в-четвертых, добавочная масса товаров, которая представляет новый капитал вместе с новой прибавочной ценностью, должна быть реализована и превращена в деньги. Только при правильном выполнении всех этих условий — которые, как мы видим, все приводят нас к рынку — исход расширенного воспроизводства обеспечен. Другими словами, «суверенная воля» отдельного капиталиста-производителя подчиняется рынку, «где никакая воля и никакой разум не имеет никакого значения», и где особенно «дает себя чувствовать зависимость отдельного капиталиста от общества, от совокупности производящих и потребляющих членов его».

Давши такую постановку проблемы, Р. Люксембург дает далее подробный анализ проблемы и ее историю у разных экономистов, начиная

с классиков, Маркса и др. и до русских народников и марксистов включительно. Рассматривая решение проблемы расширенного воспроизводства у Маркса, Р. Люксембург приходит к тому выводу, что согласно точному смыслу его, при расширенном воспроизводстве «сам класс капиталистов при условии накопления, т.-е. капитализации части прибавочной ценности, никоим образом не может реализовать, т.-е. купить, всю свою прибавочную ценность. Несомненно, что должно быть создано достаточное количество денег для реализации капиталистической прибавочной ценности, но эти деньги никак не могут происходить из кармана капиталистов... Рабочие еще меньше, чем класс капиталистов, в состоянии реализовать капитализированную прибавочную стоимость... Реализация прибавочной ценности вне этих двух единственно существующих классов общества кажется столь же необходимой, как и невозможной. Накопление капитала очутилось в порочном кругу. «Во II т. «Капитала» мы во всяком случае не находим решения проблемы», говорит Люксембург, об'ясняя это незаконченным характером II тома. У других экономистов также не находим сколько-нибудь правильного решения проблемы. Р. Люксембург и делает попытку дать свое решение.

Рассматривая всю совокупность анализа этого вопроса в различных местах у Маркса, Р. Люксембург приходит к выводу, что реализация прибавочной ценности при расширенном воспроизводстве в чисто капиталистическом обществе вообще невозможна... «Существование некапиталистических покупателей прибавочной ценности является прямым условием существования капитала и его накопления, а потому и решающим вопросом проблемы накопления. Капиталистическое накопление, как общественный процесс, так или иначе, фактически, во всех отношениях связан с некапиталистическими общественными слоями и формами... Решение проблемы в духе Марксова учения заключается в диалектическом противоречии: капиталистическое накопление в своем движении нуждается в некапиталистических общественных формациях, как в окружающей его среде; оно прогрессирует в постоянном обмене веществ с этими формациями и может существовать лишь до тех пор, пока оно находит эту среду».

Отсюда Люксембург считает нужным пересмотреть и понятия внутренней и внешней торговли, которые играли столь большую роль в теоретических спорах о проблеме накопления. Они должны рассматриваться не как географические понятия, а как понятия социальной экономии. Внутренний рынок капитализма — это капиталистический рынок, это само его производство; внешний рынок — это окружающая его некапиталистическая среда. На «внутреннем» рынке может быть реализована лишь часть стоимости всего общественного продукта — потребленный постоянный капитал и потребленная часть прибавочной ценности; часть последней, предназначенная для капитализации, должна быть реализована на «внешнем» рынке. Вот почему старые капиталистические страны все больше становятся нужны друг другу, как «внутренний» рынок для сбыта своих продуктов и в то же время они ведут все более ожесточеннейшую между собой борьбу из-за некапиталистических стран.

Некапиталистической средой для развивающегося капитализма является прежде всего натуральное хозяйство, с которым развивающийся капитализм непрерывно борется, постепенно поглощая его остатки; далее — вовлечение в товарное хозяйство всех натурально-хозяйственных образований, делающихся везде покупателями капиталистических товаров; отделение от сельского хозяйства деревенской обрабатывающей промышленности и борьба против самоудовлетворяющегося крестьянского хозяйства. Все это дает возможность «движения» накопления в развивающемся капитализме. Но раз конечный результат достигнут, раз капиталистический способ производства дошел до своей последней грани, стал абсолютно универсальным, «начинается тупик, накопление становится невозможным». Отсюда вытекает то обострение противоречий, которое заключает в себе эта последняя грань капитализма, наступающая со времени последней империалистической фазы его, и заключающая, поэтому, вместе с неизбежностью прекращения производства, и «об'ективную необходимость гибели капитализма». Международные финансовые операции, охранительные пошлины, милитаризм — все это, представляется лишь последними формами борьбы за мировое господство, однако, не только не разрешающими, но осложняющими внутренние противоречия капитализма. «На определенной высоте развития это противоречие не может быть разрешено иначе, как применением основ социалистического хозяйства, которое по природе своей является в одно и то же время и мировой формой, и гармонической системой, потому что оно основано не на накоплении, а на удовлетворении жизненных потребностей трудящегося человечества путем развития всех производительных сил земной поверхности».

Таким образом, и Р. Люксембург приходит, как и Гельфердинг, хотя и другим путем, к той же основной проблеме — к проблеме изживания себя капитализмом после того, как он, по пути развития мировых производительных сил и обобществления производства в мировом масштабе, достигнет конечной мировой империалистической стадии развития, но не сможет в то же время разрешить внутренние свои социальные и экономические противоречия. Хотя основная теоретическая проблема накопления при расширенном воспроизводстве и не окончательно разрешена и Р. Люксембург, а ее интерпретация формул и мыслей II тома Маркса вызвали значительную критику, тем не менее самая постановка и трактовка вопроса, равно как и социальные выводы, представляют высокий интерес для изучения основных моментов развития и судеб высших форм капитализма.

Поэтому и на книгу Р. Люксембург может быть с этой точки зрения распространено то указание, которое делал Каутский в свое время о книге Гильфердинга. Он, говорит Каутский, «превосходно показал, с какой необходимостью развитие (мирового капитализма) ведет к обострению классовых противоречий. Его книга дает новое свидетельство того, насколько превратно упование, что предприниматели все более будут видеть, как выгодно для них самих стоять с рабочими на хорошей ноге; что их «социально-политическое понимание» будет все более воз-

растать... В действительности надежда на смягчение классовых противоречий питается прошлым... Финансовому капиталу принадлежит будущее. Как в международной конкурентной борьбе, так и во внутренней классовой борьбе он является самою суровою и насильническою формою капитала»....

Так писал Каутский по поводу книги Гильфердинга, указывая в то же время на основную ошибку ревизионистов, приведшую их к противоположной позиции. Не поняв социальную сущность и значение империалистически-монопольных форм капитализма и увидев в них «смягчение противоречий», подвергнув ревизии все основы и тенденции капитализма, ревизионисты пришли к отрицанию не только марксизма, но и вообще социализма. Их основная ошибка не могла не привести их не только к полному бесплодию их в развитии теоретической марксистской мысли, но к прямому убийству ее. Из живой и развивающейся, идущей вперед вместе с развитием об'ективных явлений капиталистической жизни, она пошла у них назад, дойдя в теории — до «предельной полезности», в социально-политических воззрениях — до Сисмонди, на практике — к полному отказу от тактики непримиримого марксизма. Притом этот поворот захватил даже и бывших авторов критики ревизионизма.

Поэтому, наоборот, направление экономической мысли, сумевшее правильно понять и анализировать социально-экономическую сущность империалистического капитализма, вписало в историю марксистской теоретической мысли много блестящих страниц и должно было дать вместе с тем богатую теоретическую научную базу для понимания и обоснования новейших форм и тенденций социалистического движения. Правда, если сильно разошлась теоретическая позиция ревизионистов и «ортодоксального» крыла немецкой марксистской мысли, то еще более разошлись их политические позиции. Р. Люксембург, Каутский, Гильфердинг — оказались противниками и в истолковании, и в своем отношении к мировым политическим и социальным событиям последнего десятилетия.

Во всяком случае та идеология «кризиса марксизма», которая в виде ревизионизма была 30 лет назад порождена новыми формами общественного развития и которая за последние годы вновь нашла себе отражение в новых и несколько измененных формах, если еще не окончательно изжита в головах своих новых последователей, то экономически она опровергнута теми до крайности напряженными противоречиями, о которых 15 лет назад говорил тот же Каутский и Гильфердинг. Но этот новый этап развития марксистской мысли уже выводит нас из рамок собственно «истории» экономической мысли, от имен Маркса и Энгельса приводит к Ленину, от законченной теории — к современной, сложной и еще не закончившейся, теоретической разработке проблем высших этапов капиталистического развития и нового социалистического строительства.

Но все эти вопросы уже выходят из рамок нашего исторического курса...

Литература по затронутым вопросам, кроме указанной в предыдущей главе общей литературы: **Бернштейн.** Условия развития социализма и задачи соц.-дем.—**Каутский.** К критике теории и практики марксизма. 1922.—**Давид.** Соцализм и сельское хозяйство. 1906.—**Каутский.** Социализм и сельское хозяйство. (Ответ Давиду). 1906.—**Гильфердинг.** Финансовый капитал. 1918.—**Р. Люксембург.** Накопление капитала. 1921.—**Ее же.** Накопление капитала (Антикритика). 1922.—**Ленин.** Империализм, как новейший этап капитализма. 1919.—Основные проблемы полит. экономии. 1922.

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.	Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
Конец XV в. и XVI век.	Начало торгового капитализма и апогей сеньориально-поместного хозяйства.	Открытие Америки 1492 г. Открытие прямого пути в Индию 1498. Торговое преобладание Испании и Португалии. Открытие серебряных рудников в Боливии 1545. Наплыв золота в Европу и «революция цен». Франция. Развитие сеньориального режима. Англия. Начало «огораживания» и крупного землевладения. Апогей ремесла.	Крестьянские революционные движения на почве усиления поместного режима. Восстания крестьян: в Германии 1525, во Франции 1600, в Англии 1549.	Законодательство Елизаветы об ученичестве в Англии 1562.	Вожди народного социалистического движения: Ф. Мюнцер (1490—1525). И. Лейденский (1510—1535). Социальная утопия Т. Мор (1478—1545). Ф. Кампанелла (1568—1639).	Меркантилизм. В. Стаффорд 1581. О. Чайлд. Б. Даванцати (1529—1606). Ж. Боден (1530—1596).
XVII век.	Расцвет торгового капитализма и зарождение мануфактур.	Торговое преобладание Нидерландов и борьба их с Англией. Начало торгового развития Англии. Образование Ост-Индской комп. 1602. Образование Вест-Индской комп. 1622. Учреждение Английского банка 1694. Развитие пастбищного хозяйства и начало шерстяных мануфактур в Англии. Франция. Расцвет сеньориального режима и зарождение мануфактур. Развитие торгового флота и колониальных владений. Германия. Расцвет крепостного хозяйства.	Революция в Англии 1688.	Навигационный акт Кромвеля 1651. Покровительств. таможенные тарифы во Франции 1664—1667.		Т. Мен. (1571—1641). Рассуждение о торговле Англии 1609—1621. «О богатстве Англии» 1664. Реакция против меркантилизма. Деллей Норт (1644—1691). Рассуждение о торговле 1690. Французский меркантилизм. Кольбер (1619—1683).
XVIII век до Великой Французской революции.	Эпоха мануфактур и кризис сеньориально-поместного хозяйства.	Англия. Расцвет мануфактур. Разложение аграрного строя и пауперизация сельского населения. Изобретение прядильной машины 1765. Франция. Финансовые операции Ло 1720. Отмена цехов 1776. Развитие мануфактур. Германия. Расцвет крепостного хозяйства.	Борьба за земельную реформу 1780. Об'явление независимоети Соед. Штатов 1779. Генеральные штаты и начало революции 1789.		Идеологи «народного социализма» во Франции: Ж. Мелье (1664—1729). Веррас д'Алле «История сверамбов» 1675.	Д. Юм. (1711—1776). Основание классической школы. А. Смит (1723—1790) и «Богатство народов» 1776. Физиократизм. Ф. Кене (1694—1774). «Экономическ. таблицы» 1758. Тюрго 1727—1781.

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.	Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
Конец XVIII века и до 1815 года.	Эпоха буржуазной революции во Франции и промышленного переворота в Англии.	Англия. Промышленная революция и начало фабричной промышленности. Падение цехов и домашней промышленности. Изобретение машин: прядильной Гаргривса 1770 г., Аркрайта 1771 г., мюльной Кромптона 1779 г., механического станка Картрайта 1785 г., паровой машины Уатта 1777 г. Усовершенствования в металлургии 1780 г. Накопление крупных капиталов. Окончательное исчезновение крестьянства и развитие пауперизма. Франция. Падение сеньориального режима и сословного строя. Германия. Освобождение крестьян и выкуп земель.	Движение «леддитов» (разрушителей машин) в Англии 1810—16. Стачка ткачей 1812. Учредительное собрание и Национальный Конвент 1791.	Начало фабричного законодательства в Англии 1802. Революционный раздел земель во Франции 1790.	Бабеф (1760—1797) и «заговор» 1795. Сен-Симон (1760—1827). Фурье 1772—1837.	Расцвет классической школы. Рикардо (1772—1823). Мальтус (1766—1834).
С 1815 по 1830 год.	Эпоха европейской политической реакции и промышленного кризиса.	Англия. Торговое и промышленное преобладание Англии. Усиление огораживания и сел.-хоз. кризис. Быстрый рост городов. Первая жел. дорога 1826. Первый промышленный кризис 1817—1825. Франция. Экономический застой и реакция.	Реставрация Бурбонов 1815. Священный союз 1815.	Падение хлебных цен и закон Питта 1815. Закон о фабричн. раб. 1819. Закон о свободе союзов 1824.	Р. Оуэн (1771—1858) и его деятельность в области социального законодательства. Фурьеризм во Франции.	Школа Рикардо—Мальтуса. Ж. Б. Сэи (1768—1832) и популяризация классической школы во Франции.
С 1830 по 1848 год.	Первые попытки завоевания власти буржуазией и подготовка рабочего движения.	Англия. Осуществление принципов экономической свободы. Закрытие Ост-Индской компании и свобода торговли 1833. Промышленный под'ем 1833—34 г. и кризисы 1836—39 гг. Франция. Начало грюндерства и предпринимательства 1830. Германия. Начало торгово-промышленного под'ема.	Движение чартистов 1830—40 г. Июльская революция 1830 и свержение Бурбонов. «Буржуазная монархия» Луи Филиппа. Подготовка рабочего движения.	Избирательн. реформа в Англии 1832. Освобождение негров 1833. Народная Хартия 1838. Законодательство о труде 1839—42. Отмена хлебных законов 1846. Германский Таможенный Союз 1834.	Аграрный социализм. Д. О'Конор. Организация социалистических общин Оуэна. Заговорщицкий социализм О. Бланки (1805—1881). Утопический социализм Кабе (1788—1856), «Путешествие в Икарию» 1840.	Ф. Бастиа (1801—1850) и упадок классической школы. С. Сисмонди (1773—1842) и оппозиция классической школе. К. Тюнен (1783—1850).

Периоды.	Общая характеристика эпохи.	Техника и экономика.	Общественно-революционные движения.	Социально-экономическое законодательство.	Социалистические утопии и научные доктрины.	Экономические доктрины.
С 1848 по 1870 год.	Диктатура национальной буржуазии и начало рабочего движения.	Англия. Расцвет английского промышленного и торгового господства. Отмена Навигационного акта 1849. Таможенная реформа 1860. Открытие золотых россыпей в Калифорнии и Австралии 1850. Развитие жел. дор. и банков. Начало морского парового транспорта 1861. Изобретение парового плуга 1849. Кризисы в английской промышленности 1847, 57, 66 гг. Франция. Начало господства промышленной буржуазии. Германия. Экономическое об'единение Германии.	Революция 1848. Революция 1848.	Признание тред-юнионов 1869. Организация общественных мастерских. Борьба за избирательную реформу.	Государственный социализм. Луи Блан (1811—82). Лассаль (1824—64). Бланкизм во Франции. Мелкобуржуазн. социализм Прудона (1809—1869). Вейтлинг (1808—1871). К. Маркс (1818—1883) и научное обоснование социализма и международного рабочего движения. 1-ый Интернационал 1864. Ф. Энгельс (1820—1895).	Д. С. Милль (1806—1873). Возникновение исторической школы в Германии. Лист (1789—1846). Рошер (1817—1894). Гильдебранд 1812-1878. Книс (1821—1898).
С 1870 по 1900 год.	Начало империалистической эпохи в капитализме и международный характер рабочего движения.	Все капиталистические страны Европы и Америки. Прорытие Суэцкого канала 1869. Прорытие Панамского канала. Развитие мировой торговли. Расцвет колониальной политики. Усиление эмиграции из Европы. Развитие мирового трестирования промышленности. Финансовый капитал.	Франко-прусская война и политическое об'единение Германии 1870—71. Парижская Коммуна 1870.	Развитие социального законодательства в европейских странах.	Эпоха марксизма и укрепление социал-демократии. Каутский, Бебель, Либкнехт. Ревизионизм в Германии. Э. Бернштейн, Давид. Синдикализм во Франции. Нов. тред-юнионизм в Англии. II Интернационал 1889. Империализм. Гильфердинг, Р. Люксембург.	«Союз социальной политики» и Эйзенахский с'езд. Вагнер, Шмоллер, Шенберг, Шеффле и другие. Австрийская школа. Менгер, Бем-Баверк, Вальрас, Джевонс, Кларк и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От автора 3
Введение 5

ЧАСТЬ I.

Буржуазные экономисты.

Глава I. Меркантилизм 13
» II. Физиократизм 25
» III. Классическая школа 40
А. Смит 44
» IV. Классическая школа 64
Р. Мальтус 66
Д. Рикардо 73
» V. Последователи классической школы в разных странах. 90
Ж.-Б. Сэй 92
К. Тюнен 95
Г. Кэри 99
Ф. Бастиа 102
» VI. Критика и оппозиция классической школе 109
Дж. Ст. Милль 111
С. де-Сисмонди 116
» VII. Историческая школа 126
» VIII. Возрождение абстрактной экономии 142
Психологическая школа 146
Математическая школа 149

ЧАСТЬ II.

Социализм.

Глава I. Общее понятие и системы социализма 157
» II. Утопический социализм XVI—XVII в.в. 168
» III. Социализм революционной эпохи и великие утописты. 177

Стр.

Г. Сен-Симон 181
Ш. Фурье 190
Р. Оуэн 197

Глава IV. Начало рабочего движения и социализм первой половины XIX в. 204

Э. Кабе 208
Л. Блан 213
В. Вейтлинг 216

» V. Прудон и анархизм 218

П. Ж. Прудон 222

» VI. Научный и государственный социализм 227

К. Родбертус 233
Ф. Лассаль 245

» VII. Карл Маркс и марксизм 248

» VIII. Школа Маркса и ревизионизм 301

Приложение.

Синхронистическая таблица 323

АКАДЕМИИ